

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Минский государственный лингвистический университет

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Минск, 2–3 октября 2015 г.

Минск МГЛУ
2016

УДК 81
ББК 81.0
У59

Рекомендованы Редакционным советом Минского государственного лингвистического университета. Протокол № 2 (43) от 6 апреля 2016 г.

Редакционная коллегия: Н. В. Фурашова (*ответственный редактор*), Н. Е. Лаптева, Е. В. Зуевская

Универсальное и национальное в языковой картине мира:
У59 материалы Междунар. науч. конф., Минск, 2–3 окт. 2015 г. / редкол. :
Н. В. Фурашова (отв. ред.), Н. Е. Лаптева, Е. В. Зуевская. – Минск :
МГЛУ, 2016. – 256 с.
ISBN 978-985-460-747-4.

В материалах сборника освещаются проблемы соотношения универсального и культурно обусловленного в картинах мира, зафиксированных разными языками, рассматривается роль сходств и различий между ними в процессах межкультурной коммуникации, обучении иностранным языкам, а также в переводческой деятельности и литературоведении.

Предназначается для специалистов в области лингвистики, переводо- и литературоведения, преподавателей иностранных языков, а также аспирантов гуманитарных специальностей.

УДК 81
ББК 81.0

ISBN 978-985-460-747-4

© УО «Минский государственный
лингвистический университет», 2016

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Международная научная конференция «Универсальное и национальное в языковой картине мира», состоявшаяся 2–3 октября 2015 года в Минском государственном лингвистическом университете, была посвящена изучению языковых картин мира. Возможности, открывающиеся на современном этапе развития лингвистики в рамках когнитивной парадигмы, дают новый толчок для проведения исследований, в которых картины мира в отдельно взятых языках не просто изучаются, а сопоставляются с целью найти ответ на вопрос о причинах сходств и различий между ними. Такой подход позволит ученым углубить теоретические познания о разных языках, а также внести вклад в сферы прикладного характера, в частности, повышение эффективности обучения иностранным языкам, совершенствование переводческой деятельности и т.п.

Конференция, материалы которой представлены в данном сборнике, стала научной встречей 100 лингвистов из 5 стран ближнего и дальнего зарубежья: Беларуси, Германии, Нидерландов, России и Украины. На пленарном заседании выступили известные лингвисты профессор А. Ченки (Нидерланды), профессор Р. Фогель (Германия), доктора филологических наук Л. И. Богданова (Россия), Н. Н. Миронова (Россия), А. М. Горлатов (Беларусь), Е. Г. Задворная (Беларусь). Научная дискуссия была продолжена в работе секций по пяти проблемным полям: «Языковая и концептуальная картины мира», «Теория конструктивизма в преподавании языков», «Межкультурная коммуникация: проблемы и перспективы», «Переводоведение в аспекте межкультурной коммуникации», «Литературоведение в аспекте межкультурной коммуникации». Результаты своих исследований представили как уже получившие признание ученые, так и начинающие исследователи.

Общность научных интересов, объединившая лингвистов в рамках данной конференции, плодотворность дискуссий, а также новые научные и личные контакты, возникшие в их ходе, были высоко оценены всеми ее участниками и станут основанием для одноименного научного форума, который пройдет 14–15 октября 2016 года.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Л. И. Богданова (Москва, Россия)

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА СЛОВА В АСПЕКТЕ УНИВЕРСАЛЬНОГО И СПЕЦИФИЧЕСКОГО

В семантике каждого языка есть отражение и общечеловеческого компонента культуры, и своеобразие национальной культуры конкретного народа. По словам Ю. Н. Караулова, «национальное пронизывает все уровни организации языковой личности, на каждом из них приобретая своеобразную форму воплощения» [1, с. 42], но, обладая уникальными национально-культурными характеристиками, народы и государства не могут быть «островами без общения»: взаимное понимание между ними все же возможно. Свойственный языку взгляд на мир отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков, смотря на мир через призму своих языков, могут видеть его немного по-разному.

Межкультурная общность языков мира обеспечивает возможность перевода с одного языка на другой и составляет основу для взаимопонимания. Тем не менее один и тот же объект может быть по-иному «увиден» представителями разных лингвокультурных сообществ. Так, например, в русском языке *швейная иголка* имеет *ушко*, а в английском – *глаз*. В русском языке *окно* (ср. *око*) – это своего рода ‘глаз’ (дома), а в английском *window* (ср. *wind* ‘ветер’) – ‘глаз ветра’. Универсальное и специфическое ярко проявляется во внутренней форме слов в разных языках [2, с. 43–45]. При этом объективная внутренняя форма нередко совпадает: *водопад* (рус.) – *waterfall* (англ.) – *Wasserfall* (нем.); *снегопад* (рус.) – *snow-fall* (англ.) – *Schneefall* (нем.). Однако подход сознания к миру чаще всего субъективен, поэтому совпадение признаков, положенных в основу номинации, может быть лишь частичным. Так, в английском и немецком языках *подсолнечник* был «увиден» и осмыслен одинаково – как ‘солнечный цветок’: *sunflower* (англ.) – *Sonnenblume* (нем.), а в русском языке *подсолнечник* (букв. ‘под солнцем’), во французском – *tournesol, soleil* (букв. ‘повернутый к солнцу’). Различия во внутренней форме имеют и следующие соответствия: *подснежник* (рус.) (букв. ‘находящийся под снегом’) – *snowdrop* (англ.) (букв. ‘снежная капля’) – *Schneeglöckchen* (нем.) (букв. ‘снежный колокольчик’) – *perce-neige* (фр.) (букв. ‘пробивающийся сквозь снег’). В разных языках одни и те же предметы могут называться по их разным свойствам, и таким образом выявляется идиоэтнический компонент субъективной внутренней формы. Сравните: цветок *одуванчик* (от глагола *дуть*) в диалектах русского языка называется *молоканка*, а в немецком языке – *Löwenzahn* (букв. ‘зуб льва’). Сравните также: *лютик* (рус.) (букв. ‘маленький и лютый’) – *Butterblume* (нем.) (букв. ‘масляный цветок’) – тот же признак отражается и в английском названии *buttercup* (букв. ‘масляная чаша’); *веснушки* (рус.) (внутренняя форма связана с *весной*) – *Sommersprossen* (нем.) ‘летние всходы’ – *sun-spots* (англ.) ‘солнечные пятна’. Особый вид сходства представляют собой те случаи, когда

признаки, не являясь полностью тождественными, относятся всё же к одному и тому же тематическому ряду: (рус.) *подошва* горы и (нем.) *Fuss eines Berges* (букв. 'нога горы'), (рус.) *копна волос* и (нем.) *Haarwald* (букв. 'лес волос'). Эти примеры показывают, как одно и то же понятие осмысливается народами с разных сторон.

Как известно, первоначально предметы могли получать свои имена мотивированно, но затем в результате «семантической эрозии языка» очень многие слова утратили мотивированность своего значения (*чернила, бельё, белка, творог*), другая же часть слов сохранила ту или иную связь между значением и звучанием (ср. названия грибов: *подберёзовик, подосиновик, опенок, моховик, боровик, поганка, мухомор* и т.д.), а некоторые слова, напротив, приобрели новую внутреннюю форму, которой изначально у них не было (ср. слово *близорукий* реально не было связано с *рукой*, изначально *близ(о)зоркий* – ср. *дальнозоркий*). Источником языковой номинации служит, как правило, тот признак, который прежде всего бросается в глаза и может обладать «памятью» языковых значений. В целях обучения точности перевода следует обращать внимание даже на исчезающую внутреннюю форму. Студентам, изучающим как русский, так и иностранный языки, полезно знать, что слова *нора, нырять, проныра, норка, понурый*, объединённые общей семой 'вниз', обладают одинаковой внутренней формой: *нырять* – погружаться в воду, т.е. опускаться вниз; *проныра* – проворный человек, подобный ныряющему (т.е. он периодически появляется и исчезает); *норка* – ныряющее животное; *нора* – жилище внизу; *понурый, понурить голову* – опустить голову вниз [3, с. 144]. Утраченное в русском языке слово *ула*, первоначально имевшее значение 'дыра, отверстие, дупло' (затем – 'вход, ворота, проход между домами'), помогает увидеть общий образ в словах *улица, улитка, улей*. В других языках данные слова не имеют ничего общего между собой. Так, например, в немецком языке *Bienenkorb* ('улей') буквально значит 'корзина для пчел', слова *Straße* 'улица' и *Schnecke* 'улитка' семантически не связаны [3].

«Оживление» внутренней формы, ее «воскрешение», обнаружение скрытых смыслов является одним из самых характерных приемов поэтической речи. В стихотворении В. Хлебникова «Чад-птица» (*За мыселем кружевом, кружевом – тужевом, тын мой возник...*) слово *кружево*, по аналогии попадая в ряд отглагольных поэтических окказионализмов с суффиксом *-ев(о)*: *тужево* от *тужить*, *мыселево* от *мыслить* (ср. общеизвестные слова *курево, варево* того же типа), обретает утраченную связь с глаголом и внутреннюю форму: *кружить* – *кружево*. В стихотворении «Заклятие смехом» В. Хлебников порождает слова с внутренней формой, мотивированной глаголом *смеяться*: *О, рассмейтесь, смехачи! О, засмейтесь, смехачи! Что смеются смехами, что смеяньствуют смеяльно...* (ср. *смехачи* – *трубачи, циркачи; пьяньствуют* – *смеяньствуют*).

Богатый материал для обучения переводчиков дает сопоставительное изучение метафор, которые, как известно, формируют семантическую внутреннюю форму слова. Так, установлено, что в европейских языках

прилагательное *теплый* приобретает метафорическое значение ‘приятный’, ‘приветливый’, ‘активный’, а прилагательное *холодный* – значение ‘бесчувственный’, ‘вялый’. Этот общий тип переноса получает в каждом языке свое дополнительное национально-культурное значение. Проведенные сопоставительные исследования позволили В. Г. Гаку сделать вывод, что в русском языке чаще, чем во французском, используются (в качестве исходного элемента метафоры) слова, обозначающие звуковые впечатления (*глухой лес, глухое место, глухой ворот, глухое платье*), а во французском – слова, обозначающие цвета и краски [4].

Внутренняя форма слова, как отмечает, в частности, Анна Зализняк [5], нередко является составляющей представленного словом концепта. Так, в слове *обидеть*, произошедшем из *об-видеть*, предлог *об-* имеет значение ‘вокруг, огибая, минуя’ (ср. *обнести* кого-то угощением, ‘пронести мимо, не дать’, *обделить, обвесить*). Слово *обидеть*, таким образом, имеет внутреннюю форму ‘обделить взглядом, не посмотреть’. Как показывает семантический анализ, именно дефицит внимания составляет основу прототипической ситуации возникновения того чувства, которое обозначается русским словом *обида* – в отличие, например, от английского *offence*. Специальные исследования показывают, что у одного слова может быть несколько актуальных для языкового сознания парадигматических смысловых связей, которые сосуществуют, не вступая в противоречие. Так, слово *тоска* в русском языке связано этимологически со словами *тщетно* и *тошно*, а также вторичным образом, т.е. в силу наличия одновременно фонетического и семантического сходства, со словом *тесно*. При этом все три варианта внутренней формы слова *тоска* отражаются в его актуальном значении [Там же]. Внутренняя форма слова *доля* (судьба) является также концептуально значимой для понимания сущности судьбы-доли в русском языке.

Итак, внутренняя форма слова, «высвечивая» способ мирозидения того или иного народа, сохраняет историческую память языка, «след вчерашнего видения предмета, которое оттеняет его сегодняшнее понимание» [6, с. 57].

От того, насколько успешно мы будем различать в языках универсальное и специфическое, во многом зависит и эффективность межкультурного общения, и качество перевода, и результативность обучения языкам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : ЛКИ, 2010. – 264 с.
2. Богданова, Л. И. Внутренняя форма слова как способ языкового мышления / Л. И. Богданова // Функциональная семантика и семиотика знаковых систем. – М. : РУДН, 2014. – Ч. 1. – С. 41–50.
3. Сабитова, З. К. Лингвокультурология / З. К. Сабитова. – М. : Флинта ; Наука, 2015. – 522 с.

4. Гак, В. Г. Метафора: универсальное и специфическое / В. Г. Гак // Метафора в языке и в тексте. – М. : Наука, 1988. – С. 11–26.
5. Зализняк, Анна А. Внутренняя форма слова [электронный ресурс] / Анна А. Зализняк // «Кругосвет» : универсальная науч.-попул. онлайн-энцикл. – Режим доступа : http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika. – Дата доступа : 15.05.2015.
6. Мечковская, Н. Б. Социальная лингвистика / Н. Б. Мечковская. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 207 с.

Е. Г. Задворная (Минск, Беларусь)

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧНЫЕ МОДЕЛИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

Из всех областей, связанных с выявлением и интерпретацией общего и специфичного в языке и речи, зона исследования универсальных и национально-специфичных моделей речевого поведения, безусловно, относится к числу самых привлекательных и в то же время самых проблемных и спорных.

Привлекательность ее связана в первую очередь с изучаемым материалом: исследования речевого поведения изобилуют эффектными, яркими, броскими фактическими данными. Так, любому лингвисту (как, впрочем, и специалистам в области этнографии, культурологии, антропологии, социальной психологии и т.д.) будет интересно рассмотреть тот факт, что, например, в японской культуре слушающий может высказываться одновременно с говорящим, причем это воспринимается не как невежливое перебивание, а, напротив, как эмпатийно-кооперативное соучастие в речи собеседника; что носители восточнославянских языков жалуются на жизнь не только значительно чаще, но и значительно изощреннее, вдохновеннее, артистичнее и самозабвеннее, чем представители так называемой англосаксонской культуры; что восточнославянские коммуникативные культуры отличаются впечатляющим набором коммуникативных тактик, реализующих стратегию утешения и т.п.

Что же касается теоретической ценности и методологически-процедурной «отлаженности» основных познавательных механизмов, то проблем в данной области пока, по-видимому, больше, чем решений. Среди этих проблем наиболее серьезными являются следующие.

1. *Несбалансированное соотношение описательности и объяснительности.* Как правило, оставаясь в рамках своей дисциплинарной аксиоматики и методологии, лингвисты могут фиксировать важные тенденции и выявлять определенные закономерности речевого поведения, но испытывают существенные трудности при интерпретации причин их формирования. Иными словами, когда речь идет не о языковой манифестации тех или иных речевых моделей, а об основаниях их выбора коммуникантами, лингвистика

оказывается обреченной на вторжение в области общей и социальной психологии, культурологии, антропологии, этнографии и т.п. Таким образом, возникает неоднозначная дилемма: редукционизм чистого описания (при замыкании в границах своей дисциплины) или рискованность не вполне профессионального теоретизирования (при экспансии в смежные области знания).

2. *Проблема отбора качественного и репрезентативного исследовательского материала и адекватного инструментария его анализа.* В принципе эта проблема очень хорошо осознается большинством исследователей, прекрасно понимающих опасность «коммуникативной клюквы» (И. А. Стернин), т.е. опасность скороспелых суждений на основании частных, порой просто единичных, плохо верифицированных и плохо верифицируемых наблюдений без хорошо отрефлексированной и эксплицитной методики отбора и анализа материала. Но осознание проблемы далеко не всегда обеспечивает реальное использование соответствующих принципов анализа, в которых надежный корпус данных порой подменяется совокупностью разрозненных фактов, методология – мифологией, а теория – порочными кругами ограниченного цитирования.

3. *Неопределенность набора параметров сопоставления моделей речевого поведения.* Выявление универсального и национально-специфичного предполагает четкую фиксацию параметров сопоставления. Но в настоящий момент трудно утверждать, что исследования речевого поведения располагают конечным и достаточно надежным списком таких параметров. Так, ученые часто говорят о необходимости сопоставительного исследования особенностей реализации фундаментальных принципов речевого общения и тактико-стратегической организации общения, но, например, крайне редко упоминают (или вообще не называют) такие характеристики, как соотношение в речевом поведении прямых и косвенных стратегий, баланс содержательных и вспомогательных (метакоммуникативных) компонентов общения, представленность в речевом поведении разновидностей некорректного/деструктивного речевого поведения, социальное отношение к коммуникативным инновациям и открытость коммуникативной культуры по отношению к инокультурным моделям речевого поведения и т.п.

4. *Динамичность моделей речевого поведения.* Модели речевого поведения модифицируются и трансформируются в современном мире так же динамично, как меняется наша социокультурная реальность в целом (наиболее радикальные перемены здесь, безусловно, связаны с развитием электронных форм коммуникации); соответственно исследования моделей речевого поведения без четкой фиксации диахронической системы координат становятся или малоинформативными, или не вполне корректными.

Решение названных проблем при всей их серьезности представляется вполне возможным и предполагает активное использование тех широких возможностей, которые предоставляют в распоряжение лингвистики современные исследовательские технологии (национальные корпуса, сфера Big Data, краудсорсинг и т.д.).

ОТ ОРИГИНАЛА К ПЕРЕВОДУ:
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
ИНОЯЗЫЧНЫХ ФРАГМЕНТОВ

Проблематика изучения иноязычных фрагментов характерна для таких дисциплин языкознания, как лексикология и функциональная стилистика, лексикография и лингвосомиотика. Анализ вторичных текстов отражает весьма разнообразные способы языковой репрезентации иноязычных фрагментов ИЯ в ПЯ: от лексического калькирования до полного отсутствия в ПЯ чужеродного сегмента.

Обозначенная в заглавии проблематика исконно принадлежит к исследованиям в области функциональной лингвостилистики. А. А. Леонтьев предложил в своих работах термин *иноязычное вкрапление*: последнее не принадлежит к системе соответствующего языка и образует сегмент текста. Иноязычные вкрапления представлены в виде классификации, охватывающей четыре уровня языка (лексемный, морфемный, фонемный и уровень звукотипов, которые составляют шестнадцать типов комбинаций языкового явления и языкового уровня).

Иноязычные фрагменты можно встретить в литературе разных стилей и жанров: поэзии и прозе в художественном стиле речи, в текстах публицистического и научного стиля. Но если речь идет о стилистическом (стилевом) эффекте произведения, то прежде всего это явление характерно для художественной прозы. Иноязычные высказывания встречались еще в античной литературе. Из русской литературы назовем роман Л. Н. Толстого «Война и мир», включающий текстовые фрагменты на французском и немецком языках. В российском литературоведении Л. Н. Толстой считается первым русским писателем, который довольно часто использовал иноязычие как стилистический прием. В одном из вариантов перевода на немецкий язык французский сегмент полностью отсутствует [1; 2].

К настоящему времени обозначились критерии, по которым можно определить уровень ассимиляции иноязычных фрагментов, это:

- частотность употребления (что позволяет отнести их от окказиональных к лексическим заимствованиям, зафиксированным в лексикографических источниках принимающей лингвокультуры);
- употребление в синонимических словарях на материале различных языков с пометой «фразеологизм» (сюда можно отнести когнитивно близкие фразеологизмы разных видов: пословицы, крылатые слова, идиомы, составляющие фонд образной лексики ИЯ и ПЯ).

Иноязычный фрагмент как единица перевода обладает различными имманентными семантическими характеристиками. В зависимости от возможности ассимиляции в лексической системе или ее невозможности можно выбрать различные способы передачи смысла единицы перевода в ПЯ. Лакуны, как правило, приводят к заимствованию слова (термина, безэквивалентной лексики, имен собственных (ономастика, топонимы и т.д.).

Исследования на синхроническом и диахроническом уровнях приводят к выводу о том, что интерпретация художественных текстов, содержащих иноязычные вкрапления, опосредована следующими факторами: 1) временем появления произведения, эпохой; 2) индивидуальным стилем автора. Последнее проявляется, в частности, в наличии иноязычной компетенции самого автора.

Выбор варианта обусловлен следующими параметрами: 1) литературным направлением [3]; 2) особенностями коммуникативной ситуации общения [4].

Сопоставительные исследования показывают, что многое в характеристике иноязычного фрагмента в тексте зависит от определенной пары языков. В этом отношении связь русского языка (ИЯ) и немецкого (ПЯ) весьма разнообразно представлена как в исходном, так и целевом тексте *versus* в исходной и целевой культуре.

Переключение русского языкового кода на немецкий, английский, французский, итальянский в литературных текстах на русском языке, как это будет показано ниже, соответствует морфосинтаксическому, фонетическому и лексическому уровням языка. При этом автором учитываются социолингвистические и коммуникативно-прагматические характеристики языковой ситуации, представленной в тексте.

Иноязычные фрагменты имеют различную длину:

- сокращения (*etc.*, *Silb.*, *a la ...*);
- отдельное слово, словосочетания (*oh ja, ja; ganz charmant; vertige; incognito, gentelman; une bonne fortune; beef-steaks; a la lettre; toute reflexion faite*);
- короткое предложение (реплика) (*Addio mia bella!* ‘Прощай, красавица моя!’), надпись на табличках (*Vor Taschendieben wird verwart* ‘Осторожно, карманные воры!’);
- несколько предложений (сверхфразовое единство) монологического или диалогического характера;
- фрагмент текста (имеющий законченный характер: в эпистолярном стиле текст целого письма, отрывок из текста иной лингвокультуры и т.д.).

Переключение языкового кода – предметная область контактной лингвистики, изучающей речь билингва. В речи актуализируются разнообразные стилистические функции иноязычных высказываний в тексте и дискурсе: эмотивная, комическая, образная, референциальная, символическая.

Иноязычные фрагменты, рассматриваемые как единицы перевода, порой остаются непереуведенными в ПЯ. В комментарии приводится, как правило, подробное объяснение значения лексемы, что позволяет читателю понять смысл литературного произведения при сохранении лингвистического кода оригинального текста. При отсутствии переключения лингвистического кода желательно указать на актуализацию в оригинале иноязычного фрагмента, например, при помощи уточнения в переводном тексте «сказал он/она по-немецки». Иначе потери стилистического эффекта неизбежны.

В переводоведении иноязычное высказывание наделено значимостью единицы перевода, оно обладает текстообразующей и смыслообразующей функциями.

В докладе рассматриваются различные тактики и стратегии перевода данной единицы: сноски-переводы, пояснения в самом литературном тексте, иноязычные вставки с последующими комментариями в отдельной части за пределами литературного текста, «остранение» и «одомашнивание», что приводит к множественности переводных текстов, в которых используются различные тактики и стратегии перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстой, Л. Н. Война и мир [Электронный ресурс] / Л. Н. Толстой // Полное собр. соч. : в 90 т. – Т. 9–12. – Режим доступа : <http://tolstoy.ru/creativity/90-volume-collection-of-the-works>. – Дата доступа : 01.08.2015
2. Tolstoi, L. N. Krieg und Frieden [Электронный ресурс] / L. N. Tolstoi // Bibliothek der Weltliteratur. – Режим доступа : <http://www.zvab.com/buch-suchen/titel/krieg-und-frieden-mit/autor/tolstoi/>. – Дата доступа : 01.08.2015
3. Миронова, Н. Н. Типология литературно-критического дискурса Германии / Н. Н. Миронова // Ярослав. пед. вестник : науч.-метод. журнал. – 2000. – № 1. – С. 28–33.
4. Mironova, N. N. Cross cultural socio linguistic aspects of sub-languages [Электронный ресурс] / N. N. Mironova // Interkulturelle Innovationen und Reproduktionen und soziolinguistische Aspekte der Subsprachen in Kulturen und Gesellschaften : Intern. Konf. – Wien, 2005. – Режим доступа : www.inst.at/irics/sektionen_g-m/mironova. – Дата доступа : 01.08.2015.

R. Vogel (Bielefeld, Germany)

COMPONENT ANALYSIS

Following structuralist tradition, Saussurean and Chomskian, a language system in contemporary linguistics is viewed as an ensemble of a *lexicon* containing lexical items (phonemes, morphemes, words, phrasal expressions etc.) and a *grammar* that regulates the combination of lexical items into *linguistic expressions* (mainly words, phrases, sentences with morphological, syntactic and prosodic structure). Any linguistic expression in itself is analysed as a sign very much in the Saussurean sense, that is, as a particular linguistic form that is paired with a particular meaning or function (henceforth I will use the notion *function* for both). Both sides, form and function, are intimately bound together like the two sides of the same coin.

This very general characterisation is true of every language. Three core linguistic subdisciplines can be related to the three different aspects of the linguistic sign: phonetics/phonology cover the form of the sign, semantics/

pragmatics cover its function, and morphology/syntax (henceforth: morphosyntax) cover the sign itself, i.e., <form:function> combinations. *Morphosyntax is radically different* from phonology and semantics in that for the latter two we have universal representational languages, for instance the international phonetic alphabet (IPA), formal logic and all kinds of mentalist, cognitivist models of meaning and thought.

We assume that every speaker of every language is equally well equipped to articulate particular sounds and think particular thoughts. While it is also true that all speakers of all languages have the same capacity to use arbitrary linguistic signs in their language, there is *no universal inventory* (like the IPA, logical operators, quantifiers a.o.) for <form:function> combinations, from which to draw the inventory of a single language. The sounds we may make and the thoughts we may think are universally the same for all languages, but the signs we may use are not.

This core insight of early structuralism (*Saussurean arbitrariness*) expresses a fundamental difference between phonology and semantics on the one hand, and morphosyntax on the other. However, efforts to spell out morphosyntactic universals and the quest for such universals have dominated much of the field in the last decades. It has been taken for granted, for instance, that categories of *meaningful units* like the morpheme, the word, the phrase and the sentence are universal at least to the extent that every language has these units and uses them as core building blocks in morphosyntax. In other words, despite Saussurean arbitrariness, there holds a widely spread belief about the prototypical form of meaningful units (i.e., morphemes, words, phrases, sentences). In addition to that, there are universal categories for them like verb, noun, verb phrase, noun phrase etc., in addition to likewise universal inflectional categories like case, tense, aspect, person, number etc., which might be realised in radically different ways in languages, or even not at all, but nevertheless certain universal tendencies can still be formulated.

The notion of *meaningful unit* that I am using here is borrowed from the classic definition of the morpheme as the smallest meaning-bearing unit, or, to put it differently, all units that have a non-compositional meaning/function. Mismatches between form and function with respect to the atomicity of forms and functions have been recognised for long times. The advent of *constructionist* theorising has called into question a dominating strictly isomorphic view that assumes parallel composition of form and function. A construction in the relevant sense is a linguistic sign that has non-compositional meaning and that consists of several *components* on the form side. In this paper, I will briefly explicate and motivate (*form*) *component* as a theoretical notion, propose a place for it in grammatical theory and show its usefulness in grammatical analysis.

Mono- vs. Multicomponentiality. Let us begin with a simple non-constructional unit, a word. We use the example of the German word for 'table' 'Tisch', which combines the phonetic form [tɪʃ] with the meaning '↖' into the sign: <[tɪʃ]: ↖ >. The form [tɪʃ] consists of three segments. These three adjacent segments together constitute one single form component. This is in accordance with the standard definition of the morpheme. Now, when do we have

more than one component? The answer is that we need to be able to *distinguish* components. Two situations suggest themselves. Two components of the same sign:

- 1) are discontinuous;
- 2) are two different kinds of entities.

We will discuss these variants in turn. Two further possibilities, where even adjacent components can be distinguished, are the following ones. One component may:

- 1) be changed without changing the other component;
- 2) remain unrealised, whereas the other is realised.

We will come to these later, too. Natural candidates for multi-componentiality are collocations and phrasal idioms, as these are syntactically complex units with a non-compositional meaning. However, syntactic complexity does not necessarily go hand in hand with multi-componentiality, as the following example shows:

(1) *Ich glaub', mein Schwein pfeift!*

I think my pig whistles (literally)!

~ collocation with exclamative sentence mood, expressing anger and/or surprise.

Every aspect of the form in (1) is fixed, i.e. the slightest change would lead to a loss of the collocational meaning. Even the inflection of the main verb *glaub* which involves apocope of the final schwa, may not be changed to the schwa variant *glaube*. Main accent has to be on the pre-final word *Schwein*.

(1) cannot be embedded either:

(2) *Sie sagte, sie glaube ihr Schwein pfeife.*

She said she believe-subj1 her pig whistle-1subj

~ no collocational meaning.

Thus, in component analysis, the whole sentence (1) is a linguistic sign that has only one component. Things are different with more flexible idiomatic phrases. Consider the German phrase *ins Gras beißen* which literally means 'bite into the grass' and has the idiomatic meaning 'to die'. Clearly, this phrase consists of two identifiable syntactic constituents, the verb *beißen* and the prepositional phrase (PP) *ins Gras*. They are of different syntactic category (V vs. PP) and discontinuity of the two elements is also possible:

(3) *Ins Gras hat er gebissen.*

Into the grass has he bitten.

'He died'.

Likewise, while the PP is morphosyntactically fixed, cannot be modified, the verb may be inflected for tense, mood, person and number, or may be realised in an infinite form. Thus, criterion 3 mentioned above is also fulfilled here.

Component analysis provides a straightforward way to account for ambiguities:

(4) *Fritz hat sich verkauft.*

Fritz has SELF ver-buy (participle).

a) *Fritz has sold himself;*

b) *Fritz has bought the wrong thing(s).*

Sentence (4) has one particular syntactic constituent structure, but it is nevertheless lexically ambiguous. How does this come about? The crucial factor is the derivational prefix *ver-*: if it is prefixed to the verbal root *kaufen* ‘buy’, the result is the complex verb *verkaufen* with the meaning ‘sell’. This is the base for reading (4a). Here, the reflexive pronoun *sich* is the accusative object of the verb, realising the theme role of *verkaufen*. In reading (4b), the prefix *ver-* and the reflexive *sich* are two different components of a construction-like complex lexeme which in combination with activity verbs leads to the meaning ‘do X wrongly’ where X is the activity denoted by the verb. The reflexive *sich* is again in the accusative, but has no own semantic contribution, apart from being a component of the *sich ver-* construction.

Thus, while the constituent structure is identical in both cases, there are two different underlying lexical analyses: interpretation (4a) results from the combination of the verb *verkaufen* with the subject “Fritz” and the object *sich* whereas according to reading (4b) the *sich ver-* construction is combined with the activity verb *kaufen* and the Subject *Fritz*. The *sich ver-* construction has two components of clearly different types, namely the word *sich* and the prefix *ver-*. They might also be non-adjacent as in (5).

(5) *Fritz hat sich heute verkauft.*

Fritz has SELF today ver-buy (participle).

German inflectional morphology shows several cases of multi-componentiality, in particular, some categories are realised by the combination of an inflectional ending with a vowel change. Here, I will discuss the case of the present tense indicative of the German verb classes. Table 1 displays the personal endings that we find uniformly in all classes.

Table 1

Inflectional endings, present tense indicative

person	Sg	Pl
1	-(e)	-
3	-t	(e)n
2	-st	-t

We see that 3Sg and 2Pl have the same inflectional ending *-t*. When a verbal root ends in *-t*, then schwa is inserted in order to keep the attachment of the *-t*-ending visible, as seen in table 2:

Table 2

sagen ‘to say’ and *retten* ‘to save’ – PresInd

person	Sg	Pl		Sg	Pl
1	sag-(e)	sag-		rett-(e)	rett-(e)n
3	sag-t	(e)n		rett-e-t	
2	sag-st	sag-t		rett-e-st	rett-e-t

The strong verb class has an additional vowel change in 3Sg and 2Sg. It consists in “palatalisation” of the root vowel such that a back vowel is fronted (umlaut) whereas a front vowel is raised:

3Sg	2Pl
h <u>i</u> lf-t	h <u>e</u> lf-t
h <u>ä</u> lt	halt-e-t

Inflection for 3Sg in the strong class, as exemplified by the form *hilft*, has two components, the vowel shift from ‘e’ to ‘i’ and the ending *-t*. Vowel and ending are non-adjacent and they are of a different kind: whereas the ending is a particular segment, the component that leads to the vowel change is only the feature [+high]. But now consider the contrast between the forms for *halten*, *hält* vs. *haltet*.

It is striking that *hält* does not seem to have the *t*-ending. It ends in *t*, however, but this *t* is the final segment of the verbal root. Why don’t we observe the same with the 2Pl form? The answer that suggests itself is that it is correlated to the vowel change: the 2Pl form without the *-t* ending would be identical to the bare stem *halt* – a situation that obviously has to be avoided. If this is the best explanation for the contrast between *hält* and *haltet*, then two assumptions about inflection follow:

1) inflection is governed by anti-syncretism requirements (therefore, *haltet* is preferred over *halt* for 2Pl, which would be identical to the root);

2) form components in inflection operate like constraints on output forms (therefore *hält* is sufficient, because it realises both form components, the vowel change and the *t*-ending – and the forms differs from the root due to vowel change).

The second assumption is especially important as it paints a picture of inflection as *constraining word forms* rather than the more familiar picture of inflection as affixation. A verb from the strong verb class inflected for 3Sg, present tense indicative, is a word that ends in *-t* (component 1), has a palatalised stem vowel (component 2) and is different from the bare stem (anti-syncretism).

The vowel change is interesting in itself as under a particular analysis it involves *non-realisation* of a form component. As already mentioned, it involves two features of the verb’s stem vowel, [±front] and [±high]. A back vowel is *only* fronted (*halten* – *halt*), whereas a front vowel is raised (*helfen* – *hilft*). As this is absolutely regular and predictable from phonological properties, we would not want to posit two morphological subclasses where the verbs of one class undergo vowel fronting and those of the other class undergo raising. If we assume only one class, we need both features as separate components and have to assume that only one of the two components may be realised. So we reach the following component analysis for this case:

(Component analysis of 3Sg, PresInd, strong verb class:

Component 1: *-t*-ending

Component 2: feature [+front] of the stem vowel

Component 3: feature [+high] of the stem vowel

Why, then, do we not get the form *hilt* for *halten* with both component 2 and 3 realised? The answer can be given within an optimality theoretic analysis where realisation of the inflection components is countered by faithfulness such that only one feature of the stem vowel may be altered and constraint ranking gives precedence to a change of the feature [$\pm$ front] over changing the feature [$\pm$ high].

While this case of non-realisation of a component could be called into question as it is theory-driven, two other cases are quite clear. The first case is the formation of the perfective participle which involves two components in the weak class and three in the strong class:

	infinitive	perf. participle	perf. part. w/be-prefix
weak class ('win'- 'defeat')	sieg-en	<u>ge</u> -sieg- <u>t</u>	be-sieg-t
strong class ('sing'- 'praise')	sing-en	<u>ge</u> - <u>sung</u> - <u>en</u>	be- <u>sung</u> - <u>en</u>

In the weak class we have two components, the prefix *ge-* and the suffix *-t*. In the strong class, we again have the *ge-* prefix, the suffix is *-en* and in addition we have ablaut on the stem vowel. In both classes, however, the *ge-* prefix is omitted, if the verb is already prefixed by another schwa prefix. More precisely, *ge-* may in fact only occur, if the initial syllable of the stem, the one that follows *ge-*, carries main accent. That is, occurrence of *ge-* is determined phonologically, but those conditions only apply to the prefix component and do not affect the suffix component. Furthermore, there is no independent ban on two initial schwa syllables in words, as can be seen from words like *ver-ge-meinschaften* ('to communitarise') or the verbal prefix *zu* which may also be reduced to a schwa prefix phonetically, as in *zu besiegen* ('to defeat'). Hence, the rule that governs the (non-)insertion of *ge-* is prosodic, but it is not a general prosodic rule of German. Instead, it is particular to that prefix, as one of the components of the participle.

Our final case is the German perfect construction. It has two components, an auxiliary (a finite or infinite form of either *sein*, 'to be', or *haben*, 'to have') and a perfective participle. There are several variants of this construction where one or the other component can be left out.

- (6) a. *Maria hat Fritz besiegt.*
M. has F. defeated
 b. *Nachdem Maria Fritz besiegt.*
after M. F. defeated
 c. *Maria hat gewinnen wollen / *gewollt*
M. has win want-inf. / *wanted

Example (7a) illustrates a usual perfect construction. Both components are non-adjacent. While the auxiliary is inflected, the participle remains unaltered. So the construction fulfills the heuristics for componenthood introduced above. (6b) is an example of a so-called *afinite construction* that can be found regularly in corpora from the early new high German period. Here the auxiliary is simply missing. This is therefore again a case of non-realisation of a component.

(6c) illustrates a regular pattern in contemporary German: if modal verbs (along with causative *lassen*, ‘to let’ and perception verbs) embed another verb, then the participle is avoided in favour of the infinitive. What remains unrealised here is the participle morphology only.

Limitations of space do not allow to present a formally more explicit analysis of the proposal sketched here. The general idea is that the observation of non-realisation or partial realisation of form components requires a grammar theoretical framework that can deal with constraint violation, like Optimality theory. The analysis then can be carried out in a fashion familiar from OT phonology. Pattern components are treated like phonological features. The interaction of constraints that require faithfulness to components with general phonological and morphosyntactic markedness and faithfulness constraints then derives the grammar of constructions and construction-like linguistic units and their combination.

ЯЗЫКОВАЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ КАРТИНЫ МИРА

Е. В. Бабенко, А. А. Голубчик (Киев, Украина)

ОСОБЕННОСТИ МНОГОУРОВНЕВОЙ СТРУКТУРЫ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Представления людей о мире, исторически сложившиеся в сознании языкового коллектива, целостный образ мира, в формировании которого участвуют все стороны психологической деятельности человека, определяют собой языковую картину мира. Культура каждого народа, как известно, вербализуется в языке, а язык отражает ключевые элементы культуры, воспроизводя их в словах.

Языковой вопрос на данном этапе развития человечества стоит особенно остро, в связи с ускоренными темпами развития научно-технической сферы. Изучением языковой картины мира занимаются такие науки, как этнолингвистика, социоллингвистика, психоллингвистика и т.п. Исследование языковой картины мира как целостной системы дает нам возможность четко сформировать новый взгляд на традиции народов, специфику их языков и мышления.

Следовательно, актуальность темы данного исследования, прежде всего, обусловлена нынешней языковой ситуацией в мире. В частности также необходимостью анализа языков разных народов мира, их традиций и специфических особенностей. Данное направление исследований также способствует глубокому анализу внутреннего мира человека через языковые особенности.

Цель нашего исследования заключается в рассмотрении особенностей многоуровневой структуры языковой картины мира.

Изучение языковой картины мира остается достаточно неопределенным феноменом, хотя данной междисциплинарной проблеме посвящено немало работ многих ученых всего мира, в частности этим вопросом занимались Ю. Д. Апресян, В. В. Воробьев, Е. В. Иванова, Ю. Н. Караулов, А. А. Уфимцева и др. Лингвокультуролог В. А. Маслова считает, что «языковая картина мира – это общекультурное достояние нации, она структурирована и многоуровнева. Именно языковая картина мира обуславливает коммуникативное поведение, понимание внешнего и внутреннего мира человека» [1, с. 296].

Исследователь С. М. Меджинова придерживается мнения, что в ходе личностного развития человек усваивает, с одной стороны, те элементы картины мира, которые характерны для определенного социума, т.е. определенные стереотипные представления народа, с которым личность себя идентифицирует. С другой стороны, собственный опыт освоения мира создает индивидуальные представления. Специфика формирования картины мира в сознании индивида, многоуровневость формирования накладывают

отпечаток на результат этого процесса, так как данная картина не является чем-то однородным. Например, образы мира значимых для личности взрослых или сверстников могут иметь различную природу, поскольку они могут быть стереотипными для языковой общности или строиться на индивидуальных представлениях. Кроме того, отмечает исследователь, в макро- (общество в целом) и микросоциумах (референтные для человека группы) бытует несколько моделей мира (мифологическая, художественная, научная и т.д.), уровень усвоения которых личностью может быть разным [2].

Языковеды многих стран выделяют три уровня языковых картин мира: 1) идиолект (вариант языка, используемый одним человеком, который выражается в особых принципах подбора слов и грамматических особенностях, а также словах, выражениях, идиомах или произношении, которые характерны исключительно для данного человека); 2) диалект (разновидность языка, которая употребляется как средство общения между людьми, связанными между собой одной территорией); 3) узус (массовая и регулярная воспроизводимость данной единицы языка, закрепленной в общественном употреблении). Анализируя языковые картины мира на этих уровнях можно проследить становление языковой картины мира определенного сообщества.

В противовес мнению, что есть столько языков, сколько людей, И. А. Бодуэн де Куртенэ утверждал, что реально существует только один язык. Правильность этой мысли не вызывает сомнения, а вот парадоксальность заключается в следующем: если люди говорят по-разному, как они понимают друг друга? Соссюр доказывает, что язык – это система средств общения (слова, схемы словосочетаний, звуки, модели предложений и отношения между этими единицами), которая существует в сознании носителей. Язык – явление социальное. Но оно носит индивидуальный характер и зависит от возраста, пола говорящего, его воспитания, образования, положения в обществе, темперамента, состояния здоровья и многих других особенностей и примет, присущих конкретному человеку. Если язык отражает историю народа, его быт, национальный характер, уровень культуры, цивилизованности, то речь представляет внутреннюю сущность носителя этого языка, его возраст, мировоззрение, уровень образованности, воспитанности, его характер, вкусы и т.п.

Каждый человек имеет свой речевой «паспорт», его речь неповторима, как отпечатки пальцев.

Неотъемлемую часть языковой картины мира составляет речь студентов. Молодежный сленг формирует языковую картину мира в сознании личности. Известно, что языковая картина мира молодежи – понятие, которое гораздо шире, чем сленг. Молодые люди владеют литературным языком и в разной степени знают территориальные диалекты регионов, из которых они родом. Однако именно молодежный сленг отражает те реалии и особенности мировоззрения молодежи, которые выделяют их среди других носителей национального языка [3, с. 9].

Итак, языковая картина мира как многоуровневая концептуальная структура имеет три уровня. Концептуальные картины мира в основном представляются идиолектами, картины мира социальных групп – диалектами, на уровне человечества мы говорим о языках. Однако языковая картина мира всегда присуща только определенной национальной общности, в отличие от концептуальной картины. Языковая картина мира ярко отражает социальный, образовательный или культурный пласт развития человечества в определенный период времени. Язык – средство общения, которое выступает в роли зеркала национальной культуры, ее хранителя. Развитие речи неразрывно связано с историей, поэтому определенно можно утверждать, что чем богаче история народа, тем ярче и содержательнее единицы языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маслова, В. А.* Введение в когнитивную лингвистику / В. А. Маслова. – Изд. 3-е, перераб. – М. : Флинта ; Наука, 2007. – 294 с.
2. *Междидова, С. М.* О методологических принципах исследования личности [Электронный ресурс] / С. М. Междидова. – Режим доступа : http://www.psychology.az/about_methodological_principles.php. – Дата доступа : 12.06.2015.
3. *Кудинова, Н. А.* Функциональный аспект языка молодежной субкультуры начала XXI века : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01, 10.02.19 / Н. А. Кудинова. – Курск, 2010. – 20 с.

Ж. Б. Бектурова (Астана, Казахстан)

ЯЗЫКОВОЕ МЫШЛЕНИЕ ЭТНОСА: ДЕТЕРМИНАЦИЯ ОКРУЖАЮЩЕГО ПРОСТРАНСТВА

Люди живут не только в материальном и социальном мире, в значительной степени они находятся во власти конкретного национального языка. Процесс пользования языком всегда протекает в определенной этноисторической среде, а потому он не может не быть воплощением видения мира, этнического опыта во всех их многообразных проявлениях. В связи с этим велика роль языка в процессе культуросозидания. Язык обуславливает мировоззренческие, поведенческие нормы и рассматривается как феномен национальной культуры [1].

Воплощение в языке того или иного концепта и есть материал, который позволяет моделировать фрагменты языковой картины мира этносоциокультурной общности, выявлять специфику национального языкового сознания, на базе которого строится речевое поведение носителей языка.

В виде образа, понятия и символа в материи концепта наряду с содержательной ее формой выступает словесный знак. Одной из форм толкования слов является описание словесных знаков по концептам национального менталитета. Основные параметры выбора признаков этих форм:

- денотативный аспект значения определяется связью лексического значения с явлениями реального мира, несет предметно-логическую информацию об означаемом информанте;
- прагматический определяет назначение слова в языке и речи;
- сигнификативный фактор связывает лексическое значение с понятиями как формой мышления;
- коннотативный компонент отражает «национальный колорит» [2, с. 157].

По определению В. В. Колесова, основная задача ментального описания – «выявление и формулирование семантической доминанты, не изменяющейся с течением времени, как основного признака в содержании выраженного словесным знаком концепта... Язык как форма деятельности предполагает постоянное возобновление концепта во всех его содержательных формах; исторически и системно это инвариант всех возможных “значений”, данный как отношение смысла слова к вещи» [Там же, с. 157–158].

Способ концептуализации реального мира универсален, так как окружающий нас мир является единым для всех людей, в то же время он отчасти национально специфичен, так как реальный мир имеет еще и континуумный характер. Человек делит окружающую его действительность физически, а с помощью языка представляет и отражает это деление: «...носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков...» [3, с. 351]. «Субъективные» системы видения мира сопоставимы, т.е. они переводимы с одного языка на другой. Языковое представление мира есть языковое мышление этноса, его осмысление, интерпретация. Соотношение между некоторым участком мира и его языковым представлением есть языковая ментальность. Мир в определении языковой ментальности – это окружающий человека мир, его языковое представление, также это способ языкового деления мира этносом, человеком. Языковая ментальность определяется этносоциокультурными факторами и соотносится с соответствующей этносоциокультурной общностью (мы можем говорить о русской, казахской, киргизской и других языковых ментальностях).

В казахском языкознании в семантических исследованиях выдвигаются на первый план такие проблемы, как определение этносоциокультурных и других факторов, влияющих на формирование идиоэтнической языковой картины мира; анализ механизмов, обуславливающих расхождение концептуальной картины мира в казахском и в сравниваемых с ним языках [4, с. 105].

Важнейшим фактором этноса являются ландшафтно-климатические особенности территории, которые обеспечивают и влияют на жизнь этноса, отражаясь в некоторых общих чертах хозяйственной деятельности, культуры, быта, менталитета. Так, географические условия Казахстана (степи, пустыни, полупустыни, лесостепи) характеризуются повышенной солнечной радиацией, засушливостью и резко выраженной аридностью, континентальностью и сезонной дифференциацией климата, бедностью почвенных и водных ресурсов.

Исторический физико-географический ареал проживания киргизов – преимущественно горные хребты, предгорные равнины и озера. Неслучайно в киргизском языке насчитывается около ста обозначений элементов горного ландшафта. Общее представление о пространстве у киргизов сложилось в результате освоения горного пространства. «Именно горно-долинный пейзаж для кыргызского скотовода кажется привычным и освоенным», – пишет исследователь З. К. Дербишева [5, с. 97].

Географический ареал обитания русского народа обусловлен разнообразием природных зон: от арктических пустынь, тайги, смешанных и широколиственных лесов до лесостепей и степей.

В казахском, русском, киргизском языках есть довольно много ярких примеров, многосторонне представляющих типы ландшафтов, признаки, свойства физико-географических объектов в:

- *казахском языке*: возвышенных – *адыр, аңгар, астырт, асу, бас, баурай, бет, бел, белес, белең, бөктер, беткей, дөңес, дөң, дөмпей, етек, жандау, жандатпа, жантайма, жота, көшкін, қия, қолат, дүз, ылди, шоқы, шым, үстіртқырат, қыр* и т.п.; пустынных – *аңырақай, бәдия, бетпақ, қуан, шөл, шөлейт, құладүз, дүз, сахара*; низменных – *апан, жыра, жырашық, жыра-жықпыл, қойнау, ой, ойпат, ор, ояң, сай* и т.п.; равнинных – *алқап, өңір, аймақ, тегіс, жазық, алаңқай, өлке, далашық, жабдан, кеңіс* и т.п.; гидрографических – *агын, айдын, айлақ, арна, арық, арық-арна, арық-атыз, атырау, бастау, бөгет, бөгеу, бұгаз, бұлақ, дария, жага, жагала, иірім, кемер, кенере, көлдеу, кірме, қайнар, қайраң, қайыр, қолтық* и т.п.;

- *русском языке*: лесных – *березняк, дубняк, липник, сосенник, бор, редняк, чаща, гуща, роща, тугай, гай, дром, ельник, сосняк, дубняк, кедрач* и т.п.; возвышенных – *гора, холм, бугор, кряж, дюна, взгорок, водораздел*; низменных – *низина, углубление, впадина, яма, овраг, буерак, долина, западина*; равнинных – *равнина, долина, низменность, подолье, полесье*; орографических – *вершина, гребень, гряда, подошва, кряж, косогор, межгорье, нагорье, оползень, отрог, пещера, подгорье, подножие, скат, снежник, складка, хребет, утес* и т.п.; гидрографических – *река, озеро, море, родник, русло, бассейн (реки), водопад, залив, ручей, ручьевина, берег, иаль, брод, бурун, быстрина, водоворот, водоскат, воронка, впадение, гирло, гребень, дно, ерик, заводь, зажора, залив, запруда, затон, исток, лука, мелководье, междуречье, мель, низовье, переузина, плес, пойма, хвост, устье* и т.п.;

- *киргизском языке*: возвышенных – *чоку, кадуу, учма, кудума, чап, сала, бурчук, тологой, тоонун чокусу, калкагар, зоо, эңиш, керүү, заңгел, жөлөңкө* и т.п.; долинных – *талаа, чөл, бозоң, тарагай, өрөөн, түздүк, түзөн* и т.п.; гидрографических – *өрдөш, айрык, суу, откөөл, көбөөл, өйүз, өрдөш, өзөн, жака, өтмөк* и т.п.

Как видим, среда обитания этноса оказывает непосредственное влияние на его самоидентификацию и историческую судьбу. Локально-географический ареал обуславливает деятельность и адаптацию этноса к природным условиям, формирует его языковое видение. Детерминация окружающего

пространства происходит через языковую номинацию и включает определенный набор языковых элементов, являющихся отражением реального мира и результатов гносеологической деятельности народа – носителя языка, аккумулирует в своем содержании наряду со словесным знаком и его лексическим значением некий культурологический концепт, который к собственно языковому представлению добавляет неразрывно связанную с этим языковым представлением внеязыковую реалию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бектурова, Ж. Б.* Ландшафтные наименования русского и казахского языков: лингвокультурологический аспект / Ж. Б. Бектурова. – Павлодар, 2004. – 162 с.
2. *Колесов, В. В.* Жизнь происходит от слова... / В. В. Колесов. – СПб. : Златоуст, 1999. – 361 с.
3. *Аперсян, Ю. Д.* Избранные труды. / Ю. Д. Аперсян. – М. : Шк. «Языки рус. культуры», 1995. – Т. II : Интегральное описание языка и системная лексикография. – 767 с.
4. *Гиздатов, Г. Г.* Концептуальные схемы в когнитивной парадигме лингвистики / Г. Г. Гиздатов // Когнитивная лингвистика конца XX века. – Минск, 1997. – Ч. II. – С. 104–106.
5. *Дербишева, З. К.* Кыргызский этнос в зеркале языка / З. К. Дербишева. – Бишкек, 2012. – 404 с.

С. Е. Борзенец (Минск, Беларусь)

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ АСТИОНИМОВ США КАК ФРАГМЕНТ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Под языковой картиной мира в самом общем виде понимается то, как мы воспринимаем окружающий мир и себя в нем. Более точным и емким представляется определение, данное А. А. Зализняк: «“Языковой картиной мира” принято называть совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных единиц данного языка (полнозначных лексических единиц, “дискурсивных” слов, устойчивых сочетаний, синтаксических конструкций и др.), которые складываются в некую единую систему взглядов, или предписаний» [1, с. 206–207]. О. Корнилов указывает на отражение в лексике соответствующего языка прежде всего среды обитания этноса как одной из составляющих объективного мира [2, с. 123, 283]. Особую роль в отображении картины мира и создании языковой картины мира играет национальная топонимика. Именно непосредственная обращенность к экстралингвистической реальности делает топонимику ценнейшим источником изучения культуры и социального развития народа. Настоящая работа посвящена астионимам США, т.е. топонимам – названиям городов, а именно их стилистическим вариантам.

С точки зрения структуры выделяются следующие типы астионимов.

1. Сокращения:

а) морфемные усечения: *Philly = Philadelphia, Frisco = San Fran = San Francisco, The Lou = St Louis, Chi = Chicago, Cinci = Cincy = The Nati = Cincinnati, Indy = Indianapolis, the Land = Cleveland, St. Pete = St. Petersburg;*

б) аббревиатуры (чаще всего дополненные компонентом *town*): *A-Town = The A = Atlanta, B-Town = Boston, C-Town = Cleveland, D-Town = Denver, The D = Detroit, H-Town = Houston, LA = Los Angeles, A.C. = Atlantic City.*

2. Эллипсис: *Vegas = Las Vegas, Paso = El Paso de Robles, Jersey = Jersey City, The Springs = Colorado Springs.*

3. Искажения: *Berzerkeley = Berkeley, Sacratomato = Sacramento, Laugh At It = Lafayette, To-hell-you-ride = Telluride, Champoo-Banana = Champaign-Urbana, Soviet Monica = Santa Monica.*

4. Метафорические перифразы:

а) именные словосочетания с компонентами *town/city, capital (of the world), gateway, home, land* или другими ведущими компонентами, а также имеющие в своей структуре общеизвестный астионим: *Best Town on Earth = Madisonville, The Cinderella City = Oklahoma City, Pumpkin Capital = Floydada, Gateway to the Orient = Seattle, Home of Microsoft = Redmond, La-La Land = Los Angeles, Big Apple = New York City, Little London = Colorado Springs;*

б) предикативные единицы: *Where the geese fly and the bulls cry = Severance, Where Florida Begins = Jacksonville, Where the Turf Meets the Surf = Del Mar.*

Типы 1–3 имеют сниженный стилистический статус, характерны для разговорного стиля, в то время как за многими единицами типа 4 закреплён статус «полуофициального имени города». Именно этот тип – астионимы – метафорические перифразы – наиболее ценен для реконструкции национальной языковой картины мира.

Астионимы-перифразы США отражают представления о физическом пространстве:

• климат: *The City of Five Seasons = Cedar Rapids, The Windy City = Chicago;*

• географическое положение: *River City = Lawrence, Town Between Two Lakes = Marion, Gateway to the Orient = Seattle;*

• флора: *Azalea City = Takoma Park, Tree Town = Ann Arbour, Tulip City = Holland, Elm City = Keene; Lilac City = Rochester;*

• фауна: *Black Squirrel Capital = Marysville, Elk Capital of Michigan = Atlanta, City of Eagles = Libby.*

Представления о социальном пространстве находим в следующих стилистических вариантах астионимов:

• лидирующая отрасль промышленности/сельского хозяйства: *Motor City = Detroit, Lumber Queen of the World = Muskegon, Cheese Capital of Michigan = Pinconning, Cherry Capital of the World = Traverse City, Mushroom Capital of Michigan = Utica, Apple Capital = Belding, America's Trout Capital = Preston;*

- история: *The Cradle of Confederacy = Montgomery, The Cradle of Liberty = Boston, The Witch City = Salem*;
- культура: *Live Music Capital of the World = Austin, Home of the Blues = Memphis, Kansas City (Missouri) = Jazz Capital of the World*;
- просвещение: *Home of Mark Twain = Hannibal, The Athens of the South = Nashville, The City That Reads = Baltimore*;
- религия: *Saints' Holy City = Salt Lake City, The City of Churches = Jonesboro*;
- отношение к другим: *The City of Brotherly Love = Philadelphia, Where the People are Warm Even When the Weather Isn't = Andover*;
- социальное зло: *Murderapolis = Minneapolis, Murder Capital of America = Washington, D.C., Tallanasty = Tallahassee, Slummerville = Sommerville*.

Особое место в картине мира занимают представления нации о себе. В блоке астионимов-перифраз, актуализирующих таковые, отметим:

1) лексические единицы с яркой положительной семантикой: *The **Pride** of the Swift Growing South = Tuskegee, Colorado **Treasure** = Sterling, **Heaven's** Waiting Room = Sarasota, **Jewel** of the Prairie = Grinnel, City of **Champions** = Joliet, **Everybody's Favourite** City = San Diego, **The Magic** City = Miami, **Garden of Eden** = Galesville*;

2) лексические единицы и конструкции, указывающие на (высокий) статус: ***Queen** City = Seattle, **The Capital of the World** = New York City, **Tomato Capital of the World** = Jacksonville, **The Unique Dining Capital of the World** = Roanoke, **Pecan Capital of the World** = Seguan, **Rose Capital of the World** = Tyler, **America's #1 Wired** City = Tacoma, **Best Town on Earth** = Madisonville*;

3) имена прилагательные и наречия в сравнительной и превосходной степени: *Everything **Better** in Metter = Metter, **The Greatest** Little City = LaGrange, **America's Most Historic** City = Fredericksburg, **More Than You Imagined** = Auburn, **Naturally the World's Purest** Water = Chippewa Falls*.

Выявленные особенности семантики астионимов можно интерпретировать двояко. Во-первых, как идею о том, что «каждый в чем-то да хорош»; во-вторых, как представление о своей исключительности в ряде сфер.

Подводя итоги, заметим, что стилистические варианты астионимов США, отражающие представления нации о социальном пространстве, численно превосходят астионимы, актуализирующие картину физического мира. При этом преобладают единицы, указывающие на лидирующую отрасль промышленности/сельского хозяйства. Таким образом, «фундаментом» представления о человеке/сообществе, с точки зрения американцев, является род его деятельности.

Подчеркнем также значимость самого факта существования системы стилистических вариантов у астионимов США, наличие таковых как у мегаполисов, так и у небольших городов. Тяготение к образному, к максимальной конкретизации в области топонимики следует расценивать как повышенное внимание к характеристикам, составляющим основу индивидуальности того или иного сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зализняк, А. А. Многозначность в языке и способы ее представления / А. А. Зализняк. – М. : Яз. славян. культур, 2006. – 672 с.
2. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : ЧеРо, 2003. – 349 с.

И. В. Борисовская (Белгород, Россия)

РОЛЬ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ИЗМЕНЕНИЯ В НЕМЕЦКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА¹

Вильгельм фон Гумбольдт считал, что языки являются для нации «органами» их оригинального мышления и восприятия. Его последователь Лео Вайсгербер разработал теорию языковой картины мира (*Weltbild der Sprache*), согласно которой каждый язык располагает в своих понятиях единой системой взглядов и определенной картиной мира. Ею владеет каждый член определенного языкового сообщества. Представления, составляющие картину мира, заключены в значениях слов в неявном виде. В качестве иллюстрации языковой картины мира следует привлекать специфические выражения, характерные для конкретного языка. В данной статье речь пойдет о специфическом способе выражения категории изменения в немецком языке. Вслед за логиками под изменением предлагаем понимать не только различные состояния одного и того же объекта во времени, но и движение, процесс, переход. Предмет исследования представлен предложениями, в которых позиция подлежащего реализуется пропозитивным именем, а общая семантика эксплицирует изменение по фазам, например: *Aus dem Fenster kam ein Schrei* 'Из окна раздался крик'; *Sein Interesse erwachte* 'Его интерес проснулся'; *Seine Aufmerksamkeit ließ nach...* 'Его внимание ослабло...'.

В последнее время появились работы по логике изменения, которые дали возможность говорить о наличии в языках помимо предложений бытия еще одного логико-грамматического типа: предложений изменения. Разработка логики изменения идет по двум направлениям: направленности изменения и времени. Язык логики направленности оперирует не только терминами классической логики *существует* и *не существует*, но и такими понятиями как *возникает*, *исчезает*, *уже есть*, *еще есть*, *уже нет*, *еще нет* и т.п. Логика изменения предоставляет совершенный с точки зрения синтаксиса и семантики язык, позволяющий дать строгие формулировки утверждений об изменении объектов. Но она ничего не говорит о конкретных характеристиках изменения и становления, которые мы можем наблюдать

---

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00200.

в естественных языках. В лингвистике уже давно принят термин *бытийные предложения*, имеющий в своей основе посылки классической логики. В отличие от классической логики, на которой базируется выделение класса бытийных предложений в языках, логика направленности допускает четыре типа существования объектов: бытие, небытие, возникновение (становление) и исчезновение. Можно утверждать, что каждый естественный язык располагает инструментарием, имеющим в своей основе данные законы логики изменения. И логики, и философы едины в том, что время – это необходимое условие описания изменения, поэтому в фокусе данных предложений стоит информация о событии, процессе, то есть о том, к чему приложим временной фактор, развитие во времени. Время – это необходимое условие описания изменения, поэтому в предложениях изменения маловероятно употребление имен предметных. Обратим внимание на то, что логики ведут речь об объекте, а не о предмете. Объектом может быть физическая вещь, существующая в пространстве и времени, объективно-реальная ситуация. Предложения изменения несут информацию об изменении по фазам от возникновения до небытия, поэтому следует предположить, что в них должны фигурировать имена событийной семантики.

Именами событийной семантики, прежде всего, считаются отглагольные существительные, т.е. пропозитивные имена. Пропозиция заключает в себе некое событие, которое представляет собой явление действительности, любой факт, пусть даже мелкий и несущественный. Пропозитивное имя конденсирует смысл целого предложения, называет некую ситуацию. К кругу таких имен можно отнести также и неглагольные имена, событийность лексем которых может быть выявлена посредством слов-индикаторов в словарных дефинициях, через синонимические связи с отглагольными именами. Их семантика довольно разнообразна.

В качестве классифицирующего признака для предложений изменения следует выбрать «наблюдаемость», поскольку присутствие наблюдателя характерно для всех предложений данного логико-грамматического типа, и тогда можно выделить события внешнего и внутреннего воздействия на наблюдателя. Материал дает возможность составить более подробную классификацию. Среди процессов внешнего воздействия вычлняются процессы звучания, свечения, вкусового и тактильного ощущения, а среди процессов внутреннего воздействия – эмоциональные и ментальные.

Семантика пропозитивных имен, употребляющихся в предложениях изменения, позволяет выявить звуковые процессы, информирующие об эмоциональном состоянии человека (*Lachen* ‘смех’); звуковые процессы, сообщающие о физиологическом состоянии человека (*Schnarchen* ‘храп’); звуковые процессы, характеризующие акустический способ звучания речи (*Wispern* ‘шопот’); звуковые процессы, характеризующие интенсивность и качество звучания тонов, обусловленных кинетическими действиями человека и природы (*Grollen* ‘раскаты грома’); звуки, издаваемые животными и насекомыми (*Schrillen* ‘стрекот’); звуковые процессы, связанные с речевой деятельностью (*Plauderei* ‘болтовня’) и т.п.

О световых процессах информирует существительное *Licht* ‘свет’ и его синонимы (в определенных контекстуальных условиях) – *Brennen* ‘горение’. Отсутствие света передает *Dunkelheit* ‘темнота’. Переходное состояние между наличием и отсутствием светового процесса характеризует девербатив *Dämmerung* ‘сумерки’, его синоним *Finsternis* ‘мрак’, а также контекстуальный синоним *Abend* ‘вечер’.

Имена абстрактные, отражающие понятие времени, по своей семантике представляют промежутки времени определенной протяженности, к ним относятся: общее понятие времени (*Zeit* ‘время’); единицы измерения времени, служащие эталоном (*Minute* ‘минута’); сутки и время суток (*Tag* ‘день’, *Morgen* ‘утро’); неделя, дни недели (*Woche* ‘неделя’, *Montag* ‘понедельник’); месяцы (*Januar* ‘январь’); время года и год (*Winter* ‘зима’, *Jahr* ‘год’). Существительные, указывающие время длительности работы (*Schicht* ‘смена’) и отдыха (*Urlaub* ‘отпуск’).

Пропозитивные имена, называющие процессы воздействия на органы обоняния, осязания и вкусовые рецепторы – это девербативы, называющие запахи (*Geruch* ‘запах’); существительные, называющие источник запаха (в контексте) (*Parfum* ‘духи’); деадъективы, характеризующие термические процессы (*Kälte* ‘холод’); девербативы, сообщающие о воздействии на вкусовые рецепторы (*Geschmack* ‘вкус’).

Процессы внутреннего воздействия на наблюдателя включают эмоциональные процессы, которые в свою очередь классифицируются на:

- 1) эмоциональные реакции, выраженные мимически и/или пантомимически (*Grinsen* ‘ухмылка’);
- 2) эмоциональные реакции на непредвиденную ситуацию (*Staunen* ‘удивление’);
- 3) ярко выраженное неприятное состояние (*Schrecken* ‘ужас’);
- 4) внутреннее состояние, ощущаемое физически и являющееся амбивалентным с точки зрения восприятия человеком (*Zittern* ‘дрожь’);
- 5) физическое состояние, отражающее неприятное воздействие на интерорецепторы (*Würgen* ‘удушьё’);
- 6) эмоциональные отношения (*Neigung* ‘симпатия’);
- 7) эмоциональные состояния (*Hoffnung* ‘надежда’).

Ментальные действия включают:

- мыслительные процессы, связанные с запечатлением, сохранением и воспроизведением прошлого опыта (*Erinnerung* ‘воспоминание’);
- мыслительные процессы, связанные с аналитическими психическими действиями (*Vergleich* ‘сравнение’).

В естественных языках существуют предложения, в которых некому признаку, свойству, событию глаголом приписывается характеристика развития во времени по фазам *небытие – возникновение (становление) – бытие – исчезновение*. Признак, свойство, событие в структуре предложения представлено именем событийной (пропозитивной) семантики. Их семантика очень разнообразна, о чем свидетельствует приведенная классификация. Анализ сочетаемостей пропозитивных имен в рамках предложений изменения позволит выявить образы, хранящиеся в немецкой языковой картине мира.

ПИЦЦА ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА
(на материале немецкого языка)

Фразеологическая картина мира является частью языковой картины мира, которая, в свою очередь, связана с культурой народа – носителя языка. Одной из составляющих культуры в целом является гастрономическая культура, которая изучается в рамках *гастики* – науки о знаковых и коммуникативных функциях пищи и напитков [1, с. 9].

Пищевые компоненты в составе фразеологизмов, с одной стороны, передают культурные особенности каждого национального стола, с другой – приоткрывают дверь в мир в целом, т.е. в них одновременно представлены элементы и национального, и глобального. Такие языковые единицы могут рассказать о том, как питался народ в течение столетий, чему отдавал предпочтение в городе и в селе, какие кушанья стали традиционными для конкретного этноса, а какие интернациональными.

На основе 230 фразеологизмов, отобранных из толковых, переводных и фразеологических словарей и имеющих в своем составе пищевые компоненты (продукты питания и напитки), были установлены наиболее и наименее частотные компоненты. Лидерами являются лексемы *Brot* ‘хлеб’ (28 единиц), *Eier* ‘яйца’ (18), *Suppe* ‘суп’ (14), *Wurst* ‘колбаса’, *Apfel* ‘яблоко’ (по 11 единиц), *Fisch* ‘рыба’, *Milch* ‘молоко’ (по 10 единиц). Лишь незначительно уступают им компоненты *Salz* ‘соль’, *Nuss* ‘орех’, *Brei* ‘каша’, *Butter* ‘масло’. Доминирование названных выше компонентов представляется закономерным, поскольку немецкие кулинарные традиции достаточно устойчивы и берут свое начало от времен древних германских племен. Холодный климат обусловил необходимость в сытных продуктах и напитках. Кроме того, большинство фразеологизмов возникло в языке простого народа, употреблявшего простые и недорогие продукты. Все вышесказанное обусловило доминирование выше названных гастрономических компонентов.

Так, трудно переоценить значимость хлеба, который на протяжении многих столетий являлся одним из основных продуктов питания и играл важнейшую социальную роль (*Wes Brot ich esse, des Lied ich singe* ‘Чей хлеб жую, того и песенки пою’, *sein Brot verdienen* ‘зарабатывать себе на кусок хлеба’, *hartes Brot* ‘тяжелый хлеб’). В немецкой фразеологии хлеб нередко сочетается с компонентами *соль* или *масло*, символизируя в обоих случаях достаток, благополучие. Иметь ежедневно хлеб с маслом мечтала каждая семья (*sich die Butter vom Brot nicht nehmen lassen* ‘не дать себя в обиду’, *nicht das Salz zum Brote haben* ‘жить в крайней нужде’), так же, как яйца (*besser heute ein Ei als morgen ein Kücklein* ‘лучше сегодня яичко, чем завтра курочка’) и колбасу.

Немцы считаются мировыми рекордсменами по производству и употреблению колбасы, поэтому неслучайно данный компонент довольно частотен во фразеологии их языка. Колбаса издавна присутствовала и сейчас

ежедневно подается на стол немцев. Значимость данного продукта подчеркивает фразеологизм *Es geht um die Wurst!* ‘Либо пан либо пропал!’ (букв. ‘речь идет о колбасе’).

Молочные продукты во фразеологии немецкого языка в основном представлены лексемами *Milch (aussehen wie Milch und Blut* ‘выглядеть как кровь с молоком’, *das Land, wo Milch und Honig fließt* ‘страна изобилия (с молочными реками и кисельными берегами’)), *Butter (bestehen wie Butter an der Sonne* ‘совершенно оробеть’), *Käse* ‘сыр’ (*Käse reden* ‘говорить чепуху’). Общеизвестно, что молоко – ценный продукт питания, а материнское молоко считается символом чистоты, началом жизни (*etwas mit der Muttermilch eingesogen haben* ‘впитать с молоком матери’ в значении ‘с раннего детства усваивать ценности’). Еще с библейских времен молоко символизирует пищу богов, райскую пищу. В немецком языке в этом случае компонент *молоко* используется в сочетании с лексемой *мед*: *das Land, wo Milch und Honig fließt* ‘изобилие’ (букв. ‘страна, в которой текут молоко и мед’).

Доминирование вышеназванных компонентов предполагалось априори, поэтому особый интерес представляли редкие пищевые компоненты, встречающиеся в материале не более 1-2 раз: *Aale* ‘угорь’, *Banane* ‘банан’, *Braten* ‘жаркое’, *Brezel* ‘крендель’, *Brühe* ‘бульон’, *Fleisch* ‘мясо’, *Frucht* ‘фрукт’, *Gemüse* ‘овощи’, *Hecht* ‘щука’, *Kaffee* ‘кофе’, *Kirschen* ‘вишни’, *Nudeln* ‘лапша’, *Pfifferling* ‘лисичка (гриб)’, *Pilze* ‘грибы’, *Rahm* ‘сливки’, *Rosinen* ‘изюм’, *Sardinen* ‘сардины’, *Semmeln* ‘булочки’, *Senf* ‘горчица’, *Tee* ‘чай’, *Traube* ‘виноград’, *Zucker* ‘сахар’.

Анализ данных компонентов позволил обнаружить несколько причин, объясняющих их редкое использование:

1) редкий компонент является разновидностью основного продукта, (достаточно) широко представленного в немецкой фразеологии, т.е. гипонимом (*Brezel* → *Brot*, *Aale*, *Sardinen*, *Hecht* → *Fisch*, *Pfifferling* → *Pilze*, *Braten* → *Fleisch*, *Brühe* → *Suppe*, *Kirschen*, *Traube* → *Frucht*) или, наоборот, редкий компонент является гиперонимом для ряда продуктов, достаточно частотных в нашем материале (*Gemüse* – *Kohl*, *Zwiebel*, *Tomaten*, *Gurken*; *Frucht* – *Kirschen*, *Traube*, *Apfel*, *Birne*; *Fisch* – *Aale*, *Hecht*, *Hering*, *Sardinen*);

2) продукт не типичен для традиционной немецкой кухни и стал популярным в народе относительно недавно (*Banane*, *Kaffee*, *Tee*, *Zucker*, *Rosinen*, *Senf*);

3) диалектное название продукта (*Semmeln* → *Brötchen* → *Brot*).

Однако ни один из названных критериев не объясняет редкое употребление лексем *Nudeln*, *Rahm*.

Таким образом, в большинстве случаев источником фразеологических единиц с пищевыми компонентами служит сама жизнь во всем своем многообразии, проникающем и в язык. Удачные устойчивые выражения, созданные народом, будучи лаконичными, яркими, живыми, отражают реальную жизнь и надолго остаются в языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Махлина, С. Т. Семиотика культуры повседневности / С. Т. Махлина. – СПб. : Алетей, 2009. – 232 с.

СИСТЕМНОСТЬ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗОВЫХ ГЛАГОЛОВ

Отличительной национально-специфической особенностью глагольной таксономии современного английского языка является функционирование единиц типа *to turn on* 'включать', *to turn off* 'выключать'. В состав этих комплексных лексем, называемых «фразовые глаголы», входит монологический глагол и постпозитивный компонент наречно-предложной природы, который, вследствие ослабления своей наречной или предложной функции, образует с глаголами относительно устойчивые семантические и синтаксические сочетания.

Изучением фразовых глаголов с постпозитивными компонентами (далее – ГПК) занималось много ученых, которые пытались всесторонне осветить такие вопросы, как статус фразового глагола и второго компонента в его составе [1; 2], сочетаемость глаголов с постпозитивными компонентами [2], их семантические и деривационные особенности [2; 3]. Однако, несмотря на существующие исследования, семантика ГПК в английском языке изучена недостаточно, в частности нет комплексных и сравнительных исследований глаголов с постпозитивными компонентами *on* и *off* (далее ПК-*on* и ПК-*off*). Кроме того, в большинстве научных работ глаголы с постпозитивными компонентами рассматриваются вне оппозиции с соответствующими сходными глаголами.

В данной работе на материале конкретных фразовых глаголов, а именно ГПК-*on* и ГПК-*off*, осуществляется попытка установить типологию отношений, существующих в системе английских фразовых глаголов.

Было определено, что для ГПК-*on* и ГПК-*off* с точки зрения их семантико-деривационных признаков характерны 5 типов системных отношений: 1) деривации, 2) идиоматичности, 3) эквивалентности, 4) антонимии, 5) синонимии.

Следует отметить, что отношения деривации, идиоматичности и эквивалентности являются типичными, как для ГПК-*on*, так и ГПК-*off*. Они имеют место только тогда, когда рассматриваются характер и особенности смысловых корреляций между значениями ГПК-*on/off* и их исходных глаголов (далее ИГ).

Отношения деривации между ГПК-*on/off* и их исходными глаголами наблюдаются, когда значения ГПК-*on/off* являются эксплицитно или имплицитно мотивированными значениями своих ИГ.

Эксплицитная мотивация семантики ГПК-*on/off* семантикой их ИГ (то есть мотивация, которая является прозрачной, четко выраженной) имеет место, когда значение ИГ можно полностью воспроизвести в семантике ГПК-*on/off*.

Под полным воспроизведением значений ИГ в семантике ГПК-*on/off* понимается возможность перефразировать значение ГПК-*on/off*, учитывая семантику ИГ (ср.: *to ride on* 'продолжать ехать верхом' ← *to ride* 'ехать

верхом', *to go off* 'уходить, уезжать' ← *to go* 'идти, ехать'). При этом, значения таких фазовых ГПК-*on* и ГПК-*off* перемещения и подобных им ГПК-*on/off* являются модифицированными по сравнению со значениями их ИГ, которые при образовании соответствующих ГПК-*on/off* осложняются дополнительной семой. Эта дополнительная сема вносится в семантику ИГ постпозитивными компонентами *on* и *off*.

Смысловая связь между ГПК-*on/off* и их ИГ может проявляться за счет *имплицитной мотивации* семантики ГПК-*on/off* значениями их ИГ (т.е. мотивации, которая является нечетко выраженной, подразумеваемой). Среди критериев существования между значениями ИГ и ГПК-*on/off* имплицитной мотивации выделяются: 1) возможность переосмысления значений ИГ и ГПК-*on/off*; 2) наличие в значениях ИГ и ГПК-*on/off* общей семы или сем.

Так, например, возможность переосмысления значений ИГ и ГПК-*on/off* наблюдается в паре ГПК-*on* ← ИГ *to struggle on* 'продолжать делать что-то, несмотря на трудности' ← *to struggle* 'прилагать усилия; стараться изо всех сил', где логическая связь между значениями исходного и производного глаголов выражается в необходимости 'прикладывать усилия, стараться изо всех сил' для того, чтобы 'продолжать делать что-то, несмотря на трудности'.

Значение ГПК-*on/off* также считаются имплицитно мотивированным, если в семантике ИГ и образованных от них ГПК-*on/off* содержится общая сема или семы. Так, например, общей для следующего ГПК-*off* и его ИГ является архисема движения, которая позволяет отнести оба эти глагола к группе глаголов перемещения (ср.: *to skip off* 'неожиданно бежать' ← *to skip* 'прыгать, скакать').

Отношения идиоматичности имеют место, когда значения ГПК-*on/off* не являются мотивированными значениями своих ИГ (ср.: *to bush on* 'угождать, радовать' ← *to bush* 'обсаживать кустами', *to blow off* 'отменять что-то (напр. обед)' ← *to blow* 'дуть'). Эти ГПК-*on/off* можно отнести к разряду фразеологических единиц, в которых значение целого не связано со значениями компонентов. Эти единицы представляют собой наибольшее единство компонентов, наиболее уподобленных слову. Характерной особенностью данного типа семантических корреляций между ИГ и ГПК-*on/off* является отнесение ИГ и образованных от них ГПК-*on/off* к разным семантическим типам глаголов (см. примеры выше). Это обусловлено тем, что ГПК-*on/off*, ослабив свое пространственное значение и став лексикализированным, присоединяясь к ИГ, полностью меняет его значение.

Отношения эквивалентности наблюдаются при полном совпадении значений ГПК-*on/off* и их ИГ (ср.: *to bring on* 'вызывать' ← *to bring* 'вызывать', *to lop off* 'отрубить, подрезать (ветви, сучья)' ← *to lop* 'обрубать, подрезать (ветви, сучья)'). При этом ГПК-*on/off* претерпевает полную десемантизацию и превращается в показатель количественной характеристики действия (эмфатическую частицу, интенсифицирующую значение глагола). Характерной особенностью данного типа семантических корреляций между

ИГ и ГПК-*on/off* является принадлежность исходных и производных глаголов к одному семантическому разряду, при этом ПК-*on/off* только интенсифицирует значение ИГ.

Отношение антонимии и синонимии, наблюдаемые между ГПК-*on* и ГПК-*off*, обусловлены действием таких факторов, как исходная семантическая оппозиционность постпозитивных компонентов *on* и *off*, которая делает возможным антонимию в составе ГПК-*on* и ГПК-*off* и возможность десемантизации ПК при образовании ГПК, которая может приводить к возникновению синонимических связей в системе ГПК-*on/off*.

Антонимические отношения находят свое отражение в таких семантических оппозициях, как «начало – окончание/прекращении действия» (фазовые значения) (ср.: *to clock on* ‘начинать работу (особенно в назначенное время)’ – *to clock off* ‘заканчивать работу (особенно в назначенное время)’); «каузация начала нахождения – каузация прекращения нахождения» (каузативные локативные значения) (ср.: *to draw on* ‘натягивать (ботинки, перчатки и т.п.)’ – *to draw off* ‘снимать (ботинки, перчатки и т.п.)’) и «каузация начала функционирования – каузации прекращения функционирования» (ср.: *to switch on* ‘включать что-либо (например, прибор, свет)’ – *to switch off* ‘выключать что-либо (например, прибор, свет)’).

Отношения частичной синонимии наблюдаются в рамках ГПК-*on* и ГПК-*off*, обозначающие посесивность, начало действия, удаление, эмоциональность и использование. При этом исходными для ГПК-*on* и ГПК-*off* являются, как правило, разные глаголы (ср.: *to pick on* ‘дразнить, надоедать’ ← *to pick* ‘долбить; протыкать; просверливать’, *to tick off* ‘выводить из себя, раздражать, сердить’ ← *to tick* ‘тикать’). Но бывают случаи, когда деривационной базой для ГПК-*on* и ГПК-*off* служат одни и те же ИГ (ср.: *to trade off* ‘использовать что-то по очереди’ ← *to trade* ‘торговать’ и *to trade on* ‘использовать в собственных интересах’ ← *to trade* ‘торговать’). Данный факт свидетельствует о десемантизации ИГ и ПК в процессе образования ГПК или о так называемом немотивированном использовании ПК, когда он, став лексикализированным, модифицирует значение ИГ, которое при этом остается неизменным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аничков, И. Е. Английские адвербиальные послелогои : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / И. Е. Аничков. – М., 1947. – 536 л.
2. Bolinger, D. Phrasal Verbs in English / D. Bolinger. – Cambridge : Harvard Univ. Press, 1971. – 188 p.
3. Берлизон, С. Б. Грамматические особенности глагольно-наречных фразеологических единиц в современном английском языке / С. Б. Берлизон // Ученые записки Магнитогор. пед. ин-та. – 1957. – Вып. 11. – С. 312 – 322.

ФОРМЫ ОБРАЩЕНИЯ К НЕЗНАКОМЫМ МУЖЧИНАМ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Формы обращения являются эффективным средством маркирования социального статуса и отражения достоинств человека, к которому обращаются в процессе коммуникации. Как полагает языковед Чжао Юйжэнь, который первый начал исследование этой группы лексики, они тесно связаны с культурно-политическим фоном общества и речевыми привычками носителей языка [1, с. 91].

Рассмотрим формы обращения к незнакомым мужчинам в современном китайском языке. Именно по ним участники коммуникативного процесса могут определить политические взгляды, уровень образования, статус в обществе и материальное состояние собеседника [2, с. 37].

Выделяют несколько групп обращений. К первой относятся формы, появление которых обусловлено разветвленностью системы родственных отношений в китайском обществе и их большим количеством номинаций подобных отношений в китайском языке. Многие из них применяются для обращения к незнакомым мужчинам с целью психологически сократить дистанцию между собеседниками. Этому способствует использование в структуре такой формы компонента ‘брат’ (ср. популярную форму обращения к незнакомым людям 哥们儿 *gē menr* ‘братья’) [3, с. 440]. Ласковая же форма обращения 小弟(弟) *xiǎodì (dì)* (досл. *маленький + младший брат*) ‘самый младший брат’ употребляется в отношении мужчин младше адресанта [Там же, с. 1443].

Существует также форма обращения 大哥 *dàgē* (досл. *большой + старший брат*) ‘самый старший брат’, обращенная к мужчинам, близким к адресанту по возрасту, которая является способом проявления уважения к ним [3, с. 245]. Она имеет иное выражение в речи людей, живущих в провинции Шаньдун, поскольку здесь родился Конфуций, который был вторым ребенком в семье. Именно поэтому, обращаясь к незнакомому мужчине, говорящий проводит параллель с великим философом, называя адресата 哥 *ègē* ‘вторым старшим братом’, что придает речи дополнительный оттенок уважения [4, с. 23].

Семантика братства используется и по отношению к старшим по возрасту мужчинам. Так, к мужчинам немного младше отца адресанта обращаются 叔叔 *shū shu* ‘младший брат отца, дядя’ [3, с. 1218], 大叔 *dàshū* (досл. *большой + дядя*) ‘самый старший среди младших братьев отца’ [Там же, с. 250]. К мужчинам же старшим, чем отец адресанта, обращаются следующим образом: 大伯 *dà bó* (досл. *большой + старший брат отца*) ‘самый старший брат отца’ [Там же, с. 242], 大爷 *dàye* (досл. *большой + дедушка*) ‘старший брат отца’ [Там же, с. 252]. Особое уважение к

незнакомым пожилым мужчинам проявляется в обращении 老大爷 *lǎodàye* (досл. *старый + старший брат отца (большой + дедушка)*) [3, с. 792]. К знакомым мужчинам (к отцу друга или другу отца) и к пожилым мужчинам можно уважительно обратиться 老伯 *lǎobó* (досл. *старый + старший брат отца*) [Там же, с. 792].

Как демонстрируют проанализированные формы обращений первой группы, при их употреблении собеседник пытается увеличить возраст лица, к которому он обращается, выражая тем самым свое уважение и почтение к данной личности, что, как представляется, несвойственно европейским языкам.

Вторую группу обращений составляют формы, в основе которых лежат номинации общественных отношений. Так, в 50-е годы прошлого столетия при обращении к незнакомым мужчинам применялись формы, которые в 80-х годах начали постепенно выходить из употребления: 老乡 *lǎoxiāng* ‘земляк’ и 同志 *tóngzhì* ‘товарищ’. Последнее демонстрировало солидарность, равенство и готовность к сотрудничеству. В настоящее время это слово сохраняется в сфере партийного и административного общения [5, с. 26; 1, с. 92; 6, с. 101; 7, с. 58–59]. А слово 老乡 *lǎoxiāng* ‘земляк’ сейчас используется для обращения к действительному земляку или к незнакомым крестьянам [3, с. 796].

Обращение 老师 *lǎoshī* ‘учитель’ повышает статус адресата до уровня наставника адресанта и понижает его личный статус до уровня ученика [2, с. 38; 4, с. 22]. В последнее время оно стало популярным и употребляется не только в образовании, но и в других сферах, например, при обращении к знаменитому актеру или известному ведущему телепрограмм. Китайские студенты, обучающиеся за границей, продолжают следовать этой языковой традиции, что не всегда соответствует речевым нормам других языков.

Также обращение 先生 *xiānsheng* ‘господин’ восходит к слову, изначально обозначавшему учителя или пожилого хорошо образованного мужчину [7, с. 61]. Эта форма часто употребляется в официальной обстановке для обращения к лицам, относящимся к высшим слоям общества, а также применяется по отношению к незнакомым мужчинам, одетым в костюм и привлекающим внимание окружающих своим внешним видом [6, с. 101].

В 70-е годы прошлого века получила распространение такая форма обращения, как 师傅 *shī fu* с первичным значением ‘мастер, человек, который учит кого-либо трудовым навыкам’. С развитием рыночных отношений сфера его применения сузилась, теперь оно используется для обращения к лицам, занимающимся физическим трудом и относящимся к более низким слоям общества [2, с. 38; 6, с. 101; 7, с. 59; 8, с. 84–85].

Недавно популярной формой обращения стало слово 老板 *lǎobǎn* ‘босс, хозяин, шеф’, оно применяется по отношению к руководителям компаний, директорам предприятий, а также научным руководителям аспирантов. Употребляющий это слово косвенно льстит адресату, завышая его статус

и понижая свой статус, что способствует созданию благоприятной атмосферы для общения. Очень часто форма обращения *老板 lǎobǎn* ‘босс, хозяин, шеф’ используется в общении незнакомых мужчин, имеющих отношение к финансово-экономической деятельности [6, с. 102; 8, с. 85].

В последнее время появилась новая форма обращения к молодым незнакомым мужчинам *帅哥 shuàigē* ‘красавец’, она применяется к лицам с приятной внешностью в неофициальной обстановке и придает разговору легкий, шуточный характер. Нужно отметить, что эта форма употребляется как девушками, так и молодыми людьми [6, с. 101; 8, с. 85].

Компьютеризация привела к появлению нового обращения *亲 qīn* ‘дорогой’, оно употребляется в сфере интернет-продаж в диалоге между продавцом и клиентом, позволяя быстро установить доверительный контакт [8, с. 85].

Третью группу обращений формируют слова, называющие должность или профессию: *医生 yīshēng* ‘врач’, *服务员 fúwùyuán* ‘официант’, *售货员 shòuhuò yuán* ‘продавец’, *领导 lǐngdǎo* ‘начальник’, *院长 yuànzhǎng*, *经理 jīnglǐ* ‘директор’ и т.д. Очень важно отметить, что в китайском языке в целях проявления уважения к адресату часто необходимо опускать слова, имеющие значение ‘заместитель’, ‘помощник’ и т.д., т. е. проректора нужно назвать ректором, заместителя директора – директором, медсестру – врачом и т.п. [2, с. 38; 6, с. 103].

Таким образом, спектр форм обращения в китайском языке очень широк. Возраст является важным фактором, который обуславливает выбор формы обращения к незнакомым мужчинам. Рассмотренные формы преследуют не только цель привлечения внимания адресата, но и повышения его статуса, с одной стороны, и понижения статуса адресанта, с другой, для создания благоприятной атмосферы общения. На употребление форм обращения оказывают влияние традиции (культурные, социальные, семейные) и привычки.

ЛИТЕРАТУРА

1. 姜丽蓉、韩丽霞, 英汉称呼语中折射出的文化内涵[J], 北京理工大学学报(社科版), 2003, (5): 91–93页。
2. 石成成, 陌生男性称谓语的语用分析, 四川教育学院学报, 第27卷, 2011年第7期, 37–39页。
3. 现代汉语规范词典 / 李行健主编. – 3版. – 北京: 外语教学与研究出版社, 2014.
4. 剑艺、福为, 陌生人交际的礼貌称谓, 语文建设, 1996, (6) : 22–23页。
5. 姚亚平, 汉语生人交际和语言伦理观念的变化, 语文建设, 1995, (11) : 25–27页。

6. 孙飞凤、林晓英, 论汉语称呼语: 汉文化中某些观念持续性的折射, 绵阳师范学院学报, 2008年第27卷, 第3期, 100–103页。
7. 张莉萍, 称谓语性别差异的社会语言学研究, 中央民族大学博士学位论文, 2007, 106–107页。
8. 李芳, “尴尬”的中年人: 基于社会语言学的中年人称谓问题研究, 长春工业大学学报(社科版), 2014, 第26卷, 第1期, 83–85页。

О. Ю. Гаврилова (Санкт-Петербург, Россия)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИИ «ЭКСПРЕССИВНОСТЬ» В НАЗВАНИЯХ ВИДОВ ВООРУЖЕНИЯ

Категория экспрессивности, изучению которой посвящено немало работ отечественных и зарубежных исследователей, приобретает особую значимость в аспекте способов ее языковой репрезентации. В результате научных поисков на материале разных языков установлен целый ряд разноуровневых языковых и невербальных средств, участвующих в имплицитном или эксплицитном выражении субъективно-психологического отношения говорящего в языке и речи. Особый интерес в этом русле вызывает узкоспециальная терминология, центральные единицы которой преимущественно нейтральны и прозрачны, что и отвечает одному из основных требований, предъявляемых терминосистемам, однако периферия данной категории характеризуется разнообразием экспрессивных ономаσιологических моделей, изучение которых может пролить свет на тенденции, характерные для центральных членов категории.

Одним из наиболее любопытных в аспекте мотивированности и в аспекте репрезентации категории «экспрессивность» подтипов терминологических наименований является класс названий видов вооружения и их компонентов. Ономаσιологический анализ наименований данной группы в английском и русском языках позволил сделать вывод о том, что экспрессивность имени в сочетании с прозрачной внутренней формой ядерных компонентов наименования в обоих языках является доминирующим мотивировочным признаком: англ. *Hellfire antitank missile* ‘противотанковая управляемая ракета «Хеллфаер»’, *Copperhead projectile* ‘фугасный артиллерийский снаряд «Копперхед»’, *artillery shell Excalibur* ‘артиллерийский снаряд «Экскалибур»’, *surface-to-air missile Stinger* ‘ракета класса «земля-воздух» «Стингер»’, *antitank guided missile Dragon* ‘противотанковая управляемая ракета «Дракон»’, *Paladin rocket system* ‘ракетная система «Паладин»»; рус. *Реактивная система залпового огня (РСЗО) Ураган*, *РСЗО Смерч*, *РСЗО Торнадо* и т.п. Мотивировочный признак ‘экспрессивность’, выраженный преимущественно при помощи метафорической номинации именами мифологических и литературных героев, названиями природных явлений, хищных животных и т.п., интенсифицирует ключевые качества объекта (мощь, дальность, способность защитить от любых угроз, опасность

для противника, а также привлекательность для потенциальных покупателей-импортеров вооружения и т.п.), что и является главной прагматической функцией названий видов вооружения. Рассматриваемые наименования максимально приближены по своим прагматическим свойствам к классу названий торговых марок и брендов, поэтому экспрессивность внутренней формы является также их обязательной характеристикой.

Экспрессивность наименований видов вооружения выражается не только при помощи рассмотренных выше метафорических номинаций, но также и посредством разных вариантов лексической объективации категории количества. Несмотря на то что выражение количества, даже намного превышающего норму, не всегда представляет собой интенсификацию и не всегда обладает экспрессивностью (ср. Матезиус 1947), в отношении наименований видов вооружения изменения количественных характеристик всегда экспрессивны, поскольку являются тесно связанными с оценочными свойствами вооружения (мощью, способностью защищать, опасностью для противника и т.д.), например, *Multiple Launch Rocket System* ‘ракетная система залпового огня’, *High Mobility Rocket System* ‘высокомобильная ракетная система «HIMARS»’ и т.п. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что соединенные в сознании человека категории «экспрессивность» и «количество» также оказываются тесно связанными в языковых репрезентациях.

Таким образом, названия видов вооружения и их компонентов в английском и русском языках характеризуются доминированием мотивировочного признака ‘экспрессивность’, выраженного как при помощи метафорических номинаций, так и при помощи лексической объективации категории «количество», что в очередной раз свидетельствует о важности данного прагматического свойства языковых единиц для разных классов наименований, в том числе для класса узкоспециальных терминов.

Е. А. Гапанович (Минск, Беларусь)

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И СПЕЦИФИЧЕСКОЕ В ПРОЯВЛЕНИИ ЦЕЛОСТНОСТИ ЯЗЫКА, ЧЕЛОВЕКА, МИРА

Анализ языковых универсалий, в частности фундаментальных оснований устройства любого языка, требует от лингвистов особого осторожного подхода к выявлению разнообразных форм отношения между целым и частью. Психологическим барьером становилась необходимость раздробить монолитную семантическую сущность постулата, заданную метафорическим «Вначале было Слово», и перейти от дробного множества регулярных и нерегулярных значений к обобщающему их инварианту. Слово способно быть целостным образом (в художественном описании персонажа), целостным действием (как речевая тактика обобщения), целостной мыслью (идея текста и логика ее оформления и развития через логические коннекторы, обобщающие слова), а также целостным смыслом (тождество многознач-

ности слова), целостной личностью (языковая личность) и целостной Вселенной (в теориях лингвистического универсализма и языковой относительности). В Слове находят свое воплощение и синтезируются мысли и впечатления: «Все увиденное сливалось в гармоничное целое».

Понятие целого неоднозначно: трактуется и как класс, набор или совокупность элементов, и как модель отношений между конкретными специфическими типами объектов или событий, и как свойство объекта или процесса, и более того, как процесс, одна из составляющих которого является уже другим процессом. В последнем случае речь идет о временном периоде, в течение которого что-нибудь происходит (начинается, развивается и заканчивается). В любом случае для достижения качества целостности, необходимо всеобъемлющее единство элементов, в котором не отсутствует ни одна из частей, образующих нечто одно. В выражениях *tout un chacun* ‘все как один’ слово *tout* ‘все’ указывает не на суммативное образование, а именно на степень слитности частей – монолитность, единство *un chacun* ‘каждого’, подобно тому, как в выражениях *toute une journée* или *весь день* интервал времени представлен целиком (от начала и до конца). На этом основании, во французских выражениях времени *le tout début*, *les tout débuts* и *au tout début* цельное *tout* нарушает языковую норму: семантический конфликт *le tout* как целого, объединяющего любое начало или любой начальный момент *début* и конец временного периода, легко устраняется при употреблении указателя временной характеристики с оттенком усиления или уточнения *le tout premier début*, как это наблюдаем в русском языке: *с самого (любого) начала*.

При всем многообразии взглядов изучение данного феномена как отличительного признака внутренней формы языковых явлений остается чрезвычайно сложной задачей. Для ее решения необходимо пересмотреть общепринятое положение о строгой иерархичности единиц языка, специфичной для вербального кода человека.

Фиксация языковых фактов как реляционных цельностей и их контекстуальных вариаций, допускающих реализации в одном контексте нескольких значений. Например, в русском языке *Рыба вся*; *На этом всё* или во французском языке *Cette mère est tout à son devoir* ‘Она вся (с головой) ушла в работу’; *Elle est toute à ses enfants* ‘Она полностью (всю себя, свою жизнь, свою нежность) посвятила себя детям’ неизбежно приводит к рассмотрению языка и его элементов как целостных сущностей, формируемых соотношенными разнопорядковыми структурами.

По характеру трактовки целостности в языке применимы два способа решения: статичный, субстанциональный и динамичный, функциональный. В первом случае учитывается особенность структурной организации языковых единиц, когда в качестве синтетического образования выступает набор, сумма симметричных значений, противопоставленных свойств. Подобный семантический анализ описывает языковую целостность исключительно внутриязыковыми средствами, не учитывает взаимовлияние других целост-

ностей, не объясняя, почему некоторые внешне разнородные значения интуитивно объединяются носителем языка в целое. Французское слово *tout* в функции детерминатива является синкретичным показателем качественности (качества), близкой к гармоничности – *c'est tout son père* 'он вылитый отец' и маркером степени интенсивности (*toutpuissant* 'всемогущий') или полноты.

В функциональном аспекте целостность языковой системы исходит из выделения функциональных целостных частей не только строительной подсистемы, но и таких подсистем, как номинация, коммуникация и регуляция. Остановимся на особенностях подсистемы номинации.

Внутренняя форма единиц языка, с одной стороны, содержит гносеологические образы элементов действительности, выделенных, отображенных и обработанных сознанием человека, с другой стороны, в тех же самых единицах языка и их свойствах материализуется динамика мысли. В многомерности языковых явлений, отражающих целостные сущности как *un tout* или все целое *tout*, прослеживается логика объективного движения от цельного (*totus*), минуя всеобщее (*omnis*) и дистрибутивное (*quisque*), завершая общим (*quisquam*). Синтез языковых сущностей начинается со стадии «примитивной целостности» и идет от общего к частному, от конкретно целостных форм к более дифференцированным, состоящим из специализированных по структуре и иерархически упорядоченных элементов. Синхронно с этим идут процессы интеграции, обеспечивающие, во-первых, удержание примитивной целостности и, во-вторых, формирование в ее составе новых иерархических более высоких уровней. *Totus* отрицает существование независимых вещей и тел: изолированные объекты и индивиды воспринимаются в виде неделимой массы и одного тела. Конечность понятия *язык-система/la langue en tant que tout* не обязательно указывает на соразмерность однопорядковых означающих. Основным условием для целостности языка как организма, жизненно важного органа человека является внутреннее взаимодействие компонентов, не только соперничающих, но и дополняющих друг друга.

В семантическом отношении цельное (*totus*), всеобщее (*omnis*), дистрибутивное (*quisque*), общее (*quisquam*) ориентированы на движение вдоль одного вектора: различие между ними обусловлено динамикой номинальной идеи от примитивной целостности и формально замкнутого цельного *totus* к экстенсивной, т.е. к эмпирически открытому универсуму *tout*.

Во всех естественных языках выявлены средства представления целостности. Специфичным для французского языка является возможность выразить меру целостности, в частности с помощью артикля: экстенсивной, стремящейся к пределу *le tout* (*le Grand Tout* 'Весь мир', *le tout du tout* 'самое дорогое'), *le monde*, *la totalité* 'все, без исключения' и партитивной, квазицелостности, формируемую знаниями конкретного носителя языка: (*former*) *un tout* 'единое целое', *un monde*, *une totalité*. Например, высказывания *C'est un monde!* 'Это целый мир!' или *Ce grand magasin est tout un monde* 'этот

универмаг – целый мир’ представляют не столько весь окружающий мир, сколько переживания говорящего и его эмоциональный мир. Название радиопередачи «*Tout un monde*», выделяющее своеобразие окружающего мира, подразумевает дискретное суммарное существование вместе взятых целостностей – различных культур, народов: *la diversité des cultures, des peuples, des imaginaires*. К числу проявлений квазицелостности можно отнести и противопоставляемое гармонии обозначение бесцельного или ненужного соединения разнородных целостных *всего понемножку/un peu de tout* или понимания, достигнутого *à demi-mot, sans dire tout* ‘с полуслова’.

Изучение особенностей языкового означивания целого позволяет реконструировать надязыковую специфику «человеческого измерения» (*la langue, c'est l'homme*) по принципу «все в одном, одно во всем»: совокупность конкретно-целостных мыслей, верований, духовных установок и моделей поведения, т.е. культура, традиции, мысли, чувства, эмоции человека, имеющие языковую привязку, составляют дифференцированное целостное когнитивно-коммуникативное пространство человека. Через слово человек становится и фактом языка, и фактом мысли. Материально представленные языковыми единицами аспекты сознания человека говорящего (образы, мысли, чувства, ощущения, действия) могут восприниматься и осваиваться как соответствующие упорядоченные замкнутые цельные. Человеческое «я» полиаспектно – человек познающий, человек в измерениях культуры, человек чувствующий, человек духовный, человек говорящий, что имплицитно указывает на такое принципиально важное качество людей, как целостность его многогранной, поливалентной референциальной сущности. Единое *Я/le Moi*, а не дискретная серия субъектов, объединяет различные аспекты познания мира. Сведенная таким образом к единому знаменателю множественность вещей трансформируется в материализованную идею и определяет содержание человеческого референтного мира, а также функционирование в нем слов, вмещающих личностные смыслы, так называемые *mots fourre-tout* (букв. ‘слова-мешанина’). Например, мы говорим *heureux* ‘счастливый’, и каждый из нас понимает это по-своему. Под словом *счастье* подразумевается слишком многое. К числу таких лексем французы относят, например, *culture* ‘культура’, *changement* ‘изменение’, *concept* ‘концепт’, *créativité* ‘креативность’, *innovation* ‘инновация’, *motivation* ‘мотивация’, *stratégie* ‘стратегия’, *communauté* ‘сообщество’. С другой стороны, слово «впитывает» в себя мир посредством чувственности, движений, эмоций человека, становится его материальным образом и вырастает до размеров человеческого измерения – языка. Общечеловеческие свойства восприятия действительности, универсальность способа познания и концептуализации мира лежат в основе выражения языкового наследия, объединяющего носителей языка одного времени в языковое сообщество (*communauté*), для которого национальный язык – это частное проявление единого человеческого языка.

Выстраивая мир как целостную картину, человек отводит себе в нем «должное» место и воспринимает себя как фигуру на фоне среды, пространства.

Целостность, формально обнаруживаемая в любом конкретном предмете многообразного мира, осваивается человеческим разумом и проявляется в семантическом генезисе языковых единиц, начинающемся с момента ментального выявления предмета из континуума окружающего природного мира.

И. В. Дмитриева (Минск, Беларусь)

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ УГРОЗЫ В НАЦИОНАЛЬНО-ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Угроза неоднократно становилась объектом частных лингвистических исследований. Большинство из них осуществлялось в рамках лингвопрагматики, когда в центре внимания оказывались стратегии и тактики коммуникантов или общекоммуникативная категория угрозы, рассматриваемая с позиций ее реализации посредством различных речевых актов. Функционально-семантический подход позволял изучать функционально-семантические поля угрозы, где объектом исследования становились в основном лексико-семантические средства выражения значения менасивности. Контрастивные межъязыковые исследования затрагивали вопросы предпочтительного выбора лексических, морфологических или синтаксических структур для выражения угрозы в процессе коммуникации в той или иной дискурсивной сфере, чаще всего политической или межличностной. Однако исходная концептуальная структура угрозы в национально-языковой картине мира пока еще не получила своего полного лингвистического описания.

В контексте типологии речевых актов (РА) выражение враждебности, или угроза, рассматривается как один из видов конфликта, наряду с обвинениями, проклятиями и другими ликоущемляющими РА. Одной из типичных черт угрозы считается его скрытый или косвенный характер, что понимается как способность быть встроенным в другой тип РА. При этом в семантике РА угрозы присутствуют два компонента. С одной стороны, требование, предъявляемое адресантом адресату или слушателю (протазис), с другой – обещание негативных последствий в случае невыполнения этого требования (аподозис). Угроза представляет собой особый тип побуждения к действию или бездействию, в котором заинтересован адресант. Источником побуждения является адресант, а исполнителем – адресат или слушатель; действие совершается (или не совершается) в интересах адресанта и/или тех, от лица кого он выступает. С точки зрения прагматики это обозначает, что адресант является и инициатором общения, и исполнителем обещанного действия. Роль адресата предстает здесь в двух возможных вариантах. Первый – адресат не может оказать никакого влияния на осуществление данного акта, его роль сводится к роли свидетеля; тогда угрозу необходимо рассматривать как комиссивный РА. Во втором случае адресант предупреждает адресата о чем-то, что может перейти во враждебное действие,

и тем самым имплицитно предоставляет возможность непассивно повлиять на их совместное будущее. При таком распределении ролей коммуникантов характер акта смещается в сторону директивных РА.

Выражение угрозы с достаточной степенью регулярности предполагает не только указание на действие адресанта, но и на действие адресата, причем эти действия имеют разный характер, что придает угрозе черты смешанного РА, а именно – комиссивно-директивного.

Особенность высказываний комиссивно-директивного типа заключается в том, что в каждом из них сочетаются сразу две иллокутивные силы, причем перед адресантом стоит возможность выбора экспликации иллокутивных сил. Анализ РА угрозы в рамках параметра временных соответствий между комиссивным и директивным действиями приводит к пониманию того, что, с одной стороны, угроза является описанием будущих событий и ручательством адресанта, что его описание истинно (комиссивный РА), а с другой – это императив, побуждение (директивный РА). Однако оценка РА угрозы по данным параметрам не представляет всей специфики взаимодействия комиссивного и директивного аспектов РА угрозы. Сущностным оказывается отсутствие прямого соответствия между желаемым директивным компонентом и формой его языкового представления, ожидаемое действие адресата эксплицируется в речи структурой противоположной директивной составляющей. В наиболее полном языковом оформлении угроза соответствует синтаксической структуре сложноподчиненного предложения с придаточным условия, где главное предложение вербализует комиссивную составляющую, а придаточное – директивную. Тогда РА угрозы может быть представлен в одном из двух канонических вариантов:

(1) *I will kill you, if you come* (= DO NOT COME);

(2) *I will kill you, if you do not come* (= DO COME).

В приведенных структурах (1) и (2) адресат должен осуществить действие, противоположное тому, которое описал адресант в директивной составляющей РА угрозы. Т.е. вербальное представление действия адресата даже на уровне логического построения демонстрирует присутствие имплицитного логического отрицания – расхождения вербальной презентации и истинных интенций адресанта. Можно утверждать, что если комиссивная составляющая (обещание нанести вред) формирует семантическое ядро угрозы, то директивная – это прагматическое ядро, поскольку истинной целью адресанта является не столько причинение вреда адресату, сколько желание добиться выполнения/невыполнения адресатом некоторого действия.

Интересно, что эти две составляющие по-разному отражены в словарных толкованиях, которые часто рассматриваются как представляющие когнитивную структуру концепта. При этом приведем здесь не толкование соответствующих существительных *угроза* (рус.), *threat* (англ.), *menace* (фр.), а толкования глаголов, поскольку именно глагол есть имя действия, акта.

Так, русскоязычные словари представляют следующие толкования: «1) Предупреждать с **угрозой** о чём-н. 2) Предвещать (что-н. плохое, опасное, неприятное). 3) О чём-н. плохом: предстоять». Франкоязычные словари

близки в своих толкованиях, поскольку в дефиниции глагола также включено соответствующее существительное: «Chercher á intimider par de **menaces**». При этом в русскоязычной картине мира угроза – это предупреждение о возможном наступлении чего-то неприятного в будущем, а во франкоязычной – это запугивание (*intimider*) посредством угроз. Общей характеристикой концептуализации угрозы в русском и французском языках можно считать доминанту семантической составляющей, комиссива, обещания неких негативных действий, последствий, хотя франкоязычные дефиниции предстают более деятельностно ориентированными, т.к. прямо отражают не только обращение к угрозе как средству, но и желаемый тип воздействия на адресата – запугать. Прагматическая цель полностью отсутствует в русской дефиниции и несколько размыта во французской: является ли запугивание самоцелью?

Несколько иначе угроза представлена в англоязычной картине мира, что находит свое отражение в дефинициях «to say that you will cause someone harm or trouble if they do not do what you want» («Longman English Dictionary»), «to say that you will cause trouble, hurt somebody, etc. if you do not get what you want» («Oxford Learner's Dictionaries»). Сами дефиниции, во-первых, подчеркивают речеактовый, вербальный характер угрозы (*to say that*). Во-вторых, из трех сопоставляемых фрагментов национально-языковых картин мира только в английской даже на уровне наивной картины мира эксплицитно представлена директивная составляющая, требование, которое должен исполнить адресат, хотя для понимания этого требования к имеющейся вербализации необходимо, как было показано выше, приложить операцию логического отрицания. Прагматическое ядро угрозы выводится на поверхность языкового сознания носителя английского языка.

Таким образом, при достаточной универсальности категории угрозы в русском, французском и английском языках две ее составляющие, комиссивная и директивная, по-разному отражены в национально-языковых картинах мира. Для ситуаций межкультурного взаимодействия и профессиональной деятельности представляется существенным осознание таких особенностей, учет доминанты прагматической составляющей угрозы как фрагмента англоязычной картины мира в отличие от сопоставляемых, где доминантой оказывается семантическая составляющая.

О. Я. Добровольская (Киев, Украина)

СООТНОШЕНИЕ ИСКОННОЙ И ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКИ В ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЕ НАИМЕНОВАНИЙ РЕМЕСЛЕННИКОВ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СПЕЦИФИКИ ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Многочисленные пути и способы влияния экономических, политических и культурно-исторических явлений (социальной структуры общества, его географической стратификации, состояния культуры, контактов с иноязычными коллективами, событий в истории общества) на языковую эволюцию

формируют внешние условия функционирования языка, его вариативность, объединяясь в понятие языковой ситуации. Экономико-политические сдвиги, видоизменяющие контингент носителей данного языка или диалекта, являются основной причиной языковой эволюции. Особое место среди факторов, определяющих языковое развитие, занимает влияние других языков через процесс языкового заимствования. «Заимствования и влияния характеризуют одну из важных сторон деятельности человека в языке, нет такой сферы в языке, которой бы не коснулись эти процессы» [1, с. 145]. Как причины языковых изменений рассматриваются: 1) структура данного языка, его строение; 2) психолингвистические, физические, пространственные, социальные и т.п. условия его существования; 3) влияние других языков, которым в данное время и в данном месте подвергается язык [2, с. 133]. Сложные вопросы взаимодействия данного языка с языками, которые контактировали с ним в результате их общего исторического развития, являются спецификой истории конкретного языка.

Заимствование является одним из источников пополнения лексического фонда. Интенсивность процесса заимствования слов обуславливается культурными, историческими, социальными, психологическими и другими причинами – экстралингвистическими, связанными с эволюцией общества, с развитием науки и техники, а также с изменениями и в самих обозначаемых предметах; одним из основных условий заимствования иноязычной лексики являются языковые контакты (Т. В. Стрекалёва). Заимствование является естественным следствием установления экономических, политических, культурных связей с другими народами, когда вместе с реалиями и понятиями приходят слова, их обозначающие (Д. М. Розенталь, М. А. Теленкова). Заимствование слов – это и общественное явление, и языковой процесс; это универсальное языковое явление, которое заключается в обращении к лексическому фонду других языков для выражения новых понятий и обозначения неизвестных ранее предметов путем переноса лингвистических элементов (слов, словообразовательных аффиксов) из другого языка вследствие экстралингвистических контактов между ними. Заимствование – это процесс и результат этого процесса (Е. А. Громова).

Выделяют три группы факторов продуктивности заимствования как способа пополнения словарного состава языка: 1) характер контактирования языков; 2) своеобразие языковой ситуации и лингвистической идеологии общества; 3) внутренние особенности языка-реципиента. Многочисленность заимствований совсем не является признаком слабости языка, а скорее открытости, восприимчивости культуры народа к чужому, новому (Н. Б. Мечковская). Заимствование представляет собой процесс, обусловленный сложным комплексом лингвистических и экстралингвистических причин. Среди лингвистических причин заимствований можно назвать наименование новых понятий, выражение с помощью иноязычного слова многозначного понятия, пополнение экспрессивных средств языка. К экстралингвистическим причинам заимствования иноязычных лексем относятся: культурное влияние одного языка на другой, наличие устных или письменных контактов стран

с разными языками, повышение интереса к изучению определенного языка, авторитетность языка-источника, увлечение конкретными социальными слоями культурой другой страны. Количество и характер заимствования зависит от исторических событий, природы и длительности контактов между народами, а также от степени генетической и структурной близости языков (Т. В. Стрекалёва). Необходимыми условиями заимствования являются, наряду с наличием языковых контактов, также и склонность языка-реципиента к восприятию иноязычных средств коммуникации, открытость общества иноязычному влиянию (Л. П. Крысин).

С целью изучения соотношения исконного и заимствованного в лексической системе среднеанглийского языка XI–XV вв., в частности в тематической группе наименований лиц по профессии, нами произведено исследование их этимологического состава. Источниками фактического материала были выбраны, во-первых, среднеанглийские аппелятивы – наименования лиц по профессии, внесенные как отдельные словарные статьи в исторические лексикографические источники [6; 7]; во-вторых, наименования фамильного типа, официально задокументированные в составе антропоформул в период средневековья в переписных, судебных и финансовых документах XII–XV вв. и собранные в исследованиях по ономастике и ономастических словарях [3; 4; 5], а также в исторических словарях английского языка [6; 7] как иллюстративный материал к лексико-семантическому варианту аппелятива в узком (антропоформула) и широком (антропоформула как член предложения) контекстах [6; 7] или в качестве отдельного лексико-семантического варианта с пометой *in surnames, as surname* [6].

В результате проведенного нами анализа установлен такой этимологический состав тематической подгруппы наименований ремесленников в среднеанглийском языке: английские наименования составляют 85,6 % (848 лексем, из которых 489 образованы от исконно английских основ, а 359 – от основ, заимствованных в разные периоды истории английского языка), французские наименования составляют 9,4 % (93 лексем), латинские наименования – 0,6 % (6 лексем), латинские/французские наименования – 4,2 % (42 лексем), скандинавские наименования – 0,2 % (2 лексем). Таким образом, соотношение английских наименований к заимствованным в тематической подгруппе наименований ремесленников в среднеанглийском языке составляет 86 % : 14 %, т.е. приблизительно 6:1. Заимствование иноязычного слова может происходить вследствие тенденции к устранению полисемии исконного слова, упрощения его смысловой структуры; причиной заимствований может служить потребность уточнить или детализировать соответствующее понятие, размежевать некоторые смысловые оттенки, прикрепив их к разным словам; или вследствие социально-политических причин, в частности восприятия всем обществом иноязычного слова как более престижного по сравнению с исконным словом, или коммуникативной актуальности обозначаемого понятия (Л. П. Крысин). Перспективами нашего дальнейшего исследования рассматриваем изучение причин и определяющих факторов заимствований в каждом конкретном случае.

ЛИТЕРАТУРА

1. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / [отв. Ред. Б. А. Серебренников]. – М. : Наука, 1970. – 597 с.
2. *Мейе, А.* Основные особенности германской группы языков / А. Мейе ; пер. с франц. – М., 2002. – 282 с.
3. *Fransson, G.* Middle English Surnames of Occupation (1100–1350) / G. Fransson. – Copenhagen, 1935. – 217 p.
4. *Thuresson, S.* Middle English Occupational Terms / S. Thuresson. – Lund : CWK Gleerup ; Copenhagen : Ejnar Munksgaard, 1950. – 285 p.
5. *Reaney, P. H.* The Dictionary of British Surnames / P. H. Reaney. – London : Routledge and Kegan Paul, 1966. – 366 p.
6. Middle English Compendium. University of Michigan Digital Library Production Service [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www. Quod.lib.umich.edu/m/med/](http://www.Quod.lib.umich.edu/m/med/). – Дата доступа – 27.08.2015.
7. Oxford English Dictionary. A corrected re-issue with an introduction, supplement, and bibliography of a New English Dictionary on Historical Principles. – Oxford : Clarendon Press, 1961 (1933). – V. I–XII.

Н. Л. Железовская (Минск, Беларусь)

ЭТНОЯЗЫКОВАЯ СПЕЦИФИКА ПОЛОЖИТЕЛЬНО И ОТРИЦАТЕЛЬНО ОЦЕНОЧНЫХ АССОЦИАЦИЙ НА СТИМУЛЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ФИЗИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ

В статье освещены результаты качественного и количественного исследований положительно и отрицательно оценочных ассоциаций, зафиксированных в качестве языковой нормы в ассоциативных словарях различных языков на эквивалентные слова-стимулы, характеризующие физические параметры скорости (*быстрый, медленный*), веса (*тяжелый*), температуры (*холодный*), громкости (*громкий, тихий*), текстуры (*мягкий, твердый, гладкий, жесткий*), а также пространственные параметры (*длинный, короткий, высокий, глубокий*). Материал взят из «Русского ассоциативного словаря» Ю. Н. Караулова (РАС), «Асацыятыўнага слоўніка беларускай мовы» А. И. Титовой (БАС) и «The 1952 Minnesota word association norms» Дж. Дж. Дженкинса (ААС). Цель исследования – выявить этноязыковую специфику данных ассоциативных полей, а именно, то эмоционально-оценочное отношение представителей этноса, продиктованное их языковой картиной мира. Методом сплошной выборки проанализированы все реакции на изучаемые слова-стимулы в количестве 30 701 R: 5891 единицы в РАС, 11 569 – в БАС и 13 241 – в ААС (за исключением одиночных как отражающих индивидуальный опыт респондентов, а не свойственный представителям конкретного социума).

Оценочные ассоциации – это слова-реакции, актуализирующие в бинеме со словом-стимулом его эмоционально-оценочный компонент значения через их собственные оценочные значения или через коннотации образованного

биномом словосочетания. Положительно/отрицательно оценочные ассоциации (+R/-R) актуализируют в сознании носителя языка положительные/отрицательные оценки и чувства в зависимости от степени соответствия актуализированного образа основным потребностям индивида, ценностям и нормам его этнокультуры. Распознавание оценочных ассоциаций осуществляется на основании оценочных помет в словарях, а также путем выявления идентификаторов оценки – опорных параметров качественной и количественной оценок *хороший/плохой, много/мало* и их синонимов в ассоциативных полях слов-реакций. Когда знак оценки разнится в зависимости от контекста употребления образованного биномом словосочетания или от актуализации первичного/производного значения слова-стимула, речь идет о *синкретических оценочных ассоциациях* (+R).

Среди оценочных выделены реакции следующих типов.

1. *Ингерентные R*, в которых оценочная коннотация сопутствует прямому значению словосочетания, образованного биномом «стимул → реакция». Знак оценки зависит от соответствия актуализированного ассоциацией образа некому эталону, другим представителям класса объектов или базовым потребностям субъекта (в сексуальном удовлетворении, насыщении, тепле, здоровом функционировании и т.п.). Это слова-реакции, связанные с телом человека, едой (питьем) и одеждой (обувью) (+R: *мягкий* → *живот, зад, мороженое*; *доўгі* → *валасы, ногі*; *swift* ‘быстрый’ → *runner* ‘бегун’; -R: *глубокий* → *шрам*; *навольны* → *чалавек*; *rough* ‘жесткий’ → *beard* ‘борода’, *skin* ‘кожа’; ±R: *холодный* → *завтрак*; *гучны* → *голос, гоман*; *short* → *pants* ‘штаны’, *girl* ‘девочка’).

2. *Адгерентные R*, обусловленные сочетаемостью слова-стимула, когда оценочная коннотация и ее знак сопутствует распространенному переносному значению слова-стимула (+R: *быстрый* → *ум, маневр; спакойны* → *дзіця, чалавек, дзень, рака*; *deer* → *sleep* ‘глубокий сон’, *blue* ‘насыщенный синий’; -R: *громкий* → *процесс, скандал, человек*; *цяжкі* → *дзень, лёс* ‘судьба’, *экзамен, характар*; *cold* → *winter* ‘зима’, *coat* ‘пальто’, *night* ‘ночь’; ±R: *медленный* → *путь, день, ответ*; *кароткі* → *месяц, загад, сустрэча*; *quiet* → *тан* ‘человек’, *hospital* ‘больница’, *home* ‘дом’).

3. *Прецедентные R*, обусловленные сочетаемостью слова-стимула, когда оценочная коннотация сопутствует переносному и/или связанному значению слова-стимула. В первом случае речь идет об актуализации фразеологических единиц как одного из наиболее эффективных способов передачи разнообразных видов оценки (+R: *кароткі* → *нага* ‘на короткой ноге – в дружеских отношениях’; -R: *длинный* → *хвост* ‘цепь нерешенных дел’, *нос* ‘любопытный’, *язык* ‘болтун’, *жердь* ‘длинный как жердь’; ±R: *глыбокі* → *тыл, лес*; *long* → *гип* ‘долгосрочный’). Во втором случае знак оценки зависит от ассоциативно-оценочных ореолов словосочетаний, актуализированных под влиянием популярных в этноязыковой среде респондента прецедентных выражений, названий, имен и текстов. В качестве своих, родных, узнаваемых, прецедентные тексты в основном вызывают положительные оценки и эмоции респондентов (*длинный* → *чулок* ‘Пеппи Длинный чулок – персонаж книги А. Лингрен’; *глыбокі* → *плынь* ‘«Глубокое течение» – роман И. П. Шамякина’; *long* → *John* ‘название виски’, *island* ‘название острова’).

Порой, став нарицательным, имя или персонаж могут приобретать и отрицательную оценочную коннотацию (*тихий* → *американец* ‘герой одноименного романа Г. Грина’). Отрицательную оценку может вызывать сюжет актуализированного в реакциях произведения (*жесткий* → *романс* ‘название художественного фильма’).

Эмоционально-оценочные R в форме прилагательных и наречий, выражающие общую или частную оценку в рамках лексикографически закреплённого за ними денотативного или коннотативного значения. Сюда относятся и тематические ассоциации-существительные и глаголы, которые вызваны актуализированной в сознании респондента типичной ситуацией, опасной или благоприятной для здоровья человека и удовлетворения его базовых потребностей (+R: *тихий* → *скромный, смирный, покой*; *swift* → *sure* ‘уверенный’; –R: *глубоки* → *страшна, тануць*; *high* → *steep* ‘отвесный’, *dizzy* ‘испытывающий головокружение’; ±R: *громкий* → *сильный*; *высоки* → *худой*).

В результате подсчета полученных данных были выявлены следующие этноязыковые сходства и отличия оценочного ассоциирования русских белорусов и американцев. Оценочные ассоциации представителей двух первых этнокультур составляют 56 %, а у американцев – лишь 21 %. Соотношение положительно и отрицательно оценочных реакций в РАС почти одинаковое (38,6 % vs. 39,7 %), а среди русских и американских респондентов позитивные ассоциации преобладают (44,0 % vs. 36,5 % в РАС; 58,1 % vs. 33,8 % в ААС).

Наименьшую трудность в определении знака оценочных ассоциаций вызвала эмоционально-оценочная группа, наибольшую – ингерентные реакции, особенно в РАС (47 % от всех ингерентных оценочных реакций в словаре являются синкретическими). По количеству на них синкретических оценочных реакций лидируют стимулы, характеризующие громкость (42 %) в РАС, пространственные параметры (35 %) и громкость (31 %) в БАС, а также громкость (27 %) в ААС. Подобные реакции на стимулы, относящиеся к весу, в русском и белорусском словарях вовсе не были выявлены.

Далее обратимся к таблице 1.

Т а б л и ц а 1

Рейтинг различных типов оценочных ассоциаций на изучаемые стимулы по преобладанию доли положительно/отрицательно оценочных реакций (по данным различных ассоциативных словарей), %.

Соотношение +R/–R, %	РАС	БАС	ААС
max +R	ингерентные 45.6/7.4 эмоционально-оценочные 51.2/39.4 прецедентные 50.2/44.0	ингерентные 56.4/14.4 эмоционально-оценочные 49.3/41.2 прецедентные 37.9/36.9	прецедентные 72.8/25.7 ингерентные 45.1/21.1 адгерентные 44.9/35.3
max –R	адгерентные 35.0/45.2	адгерентные 29.3/53.4	эмоционально-оценочные 38.4/56.7

По такому же принципу далее в таблице 2 ранжированы и группы стимулов в зависимости от их тематики.

Т а б л и ц а 2

Рейтинг различных по тематике слов-стимулов в зависимости от преобладания на них доли положительно/отрицательно оценочных реакций (по данным различных ассоциативных словарей), %.

Соотношение +R/-R, %	РАС	БАС	ААС
max +R	скорость 62,4/18,1 громкость 42,9/15,1 пространственные параметры 53,7/27,3 текстура 55,0/40,4	громкость 66,3/2,5 пространственные параметры 45,9/19,0 текстура 40,1/35,5 скорость 46,9/45,4	скорость 84,6/12,5 громкость 57,8/15,2 текстура 76,2/23,6 пространственные параметры 45,1/38,6
max -R	температура 20,8/61,5 вес 4,9/95,1	температура 7,6/90,3 вес 1,0/99,0	вес 17,6/79,9 температура 8,0/88,2

Из таблицы видно, что самые положительные оценки через ассоциации получают стимулы, характеризующие громкость во всех словарях (особенно *тихий, спакойны, quiet*), пространственные параметры в РАС и БАС (особенно *короткий, кароткі*), скорость в РАС и ААС. Самые отрицательные оценки вызывают физические параметры веса и температуры в трех словарях (особенно *холодный, халодны, цяжкі*).

Итак, среди представителей американского этноса, преобладает нейтральная стратегия реагирования на слова-стимулы, обозначающие физические параметры, среди белорусов и русских – оценочная. У белорусов оценочность противоречивая по знаку, у русских она больше окрашена положительно, что свидетельствует о позитивности их языковой картины мира. Поскольку оценочность ассоциаций русских и белорусских респондентов на изучаемые стимулы является результатом фразеологического и прецедентного, а у американцев – прецедентного характера связей большого количества частотных реакций, знак оценки параметра зависит от коннотативного (чаще всего переносного) значения актуализированного в биноме устойчивого словосочетания.

Л. А. Запевалова (Екатеринбург, Россия)

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ НА ОСНОВЕ СИСТЕМЫ КАТЕГОРИАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ СМЫСЛОВ

Выделение и исследование категорий в языках различного типа способствует раскрытию общих принципов познавательного процесса и формирования знаний. Разработка проблемы категории и язык является важным аспектом в исследовании вопроса о соотношении языка и мышления.

Интерес лингвистов направлен на соотношение понятийных и языковых категорий. Понятийные категории (ПК) рассматриваются как семантическая основа интеграции и функционального взаимодействия различных средств их выражения, образующих в языке особого рода единства, в частности функционально-семантические поля (ФСП).

Сложность исследования заключается в том, что ПК находятся на высокой ступени абстрагирования по уровню языковой актуализации, они актуализируются опосредованно, через иные формально фиксированные категории.

Предлагаемая нами методика моделирования понятийной категории на основе системы категориально-семантических значений, и на данной основе изучение вербализации категории в языке на различных уровнях языковой системы, с нашей точки зрения, обладает большой объяснительной силой при описании языковых фактов и конструкций, позволяет их характеризовать логичным и системным образом.

Категориально-семантические значения являются, по нашему мнению, основой организационной структуры определенной понятийной категории, именно они выделяют набор признаков, выражающих идею объединения каких-либо сущностей в одну категорию.

Итак, категориально-семантические значения представляют собой совокупность содержательных значений, отражающих гносеологический статус категории.

Фокусом нашего исследования является функционально-семантическая категория (ФСК) единичности в двух типологически различных языках: русском и английском.

Категориально-семантические значения, составляющие содержание ФСК единичности, формализуются на различных языковых уровнях. Языковые семантические функции представляют собой результат языковой интерпретации понятийных категорий.

Таким образом, следуя принципам теории понятийных категорий, мы принимаем, что языковые семантические функции реализуются не только на основе значений лексических единиц, потенциала грамматических форм и других параметрах собственно языковой системы, но на основе системы категориальных значений.

Категориально-семантические значения в нашем исследовании соотносятся с универсальными логико-семантическими категориями.

Чтобы представить категорию единичности в виде определенной когнитивной модели знания, мы определяем на основе дефиниционного анализа инварианта категории единичности в русском и английском языках ее категориальные признаки.

В качестве содержательного инварианта категории единичности в русском и английском языках мы выделяем лексемы *один* и *опа* как ядерные и наиболее эксплицитные компоненты функционально-семантического поля единичности в соответствующих языках. Эти лексемы соответствуют критериям доминантности элемента ФСП: 1) семантическому (максимальная

концентрация специфических признаков, участие в максимальном числе оппозиций), 2) универсальности функции (максимальная функциональная нагрузка); 3) частотности употребления.

Данные лексемы наиболее однозначно и с частотностью репрезентируют концепт «единица» в соответствующих языках, что показывает анализ их словарных и контекстных значений на материале национальных корпусов русского и английского языков.

Лексема *один* толкуется в словарях через следующие лексемы, которые приводятся в порядке их активности: *в одиночестве, отдельный, единственный, чрезвычайный, определенный, первый, одинаковый, тот же самый, единый, неделимый, целостный, некий*.

Принимая утверждение, что чем ближе к толкуемому слову находится элемент толкования, тем более он связан со значением этого слова, обнаруживаем, что в толкованиях лексемы *один* в вышеуказанных словарях таким элементом является слово *отдельный*.

Аналогичным образом рассматривая толкования лексемы *one*, обнаруживаем следующие лексемы, посредством которых осуществляется толкование: *single, only, the number one, individual, unique, the only, united, specified, certain, indefinite, identical, the same, equal*.

Наиболее близкими элементами толкования лексемы *one* в рассмотренных словарях выступает лексема *single* (*одинокий, одиночный и одинарный*) с коннотативным компонентом отчужденности, одиночества и ее стилистически более нейтральный синоним *individual* (*одиночный*).

Таким образом, за основную, категориально-лексическую сему лексем *один* и *one* мы принимаем 'отдельность'.

Отдельность, отграничение одних объектов от других, дискретизация действительности является необходимой как для исчисления объектов, так и собственно для их восприятия, определения их индивидуальных свойств, характеристик в противопоставлении с другими объектами. Отдельность также связана с понятием особенного, что определяет наличие категориально-лексической семы 'выделенность', которая выражается такими элементами толкования лексем *один* и *one* как *первый, чрезвычайный, определенный* в русском языке и *specified, certain, the number one* в английском языке.

Такие элементы толкования лексем *один* и *one*, как *единый, неделимый, целостный* в русском языке и *united* – в английском репрезентуют наличие категориально-лексической семы 'единство'.

Элементы толкования данных лексем *определенный, некий* в русском языке и *specified, certain, indefinite* в английском языке обуславливают наличие категориально-лексической семы 'определенность/неопределенность'.

Элементы толкования *одинаковый, тот же самый* в русском языке и *identical, the same* в английском языке актуализуют процедуру установления тождества, что так же, как и указание на место единицы в натуральном ряду (элементы толкования *первый* в русском языке и *the number one* в английском) и установление точного количества (элементы толкования *единственный* в русском языке и *unique, the only* в английском языке),

относится к процедуре квантификации и позволяет характеризовать данный компонент значения рассматриваемых лексем как категориально-лексическую сему 'квантитативность'.

Отражение универсально-понятийного аспекта категории единичности в языке, по нашей гипотезе, составляют выделенные категориально-семантические значения лексемы *один* и ее форм (*одна/одно*) и лексемы *оде* как ядерных составляющих ФСП единичности в сопоставляемых языках.

Данные категориально-семантические значения соотносятся с универсальными логико-семантическими категориями.

Понятия *отдельности*, *выделенности* и *единства* принадлежат категории предметности, которая понимается как отдельность, индивидуальность существования, наличие четко очерченных границ объекта, т.е. резкое отличие одного предмета от другого.

Категориально-лексическая сема 'определенность/неопределенность' коррелирует с логико-семантической категорией определенности/неопределенности.

Категориально-лексическая сема 'квантитативность' соотносится с категорией количества.

Соотнесение категориально-лексических сем лексем *один* и *оде*, представляющих, по нашей гипотезе, ядерные компоненты ФСП единичности в рассматриваемых языках, позволяет определить категориально-семантическое значение единичности как результат семантизации логико-мыслительного понятия единичности.

С. С. Земичева (Томск, Россия)

НОМИНАЦИИ ЗАПАХА В ДИАЛЕКТНОМ ИДИОЛЕКСИКОНЕ

Данная работа посвящена анализу обозначений запаха в речи носителя сибирского старожильческого говора В. П. Вершининой и является частью исследования чувственного восприятия диалектной языковой личности. Актуальность темы обусловлена ее вписанностью в современную антропоцентрическую парадигму лингвистики, обращением к наиболее массовому типу рядового «человека говорящего», важностью исследования обозначений сенсорного восприятия действительности как главного канала получения информации об окружающем мире. Изучение номинаций запаха на материале речи конкретного диалектоносителя производится впервые.

В качестве источника использовались 4 тома «Полного словаря диалектной языковой личности» (Томск, 2006–2012) и записи спонтанной устной речи информанта, сделанные диалектологами Томской лингвистической школы (10 000 стр.).

В идиолексиконе сибирского старожилы представлено 26 лексико-семантических вариантов с исходным значением обонятельных ощущений или обонятельного восприятия. Это единицы разных частей речи: глаголы (*нюхать*, *пахнуть*), имена существительные (*запах*, *дух*), имена прилагательные (*ароматный*, *запашистый*), отмечен также фразеологизм *бить в нос*. Проанализировано 102 контекста с данными номинациями.

Ядро семантического поля «Запах» – глагол *пахнуть* в безличной форме (29 контекстов): *Ешо' от этой мази. Пахнет от неё плохо, прям в нос бьёт.* Данный глагол в речи диалектной языковой личности имеет субъектную валентность, отсутствующую в литературном языке: *Мне охота, вам поди пахнуть будет, хочу «звёздочкой» помазать голову.* [Нет.] *Продушу' вас. Вы, поди, не любите?.*

Распространено в речи также общее обозначение свойства – *запах* (22): *От него [зимнего чеснока] запаху такого нет, аромата, гыт, тот лучше, гыт, летний.* Чаще всего лексема *запах* сочетается с бытийными глаголами или предикативными словами (*нет*). В двух контекстах отмечено сочетание с глаголами движения: *Она прило'жила [вёх], а там запах-то пошёл, она нанюхалась – помешалась умом.*

Многие номинации запаха имеют оценочный компонент, чаще оценка негативна (*аромат, ароматный, запашистый, запашистеный* – дух, души'на 'сильный неприятный запах' (диал.), духля'вый 'имеющий неприятный запах' (диал.), продушить, псина, пере'ть 'издавать, распространять сильный запах' (прост.), припахивать). Кроме того, номинации обонятельного восприятия могут сочетаться с оценочными лексемами в текстах (*пахнет плохо, запах хороший/страшный*).

Оценка запаха во многом зависит от его источника. Часто объектом восприятия (источником запаха) является пища. Положительную оценку получают запахи свежего, в особенности домашнего, хлеба и хлебобулочных изделий: *Хоро'ши, запаши'сты, булки больши'.* Негативно оценивается запах испорченных продуктов: *И Таня продавец говорит: «Мясо нехоро'ше было, уже припа'хывает, и жи'рно ши'бко».*

Запахи фитосферы чаще получают положительную оценку, особенно это характерно для цветущих растений, а также для растений, употребляемых в пищу: *В чашку ягоду насы'пала – то кру'нна! То арома'тна! Хоро'ша!* Упоминание запахов животных, как правило, маркировано негативной оценкой: *Они их [поросят] в и'збу посадили, в яшишк такой большой. <...> Ой, Ленка: «Души'на, души'на! Ой, души'на, не надо их!» Аня тоже, что «ой, пахнет, пахнет!».* Однако неприятный запах животного может оцениваться положительно, если это свойство полезно: [Кошка мышей ловит?] *Да кто ё знат, ловит ли не ловит, ну нету. <...> Тьфу-тьфу, нету. Она... они запах кы'скин чувт... кошкин, говорят, уxo'дют.* В данном случае оценка осуществляется по прагматическому критерию, который является одним из основных в картине мира диалектоносителя.

Запахи артефактов чаще воспринимаются как неприятные. Неоднократно упоминаются в текстах резкие, сильные неприятные запахи лекарств и краски для пола: *Измазалась [мазью]. Ешо духами. Поди, ши'бко пахнет; Кого я накрашу? Так голова болит, а ешо запах такой будет, я и вовсе... Как приятный может оцениваться запах парфюмерии: Я говорю: «Каки'-нибудь духи купи ей». <...> Елена гыт «хоро'ши, запах хороший». Она 25 тысяч дала.*

Запах человека в норме отсутствует. Соответственно, его появление обращает на себя внимание как свидетельство нарушения нормы, например, несоблюдения гигиены: «Ой, да кака' ты чистенька, да от тебя ничё не пахнет, да ничё!.. А у нас [в]от от ба'ушки дак пахнет». Я говорю: «Ну, мойте её, убирайте за ей, и от её не будет пахнуть». Наличие неприятного запаха может быть связано с употреблением табака, алкоголя, что является нарушением социальной нормы: *Они тоже, гыт... ку'руют* [девочки]. <...> *А станет – гыт, прёт прямо, табаком-то; От неё [пьяной], гыт, пахнет прям... Не дай бог, я терпеть ей не могу да всё.*

Глагол *нюхать*, занимающий центральное положение в общезыковой системе обозначений обоняния, в речи диалектоносителя отмечен всего 1 раз. В то же время информант использует достаточно много дериватов данного глагола, иногда отличающихся от литературной нормы (*принюхаться, заню'хаться* 'нюхая, вдыхая какой-л. запах, испытать состояние удовольствия' (диал.), *нанюхаться*).

Специфика устной речи проявляется в том, что номинации восприятия запаха диалектоноситель сопровождает паралингвистическими средствами: *Ну, он [родственник] это, сытый был, [масло] выташиыл: [втягивает носом воздух] «Холодильником пахнет».* Подобные примеры являются проявлением изобразительности диалектной речи, которая исследовалась в работах В. Е. Гольдина.

Для обозначения процесса обонятельного восприятия диалектная ЯЛ чаще всего использует глагол *слышать* (8). С его помощью обычно сообщается об ослаблении или утрате обонятельной способности: *А я не очень запах стала слышать.* В исследуемых текстах не отмечается слабая степень проявления запаха, что может объясняться как ослаблением обоняния у говорящего, так и (вместе с тем) общей тенденцией народно-речевой культуры к выражению экстенсивных, сильных признаков (аналогично тому, что чаще используются обозначения ярких цветов, громких звуков). Высокая интенсивность запаха выражается словообразовательно (*души'на*) или с помощью классификаторов (*ши'бко, сильно*).

Своеобразна субъектная организация глаголов обонятельного восприятия. При использовании глаголов со значением процесса обонятельного восприятия субъектом очень часто выступают животные: *Я не убрала тво'рог, поди, кы'ска наню'хала, поди; [Кошке] Брысь отцэ'дова, ню'хатся ходит!; Они [овцы] прямо запах [сырого мяса], видно, слы'шут – ни за что не идут!.* Возможно, это связано с экстралингвистическими факторами и знанием информанта о том, что у животных обоняние развито лучше, чем у людей.

Итак, обозначения запаха в лексиконе диалектоносителя не отличаются разнообразием. Несколько чаще используются обозначения неприятного запаха (их больше и по количеству лексем, имеющих сему 'неприятный', и по количеству примеров, где оценка выводится из высказывания в целом).

Разнообразны упоминаемые в повседневной речи источники запаха: это природные объекты, артефакты, человек. Приятные обонятельные ощущения вызывают запахи пищи, растений, к источникам неприятных запахов относятся животные, вещества химического происхождения, разлагающиеся органические вещества.

С. Е. Кремзикова (Донецк, Украина)

СИТУАТИВНЫЕ МОДЕЛИ КОММУНИКАТИВНОЙ ИНТЕРАКЦИИ В ДИСКУРСАХ СТАРОФРАНЦУЗСКОГО ПЕРИОДА

В лингвистических исследованиях последних лет четко обозначилась тенденция изучения языка в рамках коммуникативно-прагматического подхода. Обращение к проблемам коммуникации, теории речевого действия и речевого воздействия обусловлены необходимостью изучения особенностей человеческого общения, поиска причин коммуникативных неудач и оптимальных путей их устранения. Внимание исследователей привлекают поиск и определение общих принципов, которые характеризуют природу языка и когниции, а также разработка нового методологического аппарата анализа когнитивных основ языковых структур и их речевая реализация. Речевая деятельность трактуется как один из модусов когниции, в основе которого находятся свойства, не являющиеся собственно лингвистическими, но которые создают для них предпосылки [1, с. 21; 2; 3, с. 16; 4, р. 17, 21–23].

Понятие ситуации как единицы описания языковой картины действительности по-разному трактуется в работах лингвистов. Если языковая ситуация определяется как совокупность форм существования языка в их функциональной специфике в определенном регионе (стране), речевая ситуация реализуется в языковой ситуации в конкретных условиях, то коммуникативная ситуация обозначает готовность коммуникантов использовать конкретные подязыки, их стилистические средства в речевой деятельности, она определяет речевое поведение, стратегию и тактику коммуникации [5, с. 481; 6, с. 337]. Изучение ситуации в коммуникативном аспекте включает и изучение лингвистических стратегий в межперсональной коммуникации, в процессе интеракции [7, р. 186]. Последняя не ограничивается отдельными действиями субъектов, она разворачивается в процессе, когда каждый участник ситуации взаимодействует с другими посредством серии действий и противодействий. Акт референции делает ситуацию интеракции объектом дискурсивного действия. В дискурсе происходит репрезентация структуры реальной предметной (референтной) ситуации: проводится идентификация объектов и отношений, присущих данным историческим, идеологическим, этнографическим, культурологическим условиям. Когнитивный образ предметно-референтной ситуации обусловлен знаниями о предмете, происходящими из предварительного опыта, и возможности прогнозирования. Такой образ может быть представлен в виде модели – некой базовой структуры репрезентации знаний о предметно-референтной ситуации.

В концепции Т. А. ван Дейка ситуация рассматривается как схема, модель, отражающая знания, убеждения, взгляды, опыт носителей языка, которые участвуют в процессе порождения и понимания текста [8, с. 185]. Модель ситуации носит структурный характер. Среди компонентов ситуации выделяются условия, обстоятельства, участники, события, действия. Ситуации, в которых происходит влияние человека на человека, предполагают активную позицию субъекта, выполняющего действие. Переход к человеческому фактору вносит в ситуацию элемент интенциональности, что является характерным для различных действий.

Принятая в работе единица исследования «деятельностная ситуация» рассматривается как лингвокогнитивная модель определенной онтологической ситуации, формулы которой на концептуальном уровне отражают характер связи между объектами реального мира. Она представляет собой функциональную аппроксимацию, идеализацию объекта, исходя из многогранной природы языковых явлений, их семантики, структуры, взаимодействия с другими единицами категоризации, функционированием в речи. Деятельностная ситуация, с одной стороны, находит свое воплощение в рамках высказывания с помощью таких традиционных понятий, как лексическое, словообразовательное, грамматическое значение, а с другой – соседствует с такими когнитивными структурами, как фрейм, сценарий, отражая концептуальные связи с действительностью.

Модель деятельностной ситуации представляет узел отношений, который организует языковые единицы в синтагматическом и парадигматическом планах, делает возможным существование глубинной сети взаимоотношений, которая на поверхностном уровне дискурса выражается рядами семантически и формально связанных слов [9]. Для дискурсов старофранцузского периода – эпического, куртуазного, агиографического – характерными являются интеракции с элементами ритуализированного действия. Ядерный смысл универсальной модели ситуации демонстрирует глагол и его актанты: *baptisier* ‘крестить’, *benëir* ‘благословлять’, *sacrer* ‘освящать’, *sermoner* ‘произносить молитву’. Большинство таких действий имеет прескриптивный модус, в них отражено поведение людей с намерением влияния на адресата в соответствии с принципами религиозной морали. Модели ситуаций прескриптивного характера реализуются и в старофранцузских уставах ремесел, регламентах организации ярмарок и других документах делового дискурса. Однако их целью является урегулирование производственных или торговых отношений, а не изменение мировосприятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демьянков, В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–33.
2. Караулов, Б. С. От грамматика текста к когнитивной теории дискурса / Б. С. Караулов, В. В. Петров // Язык. Познание. Коммуникация. – М. : Прогресс, 1989. – С. 5–10.

3. Рыжова, Л. П. Релевантность как когнитивно-прагматическая категория / Л. П. Рыжова // Твер. лингв. меридиан. – Тверь : Науч. кн., 2006. – Вып. 6. – С. 16–22.
4. Reboul, A. La pragmatique aujourd'hui. Une nouvelle science de communication / A. Reboul, J. Mœschler. – Ed. Du Seuil, 1998. – 209 p.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 685 с.
6. Бацевич, Ф. С. Основи комунікативної лінгвістики / Ф. С. Бацевич. – Київ : Академія, 2004. – 342 с.
7. Baylon, C. La Communication / C. Baylon, X. Mignot. – Paris : Nathan, 1991. – 400 p.
8. Дейк, Т. А. ван Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – М. : Прогресс, 1989. – 310 с.
9. Кремзикова, С. Ю. Словотвір та дискурс: діяльнісці ситуації у старофранцузькій мові / С. Ю. Кремзикова. – Київ : Видав. Дім Дмитра Бураго, 2010. – 512 с.

А. Н. Кузин (Минск, Беларусь)

ПРОБЛЕМА ПАРМЕНИДА: ЯЗЫК И ЛОГИКА ПРОТИВ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ, ВОСПРИНИМАЕМОЙ ОРГАНАМИ ЧУВСТВ

Парменид Элейский – великий древнегреческий философ-досократик (род. ок. 515 г. до н.э.). Влияние его на философскую мысль всего античного мира неоспоримо. По сути, не будет преувеличением утверждать, что все последующие философские системы Древней Греции представляли собой ответ на проблему, поднятую Парменидом.

Парменид представил свое учение в поэме «О природе». Она состоит из введения и двух частей. В первой части, которую условно можно назвать «Истина», представлено учение об умопостигаемом бытии. Во второй – условно «Мнении» – представлено учение о чувственно постигаемом мире. Удивительным образом первая часть отрицает вторую, заранее объявляя не только излагаемое в «Мнении», но и все однотипные учения ложными.

Именно в первой части поэмы Парменида содержится положение-проблема, ведущее к парадоксальным следствиям, которые, с одной стороны, невозможно принять, так как они противоречат опыту, а с другой – их приходится принимать, так как они логически необходимы. В чем же состоит проблема Парменида?

Свое учение о бытии он строит на положении, состоящем из двух посылок, которые полагает неопровержимыми и которые настолько очевидны, что они тавтологичны:

- 1) то, что есть, есть (бытие есть);
- 2) то, чего нет, нет (небытия нет).

Мысль Парменида даже правильнее будет выражать односложно, чтобы не разделять ее на субъект и предикат, понимая, однако, приводимые слова как целые законченные предложения: «ЕСТЬ»; «НЕТ». Строго говоря, высказывание НЕТ не верно и представляет уступку нам, смертным, так как то, о чем оно говорит, не существует. Сказать о нем, следовательно, ничего нельзя. Более того, даже просто указать на него нельзя.

Невероятными следствиями из существования только того, что есть, является невозможность ни возникновения, ни изменения во времени, ни уничтожения:

Остается только один мысленный путь
[который гласит]: «ЕСТЬ». На нем – очень много знаков,
Что сущее нерожденно, оно и не подвержено гибели,
Целокупное, однородное, бездрожное и законченное [1].

Более наглядно это представлено в известной апории ученика Парменида, Зенона, об Ахилле и черепахе. Согласно этому известному мысленному эксперименту быстроногий Ахилл никогда не догонит медлительную черепаху, дав ей фору. Логика проста и неопровержима. Пока Ахилл окажется там, где была черепаха, она уйдет на какое-то расстояние вперед. За то время, пока он будет добираться до этого второго места, она успеет пройти еще некое расстояние. И так далее, *ad infinitum*. Если следовать той же логике, то Ахилл и черепаха даже никогда не смогут не то, что соревноваться в быстроте, но даже двинуться с места. Ведь для того чтобы пройти какое-то расстояние, они должны пройти половину этого расстояния. Но для этого надо преодолеть четверть расстояния и так далее. То же рассуждение применимо не только к движению в пространстве, но и к изменению во времени, ведь для того чтобы прошел час, нужно пройти получасу, минуте, секунде, миллисекунде и... Ахилл и черепаха в таком случае будут похожи на насекомых, застывших в янтаре вечно пребывающего и неизменного бытия.

Проблема Парменида, как она здесь понимается, заключается в том, что данные следствия напрямую противоречат нашему повседневному опыту. Мы не только постоянно думаем и говорим о несуществующих вещах, но и без труда можем наблюдать возникновение чего-либо, его изменение во времени и уничтожение.

Парменид принимает сторону разума в противостоянии с показаниями органов чувств и готов следовать логике своего рассуждения, даже если выводы нелепы с точки зрения обыденного здравого смысла. Действительно, его послышки, приведенные выше, невозможно отрицать, если слова значат то, что они значат. Это тавтологии, а тавтологии по определению всегда истинны. Если реальность им не соответствует, тем хуже для реальности. В чем не откажешь ранним греческим философам, так это в их готовности следовать за логикой вопреки очевидности. Такая интеллектуальная смелость не может не вызывать уважение.

Как же возможен такой разлад между, с одной стороны, логикой и языком, а с другой – реальностью и показаниями наших органов чувств?

Часть ответа на этот вопрос заключается, конечно, в известной произвольности языкового знака. Между языковыми знаками и тем, на что они указывают, нет никакой необходимой естественной связи.

Более важно, однако, то, что язык представляет собой систему дискретных единиц и накладывается на реальность, которая отнюдь не является дискретной. Если воспользоваться известным различием между цифровой и аналоговой технологией, то язык представляет собой дискретную цифровую систему, тогда как реальность в основе своей аналогова. Не все в языке дискретно. Частично аналогова интонация. *Что?* в переспросе и *Что?!* в удивленном восклицании отличаются по степени, но не дискретно. Это, впрочем, редкость для языка. Основные различия, создающие язык, дискретны. Действительность есть нечто сплошное, язык же есть нечто прерывистое, состоящее из единиц.

Во-первых, дискретны смыслоразличительные звуки языка – фонемы. В русском языке нет промежуточных звуков между [т] и [д] или между [р] и [л]. Выбор всегда нужно будет сделать между словами *дом* или *том*, *рак* или *лак*, но выбрать нечто среднее между двумя этими парами не получится. Сравните это с самим понятием членораздельности речи.

Во-вторых, и это позволяет Пармениду быть столь уверенным в своей правоте, никогда не смешиваются значения слов друг с другом. Вещи могут переходить в свою противоположность. Но, как замечает Сократ в платоновском «Федоне», этого никогда не происходит с идеями. Вещь может быть холодной и стать горячей, но само понимание того, что есть холодное и что есть горячее, никогда не смешиваются. Чтобы иметь нечто более конкретное, лучше говорить не об идеях, но о значениях слов. Не только план выражения, но и план содержания языковых единиц должен отличаться своего рода членораздельностью. Слово *теплый* не может получить значение слова *холодный*, слово *дерево* не может использоваться для указания на стиральную машину, если вы в магазине просите молоко, вы не ждете, что вам дадут чай. Разумеется, мы часто спорим о том, как назвать тот или иной предмет и у многих слов есть синонимы, но ведь сами такие споры и существование синонимов только и возможны в силу того, что у слов есть свои собственные значения, отличные от значений других слов. Значения слов меняются со временем, но в каждый данный момент слово должно употребляться так, чтобы быть понятным для других людей. Различия в том, как языки разграфляют реальность, не является возражением. Вы не можете в одном языке использовать слово с тем значением, которое имеет его словарное соответствие в другом языке. Это не позволяют другие слова этого языка. Каждое слово ревностно охраняет свое собственное значение и при прочих равных условиях не позволяет его экспроприировать.

Интересно, что в человеческом мире почти все организуется дискретно, подобно тому, как это устроено в языке. Оглянитесь вокруг себя. Кухонные принадлежности, предметы мебели, машины на улице, здания – все легко отличимо и отграничено друг от друга. Много прямых линий, а тем самым

много указаний на границы вещи, ведь идеально прямых линий почти не существует в природе. Возможно, это что-то вроде переноса дискретности языка к созданию специфически человеческого мира. С другой стороны, это может быть указанием на более глубокий когнитивный механизм, позволяющий четко отличать единицы знаковых систем и артефакты друг от друга и оперировать ими.

Парменид выбирает язык и логику в противовес показаниям органов чувств. В этом есть свои преимущества. В конце концов, такие основания более надежны, чем всегдашняя изменчивость и текучесть действительности. Однако тем самым он выбирает искусственный конструкт, подспудно содержащийся в языке, полагая его единственно реальным. Сама же реальность объявляется им чем-то иллюзорным. Такое движение мысли, заключающееся в доверии языку и логике вопреки показаниям органов чувств, не есть исключительно принадлежность только философии Парменида и его можно будет наблюдать во многих последующих философиях от Платона до Хайдеггера.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лебедев, А. В.* Фрагменты ранних греческих философов / А. В. Лебедев. – М. : Наука, 1989. – С. 290.

L. Lescheva (Minsk, Belarus)

UNIVERSAL WAYS OF NAMING AND CORRELATIVE NAMES IN GENETICALLY RELATED LANGUAGES

According to Chomsky, a visiting Martian scientist would surely conclude that aside from their mutually unintelligible vocabularies, Earthlings speak a single language. S. Pinker «The Language Instinct».

Though the diversity of languages is too great to postulate absolute universals, one can hardly disagree that there are absolute universals concerning ways of naming: there are either borrowing or creation of a name out of means available in a language. The latter may be done by three subtypes of naming: lexical-semantic (metaphoric/metonymic), morphological (for example, compounding, affixation, conversion) or lexicalization of a free word-group.

This variety of ways of naming, arbitrariness of the form and the content relation in a linguistic sign, and difference in cultural and historic environment of language communities may make incomprehensible even the vocabularies of genetically related languages, like Russian and English, belonging to the same Indo-European language family.

Different degree of similarity that correlated words may exhibit may take place due to their common source of borrowings (for example, Latin or Greek for Russian and English words), cultural contacts (Russian borrowings from English in the sphere of computer technologies) or due to their common origin from the same

common ancestor (Proto-Indo-European Language, or PIE). The words in kindred languages referring to different conceptual spheres may reveal different degree of their genetic relatedness (cf., for example, the kinship and computer terminology in Russian and English).

The Russian and English correlated words belonging to such a vitally important group as VEGETABLES and FRUIT are very heterogeneous from the point of view of their etymological characteristics. The role of the words having the common origin (*яблоко* – *apple*, *бобы* – *beans*, *пена* – *kohlrabi* – *кольраби*, *редька* – *radish* – *редис*) happens to be relatively insignificant due to the differences of geographic, historic and cultural factors that the migrating from the common territories East-Slavic and West-Germanic peoples happened to be in and also due to the growing roles of new Proto languages (Proto-Slavic and Proto-Germanic) in naming the concepts in this sphere, and later to such factors as the influence of Western and Eastern Christianity accordingly on England and Russia, the Norman conquest of England and historical relations of Russia and Asia, etc.

Е. П. Маюк (Минск, Беларусь)

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НУМЕРАТИВОВ В ПАРЕМИЯХ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ПРИРОДА»

Количественная оценка имеет своим предметом релевантные для предметной и коммуникативной деятельности человека объективные различия сферы квантитативной определенности. Конституирующим фактором этой оценки является выражение отношения субъекта к оцениваемому количеству [1, л. 51]. По мнению Л. Г. Акуленко, «любые средства языковой оценки функционируют с ориентацией на какую-то точку отсчета, являющуюся основанием оценки. Для оценочного определения количества, величины, времени это явные или неявные эталоны (нормы)» [2, л. 29]. Количественная оценка, как и любая другая оценка, субъективна. В связи с этим нормы сравнения могут быть известны каждому, но могут быть и индивидуальными, связанными с количественными представлениями лишь одного человека, зависеть от ситуации и быть опосредованными. Таким образом, количественная оценка связана с аксиологической, тяготеет к экспрессивности и может получать в тексте положительную или отрицательную коннотации.

Пословицы и поговорки имеют непосредственную связь с действительностью и спецификой самых различных видов деятельности человека. В данной статье анализируются белорусские и английские нумеративы в паремиях тематической группы «Природа» с целью определения функциональных особенностей лексем количественной семантики, которые используются для оценочной, качественной характеристики объектов окружающего мира; выявления общего и специфичного в восприятии действительности двумя этносами.

С помощью нумеративов *траціна*, *палавіна* и *адзін* с субкатегориальным значением ‘норма’ в белорусских поговорках актуализируется количественная оценка ‘достаточно’: *Студзень – году пачатак, а зіме – палавіна*. В пословице месяц и время года связываются с временными промежутками (*пачатак* и *палавіна*), которые являются естественными для января и зимы.

Нумератив *адзін* с субкатегориальным значением ‘мало’ может рассматриваться как достаточное количество: *На Івана прасіце, дзеткі, у бога дажджу, а пасля Івана я і адзін упрашу*. Здесь малое количество людей рассматривается как достаточное и удовлетворительное для выполнения действия.

Одновременно, нумеративы с субкатегориальным значением ‘мало’ функционируют как показатели чрезмерного количества: *На саракі ў адзін дзень сорак марозаў. One hour's cold, will spoil seven years' warning* ‘Один час холода испортит семь лет предостережения’ – о потере урожая при плохих природных условиях. Здесь за короткий период времени природа создает нежелательные для человека условия: холод, потеря урожая.

Нумеративы *адзін*, *два*, *двойчы*, *тры*, *пяць*, *шэсць*, *сем*, *восем*, *сорак*, *сто*; *one* ‘один’, *once* ‘один раз’, *two* ‘два’, *both* ‘оба’, *three* ‘три’, *four* ‘четыре’, *seven* ‘семь’, *eight* ‘восемь’, *nine* ‘девять’, *ten* ‘десять’, *thirty* ‘тридцать’, *forty* ‘сорок’ с субкатегориальным значением ‘много’ в поговорках тематической группы реализуют количественную оценку ‘чрезмерно’. В поговорках *Лён расце двойчы: раз на полі, а другі на сцелішчы. When April blows his horn, it's good both for hay and corn* букв. ‘Когда апрель дует в свой рог, это хорошо и для сена и для зерна’, *Nature draws more than ten teams* букв. ‘Природа тянет больше, чем десять команд’ (о вспахивании поля при помощи волов/лошадей) наблюдается положительная оценка квантифицируемых объектов действительности. Примеры свидетельствуют о том, что белорусы и англичане с одобрением относятся к природным явлениям, которые приносят человеку пользу.

Отрицательно белорусы и англичане оценивают чрезмерное проявление природных явлений: *Восень – на дзень пагод восем. Каля Уласа сем марозаў: тры да Уласа, адзін на Уласа і тры пасля Уласа. A May cold is a thirty-day cold* букв. ‘Майский холод – это тридцатидневный холод’, *If the first of July it be rainy weather, twill rain more or less for four weeks together* букв. ‘Если первого июля будет дождливо, то дождь будет идти еще приблизительно четыре недели’.

Самый распространенный нумератив в поговорках данной тематической группы – это *адзін/one* ‘один’ (выявлен в 20,8 % белорусских и 15,8 % английских поговорок), который в белорусских поговорках актуализирует количественную оценку ‘достаточно’ (с положительной коннотацией), ‘чрезмерно’ (с отрицательной коннотацией), а в английских поговорках и поговорках – только количественную оценку ‘чрезмерно’ (с отрицательной коннотацией).

Таким образом, большая часть белорусских и английских поговорок тематической группы «Природа» содержит нумеративы, которые оценивают эффект от тех или иных природных явлений: положительно воспринимаются

природные явления, приносящие пользу человеку (а также растения, животные); отрицательно характеризуются чрезмерные и неблагоприятные изменения в природе (долгая засуха, мороз, дождь, холод).

Соотношение субкатегориальных значений нумеративов с количественными и аксиологическими оценками, реализуемыми в белорусских и английских паремиях тематической группы «Природа», образуют оценочные модели, которые можно представить в виде следующей схемы: «субкатегориальное значение» → «количественная оценка» → «аксиологическая оценка». В данной схеме слева направо уменьшаются дескриптивные характеристики квантитативных единиц и усиливаются их оценочные свойства. В результате функционально-семантического анализа белорусских и английских нумеративов в составе паремий тематической группы «Природа» было выявлено 5 оценочных моделей с разной частотностью их употребления в белорусских и английских паремиях соответственно: «мало» → «достаточно» → «хорошо» (8,3 %; –); «мало» → «чрезмерно» → «плохо» (10,4 %; 21,1 %); «норма» → «достаточно» → «хорошо» (16,7 %; –); «много» → «чрезмерно» → «хорошо» (25 %; 36,8 %); «много» → «чрезмерно» → «плохо» (39,6 %; 42,1 %).

Оценочные модели нумеративов демонстрируют определенные закономерности их использования в белорусских и английских паремиях. «Много» → «чрезмерно» → «плохо» является доминирующей как в белорусских, так и в английских паремиях тематической группы «Природа». Здесь закономерным является негативное восприятие сильного проявления природных явлений (холод, мороз и др.). Преобладание данной модели свидетельствует о тенденции представителей обеих лингвокультур отрицательно оценивать количество, значительно превышающее норму, принятую в обществе; обратить внимание человека на нарушения установленных обществом эталонов поведения, чтобы предупредить ошибки людей, ориентировать их в окружающем мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галич, Г. Г. Семантика и прагматика количественной оценки: на материале современного немецкого языка : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Г. Г. Галич. – СПб.; Омск, 1999. – 340 с.
2. Акуленко, Л. Г. Выражение неопределенно большого и неопределенно малого количества в немецком языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Л. Г. Акуленко. – Харьков, 1982. – 279 л.

Е. А. Морозенко (Донецк, Украина)

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА *CHARACTER* В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА

Изучение концепта в пределах семантико-когнитивного подхода дает возможность установить специфику взаимоотношения семантических процессов с когнитивными и через семантику вербальных единиц проникнуть в концептосферу английского лингвосоциума.

Концепт является ментальным образованием, базовой единицей умственного кода человека, имеет относительно упорядоченную внутреннюю структуру и представляет собой результат когнитивной деятельности индивида и социума. В данном исследовании вслед за С. Х. Ляпиным и В. И. Карасиком концепт понимаем как многогранное когнитивное образование, которое имеет онтологические, аксиологические и образные аспекты, которые характеризуются определенными лингвистическими параметрами [1].

Процедуры анализа концепта включают в себя различные приемы и методики. Метод лингво-когнитивного описания концепта охватывает анализ лексического значения слова-имени концепта и изучение комбинаторных качеств лексем, которые выступают репрезентантом исследуемого концепта; описание средств категоризации концепта в языковой картине мира; исследование структуры концепта и изучение способов репрезентации его составляющих; выявление когнитивных признаков концепта. Анализ концепта *CHARACTER* предусматривает исследование понятийного содержания концепта и языковых единиц, которые его вербализуют.

В результате анализа словарных толкований концепта были выявлены такие его семантические признаки, как «совокупность стойких индивидуально-психологических особенностей человека», «ментальные или моральные качества», «индивидуальные качества», «качества человека, которые делают его не похожим на других». По данным SOED, *character* ‘характер’ – *all the qualities and features that make a person different from others; strong personal qualities such as the ability to deal with difficult or dangerous situations; the interesting or unusual quality that a person has* ‘совокупность свойств, которые отличают человека от других; сильные личные качества, такие как способность действовать в сложной или опасной ситуации; интересная или необычная черта характера человека, *character* ‘характер’ – *the mental and moral qualities distinctive to an individual; the quality of being individual; strength and originality in a person’s nature* ‘ментальные или моральные качества, которые выделяют личность; индивидуальные качества; сила и оригинальность натуры человека’.

Толкование этимологии имени концепта сводится к наличию таких семантических признаков, как «гравировать, ставить печать», «особенное качество». Слово *character* ‘характер’ происходит от греческого *kharakter* ‘гравировальный знак, штамп’, которое образовалось от *kharassein* ‘гравировать, ставить штамп’, т.е. *kharax* ‘заточеный кол’, со временем значение расширилось.

Концепт *CHARACTER* можно охарактеризовать, с одной стороны как общечеловеческую, с другой, как личностную ценность, которая имеет важное значение для каждого индивида как в социальной, так и в личной жизни. Одним из самых главных средств выражения ценности является оценка. Наиболее продуктивными лексическими средствами выражения оценки являются прилагательные. Имена прилагательные могут объединять два аспекта – определять собственно признак и определять оценку [2].

Семантическая структура исследуемых единиц конкретизируется семами, которые определяют особенности употребления, восприятия и отображения черт характера человека, например: *crafty* 'хитрый, изворотливый' *clever at achieving one's aims by indirect, deceitful methods* – 'тот, который хитростью и обманными способами достигает своей цели'; англ. *Two-handed colloq.* 'щедрый' разг. – *generous, open-handed* 'щедрый', 'великодушный'.

Корпус языкового материала составляет 505 оценочных прилагательных, выбранные методом сплошной выборки из англоязычных толковых словарей. Анализ материала дает возможность выделения семантических типов оценочных прилагательных по знаку оценки: прилагательных с семой «отрицательные черты характера» и прилагательных с семой «положительные черты характера». Абсолютное преобладание негативной лексики связано со структурой оценочной шкалы, где нормой является положительная оценка. Внимание говорящих концентрируется на отклонениях от нормы, отсюда количественное преобладание лексики с отрицательной оценкой.

Наиболее продуктивными в количественном плане являются группы прилагательных, вербализующие такие негативные черты характера человека, как бессердечность (*cold-hearted* 'бессердечный', *cruel* 'жестокий'), замкнутость (*gloomy* 'хмурый', *morose* 'нелюдимый'), раздражительность (*crabby* 'раздражительный', *petulant* 'вспыльчивый'). Менее продуктивными оказались прилагательные, обозначающие такие черты характера, как хитрость (*cunning* 'хитрый', *sly* 'коварный'), эгоизм (*selfish, self-interested* 'эгоистичный'), небрежность (*frowsy, sloppy* 'небрежный'). Соглашаясь с точкой зрения В. И. Карасика, считаем, что преобладание отрицательной лексики свидетельствует о тенденции говорящего давать отрицательную оценку человеку, тем самым повышая свою значимость и важность [1]. Вышеперечисленные прилагательные являются наиболее продуктивными в английском языке, так как данные черты характера являются наиболее важным участком оценочной шкалы, по которой дается оценка человеку в языковом коллективе.

Оценочные прилагательные, характеризующие положительные черты характера относятся к периферии концепта *CHARACTER*, что доказывает тот факт, что положительные черты характера воспринимаются как должное и внимание на них не концентрируется, а отрицательные черты не оставляют человека равнодушным и внимание на них концентрируется чаще.

Англоязычная картина мира характеризуется умеренной степенью эмотивности. Связь эмотивного и оценочного компонентов наиболее ярко проявляется в прилагательных, характеризующих отрицательные черты характера, которые лексикографически маркированы пометами 'offensive', 'derogatory', 'vulgar', 'humorous', 'slang'.

Национальное своеобразие английского менталитета отражается в таких чертах характера, как высокомерие, упрямство, самодовольство, вежливость, уравновешенность, что подтверждает высокая частотность прилагательных, которые репрезентируют данные черты характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасик, В. И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж : ВорГУ, 2001. – С. 75–80.
2. Бессонова, О. Л. Оцінний тезаурус англійської мови: когнітивно-гендерні аспекти: / О. Л. Бессонова. – Донецьк : ДонНУ, 2002. – 361 с.

А. Ф. Мухамадьярова (Казань, Россия)

ЦВЕТОВАЯ МЕТАФОРА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Исследователь В. Ф. Гумбольдт писал, что ничто иное не способно приблизить к разгадке тайны человека и характера народов, как их язык. Определенные лексические единицы каждого народа представляют собой менталитет народа. Характерные черты мировоззрения изучаемого языкового сообщества иллюстрируют примеры с компонентом цветообозначения. В метафорических значениях слова отражается языковая картина мира каждого языка.

Прилагательное *blau* во многих культурах символизирует верность. В немецком языке есть фразеологизмы, в которых синий цвет связан с обманом, ложью: *er lügt das Blaue vom Himmel herunter* (рассказывать небылицы; наговорить с три короба), *ins Blaue hineinreden* (городить вздор, молоть чушь; говорить наобум), *jmdm. Das Blaue vom Himmel versprechen* (сулить золотые горы) [1, S. 282]. *Blau* ассоциируется у немцев с нетрезвым состоянием, например, *blau wie ein Veilchen* (быть вдребезги пьяным, быть в стельку пьяным), *voll / blau wie eine Strandhaubitze / Haubitze sein* (быть пьяным в стельку) [Там же]. Во французском языке для обозначения пьяного человека используется другое прилагательное, а именно *gris* 'серый'. В современном русском языке нет фразеологизмов или сочетаний с синим цветом для описания данного состояния, но в памятниках XV – XVI вв. встречается выражение *сини очи* (о глазах пьяниц). Синий в данном случае означает, что отсутствует блеск в глазах, можно также предположить, что глаза мутные, тусклые, лишённые блеска (осмысленности) [2, с. 177–178]. Кроме этого есть еще сложное слово *красноноска* (о пьянице) с другим цветовым компонентом.

Слово *blau* приобретает новые метафорические значения. *Blau* может выступать в качестве метафоры для обозначения состояния человека: сентиментальности, уныния – *Blauäugleinposie*, *Blauklang*; нетрезвого состояния – *Blaudenker*, *Blauzustand*, *stockblau*. Прилагательное *blau* получает также негативное метафорическое значение в следующих подгруппах: значение лжи – *Blaulichtaffäre*, *Blaudunst*, *Blaumagier*, значение жестокости – *Blaubartzimmer*, значение смерти – *Leichensackblau*. В арабском языке существуют сочетания белого, черного и красного цветов со словом «смерть». Белая смерть символизирует естественную или внезапную смерть, красная смерть употребляется при насильственной смерти, а черная смерть означает смерть от удушения [3, с. 300–304].

Проанализировав слова с метафорическим переносом, мы можем сделать вывод, что *blau* может получить как положительную, так и отрицательную коннотацию. Если мы сравним метафорические значения слов *blau*, *синий*, *зәңгәр*, то можно утверждать, что в них отражается культура и душа народа. В словосочетаниях *зәңгәр моң*, *зәңгәр зар* прилагательное *зәңгәр* усиливает грусть, тоску. Слово *зәңгәр* может получать также метафорическое значение надежды, мечтаний, веры, например, *зәңгәр томан*. В немецком языке есть также аналогичное слово *Blaudunst*, но в немецкой языковой картине мира синий цвет приобретает метафорическое значение лжи. В языковой картине мира русского языка словосочетание *синяя дымка* не получает метафорического значения.

В памятниках русской фольклорной культуры синий цвет ассоциировался с магическими действиями. Это связано с тем, что он связывался с водой, где обитают злые силы. Именно поэтому синий цвет являлся символом потустороннего мира, иррационального. С синим цветом связано также большое количество обрядов и суеверий. Интересно отметить, что черта табуированно называли «синец». Синий цвет сохранял свою негативную коннотацию в течение долгого времени. Но в немецкой языковой картине мира отношение к синему цвету изначально положительное. В своем известном трактате «К учению о цвете» И. В. Гёте пишет: «Подобно тому, как охотно мы преследуем приятный предмет, который от нас ускользает, так же охотно мы смотрим на синее, не потому, что оно устремляется в нас, а потому, что оно влечет нас за собою» [4, с. 316]. В корпусе немецкого языка встречается сложное слово *magischblau*, которое получает метафорическое значение загадочности. Сравнив фразеологизмы, пословицы и поговорки, сложные слова с компонентами *blau* и *синий*, мы можем говорить о том, что языковая картина мира в русском и немецком языке отличается. В немецкой культуре нет изначально отрицательной коннотации слова *blau*. В русском языке чувствуется большая связь синего цвета с водой, которая ассоциируется с нечистой силой. Но в немецком языке также есть некоторые выражения с компонентом *blau*, в которых чувствуется негативный оттенок, например, в фразеологизме *blau wie ein Veilchen* ‘быть вдребезги пьяным’, *jmdm. Das Blaue vom Himmel versprechen* ‘сулить золотые горы’.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Wahrig. Deutsches Wörterbuch.* – 9. Vollständig aktualisierte Ausgabe. – München: Wissen-Media-Verlag, 2011. – 1728 S.
2. *Бахилина, Н. Б.* История цветообозначений в русском языке / Н. Б. Бахилина. – М. : Наука, 1975. – 292 с.
3. *Морозова, В. С.* Символика цветообозначения при описании концептов эмоции в современном арабском литературном языке / В. С. Морозова // Фразеология в контексте культуры. – М. : Языки русской культуры, 1999. – С. 300–304.
4. *Гумбольдт, В. фон.* Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1984. – 396 с.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА КАК ОТРАЖЕНИЕ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА
(на материале испанского и французского языков)

Статья посвящена сопоставительному анализу национальных языковых картин мира испанского и французского языков на материале лексико-семантического поля «Религия».

Появление в лингвистической науке понятия языковой картины мира связано, в первую очередь, с проблемой лингвистических изысканий в области поиска идиоэтнических черт национальных языков (структурирование лексико-семантических полей, установление и систематизация отношений между ними).

Рассуждения о том, что представляет собой «языковая картина мира», можно найти у В. фон Гумбольдта, М. Хайдеггера, Л. Вайсгербера, Э. Косериу, Б. Уорфа, Й. Трира, Ф. Дорнзайфа и многих других. Вслед за О. А. Корниловым мы понимаем языковую картину мира как порождение обыденного языкового сознания, что позволяет считать любой этнический язык отражением обыденной таксономии реальности, существующей в коллективном языковом сознании того или иного этноса. Лингвокультурные универсалии в языковой картине мира различных языков обусловлены общечеловеческим характером мышления и познания, а также общим развитием культуры и цивилизации, в то время как лингвокультурная специфика является результатом своеобразного языкового кодирования объектов окружающего мира. В первую очередь, это касается лексической базы языка, о чем говорил Э. Сепир: «лексика – очень чувствительный показатель культуры народа, и изменение значений, утеря старых слов, создание или заимствование новых – все это зависит от истории самой культуры. Языки очень неоднородны по характеру своей лексики» [1, с. 242–243]. В основе сопоставительного изучения лексики разных языков лежит тезис о неразрывной связи языка и мышления. Мышление имеет общечеловеческую природу. Смысловой континуум является общим для всех языков. Однако каждый конкретный язык членит его специфично и особенно. В подтверждение данного постулата мы приводим в пример асимметрию на межъязыковом уровне при сопоставлении лексем религиозного фрагмента языковой картины мира испанского и французского языков. Классическим примером являются селективные лексемы, выражающие некое понятие в одном языке при отсутствии лексем-номинации данного понятия в другом: исп. *santiguada* ‘крестное знамение’, исп. *pascual* ‘пасхальный’, фр. *grimoire* ‘колдовская книга’, фр. *glas* ‘похоронный звон’, фр. *bedeau* ‘церковный сторож’, фр. *nonnette* ‘молодая монахиня’, фр. *prêche* ‘протестантская проповедь’.

При отборе лексического материала мы произвели идеографическое картографирование лексем лексико-семантического поля «Религия» с опорой на идеографические словари, в основе которых лежит идеографическая схема, представляющая собой упорядоченные лексико-семантические классы слов как отражение национальной языковой картины мира.

В нашей работе мы опирались на работу Р. Халлига и В. фон Вартбурга «Система понятий как основа лексикографии», а также на данные идеологического словаря испанского языковедом Х. Касареса. Лексико-семантическое поле «Религия» насчитывает 278 лексем в испанском языке и 277 лексем во французском. Практически все лексеммы характеризуются единством этимологии и происходят от латинских источников, однако уже здесь мы имеем синонимичные разнокорневые лексеммы, произошедшие от различных источников.

Рассмотрим, какими лексеммами передается в различных языках понятие «молиться». Французский глагол *prier* ‘молиться’ восходит к латинскому отложительному глаголу *prēcor, -āri, -ātus sum* ‘молить, умолять’. Именно сема просьбы, прошения наиболее активно реализуется во фразеологической парадигме данной лексеммы: *je vous (en) prie* ‘пожалуйста, прошу вас’ (формула вежливости); *je vous prie de croire que* ‘можете быть уверены, что...’ От этого же корня появилось аналитическое существительное: *prie-Dieu* ‘скамеечка для молитвы’, которому по значению в испанском языке соответствует лексема *reclinatorio*, производное от латинского *reclīnātōrium* ‘опора для спины’; ‘спинка стула’ [2]. В первом случае деривация от лексем *prier* и *Dieu* указывает на то, что значимым признаком данного предмета является цель его использования – молитва, в испанском языке на первый план выходит сема «назначение скамейки как предмета, на который можно опереться во время молитвы». В испанском языке понятие «молиться» выражается глаголом *rezar* от латинского *reclītāre* ‘громко читать что-либо’, которое, в свою очередь дало во французском языке *récliter*, лишенное религиозной семантики. Молитвенный компонент приобретает лишь в словосочетаниях за счет дополнения: *récliter un rosaire* – ‘молиться, перебирая четки’; *la prière de saint Lâche* (уст.) ‘спать’. Номинативная лексема *prière* ‘молитва’ наполнена религиозной семантикой в отличие от однокоренного глагола. Латинским источником послужило форма ж.р. существительного *precāria*, в этимологическом словаре французского языка эта форма датируется VI веком со ссылкой на Psautier de Cambridge, латинским источником послужило женское существительное от *precarious* ‘то, что требуется для молитв’ [3].

В английском языке мы наблюдаем тот же механизм приобретения глаголом религиозного значения за счет дополнительных лексем: *recite vespers* ‘читать молитвы вечерни’. Здесь важно отметить, что из всех языков, заимствовавших данный корень, религиозное значение внутри новообразованных лексем сформировалось лишь в испанском (*rezar* ‘молиться’; *rezo* ‘молитва’, ‘моление’) и баскском (*errezatu* ‘молиться’; *errezu, -zu* ‘моление’, ‘молитва’) [4]. Испанская фразеологическая парадигма наглядно это доказывает: *si fuera santo, no le rezaba un padre nuestro* (букв. если бы он был святым, ему бы не молился наш падре) ‘он мне неприятен, несимпатичен’; *en menos que se reza un padre nuestro* (букв. быстрее, чем молится наш падре) ‘в один момент, в один миг, моментально’. Синонимичный испанский глагол

orar ‘молиться’ берет свое начало от латинского *ōrāre* ‘декламировать, говорить как оратор’, но во французском языке данный латинский источник не дал плодов, сохранившись в словарях лишь как *orer* с пометкой *ants*. ‘устаревшее’.

Одним из факторов количественного несоответствия является наличие синонимов определенного понятия в одном языке при их отсутствии в другом, например, идеографическим синонимам французского языка *couvent*, *monastère* и *cloître* в испанском языке соответствуют *monasterio* и *convento*, французские идеографические синонимы *chapelet* и *rosaire* выступают против одной лексемы *rosario* в испанском. Количественным и качественным различиям между лексико-семантическими полями испанского и французского языков способствует наличие архаизмов в одном из языков (исп. *escapulado* ‘монах’, исп. *apostóligo* ‘Папа Римский’, исп. *freira* / *freyra* / *frayla* ‘монахиня’, фр. *frayla* ‘монахиня’) и вариантов. Говоря о лексических вариантах, мы имеем в виду явление вариантности как представление о различных способах выражения какой-либо языковой сущности, ее модификации, разновидности или как об отклонении от некоторой нормы. Например, в испанском языке некоторые причастия помимо правильной формы имеют неправильную и функционируют в двух вариантах, различаясь по функциям: правильные формы имеют тенденцию образовывать сложные времена с глаголом *haber*, в то время как неправильные формы часто используются в качестве прилагательных. На нашем материале можем выделить сосуществующие формы *confesado/confeso*. Среди номинативных лексем необходимо отметить соответствие французскому *abbe* испанских *abate* и *abad*.

Методы теории семантического поля и идеографических классификаций лексики являются весьма эффективными при изучении картины мира, отраженной в языке народа, в особенности, при сопоставительно-типологическом исследовании языков, являющемся одним из наиболее эффективных и перспективных направлений современной лингвистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сепир, Э. Язык, раса, культура. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир / под ред. А. Е. Кибрика. – М. : «Прогресс», 1993. – С. 242–243.
2. Diccionario Espasa de la lengua española : primaria / dir. Ed. M. Palés Castro; ilustración: C. Arroyo, A. Cuadrado. – 6ta ed. – Madrid : Espasa Calpe, 2004.
3. Dictionnaire etymologique et historique du français / J. Dubois, H. Mitterand, A. Dauzat. – Paris: Larousse, 1993. – XXXIV.
4. Segura Munguía, Santiago. Nuevo diccionario etimológico Latín-Español y de las voces derivadas / Santiago Segura Munguía. – Bilbao: Universidad de Deusto, 2003. – XXII.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СПОСОБОВ НОМИНАЦИИ В РАМКАХ ОБЩЕГО ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОГО ЗАДАНИЯ

Потребности человека в именах удовлетворяются, как правило, посредством двух ведущих способов номинации – словообразования и семантической деривации. К общим характеристикам словообразования и семантической деривации относится их опора на уже означенные, поименованные концепты, что является удобной когнитивной стратегией, позволяющей запоминать, хранить и использовать новые знания (Р. Лангакер, Е. С. Кубрякова). В поисках знака – источника номинации – словообразование и семантическая деривация обращаются к лексическим единицам, используя их с разной степенью активности или не используя вовсе. Выбирая в качестве производящих единицы определенных лексико-семантических групп, оба способа номинации могут выполнять не только специфические, но и аналогичные смысловые задания. Возникает вопрос о том, как выполнение общего задания распределяется между ведущими способами вторичной номинации, существует ли определенная согласованность в действиях, т.е. взаимодействие, между словообразованием и семантической деривацией.

Материалом для исследования послужили наиболее частотные наименования частей тела немецкого языка, а также их вторичные значения, производные слова и композиты. Отбор семантических и словообразовательных дериватов проводился на основе толкового словаря “Duden. Das große Wörterbuch”, толкового словаря “Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache”, словообразовательного словаря Й. Шплетта, терминологических словарей немецкого языка.

Среди общих ономасиологических заданий словообразования и семантической деривации можно выделить наименования предметов одежды или их частей: *der Arm* **3.** ‘рукав’, *die Brust* **4.** ‘манишка’, *der Beinling* ‘брючина, штанина’, *der Füßling* ‘нижняя часть чулка, покрывающая стопу’, *die Fußbekleidung* ‘обувь’, *die Kopfhaut* ‘летний шлем; резиновая купальная шапочка’. Результаты словообразования подразделяются на собственно производные единицы, образованные с помощью суффиксации, и на композиты. В сложных словах наименования частей тела используется в качестве первого специфицирующего компонента, в то время как лексико-семантическая принадлежность единицы, как правило, определяется вторым (последним) компонентом: *die Bekleidung* ‘одежда’, *die Haube* ‘чепец, колпак’.

Наибольший интерес для исследования представляет сравнение собственно производных слов и вторичных значений, поскольку в обоих случаях мотивирующей единицей является именно наименование части тела. Анализ соответствующих производных наименований предметов одежды позволил выделить следующие направления взаимодействия словообразования и семантической деривации.

1. Оба способа номинации при выполнении данного смыслового задания используют в качестве мотивировочного признака топологический регион денотата, обозначенного производящей единицей. Как в словообразовании, так и в семантической деривации когнитивной основой для вторичного использования имени является поверхность части тела, контактирующая с предметом одежды или его частью: *der Ärmel* ‘рукав’: *den Arm teilweise oder ganz bedeckender Teil eines Kleidungsstückes* (‘часть одежды, полностью или частично **покрывающая руку**’), *der Beinling* ‘брючина, штанина’: *der Teil eines Kleidungsstücks, der die Beine bedeckt* (‘часть одежды, **покрывающая ногу**’), *der Fuß* 3. ‘нижняя часть чулка, **покрывающая стопу**’: *den Fuß (1 a) bedeckender Teil des Strumpfes*. Таким образом, при наличии общей ономаσιологической цели «предмет одежды или его часть» смысловое отношение между источником и целью номинации является одинаковым для словообразования и семантической деривации.

2. Семантическая деривация и словообразование при выполнении данного смыслового задания вступают в отношения дополнительной дистрибуции: если производящая единица используется одним способом номинации, другой способ не задействует ее: единица *die Faust* ‘кулак’ служит производящей базой для слова *der Fäustling* ‘рукавица’, но не имеет лексико-семантического варианта со значением «предмет одежды или его часть». И наоборот, единицы *die Brust* 1. ‘грудь’; 4. ‘манишка’, *der Kopf* 1. ‘голова’; 13. ‘тулья шляпы’, *die Schulter* 1. ‘плечо’; 4. ‘плечико одежды’ используются для наименования предметов одежды или их частей при помощи семантической деривации и не задействованы для выполнения данного задания в суффиксальном словообразовании.

3. Как показывает анализ, в процессы словообразования и семантической деривации, направленные на выполнение идентичного смыслового задания, могут быть вовлечены одни и те же производящие единицы. В таком случае оба способа номинации участвуют в образовании слов с одинаковым значением: *der Arm*, *der Ärmel* ‘рукав’, *das Bein*, *der Beinling* ‘брючина, штанина’, *der Fuß*, *der Füßling* ‘нижняя часть чулка, покрывающая стопу’. Производные единицы, обнаруживающие тождество смысловых заданий словообразования и семантической деривации, различаются, тем не менее, в функциональном аспекте.

В лексикографических источниках вторичные значения слов *der Arm* ‘рукав’, *das Bein* ‘брючина, штанина’, *der Fuß* ‘нижняя часть чулка, покрывающая стопу’ снабжены стилистическими пометами, ограничивающими область их употребления: в словаре “Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache” названные единицы имеют помету «разговорный» (*umgangssprachlich*), а в словаре “Duden. Das große Wörterbuch” вторичное значение слова *der Arm* ‘рукав’ определяется как профессионализм (*Fachsprache*). Напротив, единицы *der Ärmel*, *der Beinling*, *der Füßling* в данных лексикографических источниках представляются нейтральными, общеупотребительными.

Таким образом, можно выделить ряд направлений взаимодействия словообразования и семантической деривации при выполнении общего ономаσιологического задания. Обращаясь к производящим единицам, оба способа используют в качестве мотивировочного признака топологический регион (поверхность) той части тела, которая контактирует с предметом одежды или его частью. При выборе источника номинации словообразование и семантическая деривация распределяют между собой производящие единицы, находясь, таким образом, в отношениях дополнительной дистрибуции. Распределение функций способов номинации сохраняется и тогда, когда они ориентируются на достижение общей номинативной цели и при этом используют одни и те же единицы в качестве производящих. Возникающие в этом случае лексико-семантические варианты и производные слова с идентичными значениями обнаруживают функциональные различия, что позволяет сделать вывод о комплементарном характере взаимодействия словообразования и семантической деривации в номинативном процессе.

А. Р. Рахимова (Томск, Россия)

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ КОРРЕЛЯТ «ПОВЕРХНОСТЬ-ГЛУБИНА» В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЗНАНИЯ О ПСИХИЧЕСКОЙ СФЕРЕ ЧЕЛОВЕКА¹

Исследование метафорических способов репрезентации научного знания – одно из актуальных направлений, которое развивается в когнитивистике XXI века [1–4]. Наряду с прямым обозначением новых реалий, ученые отмечают особое функционирование «концептуальной метафоры», участвующей в осмыслении и представлении новой информации на основе процесса аналогии [5].

Концептуальная метафора является одним из основных способов передачи знания об абстрактных сущностях (Н. Д. Арутюнова, А. А. Зализняк, Д. А. Катунин). Среди способов их репрезентации исследователи выделяют активное использование параметрической лексики, употребляемой в переносном значении (*высокий, низкий, широкий, узкий, тесный* и др.). Лингвистическое исследование лексем «глубина», «глубокий», «глубинный» связано с рассмотрением данных понятий в качестве единиц, привлекаемых для характеристики определенного круга имен. Е. В. Рахилина выделяет четыре метафорических модели, организующих знание об абстрактных явлениях в наивной картине мира: метафору содержимого контейнера (*глубокая ошибка, глубокое изменение, глубокое изучение*); метафору препятствия (*глубокое расхождение, глубокое противоречие, глубокое несогласие*); метафору дистантного расположения (*глубокое отчаяние, глубокая любовь, глубокий интерес*) и метафору слоя (*глубокий сон, глубокий покой, глубокая тишина*) [6, с. 148–152].

---

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00302 «Метафорическая концептуализация в формировании терминосистем: гносеологические универсалии русской научной картины мира».

Функционирование параметрической лексики в языке науки по психологии – аспект, ранее не рассмотренный отечественными и зарубежными когнитивистами. В связи с этим, цель данного доклада – показать специфику метафорического моделирования психической сферы человека на основе представления о поверхности и глубине пространства в научном психологическом дискурсе.

Результаты исследования показали, что пространственный коррелят «поверхность – глубина» служит основой для представления знания о структуре психики человека, структуре понимания, структуре эмоций и психических состояний и структуре психического нарушения.

1) Структура психики

Двойственная организация структуры психики (сознание и бессознательное) уподобляется представлению о пространстве, разделенном на две зоны: поверхность и глубину. Лексема «поверхность» используется для обозначения сознательной части психической системы. Бессознательное метафорически интерпретируется на основе представления о глубинной части пространства: *«Это трудно сделать, но он решился ... раскрыть перед собой все тайны, все то сокровенно сокрытое, что не поднимается на поверхность сознания человека и остается в глубинах его бессознательного»* [7, с. 70]. Психические явления, существующие лишь на уровне ощущений, метафорически обозначаются как нечто скрытое за поверхностью, уподобляются тому, что может находиться на глубине и быть недоступным для наблюдения и понимания: *«глубинная психология – собирательное понятие означает род различных направлений психологии и психиатрии, придающих решающее значение ... – разнообразным бессознательным компонентам, таящимся в «глубинах» психики, – иррациональным, аффективно-эмоциональным, инстинктивным и интуитивным побуждениям, тенденциям, установкам, скрытым за поверхностью сознания, в глубинах индивида»* [8, с. 595]; *«Бессознательное – это самый глубокий слой, определяющий всю жизнь человека, бессознательные влечения к наслаждению и смерти есть первопричина всех эмоций и переживаний»* [9, с. 116].

2) Структура понимания

В моделировании структуры понимания представление о поверхности и глубине пространства привлекается для характеристики такой когнитивной операции, как анализ. Качества анализа моделируются на основе его специализации: способности работать в разных зонах: на поверхности и в глубине (ср. *глубинный зонд*). При этом «поверхность» служит метафорическим обозначением возможно неверного объяснения бессознательных психических процессов: *«Первое обращение Фрейда к серьезному, глубинному, выходящему за рамки поверхностных объяснений анализу ошибочных действий было непосредственно связано с его самоанализом»* [7, с. 203]. Представление о глубине становится аналогией полного понимания и проникновения в суть исследуемого вопроса: *«Глубокий анализ проблемы способностей был дан Б. М. Тепловым»* [10, с. 285]; *«... изучение одиночества поможет лучше лечить депрессию, а изучение депрессии обеспечит более глубокое ее понимание...»* [11, с. 290].

3) Структура эмоций и психических состояний человека

В представлении знания о структуре эмоций и психических состояний пространственный коррелят «поверхность-глубина» становится метафорическим обозначением истинного или ложного проявления чувства. «Поверхность» служит обозначением эмоций, выражение которых не отражает истинного мироощущения человека: *«Истерическое расстройство личности F 60.4. Расстройство личности, характеризующееся ... **поверхностностью и лабильностью эмоциональности...**»* [12, с. 4]. Местонахождение на глубине, напротив, становится показателем искренности в выражении чувств: *«задушевность – **глубокая искренность, сердечность**»* [13, с. 121]. Метафорическое моделирование демонстрируемых эмоциональных реакций связано с ложным впечатлением большой глубины, которая на самом деле является незначительной: *«Истерия – патологическое состояние психики человека, характеризуемого .... **Несоответствием внешнего выражения переживаний их глубине, с мнимыми обмороками...**»* [Там же, с. 149].

Отсутствие серьезности в поведении и неспособность испытывать сильные чувства уподобляются представлению о легком объекте, который, ввиду незначительности в весе, не может погрузиться на глубину, всегда всплывает на поверхность. Данная физическая закономерность находит свое отражение при моделировании термина «легкомыслие»: *«**Легкомыслие – отсутствие серьезности в поведении индивида, неумение глубоко чувствовать**»* [Там же, с. 166]. Показателем сильных, трудно переживаемых эмоций является наличие параметра «глубина» при интерпретации внутренних состояний человека: *«**Борьба мотивов ... представляет собой переживание глубокого внутреннего конфликта между доводами разума и чувствами...**»* [14, с. 223].

4) Структура психического нарушения

В моделировании психологической травмы, представление о поверхности и глубине служит основой для обозначения психологического воздействия, которое испытывает взрослый человек со стороны своего подсознания. Так, аналогией детской травмы становится представление о физической ране, которая нарушает целостность поверхности тела и оставляет след в виде глубокого шрама: *«... Фрейд исходил из того, что в раннем детстве ребенок подвергался сексуальному совращению (соблазнению) со стороны взрослых, это оставило **глубокий шрам в его психике ...**»* [7, с. 65].

В структуре психического нарушения представление о гипертрофированном восприятии глубины служит основой для представления знания о психологическом изменении в восприятии информации: *«**Ономатомания – расстройство, при котором определенные слова приобретают неестественно глубокое значение и человек навязчиво думает о них или повторяет их**»* [Там же, с. 237].

Таким образом, в научном психологическом дискурсе знание о психической сфере человека организовано на основе представления о поверхности и глубине пространства. При метафорическом моделировании отдельных психических структур (структуры психики человека, его способности понимать и др.) лексемы «поверхность», «глубина» актуализируют различные смыслы. В структуре психики «глубина» становится обозначением мало-

доступного для осознания, в структуре понимания, напротив, представление о глубине символизирует основу понимания исследуемого вопроса. При передаче знаний об эмоциональной сфере человека лексема «глубокий» становится синонимичной лексическим единицам «истинный», «трудно переживаемый»; представление о видимой поверхности лежит в основе представления о сознании, ложном истолковании и неестественности в проявлении эмоциональных реакций человека.

На наш взгляд, изучение параметрической лексики в представлении знания о психических явлениях является новым аспектом в исследовании способов метафорического моделирования нематериальных сущностей в наивной картине мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусев, С. С. Наука и метафора / С. С. Гусев. – Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1984. – 151 с.
2. Мишанкина, Н. А. Метафора в науке: парадокс или норма? / Н. А. Мишанкина. – Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2010. – 282 с.
3. Ортега-и-Гассет, Х. Две великие метафоры / Х. Ортега-и-Гассет // Теория метафоры: сб. / сост. Н. Д. Арутюнова. – М.: Прогресс, 1990. – С. 68–82.
4. Седов, А. Е. Метафоры в генетике / А. Е. Седов // Вестник Рос. Академии наук. – 2000. – Т. 70, № 6. – С. 526–534.
5. Лакофф, Д. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова / Д. Лакофф, М. Джонсон. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
6. Рахилина, Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е. В. Рахилина. – М., 2000. – 416 с.
7. Лейбин, В. Психоанализ / В. Лейбин. – Спб., 2002. – 576 с.
8. Карвасарский, Б. Д. Психотерапевтическая энциклопедия / Б. Д. Карвасарский. – СПб.: ЗАО Изд-во «Питер», 1999. – 752 с.
9. Коростылева, Н. А. 50 «Великих имен» в психологии: учеб. пособие для вузов / Н. А. Коростылева. – Караганда : МБА, 2010. – 141 с.
10. Столяренко, Л. Д. Основы психологии / Л. Д. Столяренко. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2000. – 672 с.
11. Заворотных, Е. Н. Особенности взаимосвязи одиночества и депрессии // Вестник С.-Петерб. ун-та. – Сер. 12. – 2008. Вып. 2. – С. 286–293 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/download/18129556.pdf>. – Дата доступа: 13.06.2015.
12. Забылина, Н. А. «Истерия»: дефиниции истерических расстройств // Медицина и образование в Сибири. – 2007. – № 4. – С. 1–4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/download/12606179.pdf>. – Дата доступа: 15.06.2015.
13. Летягова, Т. В. Тысяча состояний души: краткий психолого-филологический словарь / Т. В. Летягова, Н. Н. Романова, А. В. Филиппов. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 424 с.
14. Кураев, Г. А. Психология человека. Курс лекций / Г. А. Кураев, Е. Н. Пожарская. – Ростов-на-Дону, 2002. – 232 с.

СТЕРЕОТИПНЫЕ ПРЕДИКАТИВНЫЕ ЗООНИМИЧЕСКИЕ АССОЦИАЦИИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Идея антропоцентричности языка служит фоном большинства лингвистических работ, посвященных формированию языковой картины мира и, тем самым, роли человеческого фактора в языке (Н. Д. Арутюнова, В. Г. Гак, Е. С. Кубрякова, В. Н. Телия, Ю. С. Степанов и мн. др.). В этом аспекте язык описывает реальность через ее восприятие человеком. Такая зависимость восприятия действительности от личности воспринимающего (его опыта, привычек, настроения, культуры и т.д.) отражается в различии словесных ассоциаций, что и предопределяет субъективные и национально-культурные особенности отражения картины мира в определенной лингвокультуре.

Одним из популярных способов раскрытия ассоциативного значения слова является психолингвистический эксперимент (А. А. Леонтьев, Ю. Н. Караулов, А. П. Клименко и др.), позволяющий судить о специфике функционирования языкового сознания человека и об умственных и чувственных знаниях, которыми обладает конкретное языковое сообщество. В данном случае остановимся на ассоциативном значении зоонимов французского языка, функционирующих как слово-реакция на глаголы-стимулы, в целях выявления стереотипных предикативных зоонимических ассоциаций. Такое направление исследования обусловлено малоизученностью ассоциативного значения зоонимов, выступающих в качестве слов-реакций во французской лингвокультуре.

В исследовании мы воспользовались данными свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в рамках создания ассоциативного словаря французского языка (*Dictaverf* = *DICTIONNAIRE des Associations VERbales du Français*¹), конечная цель которого есть выявление ассоциативных норм современных носителей французского языка и зарисовка портрета французской языковой личности. Вначале методом сплошной выборки нами были отобраны все ассоциативные пары, в которых зооним выступал в качестве слова-реакции, а также отдельно выделили зоонимы-реакции на глагол-стимул.

Рассмотрим предикативные ассоциативные пары более подробно. Если обратить внимание на семантику глаголов-стимулов, то можно выделить прежде всего подгруппу глаголов, используемых для обозначения действий, совершаемых людьми по отношению к животным:

ABANDONNER 'оставлять' > *chat* 'кот', *tortue* 'черепаха';

CHASSER 'охотиться' > *lapin* 'кролик', *sanglier* 'дикий кабан', *cerf* 'олень', *biche* 'олень', *chevreuil* 'коза', *cerfs* 'олени', *lièvre* 'заяц', *ours* 'медведь', *renard* 'лиса';

---

¹ Материал был собран в ходе интернет-опроса, проводящегося с 11 ноября 2008 г. по 12 декабря 2009 г. Каждому опрошенному была предъявлена анкета из 100 стимулов, случайным образом выбранных из списка в 1100 слов. Всего были собраны 5500 анкет со всех регионов Франции. В опросе принимали участие студенты самих разных специальностей.

ELEVER ‘разводить’ > *poule* ‘курица’, *chien* ‘собака’, *mouton* ‘баран’, *vache* ‘корова’;

DRESSER ‘дрессировать’ > *chien* ‘собака’, *cheval* ‘конь/лошадь’, *lion* ‘лев’, *chat* ‘кот’, *chienne* ‘самка собаки’, *ours* ‘медведь’;

DEFRISER ‘стричь’ > *mouton* ‘баран’, *caniche* ‘пудель’, *chien* ‘собака’;

ATTACHER ‘привязать’ > *chien* ‘собака’, *cheval* ‘конь/лошадь’ и др.

Следующую подгруппу составляют глаголы-стимулы, обозначающие действия, совершаемые животными:

GARDER ‘охранять’ > *chien* ‘собака’;

FUIR ‘убегать’ > *rat* ‘крыса’;

GLISSER ‘скользить’ > *serpent* ‘змея’;

REPETER ‘повторять’ > *perroquet* ‘попугай’;

REVEILLER ‘будить’ > *coq* ‘петух’ и др.

Все ассоциативные пары разделяются на 1) стереотипные или стандартные (DRESSER ‘дрессировать’ > *chien* ‘собака’ и др.) и 2) единичные, основанные на индивидуальном сближении представлений и понятий (DOUX ‘нежный’ > *koala* ‘коала’ и др.). К стереотипным ассоциациям можно отнести пары, названные респондентами более 5 раз: CHASSER > *lapin*, *sanglier*, *cerf*, *biche*, *chien*; DRESSER > *chien*, *cheval*, *lion*; GARDER > *chien*; REPETER > *perroquet*; COURIR ‘бежать’ > *lièvre* ‘заяц’, OBEIR ‘подчиняться’ > *chien* ‘собака’, RAPPORTER ‘приносить’ > *chien*, CHARGER ‘нагружать’ > *âne* ‘осел’, *taureau* ‘бык’. Следует отметить, что в названных ассоциативных парах и глаголы-стимулы, и зоонимы-реакции используются в прямом значении, а слова связаны синтагматическими отношениями.

В стереотипных ассоциативных парах, например, DRESSER > *chien* или REPETER > *perroquet*, стимул совместно с реакцией формируют предикативное сочетание, отражающее типичную ситуацию, и дают представление об ассоциативной зоонимической картине мира усредненного респондента. Стереотипные зоонимы-реакции прочно закреплены в языковой памяти и поэтому сразу возникают в условиях мгновенного реагирования в качестве компонентов предикативного ассоциативного сочетания (соответственно подлежащего и сказуемого или сказуемого и дополнения): CHASSER ‘охотиться’ > *lapin* ‘кролик’, ELEVER ‘разводить’ > *poule* ‘курица’, CHARGER ‘нагружать’ > *âne* ‘осел’, REPETER ‘повторять’ > *perroquet* ‘попугай’ и др.

Если же сосредоточить внимание на разграничении номинаций домашних и диких животных, функционирующих как слово-реакция, то номинации домашних животных более активны, чем номинации диких животных. Такая закономерность объясняется тем, что у человека есть возможность детально изучить и оценить свойства этих представителей фауны, и соответственно их номинации получают достаточный объем фоновых знаний у носителя языка.

Зоонимы – номинации домашних животных – показывают себя как активные слова-реакции на разнообразные глагольные стимулы. Во-первых, реципиенты называют их в качестве ответа на стимулы, обозначающие привычные действия владельцев домашних животных (DRESSER ‘дрессировать’ > *chien*, ELEVER ‘разводить’ > *chien*, ATTACHER ‘привязывать’ > *chien* и др.); во-вторых, актуализируются ассоциации с функциями живот-

ного (GARDER ‘охранять’ > *chien*, CHASSER ‘охотиться’ > *chien*, DEFENDRE ‘защищать’ > *chien*). Ассоциативный эксперимент показал, что в повседневном восприятии французов *le cheval* ‘лошадь’ ассоциируется чаще всего с дрессировкой (DRESSER ‘дрессировать’ > *cheval*); *le lapin* ‘кролик’ – с охотой на него (CHASSER > *lapin*); *l’âne* ‘осел’ – с его функциями (PORTER ‘нести’ > *âne*, CHARGER ‘грузить’ > *âne*). *Le mouton* ‘баран’ и *la vache* ‘корова’ обладают малым количеством ассоциаций, которые связаны прежде всего с деревенской жизнью (ELEVER ‘разводить’ > *vache*, *mouton*; DEFRISE ‘стричь’ > *mouton*).

Зоонимы – номинации диких животных менее активны. Семантика типичных ситуаций соответствует семантике ситуаций, ассоциируемых с номинациями домашних животных. К первой группе ассоциативных пар относятся действия, совершаемые человеком по отношению к животным: DRESSER ‘дрессировать’ > *lion* ‘лев’, CHASSER ‘охотиться’ > *lion*, CHASSER > *lièvre* ‘заяц’, CHASSER > *loup* ‘волк’ и др. Ко второй – действия, совершаемые животными: COURIR ‘бежать’ > *lièvre*, ECHAPPER ‘убегать’ > *souris* ‘мышь’.

Ассоциативная связь базируется на актуализации связей, возникающих на основе сходства или смежности и закрепленных в языковом сознании французов. Отношения сходства или смежности между словами возникают в результате их частого соседства в языке (в частности, устойчивые словосочетания), речи, текстах. Наличие повторяемости показывает, что в памяти носителей французского языка формируются и сохраняются образы типичных ситуаций. Как показал экспериментальный материал, степень типизации ситуации разная, поскольку в зависимости от глагола-стимула предел максимальной повторяемости ассоциируемых реакций различный. Выделение стереотипных предикативных пар позволяет выявить степень типизации ситуации, ассоциируемой с тем или иным животным.

А. А. Романовская (Минск, Беларусь)

ВЕРБАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ УНИВЕРСАЛИЙ ОЛИМПИЙСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ

Опыт человечества указывает как на различия, так и на сходства в концептуализации мира. С идеей универсальности фундаментальных концептов связано представление об их врожденности в том смысле, что человек от природы настроен на поиск смыслов, которые предшествуют языку в силу их доязыковой готовности. По А. Вежбицкой, у всех языков есть общее ядро, которое является врожденным, сформированным доязыковой готовностью к семантизации, семантическое пространство доязыковых значений, в нем могут быть выделены ядерные концепты и совокупности связанных понятий. Исследователь А. Вежбицкая признает существование концептуальных

и языковых универсалий: только надежно установленные языковые универсалии могут дать основу для сопоставления концептуальных систем, закрепленных в различных языках, и для объяснения значений, закодированных в одних языках и не закодированных в других. Только в сочетании с гипотезой лингвистической универсальности имеет смысл гипотеза лингвистической относительности.

По-новому рассматривать концепцию лингвистической относительности (языковое расчленение и представление мира относительно) позволяет понятие генотипического языка С. К. Шаумяна: всякая относительная картина мира, заключенная в лингвистической оболочке конкретного языка, должна рассматриваться как проекция инварианта картины мира, которым и служит генотипический язык. Фенотипические языки – это разные проекции генотипического языка. В относительных картинах мира, представленных фенотипическими (конкретными естественными языками), содержится также и нечто безотносительное, некий инвариант, выраженный генотипическим языком.

Генотипы как идеальные лингвистические категории соотносятся с понятием архетипа, обозначающего ту часть психологического содержания, которая представляет собой сознательно не обработанную значимость – древнейшие образцы. Свое воплощение генотипы находят в конкретных номинативных и коммуникативных проявлениях – константах.

Важно подчеркнуть, что константа как ментальное образование связана с языковым знаком, т.е. представляет собой вербально явленный смысл. Языковедческая проблематика в ее изучении оказывается связанной с тем, как этот смысл порождается, из чего конструируется, как реализуется в коммуникативном процессе. Полагаем, формой языкового представления константы является генотипическая модель. В генотипической модели константа рассматривается как нечто предельно обобщенное, но идейнообразное, скрытое в глубинах сознания. Генотипическая модель константы представлена имплицитными смыслами, которые относятся к области социально-культурно-исторического наследия. Имплицитные смыслы стоят за названиями и обозначениями всего того, что оставило какой-то след в жизни общества и хранится именно благодаря языковой закреплённости в социальной памяти поколений. Имплицитные смыслы, о которых в данном случае идет речь, более всего соответствуя понятию *концептуальные универсалии*, закреплены за особыми языковыми знаками – античными символами.

Античный символ – это особый двусторонний языковой знак, представляющий единство определенного мыслительного содержания (означаемого) и вербально выраженного означающего, которые не имеют ничего общего между собой. Означаемое репрезентирует понятие, основанное на образе и выявляемое посредством метафоры на основании мифа. Символ – конденсационный архаический знак, так как в нем осуществляется единение и аккумуляция всего человеческого опыта, всех сторон жизни человека одновременно, синтезированы представления о мире во всех формах его существования. Это диспонибельный знак, всегда готовый к употреблению.

Семантические признаки античного символа выявляются на основе референции знака (символа) к тексту (мифу). Особенностью исследуемой лексики в аспекте референции является то, что античные символы являются безденотатными именами, не имеющими соответствия в окружающем нас мире. Миф закончен, его нельзя изменить нюансами пересказа, добавлениями, украшениями. Миф закрыт в смысле его универсальности. Персонаж мифа, воплощая в себе некий закон, некую универсальную потребность, обретает универсальность мифа, становится законом некой сверхъестественной реальности, то есть символом.

Мифологическое значение символа – это своего рода мифологический троп. Мифологический троп является единственным способом познания древними людьми как внешнего, так и внутреннего мира. Десигнативное (понятийное) значение античного символа выражено мифемами – синтаксическими единицами уровня предложения, структурируемыми словами с двойным значением (мифологическими тропами). Отсюда следует, что десигнативное значение отражает первичную мифологическую аксиологичность символа. Семантика символа формируется на основании анализа актантных функций, выраженных глаголами, и качеств, выраженных прилагательными. Дефиниционный анализ глаголов и прилагательных позволяет выстраивать актантную парадигму.

Парадокс заключается в том, что в мифологическом наследии Древней Греции символа как такового (который исследуется нами) нет. Он формируется в современном языковом сознании на основании классического эллинского текста (мифа). Символ обозначает действующее лицо (объект) мифа как реалию, наделенную символической функцией. Символом становится не сама реальность как таковая, а ее наименование в символическом прочтении, когда выявленный смысл не содержит прямого указания на денотат. Мифологические реалии: *Афина* (дочь Зевса), *Антигона* (дочь Идипода), *Психея* (красивая девушка), *Елена* (спартанская царица). Символы: *Афина* – символ мудрости, цивилизации, справедливости; *Антигона* – символ любви, храбрости; *Психея* – символ красоты, любви; *Елена* – символ красоты.

Анализ практического материала (около 900 единиц, обозначающих действующие лица мифов, объекты), обнаруженного в энциклопедических и литературных мифологических источниках, позволяет заключить, что в олимпийской классической мифологии можно выделить три универсальных объединения констант (объединения универсальных смыслов): «геройство», «цивилизация», «красота». В них отражается суть греческой мифологии, направленной в своем развитии на установление гармонии, разумной упорядоченности, которая выражается уже в самом слове *космос* (κοσμήω ‘украшаю’). Красота воплощена в облике олимпийских богов, богинь, божеств, всех персонажей, которые несут с собой еще и жизнь, любовь, соблазн, измену, зависть, раздор, смерть. Поэтому константное объединение «красота» включает в себя всю эстетическую составляющую греческой мифологии, в том числе и любовь.

Античная константа «любовь» представлена как составляющая универсального константного объединения «красота», одна из наиболее богатых, разветвленных в греческой культуре константных структур: любовь (жизнь), целомудрие, любовь (родственная), любовь (взаимная), любовь (помощь), верность, дружба, любовь (неразделенная), месть, ревность, измена, страдание, обман, страсть, грех (инцест), презрение к любви, ненависть.

Вербальными репрезентантами концептуальных универсалий олимпийской классической мифологии являются античные символы: **любовь (жизнь):** Афродита Урания («небесная»), Эрот; **целомудрие:** Афина, Артемида, Дафна, Аталанта, Бритомартис, Сиринга; **любовь (родственная):** Деметра, Лаодика, Антикля, Эней, Гипсипила, Телемах, Персей; **любовь (взаимная):** Эрот, Антэрот, Эрот и Психея, Пирам и Фисба, Леандр и Геро, Филемон и Бавкида, Протесилай и Лаодамия, Орфей и Эвридика, Пигмалион и Галатея, Антигона и Гемон, Кеик и Алкиона; **любовь (помощь):** Афродита, Ариадна, Медея, Персей; **верность:** Эрот, Пенелопа, Фидалея, Эвридика, Андромаха, Эвадна, Алкестида, Филлида; **дружба:** Эрот, Эрот и Антэрот, Аполлон, Патрокл и Ахилл, Геракл и Иолай, Геракл и Гилас, Пирифой и Тесей, Нис и Эвриал, Пилад и Орест, Дионис и Ариадна; **любовь (неразделенная):** Аполлон, Клития и Гелиос, Каллироя и Корес, Гермафродит и Салмакида, Эхо и Нарцисс; **месть, ревность:** Гера, Эрот, Медея, Беллерофонт, Астидамия, Энона, Деянира, Фебра; **измена:** Зевс, Афродита, Эгиала, Марпесса, Коронида, Елена, Аэропа, Сфенебея, Клитемнестра, Аминтор, Прокрида; **страдание:** Эрот, Психея, Орфей, Дафнис; **обман:** Аконтий, Сфенебея, Терей; **страсть:** Зевс, Пелей, Эномай, Астидамия, Меланион; **грех (инцест):** Эдип, Кинир, Эпопей, Иокаста, Библида, Мирра; **презрение к любви:** Ипполит, Нарцисс, Пасифая, Кикн; **ненависть:** Ино, Иас, Алфея, Прокна, Орест, Агамемнон.

Таким образом, античный символ является вербальным репрезентантом концептуальных универсалий олимпийской классической мифологии: «геройство», «цивилизация», «красота». Античные символы проявляются в их первичной аксиологической семантике – символ как материальный объект передает универсальный мифологический смысл.

Н. В. Руда (Киев, Украина)

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ В ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КАТЕГОРИИ ДИМИНУТИВНОСТИ

Современный этап развития лингвистической науки характеризуется сосредоточением внимания многих исследователей на изучении языковых средств и явлений, которые эксплицируют национально-языковые картины мира, и особенно – на исследовании этноязыковой специфики этих средств и явлений. Подобное изучение этноязыковых особенностей не может происходить без учета роли универсального компонента в структурах иссле-

двумя языками, т.е. общих для большинства языков мира закономерностей, представляющих фундаментальные характеристики культурного опыта и памяти человечества.

Как следствие общности основных законов человеческого мышления в языках мира существуют определенные универсальные категории. Одной из них является категория диминутивности, выразители которой, кроме своей основной задачи – обозначать понятие малости, выполняют также функцию выражения оценочно-эмоционального отношения к объектам или явлениям действительности. Хотя категория диминутивности является гносеологически-языковой универсалией, однако в силу своей сложной семантической структуры в одних языках она формально развита больше и находится в статусе семантических доминант, а в других имеет более узкую функциональную парадигму.

Гносеологически-языковая универсальность категории диминутивности выводится из самого факта существования объективной малости, потому логично предположить, что способы и средства ее вербализации существуют во всех или почти всех языках мира. Вопрос в том, какими способами она выражается. Наш анализ способов и средств выражения категории диминутивности (на материале украинского, английского и латинского языков) выделил два типа формальной структуры – синтетическую и аналитическую. Среди синтетических способов выражения категории диминутивности были выделены суффиксация, префиксация, редупликация и словосложение, а также супплетивизм; аналитическое выражение представлено именными словосочетаниями.

Предполагаем, что основным для большинства языков европейского ареала является именно суффиксальное выражение значения малости (е.g. бел. *дзяўчынка*, укр. *лісок*, рус. *местечко*, англ. *brooklet* ‘речушка’, лат. *anguiculus* ‘змееныш’, греч. *arnaki* ‘ягненок’, нем. *Tischchen* ‘столик’, исп. *arbolito* ‘деревце’, фр. *sachet* ‘мешочек’, ит. *fogliette* ‘листочек’, порт. *copinho* ‘рюмочка’). Подобные производные суффиксальные образования со значением уменьшенного размера, ослабленного проявления признака или действия, которое может сопровождаться определенными оценочно-эмоциональными или экспрессивными семами, мы называем диминутивами.

Однако в языках мира семантика уменьшительности может выражаться и другими языковыми средствами, которые репрезентируют различные диминутивные значения: префиксы, приставки, повторы, супплетивные формы, именные словосочетания и прочие конструкции также выступают средствами выражения понятия уменьшительности (е.g. англ. *minibus* ‘маленький автобус’, лат. *subtimere* ‘побаиваться’, укр. *мікроелемент*; узб. *чай-ной* ‘чай’, туркм. *kuman-kuman* ‘книжонки’, англ. *teeny-weeny* ‘маленький-маленький’; бел. *конь – жарабя*, англ. *swan* ‘лебедь’ – *cygnet* ‘лебеденок’; англ. *little face* ‘личико’, лат. *puer parvus* ‘маленький мальчик’, чеш. *vydri mlade* ‘выдренок’; в языке суахили *mbuzi* ‘коза’ – *kibuzi* ‘козочка’, где *ki* – показатель диминутивности; в языке эве *хо* ‘дом’ – *хови* ‘домик’, где *vi* (досл. ‘ребенок’) – показатель диминутивности). Доминирование средств того или иного уровня в конкретном языке зависит прежде всего от его формальной организации.

Диминутивы во многих языках выделяются исследователями в особый класс оценочно-эмоциональной лексики. Такое определение связано с тем, что диминутивы, кроме функции указывания на реальную уменьшительность объекта, нередко выражают субъективную оценку этого объекта говорящим, которая, как правило, сопровождается эмоциональностью или экспрессивностью. «Выражение ласковости в языках мира, как правило, бывает связано с обозначением малого размера, даже если это и не семантическая универсалия, то, во всяком случае, очень типичное явление, хотя теоретически могло бы быть иначе (например, у детей возможна как раз обратная связь между размером и положительной оценкой. Ч. Хоккет же указывает, что в языке потаватоми есть два типа диминутивов – один с гипокористическим значением, другой с пейоративным)», – пишет У. Вейнрейх [1, с. 176]. Субъективность оценки является следствием того, что уменьшительность часто ассоциируется с чем-то беззащитным, милым, ласковым или несчастным, некачественным, несовершенным и т.п. Диминутивы также нередко употребляются для создания экспрессии, с целью подчеркивания важности определенной информации, эксплицитного или имплицитного влияния на реципиентов. Большая или меньшая функциональная нагрузка диминутивов в конкретном языке зависит от многих факторов – как внутриязыковых (e.g. тип языка), так и экстралингвистических (e.g. особенности эмоциональности народа-носителя языка, культурно-языковые нормы, принятые в данном обществе).

Мы считаем, что главной особенностью диминутивных образований во многих является именно дихотомия значений объективной малости и эмоциональной оценки в их смысловой структуре и, соответственно, что конотативный компонент наряду с денотативным входит в структуру значения диминутива. Более того, категория диминутивности характеризуется полисемантической, и каждый язык представляет более или менее полный ряд общих значений и функций ей присущих, а также этноязыковую семантику и прагматику. Например, наш анализ семантики диминутивных единиц (на материале украинского, английского и латинского языков) показал, что диминутивизация может использоваться для: 1) выражения объективной уменьшительности конкретных, осязаемых для восприятия объектов по параметрам высоты, длины, толщины, глубины, объема и указывать на молодой возраст (e.g. укр. *гілочка*, *пастушок*, англ. *rootlet* ‘корешок’, *flatlet* ‘квартирка’, лат. *quadrigula* ‘небольшая колесница’, *portula* ‘воротца’), а также выражения слабого проявления признака, действия или состояния в области абстрактных понятий (e.g. лат. *interpretatiuncula* ‘краткое описание’, *stipulatiuncula* ‘обещаньице’); 2) выражения положительного оценочно-эмоционального и/или экспрессивного значения в лексико-семантических группах существительных для обозначения живых существ и конкретных объектов (e.g. укр. *дівчинонька*, *бабусенька*, англ. *nanny* ‘нянечка’, *birdie* ‘птичка’, лат. *ixorcula* ‘женушка’, *dominula* ‘хозяйюшка’), а также выражения положительного оценочно-эмоционального и/или экспрессивного значения в лексико-семантических группах существительных для обозначения абстрактных, нереальных и неживых объектов и явлений материального или духовного мира (укр. *Доленька*, *янголяточко*, *святечко*); 3) выражения

негативного оценочно-эмоционального и/или экспрессивного значения в лексико-семантических группах существительных для обозначения живых существ и конкретных объектов, а также в области абстрактных понятий (e.g. укр. *царьок*, *інтрижка*, лат. *homullus* ‘человечишко’, *togatulus* ‘клиентшишко’, англ. *priestling* ‘попик’, *princeling* ‘князек’). Подобную семантико-функциональную разноаспектность (т.е. возможность выражать и положительную, и отрицательную оценки) можно объяснить сходством концептуализации понятия малости на когнитивном уровне носителей языков. С одной стороны, малость свидетельствует о беззащитности, неагрессивности, вызывает чувство доверия и доброжелательное отношение (прежде всего, когда это касается живых существ), а с другой, она ассоциируется с низкой ценностью, незначительностью, что порождает ряд негативных оценок. Вследствие того, что понятие малости связывает между собой разные, иногда диаметрально противоположные значения, это нередко приводит к появлению конотативной энантиосемии, когда только контекст способен установить специфику эмоционального смысла.

Подводя итоги, укажем, что диминутивы вследствие их многофункциональности и сложной семантической структуры часто избираются объектом лингвистических исследований в рамках словообразовательной морфемики, стилистики, эмотиологии и т.п. Антропоцентрическое же направление современной лингвистики актуализирует исследование репрезентаторов категории диминутивности как одного из наиболее важных фрагментов любой национально-языковой картины мира. Указанный аспект способствует выявлению специфических черт в структурах рассматриваемых языков, особенностей национального характера и восприятия действительности их носителями, а также выяснению универсальных характеристик, которые не определяются степенью генетической или типологической близости исследуемых языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вейнрейх, У.* О семантической структуре языка / У. Вейнрейх // Новое в лингвистике. – М.: Изд-во «Прогресс», 1970. – Вып. V. – С. 163–250.

А. П. Рудкивский (Киев, Украина)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗУЧЕНИЯ ТИПИЧНОГО И НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧНОГО В СИСТЕМЕ ФОНЕМ ГЕРМАНСКИХ И СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Статья посвящена сопоставительному изучению внутренних законов развития и функционирования германских и славянских языков, и, как следствие, – выявлению общих и специфических черт, а также сопоставлению фонологических систем современного немецкого, английского, нидерландского, украинского, русского и польского языков, исходя из взглядов ведущих лингвистов современности [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11].

На основе анализа научной литературы и предварительного инструментального анализа аудиотекстов сопоставляемых языков установлено, что основными отличиями, рассматриваемыми в плане фонологического построения, являются такие факты: германские языки – вокалические, славянские – консонантные; германские языки обладают рядом удвоенных гласных, которые образуют дифтонги, в славянских языках эта категория отсутствует. Английские, нидерландские и немецкие передние и задние ряды гласных насчитывают больше фонем, чем соответствующие российские и украинские (в английском и немецком языках – по четыре, в русском и украинском – по три). В русском и украинском языках имеются тональные признаки, а в немецком – признаки напряженности и дифтонгоидности. В артикуляции согласных также наблюдаются существенные для типологических констант различия: переднеязычные русского, польского и украинского языков – дентальные, в английском, нидерландском и немецком – альвеолярные, в английском – апикальные, в русском – дорсальные. Определенные особенности фонологической системы немецкого языка предоставляет придыхание согласных и твердый приступ гласных, и, соответственно, формируют типологические константы, характерные для немецкого языка.

Существенно отличительными признаками в дифференциации германских и славянских языков является долгота/краткость и напряженность/ненапряженность гласных при условии рассмотрения системы вокализма. Существенные различия в артикуляции вокалических звуков в английском и немецком языках в зависимости от положения языка лежат в горизонтальной плоскости – это гласные переднего, заднего и смешанного рядов; в вертикальной плоскости – гласные низкого, высокого и среднего подъема. При исследовании общих и специфических фонационных признаков, присутствующих указанным языкам, установлено, что такой релевантный для немецкого вокализма признак, как продолжительность, в безударной позиции нейтрализуется. Гласные русского языка редуцируются в речи и по продолжительности и по качеству, реализуясь в 18 аллофонах, а гласные украинского языка стремятся остаться в пределах своего основного аллофона, подвергаясь воздействию дистантной гармоничной ассимиляции к гласному безударного слога. В русском языке наблюдаются как количественная, так и качественная редукция гласных. Это наблюдение очень важно при сравнении германских и славянских языков, поскольку свидетельствует о тенденции сближения гласных высокого и среднего подъема в германских языках [11, с. 68].

В современном английском вокализме нестабильным дифференциальным признаком выступает продолжительность, поскольку противопоставление гласных по этому признаку утратило функцию различения. Кроме того, подтверждается то, что в немецком и нидерландском языках происходит сближение гласных высокого и среднего подъема языка, как это произошло с ненапряженными гласными I, Y современного английского языка. Наблюдается ослабление функционирования твердого приступа, что связано с его отсутствием в английском языке. Кроме отсутствия палатализации в консонантизме германских языков существуют различия реализации глотальных придыхательных согласных: глухого [h] и звонкого аллофона [ɦ];

велярного [y] и увулярного звука [ɣ], щелевого [ʁ], аппроксиманта [ɥ], одноударного согласного [P]. В нидерландском языке происходит сближение альвеолярной и палатальной артикуляции переднезубных согласных [s] и [z]. Были установлены отсутствие придыхания согласных p, t, k в английском и нидерландском языках и частичная регрессивная ассимиляция по звонкости в нидерландском языке. Определено, что характерной особенностью системы согласных фонем английского языка является отсутствие оглушения слога.

Подытоживая, следует отметить, что степень проявления стабильности дифференциальных признаков и пределы инвариантной реализации гласных и согласных фонем германских и славянских языков вызваны не только позиционно-комбинаторным влиянием, но и многими другими языковыми и внеязыковыми факторами. Перспективу дальнейших научных исследований мы видим в сопоставительном и сравнительно-историческом анализе каждого различительного признака фонем соответствующих языков с помощью фонетических экспериментов, предусматривающих проведение тщательного аудитивного и инструментального анализов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аракин, В. Д.* Сравнительная типология английского и русского языков: учеб. пособие / В. Д. Аракин. – 3-е изд. – М. : ФИЗМАТЛИТ, 2005. – 232 с.
2. *Гак, В. Г.* Русский язык в сопоставлении с французским / В. Г. Гак. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Рус.яз., 1988. – 263 с.
3. *Горалек, К.* Функции языка и речи / К. Горалек // Языкознание в Чехословакии : сб. статей, 1956–1974 / под ред. А. Г. Широковой. – М. : Прогресс, 1978. – С. 30-35.
4. *Джеймс, К.* Контрастивный анализ / К. Джеймс // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1989. – Вып. 25. – С. 204–306.
5. *Касевич, В. Б.* Фонология в типологическом и сопоставительном изучении языков // Методы сопоставительного изучения языков / ред. В. Н. Ярцева – М. : 1988. – 97 с.
6. *Косериу, Э.* Контрастивная лингвистика и перевод: их соотношение. Перевод с немецкого Б. А. Абрамова / Э. Косериу // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1989. – Вып. 25. – С. 63–81.
7. *Матезиус, В.* О лингвистической характерологии (на материале современного английского языка). Перевод с английского О. И. Романовой / В. Матезиус // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1989. – Вып. 25. – С. 18–26.
8. *Реформатский, А. А.* О корреляции «твердых» и «мягких согласных» (в современном русском литературном языке) / А. А. Реформатский // Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия. – М. : Наука, 1970. – С. 494–499.
9. *Скаличка, В.* Типология и сопоставительная лингвистика. Перевод с чешского Н. Н. Попова / В. Скаличка // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1989. – Вып. 25. – С. 27–31.
10. *Щерба, Л. В.* Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 432 с.
11. *Kehrein, W.* Phonology and Morphology of the Germanic Languages / W. Kehrein. – Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1998. – 164 p.

СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА
В ФОРМИРОВАНИИ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ
КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА¹

В становлении ребенка как личности и в дальнейшей ее социализации ключевая роль по праву отводится социокультурному окружению. Именно культура выступает в качестве основы образования и воспитания, основой же культуры являются человеческие ценности. Универсальным средством формирования и закрепления ценностей той или иной культуры являются языки. Не случайно ЮНЕСКО определяет проблему сохранения культурно-языкового разнообразия как одну из ключевых проблем, решение которых необходимо для перехода к обществу знания. Выступая в качестве наиболее совершенного, универсального инструмента формирования когнитивной базы личности, каждый язык, которым владеет индивидуум, способствует становлению в его сознании концептуальной картины мира, включая аксиологическую составляющую этой картины, отражающую как извечные ценности определенного социокультурного сообщества, так и компоненты, актуализируемые в разные периоды его истории.

При обучении иностранным языкам обычно уделяется внимание той составляющей социокультурной компетенции, которая связана с обычаями, нормами, социальными условностями, ритуалами, социальными стереотипами, страноведческими знаниями, т.е. с теми компонентами аксиологической составляющей, которые являются исторически закрепленными, транслируются в определенной культуре от поколения к поколению. Те же компоненты, которые являются динамичными, актуализируются в определенные периоды развития социокультурного сообщества, как правило, выпадают из поля зрения как лингвистов, так и преподавателей языков. В то же время когнитивными лингвистами доказано, что, помимо социально-культурной зоны, которая «объединяет когнитивные признаки, отражающие связь концепта с бытом и культурой народа: традициями, обычаями, конкретными деятелями литературы и искусства, определенными художественными произведениями, прецедентными текстами и под.» [1, с. 112], важная роль принадлежит интерпретационному полю. Особенностью интерпретационного поля, которое, «как воздух, пронизывает концепт, наполняет его, заполняет «место» между его структурными компонентами» [1, с. 113], является его слабая структурированность, возможность описания путем перечисления признаков. Для аксиологической составляющей концептуальной картины мира соответственно не менее, а в некоторых случаях и более важны признаки интерпретационных полей концептов. Характерной чертой интерпретационного поля является возможность сосуществования в нем «противоречащих друг другу когнитивных признаков» (*хороший – плохой; сложный – простой* и т. д.) [1, с. 113–114].

---

¹ Подготовлено в рамках научного проекта, реализуемого при поддержке БРФФИ (грант № Г15Р-29).

Известно, что важным показателем актуальности концепта в определенный период развития лингвокультурного сообщества является его рекуррентность, т.е. «частотность его языковых репрезентаций в речи». Именно «увеличение количества языковых единиц, объективирующих тот или иной концепт, формирование обширного синонимического ряда («закон Шпербера»)», как справедливо отмечают З. Д. Попова, И. А. Стернин, отражает рост «популярности денотата концепта» и «свидетельствует прежде всего о повышении коммуникативной релевантности концепта, т.е. о том, что он активно обсуждается в обществе, а следовательно, о его *профилировании* (термин Лангакера) в национальной концептосфере – выдвигании на передний план, усилении яркости концепта как компонента национальной концептосферы, т.е. его *актуализации*. Это можно назвать *законом коммуникативной релевантности* концепта: если концепт актуализируется, «профилируется» в концептосфере, то возрастает и его рекуррентность, т.е. повышается частотность номинирующих его лексических единиц; если его актуальность утрачивается, снижается и частотность объективирующих его языковых средств» [1, с. 148–149]. Профилирование концепта, в свою очередь, отражает актуализацию определенных когнитивных признаков его интерпретационного поля, в том числе путем снятия противоречий либо изменения предпочтений при выборе одного из «противоречащих друг другу когнитивных признаков». Примером последнего могут служить дефиниции термина *плюрализм* в толковых словарях советского времени и в различных толковых словарях русского языка постсоветского периода, последовательно отражающие переход от сугубого негатива к нейтральному отношению, а затем к позитиву.

Понимание социокультурных ценностей важно не только при освоении иностранных и вторых языков и при осуществлении межкультурной коммуникации, оно не менее важно при освоении иного взгляда на окружающую действительность, что позволяет вырабатывать стереоскопическое видение, существенно обогащающее концептуальную картину мира личности. В последнее время в мире актуализировались исследования, направленные на учет социокультурных ценностей иностранцев, обучающихся в другой культуре, например, иностранных студентов. Так, достаточно хорошо представлены в интердисциплинарной научной литературе работы, посвященные важности *cultural understanding* ‘культурного понимания’ при обучении английскому языку как иностранному в англоязычных странах [2–4 и др.]. Знание культурных отличий оказывается незаменимым для предотвращения и преодоления возможных конфликтов между преподавателем и студентами, а также между студентами, принадлежащими к различным культурам. Тем не менее, как отмечает Dilin Liu [4, p. 255], практически не исследованным остается вопрос о влиянии собственных социокультурных ценностей студентов на освоение ими целевого второго и/или иностранного языка. Зачастую здесь наблюдается явление, получившее название социокультурного трансфера. Речь идет о «трансфере» глубинных, имманентных ценностей своей культуры в интерпретационные поля концептов другой культуры, что приводит к сложностям в коммуникации, которые зачастую весьма трудно устранить, поскольку они затрагивают концептуальную картину мира личности.

С подобными сложностями сталкиваются сообщества в периоды социальных трансформаций, которые неизбежно сопровождаются ломкой социальных стереотипов, конструированием новой системы ценностей, например ценности государственности (statehood). Обычная вербальная трансляция этих ценностей оказывается недостаточной, так как понимание текста наталкивается на оставшиеся неизменными признаки интерпретационных полей концептов. В этой связи возрастает роль социально значимой специальной лексики в формировании аксиологической составляющей концептуальной картины мира. Изменения в социальной прагматике обуславливают необходимость специального обучения граждан языку для социокультурных целей (language for sociocultural purposes [5]). Для этого в первую очередь необходимо задействовать ресурсы как официальных (государственных), так и всех других изучаемых языков, в том числе иностранных, не только для формирования активной жизненной позиции, готовности отстаивать национальные и общечеловеческие (гуманистические, демократические, просветительские и иные) ценности, позицию гражданина и патриота своей страны, но и для осуществления правильного выбора в области питания, здорового образа жизни, профилактики заболеваний, техники безопасности, репродукции, инновационной восприимчивости, информационной и экономической грамотности и других социально значимых компонентов аксиологической составляющей концептуальной картины мира. При этом необходимо задействовать прагматический потенциал специальной лексики, ее реальную вариативность в различных видах коммуникации, то есть учитывать потенциальную консубстанциональность терминологии и адекватно использовать все виды прагматической информации, которые способна нести специальная лексика: эмоционально-оценочную, экспрессивную, побудительную, эстетическую, контактную.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Попова, З. Д.* Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М : АСТ: Восток–Запад, 2007. – 314 с.
2. *Hughes, G. H.* An argument for cultural analysis in the second language classroom / G. H. Hughes // *The American Language Journal*. – 1984. – № 11. – P. 31–51.
3. *Irving, K. G.* Cross-cultural awareness and the ESL classroom / K. G. Irving // *Theory into Practice*. – 1984. – N 23. – P. 138–143.
4. *Liu, D.* Sociocultural transfer and its effect on second language speakers' communication / D. Liu // *Int. J. Intercultural Relations*. – 1995. – V. 19. – № 1. – P. 253–265.
5. *Joyce, H. S.* English for Community Membership: Planning for Actual and Potential Needs / H. S. Joyce, S. Hood // *English for Specific Purposes in Theory and Practice*. – Ann Arbor : University of Michigan Press, 2009. – P. 264–288.

ФРЕЙМОВЫЙ АНАЛИЗ ГЛАГОЛА *РАДОВАТЬСЯ* В НЕМЕЦКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Среди направлений и методов исследования семантики языковых единиц в рамках когнитивной лингвистики, которая ставит перед собой цель через язык проникнуть в структуры знания и описать существующие между ними и языком зависимости, одним из путей достижения этой цели представляется метод фреймового анализа.

Впервые термин *фрейм* был введен М. Минским при исследовании искусственного интеллекта. М. Минский полагает, что фрейм – это структура данных для представления стереотипной ситуации, особенно при организации больших объемов памяти. К лингвистическим явлениям термин «фрейм» был адаптирован Ч. Филлмором. Он определяет фрейм как «когнитивную структуру схематизации опыта» [1, с. 41]. Дальнейшее внедрение фрейма в лингвистические исследования привело к возникновению разных его определений. Например, по мнению Е. С. Кубряковой, фрейм есть когнитивная карта слова, которую можно рассматривать как отражение наиболее употребительных контекстов слова или констатацию всех направлений, по которым идут преобразования семантики слова, и как рекомендацию к более полному лексикографическому представлению знаний [2, с. 89]. По Е. Иванс, фрейм – это схематизация опыта (структура знания), представленная на концептуальном уровне, содержащаяся в долговременной памяти, которая устанавливает отношения между элементами и объектами, ассоциирующимися с определенной культурно обусловленной сценой, ситуацией или событием из человеческого опыта [3, с. 130].

Анализ существующих толкований термина «фрейм» позволил определить следующее его понимание в данной работе: фрейм – это структура представления знаний на ментальном уровне, получающая фиксацию и объективацию в языке с помощью лексических единиц. Целью настоящего исследования стал фреймовый анализ глагола «радоваться» в немецком и белорусском языках.

Данные электронного корпуса немецкого языка DWDS, толковых словарей, а также контексты употребления глагола «радоваться», которые были извлечены из художественных текстов и периодических печатных изданий, позволили выявить следующую структуру фрейма, лежащего в основе данного глагола в двух сопоставляемых языках (см. табл. 1 и 2.)

Т а б л и ц а 1

Фрейм глагола *sich freuen* ‘радоваться’ в немецком языке

слот 1 уровня	СУТЬ			
	<i>sich freuen</i> ‘радоваться’ – Freude empfinden, voller Freude [und Fröhlichkeit] über etw. sein ‘ощущать радость, быть полным радости [и веселья (доброего расположения духа)] из-за чего-л.’			
слот 2 уровня	ОБРАЗ/СПОСОБ			ОБЪЕКТ РАДОСТИ
	интенсивность	качество	аналогия	<i>über den Erfolg, auf Zusammenarbeit...</i> ‘успеху, сотрудничеству...’
подслот	<i>sehr, mächtig, wahnsinnig</i> ‘очень, крайне, безумно’	<i>ehrlich, herzlich, aufrichtig</i> ‘честно, сердечно, искренне’	<i>wie Bolle</i> ‘как луковица’, <i>wie ein Junge</i> ‘как мальчик’, <i>wie ein Kind</i> ‘как ребенок’, <i>wie ein König</i> ‘как король’, <i>wie ein Schneekönig</i> ‘как крапивник’, <i>wie ein Schuljunge</i> ‘как школьник’	

Т а б л и ц а 2

Фрейм глагола *радавацца* ‘радоваться’ в белорусском языке

слот 1 уровня	СУТЬ			
	<i>радавацца</i> ‘радоваться’ – адчуваць радасць, аддавацца радасці, быць у вясёлым, радасным настроі ‘ощущать радость, отдаваться радости, быть в веселом, радостном настроении’			
слот 2 уровня	ОБРАЗ/СПОСОБ			ОБЪЕКТ РАДОСТИ
	интенсивность	качество	аналогия	<i>поспеху, супрацоўніцтву ...</i> ‘успеху, сотрудничеству...’
подслот	<i>вельмі, моцна, бязмерна</i> ‘сильно, очень, безмерно’	<i>шчыра, душэўна, таемна</i> ‘искренне, душевно, тайно’	<i>як дзеці</i> ‘как дети’, <i>як дзіця малое</i> ‘как маленький ребенок’	

Из приведенных фреймов глагола *радоваться* в немецком и белорусском языках можно сделать следующие выводы:

– согласно данным толковых словарей суть ситуации переживания радости в двух языках описывается сходным образом, что подтверждает факт универсальности эмоции ‘радость’ в сопоставляемых лингвокультурных социумах;

– количество слотов, входящих в структуру фрейма глагола «радоваться», также одинаковое в немецком и белорусском языках;

– различия между языками отмечаются в частных данных, которыми заполняются слоты: напр., в немецком языке для заполнения слота ОБРАЗ/СПОСОБ (интенсивность) используются наречия *wahnsinnig* ‘безумно’, *unbändig* ‘бурно’, которые не являются общеупотребительными для белорусского языка в конструкции с глаголом *радоваться*. Или, например, при реализации слота ОБРАЗ/СПОСОБ (качество) в немецком языке используется наречие *herzlich* ‘сердечно’, а в белорусском языке употребляется наречие *душэўна* ‘душевно’. Следовательно, для адекватного перевода с немецкого языка на белорусский и обратно следует знать и учитывать отсутствие прямых соответствий в данной ситуации;

– примеры реализации слота ОБРАЗ/СПОСОБ (сравнение) в сопоставляемых языках зафиксированы во фразеологических словарях, что позволяет говорить об их устойчивости и идиоматичности; лексические единицы демонстрируют как сходства образов сравнения (в сопоставляемых языках эталоном сравнения служат дети), так и различия (в немецком палитру образов дополняют крапивник, луковица и король, эквиваленты которых отсутствуют в белорусском языке).

– слот ОБЪЕКТ РАДОСТИ имеет неограниченное количество заполнителей, т.е. он является открытым, в процессе языковой репрезентации данного слота образуются свободные сочетания.

Таким образом, можно сделать вывод, что фрейм является способом организации знаний, их структурирования на ментальном (концептуальном) уровне. Языковые единицы, в данном случае – сочетания глагола с именами существительными или наречиями – представляют собой объективацию на языковом уровне тех или иных заполнителей определенных слотов. Какие слоты репрезентировать и чем их заполнять – это решает говорящий в процессе когнитивно-коммуникативной деятельности. Если, например, перечень сравнений эмоционального состояния с чем-либо очень узок и строго фиксирован (т.е. узуально закреплен и предопределен), то и свобода говорящего здесь очень ограничена. Это же можно отнести и к способам языковой репрезентации интенсивности и качества эмоционального состояния радости. Поэтому правильный отбор узуальных сочетаний и их последующее включение в словарную базу является на сегодняшний день одной из центральных задач современной лексикографии, которую позволит решить фреймовый анализ сочетания слов. Что же касается слота ОБЪЕКТ РАДОСТИ, то здесь свободы у говорящего больше, но и она заключена

в рамки общечеловеческого или культурно обусловленного опыта. Поэтому понятие «свободное сочетание» можно подвергнуть сомнению. Говорить можно лишь об относительной свободе, которая ограничена либо на языковом уровне общепринятыми узуальными конструкциями, либо культурно-историческими ценностями, мировоззрением и т.п.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вахштайн, В. С.* Социология повседневности и теория фреймов / В. Вахштайн. – СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2011. – 334 с.
2. *Кубрякова, Е. С.* Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи / Е. С. Кубрякова, А. М. Шахнарович, Л. В. Сахарный. – М. : Наука, 1991. – 239 с.
3. Перспективные научные исследования в языкознании / О. Г. Алифанова, Д. В. Исаев, А. В. Павлова, О. С. Рыхлова, Е. В. Турлова, О. А. Хрущева, М. В. Щербакова. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2012. – 200 с.

Ю. Н. Сдобнова (Москва, Россия)

К ВОПРОСУ УНИВЕРСАЛЬНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ (на примере дискурса вооруженных сил Франции)

Любой язык определенным образом представляет мир. Языковая картина мира (ЯКМ) – это отраженный в языке способ видения мира, для каждого языка эта картина специфична. Картина мира институциональной коммуникации (КМИК) также имеет свои специфические черты, являющиеся отражением как национального, так и коллективно-институционального характера.

Для лингвистического обслуживания основополагающих социальных институтов (церковь, государство, армия и др.), соответствующий тип дискурса использует особый инструментарий – язык для специальных целей (ЯСЦ), который так же, как и национальный язык, представляет мир социального института и развивается вместе с ним, перманентно претерпевая синхронные и диахронические изменения.

Академик Ю. Д. Апресян, основатель Московской семантической школы, где базисом трактовки ЯКМ служит принцип системности, считает, что картина мира, предлагаемая языком (т.н. «наивная картина мира»), отличается от «научной» и каждый язык генерирует действительность немного по-разному. «Наивные картины мира, извлекаемые путем анализа значений слов разных языков, могут в деталях отличаться друг от друга, в то время как научная картина мира не зависит от языка, на котором она

описывается» [1, с. 57–59]. Научная картина мира формируется по правилам строгой логики, а объекты мира классифицируются и описываются специальными терминами, которые выступают в чистом виде и не связаны с первичными образами и понятиями.

«Отпечатки» картины мира можно обнаружить в языке, в жестах, в <...> ритуалах, этикете, вещах, мимике, в поведении людей. Картина мира формирует тип отношения человека к миру – природе, другим людям, задает нормы поведения человека в мире, определяет его отношение к жизни [1, с. 45].

Ставшая крылатой идея В. фон Гумбольдта «Когда вы изучаете другой язык, вы узнаете, как другой народ видит мир, вселенную» [2, с. 156–180], на наш взгляд, может быть применима и к языку институциональной коммуникации – как носитель национального языка, так и не носитель (вторичная языковая личность), начинающий работать в области институциональной коммуникации сталкивается с новой для него КМИК и, по сути, открывает для себя новую модель институционального мира, институциональной вселенной. В военном дискурсе большинства государств – эта модель в частности широко формализована, клиширована, ей присущи высокая степень ритуализации, а также гомогенная система апелляционных цепочек. Так, апеллятивные цепочки для обозначения военнослужащих младшего и старшего офицерского состава в КМЯК схожи в ряде европейских языков: рус. ‘лейтенант – капитан – майор – подполковник – полковник’, фр. ‘*lieutenant – capitaine – commandant – lieutenant colonel – colonel*’, англ. ‘*lieutenant – captain – major – lieutenant colonel – colonel*’ и т.д.), однако система дискурсивных вербализаций этих апелляционных цепочек в КМИК разных языков различна (рус. ‘*товарищ лейтенант – товарищ капитан – товарищ майор – товарищ полковник*’, фр. ‘*mon lieutenant – mon capitaine – mon commandant – mon colonel*’ (используется при обращении к подполковнику и полковнику), англ. *Sir* (используется при обращении ко всем офицерам этой цепочки). Из примеров видна лишь одна языковая параллель: во французском и русском ЯСВЦ общий апелляцион используется при обращении и к подполковнику, и к полковнику.

Ритуальность КМИВК исторически обусловлена: в частности, это прослеживается на примере военного ритуала *воинское приветствие* (фр. ‘*salut militaire*’), которому посвящены отдельные статьи общевоинских уставов РФ и Франции. В русской дискурсивной практике это полимодальное явление сочетает в себе символический жест, когда ладонь, обращенная вниз, прикладывается к головному убору, и дискурсивную ритуальную формулу *Здравья желаю товарищ, ... (лейтенант, майор, полковник и т.д.)*, во французской дискурсивной практике – правая рука поднимается к головному убору ладонью наружу. В КМИВК Франции воинское приветствие не реализуется совместно с соответствующими дискурсивными ритуальными формулами, но оно неизменно сопровождает начало и окончание дискурсивных ритуальных практик с жесткой и мягкой степенью градации. В основе такого полимодального ритуала лежит традиция, восходящая ко временам античности: в Древней Греции и Древнем Риме рука, поднятая вверх, означала пожелание

мира и чистоту помыслов, в эпоху Средневековья на рыцарских турнирах перед началом сражения воины поднимали правой рукой забрало шлема, со времен Наполеона воинское приветствие стало уставным полимодальным ритуалом, параллельно принятым большинством европейских стран.

Военный институт и соответствующий вид дискурса исторически андроцентричны: служба в вооруженных силах – исконно мужская профессия. Однако в современных условиях (профессионализация и феминизация ВС Франции) в КМИВК французский военный дискурс спорадически обогащается гиноцентричными элементами. Наиболее продуктивными способами гендерной диверсификации являются: на уровне лексического строя – аналитический (замена рода или использование гендерного классификатора *femme*) и синтетический (преимущественно флексивный, с помощью суффиксов *-trice; -euse; -ienne*). На уровне текста (законодательные тексты уставов) – дескриптивно-уточняющий: отказ от аббревиатуры *mon* при обращении к женщинам военнослужащим, введение аббревиатур *Mme* и *Mlle* для назначения женщин-военнослужащих на новую должность, и, в определенных уставом случаях, использование гендерного классификатора *madame* при обращении к женщинам-военнослужащим ряда служб и дирекций. На уровне дискурса социального института – институционально-прагматический (с доминантой концептов равенства женщин и мужчин военнослужащих и концепт целостности института).

Данная диверсификация в настоящее время носит спорадический характер и не характерна для КМИВК военного дискурса ВС РФ, однако частично прослеживается в КМИВК военного дискурса ВС США. Гендерная андроцентричная асимметрия остается нормой для КМИВК французского военного дискурса, но все спорадические гиноцентричные манифестации требуют регулярного наблюдения и дальнейшего изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян, Ю. Д. Избранные труды / Ю. Д. Апресян. – Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.
2. Гумбольдт, В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / В. Гумбольдт. – М., 1984. – С. 156–180.

А. В. Семянькевіч (Мінск, Беларусь)

КАНТРАСТЫЎНА-СУПАСТАЎЛЯЛЬНЫ АНАЛІЗ СІНТАКСІЧНЫХ АДЗІНАК БЕЛАРУСКАМОЎНЫХ І НЯМЕЦКАМОЎНЫХ БЛОГАЎ

З’яўленне інтэрнэт-дыскурсу прывяло да канкурэнтнага ўзаемадзеяння нормаў пісьмовага і вуснага маўлення. Мове сучаснага Інтэрнэту ўласцівы такія прыкметы вуснага маўлення, як шматканальная камунікацыя (тэкст-графіка-гук), дызайн рэцыпіента, чаргаванне роляў прадукцэнта і рэцыпіента,

актыўная кантэкстуалізацыя. Асаблівую цікавасць для аналізу моўнай спецыфікі Інтэрнэту ўяўляюць блогі, бо асноўнай адзінкай дыскурсу ў блогу застаецца тэкст. Аднак мяняецца працэс яго стварэння, стаўленне да яго аўтара і чытача, тэкст больш не ўспрымаецца як завершаная адзінка, а становіцца гнуткім, зменлівым элементам камунікацыі. Скарачаецца дыстанцыя паміж аўтарам, тэкстам і чытачом, працэсы напісання і ўспрыняцця тэксту набліжаюцца адзін да аднаго. Цікавым уяўляецца кантрастыўна-супастаўляльны аналіз моўных сродкаў блогавых тэкстаў у розных мовах.

Змешванне форм пісьмовага і вуснага маўлення ў маналагічным тэксце праяўляецца і ў сінтаксісе блогаў. У блогавых тэкстах шырока прадстаўлены з'явы экспрэсіўнага сінтаксісу – ізаляцыя, парцэляцыя, інверсія, абрывы сказаў, клічныя, пыталыныя, рытарычныя сказы. Эканоміі і лаканічнасці блогаў спрыяе шырокае ўжыванне няпоўных сказаў. Мы прааналізавалі няпоўныя сказы ў некалькіх беларускамоўных і нямецкамоўных блогах.

Агульнай прыкметай з'яўляецца частотнасць ужывання няпоўных сказаў у блогах рознага прызначэння. Прадказальна часцей непаўната сінтаксічных канструкцый маркіруе мову прыватных блогаў. Блогі журналісцкага напрамку, якія характарызуюцца меншай аграматычнасцю, змяшчаюць нашмат менш няпоўных сказаў.

Ужывальнасць пэўных тыпаў няпоўных сказаў у абедзвюх мовах шмат у чым вызначаецца граматычнай сістэмай. Кароткія, але змястоўныя блогавыя тэксты насычаны эліптычнымі сказамі, якія надаюць дынаміку, нечаканасць, выразнасць. Камунікатыўную вартасць такіх сказаў актыўна выкарыстоўваюць блогеры абедзвюх моў, напрыклад: *Пакуль ехаў, думаў – чаму б у школах вучыць не сталіцы лацінаамерыканскіх і мяцежных афрыканскіх краінаў, а нашы беларускія гарады і мястэчкі. Берасьце, Гародня, Пружаны, Ваўкавыск, Скідзель, Іўе, Валожын. У кожным – гісторыя, у кожным – чалавечыя душы. Weihnachten? Weihnachten in dreißig Tagen? Woher sol lich wissen, was ich in einem Monat mache?*

Як у беларускіх, так і ў нямецкіх блогах актыўна ўжываюцца няпоўныя сказы з незамяшчанай пазіцыяй дзейніка (Person – Ellipse або Autor-Ellipse). Гэта тлумачыцца спецыфікай блогаў. Звычайна блог вядзецца адным аўтарам або групай аўтараў, віртуальна ўжо вядомых чытачу, і большасць тэкстаў аформленыя як разважанні ад першай асобы: *Колькі дзён як вычарпаў аб'ём інэту ў інтэрнаце. І халера зь ім. Чытаю Букоўскага. Аналізую становішча. Але збольшага ідэі ў стадыі распрацоўкі. Зьмяніў характар дачыненняў да сабе й да іншых. І гэта крута. Маці сказала мне, што сталаю. А яшчэ сёння ня даў сябе абрававаць. Den Elch frage nach einem Abendlied. Weil du so fern bis. Und es hier nach dir riecht.*

У нямецкіх тэкстах часта сустракаюцца сказы з незамяшчанымі пазіцыямі як дзейніка (1 ас.), так і дапаможнага дзеяслова аналітычнага выказніка (*haben* і *sein*, *werden*): *Von nebenan noch Musik. Hinter dem Elch. Es ist ein Dunkel. Deswegen jedes Fahrrad, das draußen vorbeifährt, gehört. Ich werde heute abend nicht weggehen und glücklich damit sein. Hier in meinem Zimmer staubsaugen, Blume gießen, Postkarten anschicken, mir die Fussnägel bunt anmalen und den Morgen abwarten.*

Асаблівую цікавасць уяўляюць сказы, якія або сумяшчаюць структурную непаўнату з семантычнай, або структурна не маюць сітаксічна не занятых пазіцый, тым не менш без блогавага кантэксту з'яўляюцца семантычна няпоўнымі. Менавіта такія сказы выяўляюць спецыфіку арганізацыі блогавага дыскурсу. Прыкладам першага тыпу можа быць сказ: *Сёння ездзілі з жабікам у грыбы. Знайшлі 3 чарвівыя баравікі*. Другі сказ мае незамешчаную пазіцыю дзейніка, але папярэдні сказ не дае ўяўленне чытачу пра суб'ект, бо трэба чытаць ранейшыя допісы, каб ведаць, што *жабікам* аўтар блога называе свайго маленькага сына.

Структурна поўныя сказы ў блогах часта з'яўляюцца камунікатыўна няпоўнымі. Гэтыя канструкцыі не ўсе лінгвісты вылучаюць як пэўны тып няпоўных сказаў, што зразумела з пункту гледжання фармальнай класіфікацыі. Але менавіта гэтыя сказы з'яўляюцца маркёрамі інтэрнэт-тэксту. Непаўната сказа можа быць дапоўнена ранейшымі допісамі, гіпертэкстамі, разуменнем прадмета ці тэмы іншымі ўдзельнікамі блогасферы без дэталёвага апісання і тлумачэння, напрыклад: *Вось тут будзе вельмі цікавае Вовіна апавяданьне-сон, раю пачытаць. Асабліва пранізьліва і па-іншаму глядзіцца зараз гэта «звышбачаньне»: і абставіны вовінай сьмерці, і тое, што бабулю мы пахавалі за дзень да 26-га красавіка. Якраз сёння, перад тым, як сесьці рэдагаваць апавяданьне, думала пра тое, што бабуля зараз там яго ахоўвае*.

Блогер пад словам *тут* пакідае гіперспасылку на поўны тэкст апавядання, які знаходзіцца па пэўным адрасе. І працягвае сваё выказванне, дае цытаты з тэксту па спасылцы, разважае. Пры гэтым ён ўлічвае той факт, што чытач пройдзе па спасылцы і прачытае поўны тэкст апавядання, каб зразумець кантэкст.

“(…) wird ein neutraler (ernster) Gesichtsausdruck mit geschlossenem Mund gefordert.”

Nicht mehr lange und wir werden alle gucken müssen wie der da.

Аўтар закранае ў сваім допісе тэму новых патрабаванняў для фотаздымкаў на асабісты дакумент і электронны пашпарт. Пад займеннікам *wir* блогер дае гіперспасылку на старонку Вікіпедыі з артыкулам пра фота на пашпарт, пад дзеясловам *müssen* – гіперспасылку на сайт федэратыўнай друкарні, дзе апісаны ўсе асаблівасці і стандарт новага фотаздымка, а пад вызначаным артыклом *der* – на фотаздымак сабакі, які размешчаны на сэрверы яго блога. Культуру гіперспасылкаў у блогах можна аднесці да адной з прыкмет моўнай эканоміі ў Інтэрнэце.

Такім чынам, інтэрнэт-дыскурс мае спецыфічныя сродкі кантэкстуалізацыі: відэа- і аўдыёпадкасты, гіпертэксты і гіперспасылкі, сам прынцып вядзення блога, калі ўсе допісы могуць быць узаемадапаўняльнымі і непадзельнымі.

ТАКТИКА КОМПАРАТИВНОСТИ В ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Категория компаративности, представленная в текстах годовых отчетов как частном проявлении организационной коммуникации, заслуживает особого внимания, так как данный прием обладает рядом черт, не являющихся типичными для сравнения как литературного приема.

Необходимым атрибутом сравнения в годовой отчетности выступает обязательное присутствие темпоральности как составляющей описания деятельности за прошедший период в сравнении с настоящим и предстоящим отрезками времени. Языковое выражение категории компаративности представлено ядром: прилагательными и причастиями (*прошлый, предыдущий, прошедший год*), морфологической категорией сравнения наречий, осложненных использованием союза *чем* и темпорального существительного (*больше/меньше, чем в ... году*), периферийными элементами: именами существительными и сочетаниями, глаголами со значением компаративности (*сравнивать, сопоставлять*) и количественного сравнения (*превосходит*), синтаксическими конструкциями (сложноподчиненное предложение с сопоставительным союзом *тогда как*).

Использование темпоральной компаративности обусловлено прагматическими факторами, позволяющими целевой аудитории сделать определенные выводы и заключения относительно деятельности учреждения. Временное сравнение используется для различных целей. Таковой выступает вуализация (сокрытие информации, которая может иметь негативные последствия в будущем). Например: *За 2008 год суммарный объем кредитов, депозитов и прочих размещенных средств вырос на 39,4 % (при этом активы выросли на 38,4 %) и по данным на 1 января 2009 года составил 19 884,8 млрд. рублей, тогда как в 2007 году суммарный объем размещенных банками средств увеличился на 51,1 %*. С помощью союза *тогда как* производится сопоставление двух ситуаций с более и менее удачно сложившимися обстоятельствами относительно осуществления деятельности за прошедший период. Следует отметить, что описание успешности дается в препозиции главной части сложноподчиненного предложения, в то время как неудачность эксплицируется на второстепенную часть. Данная особенность продиктована прагматической установкой вуализации неблагоприятной информации. Для этого дополнительно используются глаголы количественной оценки (*вырос, увеличился*). На этом основании сопоставление не является релевантным и значимым, так как происходит собственно его утаивание.

Следующей самой распространенной прагматической установкой компаративности является акцентирование информации, которая имеет положительную окраску по отношению к прошедшему периоду. Языковая экспликация осуществляется посредством морфологической формы сравнительной степени наречия, осложненного союзом *чем* с темпоральным наименованием года. Положительная коннотация достигается посредством

семантики самого наречия, например: *На фоне начавшегося экономического роста и, как следствие, роста доходов населения в 2010 году розничная торговля развивалась значительно динамичнее, чем в 2010 году.*

Третьей важной прагматической составляющей компаративности выступает объяснение, толкование процессов, тенденций, складывающихся по отношению к анализируемому периоду, раскрытие причин (1), по которым протекали определенные события в истекшем периоде. Для ее реализации используются компаративная лексема и существительное с темпоральным указателем. Например: (1) *Увеличение стоимости экспорта в 2010 году по сравнению с 2009 годом на 31, 2 % до 398 млрд. долларов США связано в основном с ростом цен на основные товары российского экспорта и прежде всего на энергоресурсы: нефть, нефтепродукты и природный газ.*

Содержание четвертой формирующей заключается в результативности, которая проявляется в подведении итогов за отчетный период. Для языковой реализации используются сочетания модели прилагательное/причастие и темпоральное имя существительное (*за истекший/минувший/прошедший год*). Например: *За прошедший год была сформирована надежная база для дальнейшего динамичного роста розничной сети БинБанка.* Подведение итогов, как правило, связано с результатами относительно деятельности за пройденный период, что позволяет обозначить все достигнутые цели, проанализировать успехи и неудачи.

Пятая прагматическая установка является нейтральной и служит для выражения констатации стабильности (1) либо изменений (2). Под констатацией либо утверждением понимается информирование относительно происходящих событий. К примеру: (1) *Der zur Ausschüttung an die Träger bestimmte Bilanzgewinn beträgt wie im Vorjahr 28,0 Mio Euro.* (2) *Der Industrieumsatz fällt nach vorläufigen Einschätzungen rund 14 % niedriger aus als im Jahr 2008.* В языковом плане речь идет об использовании морфологической формы степени сравнения и темпорального существительного *прошедший год*.

Таким образом, темпоральную компаративность можно рассматривать как особое имплицитное средство воздействия на целевую аудиторию с целью достижения определенного прагматического эффекта.

А. В. Сытько (Минск, Беларусь)

КОНТРАСТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРОСОДИИ СЕГМЕНТИРОВАННОГО ВОПРОСА (на материале немецкого и белорусского языков)

Значение просодии для речевого общения многими, в том числе и профессиональными лингвистами, осознается еще далеко не в полной мере. Между тем ее роль чрезвычайно велика: просодия создает как бы коммуникативный каркас речи, управляя интеракционным поведением говорящих и устанавливая рамки принятия ими пропозициональной и референциальной информации, т.е. взаимодействуя с другими языковыми средствами, участвует в формировании общесемантической сущности высказывания. Не случайно синтезированная речь без интонационной компоненты практически недоступна для восприятия.

Исследования просодии в рамках «коммуникативно-прагматической» парадигмы, для которой характерен интерес к деталям прагматического содержания сообщения и к соответствующим элементам формы, приобретают особо важную роль в контрастивном аспекте. Определенные стороны просодической организации высказывания изучены все еще недостаточно, что относится и к фразам с субъективно-модальной составляющей. К данному типу фраз принадлежит и *сегментированный* вопрос, находящийся в немецком и белорусском языках на периферии функционально-семантического поля предположения и представляющий неместоименное вопросительное предложение с рецессивной вопросительностью. Настоящая работа посвящена изучению интонационных особенностей сегментированных вопросов при передаче модальности в рассматриваемых языках.

Следует отметить, что в лингвистике до сих пор не существует одного термина для данного подкласса неместоименных вопросов: сегментированные вопросы именуется также *разделенными, подтвердительными, разделительными, расчленёнными*, в немецких грамматиках они относятся то к *Bestätigungsfragen* ‘вопросы-утверждения’, то к *Vergewisserungsfragen* ‘вопросы-подтверждения’. Некоторые лингвисты во избежание терминологической путаницы используют понятие *tag question* ‘вопрос с теггом’, калькированное из английского языка, в котором данный тип вопроса наиболее изучен.

Данная структура представляет собой языковую универсалию, являясь одной из основных лексико-грамматических единиц, одновременно осуществляющих координацию общения и реализующих максимум такта, а также различные имплицативные значения, передающие отношение говорящего. Она выступает активнейшим и неотъемлемым естественным элементом диалогической речи, придавая ей выразительность, что в немалой степени способствует успеху коммуникации. И именно это позволяет ей функционировать в роли модального модификатора гораздо активнее ядерных модальных средств (в исследуемых языках модификации неместоименного вопроса используются для передачи предположения в 3/4 всех случаев, а в 20 % из них – сегментированный), поскольку эпистемическая установка говорящего (представление о правдоподобии\достоверности того или иного факта) в процессе дискурса может вступать в противоречие с сообщаемыми сведениями. Это рассогласование способствует оценке конкурирующих альтернатив, что выражается сегментированными вопросами, направленными на получение дальнейшей информации по поводу когнитивного конфликта или дискомфорта, напр.: “*Er ist ein guter Junge, was?*“ – “*Das ist ein richtiges Wort für ihn.*“ И: «*І запомніце: хто багата балаболіць, той не мае столькі грошай, колькі маю я. Што, хочаце, каб і ў мяне не было іх?*» – «*Не-не, Божа барані! Хай хоць у цябе будуць!*». Сегментированная структура представляет собой смысловое структурно-коммуникативное единство и состоит из невопросительной неимперативной основы, автономного повествовательного сегмента и несистемного вопросительного элемента, морфологически независимого неавтономного тега, с помощью которого адресату даются основания *самому* предполагать (логически имплицировать) некоторую пре-

суппозицию, избегая столкновения взглядов. То есть с функциональной точки зрения данные структуры являются универсальным способом оформления эпистемических установок говорящего, передачи его уверенности/неуверенности, направленным на реализацию таких стратегий, как уважение мнения адресата, косвенного способа выражения ненавязчивости.

Однако основная сложность овладения этим видом вопросов неносителями языка заключается в том, что их семантика хоть и пересекается, однако не может быть дословно переведена на немецкий язык, что объясняет то обстоятельство, что русскоязычные студенты-белорусы избегают использования формы разделительного вопроса в процессе речевого общения на немецком языке. Кроме того, если в немецком данные структуры используются для передачи двух контрарных модальных оттенков (7 % к 19 %) – сомнения и уверенного предположения (*Zweifel, Ungewissheit* ↔ *Gewissheit, sicheres Gefühl*), в основе которых лежит определенное знание об объективной реальности, то в белорусском языке – неравномерно для передачи всех трех оттенков: сомнения (7 %), неуверенности (3 %), уверенности (14 %).

При этом в качестве вопросительных сегментов, в результате действия принципа языковой экономии, выступают функциональные элементы, первичная функция которых иная: так, в немецком языке это союз *oder* для передачи сомнения, для передачи уверенного предположения – частотное отрицание *nicht* (*nicht wahr*) и вопросительные местоимения *wie* и *was*, спорадические междометие *ja* и грамматикализованная форма *stimmt*(*'s*). В белорусском языке их количество ограничивается частицей *што* или сложной модальной частицей *ці што* и местоименным наречием *так*, поэтому в результате омонимичности тегов, основную роль в передаче модальных оттенков здесь играют место тега во фразе, мелодия и контекст.

Кроме того, данные единицы имеют нисходяще-восходящее мелодическое оформление (т. наз. определенную интонационную конструкцию), универсальное для большинства языков: нисходящую мелодию в части сообщения, восходящую в вопросительном сегменте (НЛ*Н). Вопросительный элемент при этом отделен от собственно вопроса интонационно, физиологической паузой, а восходящая мелодия (*Н) в нем выполняет установочную функцию (С. Кодзасов), являясь единственным средством ее реализации и сообщая о «модальных» установках говорящего: эпистемической оценке правдоподобия данного заполнения некоторой смысловой позиции, установке на объективность/субъективность утверждений, на неформальность и кооперативность общения, напр. (прим.: в нотации для немецкого [2] движение частоты основного тона от низкой точки (L) к высокой (H)):

130 ↑ √ 320 Hz (L+H*) 12пт

Aber wir 'sind ''Freunde, ''o d e r? (мужской голос, сомнение)
 216 ↓ 155 Hz (!H* L-%)   132 ↑ 286Hz (L+H*) 10пт

''M ü d e, (-L%) | ''''w a s (-H%)? (мужской голос, уверенное предположение)

Таким образом, основную интонационную нагрузку в реализации модальности высказывания несут здесь *мелодика* и *фразовое* ударение в первой и второй частях вопроса. Падение тона на ударном слоге в части

фразы, выражающей констатацию, уверенность, служит показателем ремы, а подъем тона на теге – показателем того, что фраза говорящего не должна быть последней в речевой цепи и требует реакции, а без нее в контексте звучит незавершено, т.е. маркер ремы и маркер незавершенности представлены в структуре автономно. В разговорной речи эта стратегия имеет очень высокую частотность. На вынесенном в финал теге фиксируется подъем частоты тона на ударном слоге, т.е. соответствует ИК-3 по Е. А. Брызгуновой [1, с. 107–111]. При этом в белорусском такое оформление используется только при передаче неуверенности с элементом *так* в парцеллированной форме с ИК-2 (ΛНЛ*):

180 ↓ 98 Hz (!Н* L-%)   280 ∨ ↑ 360 Hz ↓ 268 Hz

Ён захвар э ў. (-L%) | Т а к (-L%)? (женский голос, неуверенное предположение)

Для передачи сомнения в белорусском используется тег *што* в начале фразы с ИК-2 (тег)+ИК-4 (дальнейшего вопроса) ((ΛНЛ*)+(L*Н): *Гляньце, а! Што²* (ΛНЛ*), *і ў такую малюсенькую дзірачку галава⁴* (L*Н) *пралезла?* Или *ці што* ИК-2 (ΛНЛ*) в конце фразы: *Дык што, гаспадар? Маўчаць будзеш? Язык прыкусіў ты, ці што²?*

Для передачи уверенности эта же лексема находится в середине фразы: *Анька, ці што¹* (L*), *прыязджала?*, но с ИК-1 (L*), передающей нейтральность.

На уровне отдельных фраз то или иное значение просодического параметра может вызывать различные реакции у слушателя. Так, в немецком языке на воспринимаемом уровне отмечается более высокое завершение тега сомнения и в обоих языках более широкий тональный диапазон, что подтверждается акустическими данными.

Таким образом, при выражении модальности сегментированными вопросами больше проявляется их универсальность, нежели специфичность, хотя интонационные структуры конкретных языков накладывают на них свои особенности. Модальный диапазон белорусских сегментированных вопросов при минимальности тегов оказывается более широким, при этом их структурные особенности более разнообразны, но они являются менее однозначными и контекстозависимыми. Практическая ценность изучения структуры, семантики и просодии сегментированных вопросов имеет особое значение для обучения коммуникативному поведению в условиях интерференции с фокусом на интонационной стороне высказывания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брызгунова, Е. А. Интонация // Русская грамматика: в 2 т. / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой / Русская грамматика. Т. 1. : Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Введение в морфемику. Словообразование. Морфология. – М. : Наука. 1980. – С. 100–120.
2. Grice, M. German Intonation in Autosegmental-Metrical Phonology / M. Grice, S. Baumann, R. Benz Müller // Prosodic Typology: The Phonology of Intonation and Phrasing: Jun, Sun-Ah (ed.). – Oxford University Press, 2005. – P. 55–83.

ПРОСТРАНСТВА ЯЗЫКА

(на материале немецких и русских локативных предложных конструкций)

В докладе представлены результаты исследования, направленного на выявление знаний о пространстве, которые находят отражение в локативных предложных конструкциях (далее ПК). Объектом исследования стали ПК с немецкими и русскими предлогами, обозначающими основные пространственные отношения: включение (*in, innerhalb/в, внутри*), исключение (*außer, außerhalb/вне, снаружи*), нахождение вблизи локализирующего объекта (*an, bei, neben/близ, вблизи, возле, около, у*), в его верхней части (*über/над, поверх, сверху*), с фронтальной стороны (*vor/перед, спереди, впереди*). В основу исследования была положена гипотеза о том, что при описании пространственных ситуаций выбор единицы из ряда предлогов, обозначающих одно и то же пространственное отношение, связан со знаниями о пространственных характеристиках объектов, в отношении которых происходит локализация. Имена этих объектов – релятумы – заполняют правую валентность предлога. Для достижения поставленной цели исследовалась дистрибуция исследуемых предлогов: методом сплошной выборки из сопоставимых корпусов текстов немецкого и русского языков, а также с привлечением данных Национального корпуса русского языка и контекстов из Интернета, были отобраны локативные ПК с исследуемыми предлогами. Для сопоставления дистрибуции предлогов полученное множество релятумов сортировалось в соответствии с классификацией имен, в которой учитывались следующие пространственные характеристики обозначаемых ими локализирующих объектов: 1) целостность (является ли объект целым, т.е. обладает целостной поверхностью или частью целого); 2) возможность визуального восприятия объекта в его целостности; 3) подвижность vs. стационарность в пространстве; 4) наличие ингерентной ориентации по оси «спереди – сзади». На основании этих критериев релятумы были распределены по 10-и классам: «Человек», «Части тела», «Геополитические объекты», «Здания и сооружения», «Части зданий», «Транспортные средства», «Ограниченно подвижные артефакты», «Геофизические объекты», «Пути», «Вещепризнаки» (обозначают не сами объекты, а их пространственные свойства, например, *линия, граница*).

В результате исследования выявлено, что помимо уже известных в лингвистике знаний о размере, подвижности и наличии ингерентного региона локализации на выбор предлога при локализации оказывают влияние знания о принадлежности локализирующего объекта к воображаемому или воспринимаемому пространству. К воображаемому пространству мы относим те объекты, которые недоступны для одномоментного зрительного восприятия, например, океан, космос, планета, государство, а также пространственные квазиобъекты, которые получают в языке имена подобно физическим сущностям, однако не обладают конституирующими свойствами пространственных объектов – дискретностью, целостностью и выделенностью

(например, *область, территория*). Как в немецком, так и в русском языке часть предлогов проявляет тенденцию преимущественного употребления с наименованиями объектов воображаемого пространства, в то время как другая – с наименованиями объектов воспринимаемого пространства. Такую тенденцию обнаруживают, например, немецкие предлоги *bei* и *neben*, русские предлоги *близ, вблизи* и *у, возле; вне* и *снаружи* и др. Так, для обозначения положения в пространстве относительно геополитических объектов, которые в силу своего размера относятся к воображаемому пространству, в немецком языке преимущественно употребляется предлог *bei*. Релятумы данного дистрибутивного класса составляют 35,3 % всех контекстов этого предлога и находятся по частоте употреблений на втором месте. Предлог *neben* очень редко употребляется с релятумами названного класса, доля ПК с ними составляет всего лишь 2,1 % от общего количества ПК с *neben*. В то же время этот предлог часто употребляется с наименованиями объектов воспринимаемого пространства – релятумами дистрибутивных классов «Здания и сооружения» (25,4 %) и «Ограниченно подвижные артефакты» (21,2 %). Практически не употребляются с наименованиями объектов воображаемого пространства, в частности геополитических объектов, и такие русские предлоги, как *возле, снаружи, сверху* и др. (ср. ^{???} *возле страны, ^{???} сверху города, ^{???} снаружи Москвы*).

Контекстуальный анализ показал, что часть релятумов служит для именования одновременно и физических объектов, и квазиобъектов, за которыми могут стоять фреймы и сценарии, как, например, *дом, сцена, корт, лед, тюрьма, ресторан*. У некоторых из таких имен в словарях отмечаются конкретное и обобщенное значения, например, существительное *дом*, согласно словарю С. И. Ожегова, в первом своем значении толкуется как пространственный объект («жилое (или для учреждения) здание»), во втором – как более широкое понятие («свое жилье, а также семья, люди, живущие вместе, их хозяйство»). Однако наличие более обобщенного значения фиксируется не всегда, например, у таких существительных, как *тюрьма* и *лед*, в этом же словаре отмечено только одно значение (*тюрьма* – «место содержания лиц, лишенных свободы, ... место заключения», *лед* – «замерзшая и затвердевшая вода»). Релятумы рассматриваемого типа, употребляясь с разными предлогами одного предложного ряда, задают разные регионы локализации: в конструкциях с предлогами, обозначающими отношения в воспринимаемом пространстве, они отсылают к целостному выделенному пространственному объекту с присущими ему регионами, а в конструкциях с предлогами, обозначающими отношения в воображаемом пространстве, – к сценарию и вытекающим из него регионам воображаемого пространства. Например, ПК *снаружи сцены* соотносит с воспринимаемым внешним регионом, задаваемым соответствующим пространственным объектом, а ПК *вне сцены* – с воображаемым регионом, который задается понятием *сцена* в широком смысле (театр, театральная деятельность: *жизнь вне сцены, вне льда, вне корта*). Употребляясь с подобными релятумами, предлоги одного предложного ряда находятся либо в привативной оппозиции, либо в отношениях вза-

имодополнительности. Привативные оппозиции наблюдаются тогда, когда один из предлогов употребляется для описания пространственных отношений с рассматриваемым классом релятивов как в воспринимаемом, так и в воображаемом пространстве, а другой – только в воспринимаемом. Например, предлоги *in/в* в таких ПК, как *im Haus/в доме, im Gefängnis/в тюрьме, im Feld/в поле*, способны указывать на оба типа пространств, а предлоги *innerhalb/внутри* – только на воспринимаемое пространство.

Регион пространства, выделяемый через его отношение к человеку, активизируется в немецком языке с помощью предлога *bei*, а в русском – с помощью предлога *у*. Наименования человека являются наиболее употребительным дистрибутивным классом для обоих предлогов *у* (41,4 и 48,3% соответственно). Эти предлоги в конструкциях с наименованиями человека указывают на самые разные регионы – дом, работу, место учебы, город, страну и т.д. Если в воспринимаемом пространстве регион локализации задается присутствующим объектом, то в регионе воображаемого пространства, выделяемом на основании отношения к человеку, физическое присутствие человека необязательно для идентификации местонахождения локализуемого объекта. ПК типа *bei mir/у меня* маркируют некоторый участок пространства, который говорящий считает «своей территорией» вне зависимости от своего физического присутствия на этой территории.

Таким образом, проведенный анализ показывает, в языке получает отражение не только объективно воспринимаемая действительность, но и пространство, преломленное сквозь призму субъективного опыта человека. Субъективный пространственный опыт проявляется через переосмысление, с одной стороны, фрагментов пространства, которые посредством именования в языке получают статус пространственных объектов, с другой – через переосмысление роли пространственных объектов, имена которых связываются не только с регионами, обусловленными физическими параметрами объектов, но и с участками пространства, релевантными для деятельности человека.

А. В. Тихонова (Могилев, Беларусь)

ТЕЛЕСКОПИЧНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Изучение механизмов образования телескопических производных было инициировано зарубежными лингвистами в конце XIX века (Ф. Годен, П. Гиро и др.).

В плане диахронии появление первых телескопических производных слов зафиксировано в среднем и новофранцузском периодах. Исследования по проблеме позволяют утверждать, что первый пласт телескопических слов сформировался в недрах разговорной речи и литературного жанра. Второй пласт включает современные слова, созданные в области научной терминологии, технических новинок, рекламе, сленге и просторечии.

Телескопия – это паронимический (в более широком смысле – интерференционный) способ словосложения, когда из двух (или более) исходных слов образуется третье путем частичной или полной модификации одного или обоих исходных компонентов.

Французские лингвисты Ф. Годен и Л. Гэспен рассматривают телескопию как словообразовательный механизм, особый вид словосложения, который наряду с другими используется для обогащения словарного состава языка и, в первую очередь, для создания терминов. Такого рода телескопные слова обладают номинативной функцией, их появление связано с названием новых предметов и явлений из разных сфер человеческой деятельности.

В отличие от них французский лингвист П. Гиро изучает механизм телескопии как вид «игры слов» и отмечает, что его использование характерно для художественной речи, где телескопное слово служит для создания стилистического эффекта.

В лингвистической литературе этот способ словообразования известен также под наименованиями «слияние», «контаминация», «*mots-valises*», «*mots emboîtés*», «*amalgame*», «*mots-gigognes*», «*mots-sandwiches*» [1, с. 15].

В русскоязычной научной традиции такие единицы принято называть телескопными словами по аналогии с французским названием явления *télescope*.

Главными функциями телескопии являются словообразовательная и семантико-стилистическая.

Если словообразовательная функция заключается в создании новых лексических единиц с целью обновления и обогащения словарного состава языка, то семантико-стилистическая функция телескопии является «надстройкой» в словообразовательном процессе этого явления [2, с. 7].

Телескопия – это не только интересный способ словообразования, но и эффективный стилистический прием, используемый при создании экспрессивных слов с ярко выраженным семантико-коннотативным значением. Использование различных моделей телескопии служит эффективным средством воплощения языковой игры автора, цель которой заключается в привлечении внимания, поддержании напряженности повествования, например: *filousophe* = *filou* (m) ‘жулик’ + *philosophe* (m) ‘философ’.

В наши дни телескопные слова становятся излюбленным средством языковой игры в прессе и рекламных текстах.

Так, например, в современных французских печатных изданиях часто встречается слово *une célibattante*, представляющее результат соединения *célibataire* ‘незамужняя’ и *battante* ‘борющаяся’. В представлении французов слово *célibattante* означает *une célibataire battante qui bosse, qui sort, qui s'active* ‘незамужняя женщина-борец, которая много работает, не сидит дома, ведет активный образ жизни’.

Телескопные слова используются в рекламе с целью воздействия на адресата. От обычных слов, знакомых носителям языка, их отличает непривычность, экспрессивность и неожиданность появления в тексте: *Le loto c'est spormidable!* = *sport* ‘спорт’ + *formidable* ‘замечательный’.

Игровое использование телескопных слов не ограничивается художественной литературой. В последнее время один за другим появляются юмористические словари, авторы которых создают новые телескопные слова и дают им смешные толкования. Увлечение составлением словарей телескопных слов началось с книг А. Финкелькраута, А. Креанжа и др. (“*Petit dictionnaire illustré*”, “*Le pornithorynque est un salopare*” и др.).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лейчик, В. М.* Об одном малоизученном способе словообразования («Телескопные слова» современного французского языка) / В. М. Лейчик // Филологические науки. – 1966. – № 3. – С. 14–21.
2. *Тарасова, Л. А.* Структурно-семантические аспекты телескопии в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Л. А. Тарасова. – Московский гос. лингв. ун-т. – М., 1991. – 31 с.

З. Е. Фомина (Воронеж, Россия)

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧЕСКОЕ В НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ БЕЛЛАРИЧЕСКИХ НОМИНАЦИЯХ

Картины мира, рисуемые разными языками, в чем-то между собой похожи, в чем-то различны. Различия между языковыми картинами обнаруживают себя, в первую очередь, в лингвоспецифичных словах, не переводимых на другие языки и заключающих в себе специфические для данного языка концепты [1, с. 41]. К таким лингвоспецифичным словам, несомненно, относятся номинации шоколадно-конфетных изделий.

Как следует из наших наблюдений, *общих* признаков в немецкоязычных и русских номинациях конфетной продукции отмечается лишь минимальное количество. **Общее** проявляется, главным образом, на уровне *собирательных имен* для тех или иных разновидностей белларических изделий (от лат. *bellarium* – конфета) [2], в частности, когда речь идет о классификации имен, обозначающих типы конфетных изделий: *карамель, леденец* и т.п., а также о наименовании *ассорти*, различающихся по типу начинки: шоколадные конфеты со *сливочной, ореховой* и др. начинкой.

Универсальным признаком является также наличие как в немецкоязычных, так и русских номинациях конфетных изделий прецедентных имен – знаковых исторических личностей (ср.: «Шоколад и Й. В. фон Гёте», «Шарики Моцарта», «Сказки А. С. Пушкина», «Песни Кольцова» и др.).

К общим признакам следует отнести также признак *социальной ранжированности* немецкоязычных и русских белларических наименований. Отмечаются так называемые слова-*мерседесы*, т.е. наименования *конфет-аристократов*, а также наименования шоколадных изделий *от кутюр*.

Различия наблюдаются по всем остальным доминантным критериям, лежащим в основе проведенного нами многоаспектного анализа немецкоязычных и русских номинаций конфетно-шоколадной продукции [2]. Прежде всего, различия наблюдаются по *количественному критерию* соотношения немецкоязычных (45 ед.) и русских наименований шоколадно-конфетных изделий (1278 ед.), а также по количеству и типу когнитивных классификаторов, лежащих в основе определения сладкой продукции в немецкоязычной и русской лингвокультуре. Так, номинации русской конфетной продукции дифференцируются на основе 40 концептуально-эпистемологических детерминант (*природа, искусство, литература, поэзия, мифология, фольклор, кино/театр, сфера человека, эмоции, топонимическая сфера, гидросфера, наука, космос* и мн. др.), немецкоязычные номинации варьируются в пределах 7 базовых критериев: *вкус* (Hofbauer Mozart Kugeln Zartbitter), *начинка* (Mirabell Mozartkugeln 9er im Sackerl), *форма* (Mozarttaler), *упаковка, ареал* (Люксембургерли, «Alpen Gold»), *история* (Hofbauer Sissi Kugeln, Mozartkugeln), *культура* (Osterhase) и др.

В русских номинациях, в отличие от немецкоязычных, выделяется многообразие *метафорических* образов (ср.: «Вкус лета», «Музыка лета», «Букет любви», «Лесная сказка», «Осенний вальс» и т.п.), в которых отражаются национальные черты русского этноса (сентиментальность, эмоциональность, пафосность, романтическое восприятие действительности и т.п.).

Одним из культурно-семиотических маркеров русских номинаций конфетных изделий (КИ), в отличие от немецкоязычных, является наличие широкого и многообразного корпуса структурно-морфологических способов, служащих для их языковой экспликации (ср.: «Степашка», «Буренушка», «Карамелькино», «Мишка-Топтыжка», Домовенок Кузя» и др.).

В аспекте *инвариантно-вариантных* соотношений конфетных номинаций, т.е. когда инвариантом служит общее (собирательное) имя КИ, а вариантом – его разновидности, следует отметить, что для немецкоязычных белларических номинаций релевантны, прежде всего, генерализованные инвариантные (общие, синкретичные) наименования конфетных изделий, в то время как в корпусе русских номинаций доминируют индивидуальные (частные) имена. Каждое русское белларическое наименование отличается *самобытным* характером, имеет свое *конкретное* имя, историю, этимологию и семантику. Наречения конфет в русской культуре могут рассматриваться, в определенной степени, как своеобразная культурно-историческая энциклопедия страны (ср.: «Русь-тройка», «Третьяковская галерея», «Россия – щедрая душа», «Эрмитаж», «Садко», «Ясная Поляна», «Данко», «Северная Аврора», «К звездам» и мн. др.).

Для русского корпуса конфетных номинаций, в сравнении с немецкоязычными, характерна исключительная *детализированность (дискретность)*, подтверждением чего является тот факт, что каждая лексико-тематическая группа наречений облигаторно структурируется комплементарными подгруппами (субпарадигмами) кондитерских номинаций.

В русских номинациях, в отличие от немецкоязычных, *эмоциональная* составляющая является доминантной (ср: «Парочка», «Нежность», «Он и Она», «Рома + Маша», «Букет любви», «Магия двух» и др.). Русские номинации конфетных изделий характеризуются в своем большинстве *эмотивно-ценностной, эстетической* нацеленностью, *креативностью*, немецкоязычные – в первую очередь, *прагматической*.

Заметные различия наблюдаются в аспекте *корреляции* языковых репрезентантов конфетной продукции с *одноименными фабриками и производителями*. Установлено, что соотнесение наименований КИ с названиями фабрик и именами их создателей является типичным признаком немецкоязычных номинаций, в отличие от русских.

Одним из отличительных критериев является также фактор *использования иностранных брендов* в наименованиях сладкой продукции. Использование иностранных брендовых марок в составе русских номинаций КИ, в отличие от немецкоязычных, является нетипичным, нехарактерным.

Шоколадно-конфетные немецкоязычные и русские наименования дифференцируются по критерию *адресной направленности наименований конфетной продукции*. В немецкоязычных номинациях адресат не конкретен, не всегда определен. Исключение составляют лишь наименования шоколадных яиц (Schokoladeneier) и шоколадных батончиков (Schokoladenriegel), ориентированных на маленьких потребителей. В русской лингвокультуре номинации конфетно-шоколадной продукции имеют, как правило, своего конкретного адресата, т.е. отмечается функциональное разграничение – для детей, взрослых, школьников и т.п.

Русские шоколадно-конфетные наименования в подавляющем большинстве случаев отличаются от немецкоязычных *пафосным, сенсуалистическим vs. романтическим* характером (Ср.: «Леди День», «Королева Ночь», «Осенний вальс» и мн. др.).

Рекламный текст в немецкоязычной белларической культуре используется как вспомогательный (комплементарный) дескриптор в целях усиления значимости КИ, репрезентируемых немецкоязычными номинациями и др. Немецкоязычные номинации следуют, главным образом, общей европейской классической традиции, сложившейся на протяжении веков, и в значительной степени репрезентируют бельгийскую, французскую, английскую кондитерскую традицию при номинации тех или иных лакомств (*Fazer, Raffaello, Ferrero Rocher, Mercy, Compliment* и др.), утрачивая при этом в значительной степени свою самобытность. Русские конфетно-шоколадные наименования сохраняют свою самобытность и выступают ярким, образным и **суггестивным** средством идентификации национальной культуры. Как отмечал В. фон Гумбольдт, за каждым словом скрывается не только глубокий культурно-исторический «след», но и своя длительная индивидуальная история, что в полной мере релевантно для номинаций шоколадно-конфетных изделий [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово/Slovo, 2000. – 624 с.
2. Фомина, З. Е. Белларические номинации как семиотические маркеры немецкоязычной и русской культуры / З. Е. Фомина // Науч. Вестн. Воронеж. гос. арх.-строит. ун-та. Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2012. – Вып. 1(17). – С. 121–135.
3. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1984. – 400 с.

Н. В. Фурашова (Минск, Беларусь)

КАРТИНА МИРА В НЕОЛОГИЗМАХ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

О том, насколько динамична жизнь современного общества и, как следствие, язык, призванный обслуживать коммуникацию в таком обществе, мы уже писали в наших работах [4; 5]. Основная идея данного доклада заключается в том, что неологизмы являются не просто новыми номинативными единицами, обогащающими словарный состав языка, а источником знаний о современной картине мира в немецком языке.

Термин *языковая картина мира* получил в лингвистической литературе общее признание и широкое распространение. Не отрицая его важности, хотим одновременно согласиться с теми, кто считает, что термин *картина мира* предполагает статичное отображение внеязыковой действительности в языке и соответствие изображения оригиналу. В этой связи предпочтительнее говорить, о чем мы также писали ранее в ряде работ [1; 2; 3], о конструкции мира говорящим субъектом, обусловленной его биологической программой, прагматическими факторами, условиями жизнедеятельности и т.п. При этом язык фиксирует социально разделенную конструкцию мира, т.е. конструкцию, разделяемую всеми членами определенного языкового социума. Данное положение имеет особую важность для анализа неологизмов в настоящем докладе.

Источником эмпирического материала послужил электронный словарь неологизмов Института немецкого языка в г. Мангейме (Германия), который содержит новые номинативные единицы, появившиеся в немецком языке с начала 90-х годов по настоящее время. Пути их возникновения – заимствование (в первую очередь, из английского языка), словообразование (разные его способы, в том числе гибридные), семантическая деривация. Этот аспект был подробно освещен в статье [4]. Предметом данного доклада является другой аспект неологизмов – они представляют собой для изучающих немецкий язык как иностранный «окно» в концептуальный мир носителей немецкого языка, источник информации об этом мире.

Приведем в качестве примера имя существительное *Inklusionsklasse* ‘класс, в котором совместно обучаются обычные дети и дети с ограниченными возможностями’, именующее новое явление в сфере образования, имеющее целью не просто интегрировать детей с ограниченными возможностями в обычные классы – для этого уже существовала номинативная единица *Integration* ‘интеграция’, – а подчеркнуть их статус как неотъемлемой составляющей общества. Этот пример уже демонстрирует тот факт, что язык отражает не внешний мир, а его конструкцию субъектами-членами определенного социума, т.е. интерпретацию мира, его видение, оценку и т.п. Дети с ограниченными возможностями были в обществе всегда, вопрос в том, каково было отношение общества к ним.

Поскольку описанные выше классы для совместного обучения детей приветствуются и в Беларуси, и в России, то в русскоязычных средствах массовой информации появляются сообщения о таких классах и о первых попытках создания их в данных странах, что привело к необходимости перевода данного неологизма на соответствующий язык и, в целом, к позитивному отношению общества к данному новшеству. Заимствование и распространение подобных явлений по всему миру – неотъемлемая часть глобализации, в век которой мы живем.

Однако, как только неологизм именуется какое-либо явление в концептуальной картине немецкоязычного социума, которое в концептуальной картине изучающих немецкий язык как иностранный (т.е. белорусско- или русскоговорящих) имеет негативную оценку или не имеет в ней места вообще, мы имеем дело с межкультурным конфликтом и с вытекающими из него последствиями для образовательного процесса. Продемонстрировать это можно на таком явлении как однополые браки и на связанных с ним неологизмах: *Verpartnerung* ‘зарегистрированный в ЗАГСе союз однополых партнеров’, *Regenbogenfamilie* ‘союз однополых партнеров и их детей’ и др.

Подтвердить сказанное можем фактами из собственного профессионального опыта. Несколько месяцев назад нами было подготовлено и представлено на рецензию учебное пособие «Практикум по лексикологии немецкого языка», в котором указанные выше единицы были включены как иллюстративный материал в раздел «Неологизмы». В одной из полученных рецензий (имя рецензента не называем) была высказана следующая оценка данного языкового материала: «По нравственным соображениям не могу согласиться с уделением столь почетного места в пособии искаженному представлению семьи (с. 93 *Regenbogenfamilie*). Студенты будут воспринимать это как нечто вполне нормальное и достойное подражания».

Подчеркнем в этой связи, что однополые связи существовали, согласно историческим сведениям, уже в далеком прошлом, в том числе и в нашей стране. Проблема заключается лишь в отношении общества к ним, т.е. в том, что было выше названо конструкцией мира. В Германии данный сектор или участок внеязыковой действительности пережил процесс «переконструирования», в результате которого однополые связи стали общественно

признанными и получили соответствующие нейтральные номинации. В нашем обществе такой пересмотр традиционной конструкции мира еще не произошел, что и приводит – не только в данной рецензии – к отторжению данного явления и мнению о невозможности включения его номинаций в учебный материал.

На наш взгляд, согласиться с такой позицией не представляется возможным по двум основным причинам:

- – то, что интерпретируется как «искаженное представление семьи», является реальностью жизни немецкого общества, признанной формой совместного проживания и навязывать ему нашу оценку, т.е. оценку с позиции другой культуры, следует осторожнее, осознавая и признавая межкультурные различия;

- – как студенты будут воспринимать данное и подобные ему явления, определяется следующими факторами: личной свободой выбора и той воспитательной работой, для проведения которой описываемые неологизмы предоставляют преподавателю замечательную возможность. Исключить их из учебного материала – значит, согласно общеизвестному сравнению, спрятать, как страус, голову в песок при приближающейся опасности. Но если страус полагает, что таким образом он становится невидимым для врага и опасность благополучно пройдет мимо, то мы должны «в полной боевой готовности» встретить новое явление, бросающее вызов нашим традиционным устоям. При этом не следует забывать, что мы готовим студентов не к нашему прошлому, а к их будущему. Будущее наших студентов, наверняка, будет кардинальным образом отличаться от нашего прошлого и включать то, что мы сегодня не приемлем. Но готовить их к встрече с этим будущим, в том числе, используя неологизмы, – наша возможность, обязанность и долг.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фурашова, Н. В.* Теория конструкций в исследовании многозначности (на примере немецких глаголов действия) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: cognitive.rggu.ru/binary/object_3.1319441383.63168.doc. – Дата доступа: 15.06.2015.
2. *Фурашова, Н. В.* Значение языковой единицы как фиксация ментальных конструкторов / Н. В. Фурашова // Актуальные вопросы германской филологии и методики преподавания иностранных языков : материалы XVI Респ. науч.-практ. конф. (Брест, 24 февраля 2012 г.) в 2 ч. / Брест. гос. ун-т имени А. С. Пушкина, фак. иностр. яз. ; редкол. : В. Ф. Сатинова [и др.]. – Брест : Альтератива, 2012. – Ч. 1. – С. 11–13.
3. *Фурашова, Н. В.* Фразеология как языковая фиксация конструирования мира / Н. В. Фурашова // *Slowo. Tekst. Czas XI : Frazologia słowiańska w aspekcie onomazjologicznym, lingwokulturologicznym i frazeograficznym* /

pod red. M. Hordy, W. Mokijennki, T. Szutkowskiego i H. Waltera. – Szczecin, Greifswald, 2012. – S. 198–203.

4. *Фурашова, Н. В.* О креативном использовании своих и чужих ресурсов в век неологизации (на материале немецкого языка) / Н. В. Фурашова // Изв. Смоленского гос. ун-та. – № 1 (29), 2015. – С. 168–176.

5. *Фурашова, Н. В.* Неологизмы как источник знаний о новой культурной реальности и их роль в образовательном процессе (на материале немецкого языка) / Н. В. Фурашова // Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания: материалы 2 науч.-практ. конф. (Москва, 24–25 апреля 2015 г.). / отв. ред. Д. А. Крячков; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации. – В 2-х т. – Т. 1. – М. : МГИМО-Университет, 2015. – С. 661–666.

Д. И. Хизбуллина (Уфа, Россия)

О ПОНЯТИЯХ *ДОБРО* И *БЛАГО* В ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

Языковая картина мира – выражение познавательной человеческой деятельности, обусловленной историческими, географическими, культурными и другими факторами в пределах единого объективного мира.

Естественный язык – исторически сложившаяся знаковая система. Интерпретация культурных кодов позволяет представить единицы языка духовной культуры, историю культуры, систему ценностей, картину мира. Подобные исследования в сопоставительном аспекте имеют определенный общечеловеческий интерес, поскольку способствуют духовно-культурному обогащению, росту цивилизованного общезначимого самосознания, углублению философского взгляда на историю человечества.

Лев Гумилёв считал, что история человечества освещена неравномерно [1, с. 320]. По мнению А. Дж. Тойнби, история выросла из мифологии, примитивной формы представления и выражения, где граница между фактом и вымыслом остается открытой [2, с. 100]. Как в сказках, легендах, пословицах и поговорках, различных устойчивых языковых выражениях.

Целью данного исследования является сопоставительный анализ понятий *добро* и *благо* на материале английских, башкирских, русских и французских фразеологических единиц для того, чтобы определить, имеют ли эти этические категории универсальный смысл для данных этносов, несмотря на их разную историю и культуру. Наша гипотеза состоит в том, что так называемые различия в ментальности – это в основном человеческие умозаключения, поскольку символы и знаки, религию и политику создают и творят сами люди.

Добро – основная моральная ценность, нравственная ценность сама по себе. *Благо* – то, что имеет ценность и является предпосылкой нравственных ценностей. Например, честность предполагает, что существуют блага (не только вещи), которые нужно уважать как владения других людей [3, с. 45].

В английском языке *good* ‘добро’, *the good* ‘благо’ имеют дополнительное значение ‘польза, смысл’. Ср. *what is the good of it?* ‘какая польза от этого, какой в этом смысл?’ Прилагательное *good* имеет такие дополнительные значения как ‘приятный’ (ср. *good features*), ‘свежий (о пище)’, ‘добродетельный, любезный, годный, полезный’, ‘умелый’ (ср. *good at languages*); ‘плодородный, целесообразный, кредитоспособный’, ‘значительный’ (ср. *a good deal of*).

В башкирском языке для обозначения понятия ‘добро’ употребляются слова *якшылык*, *изгелек*, *игелек*, которые определяются как ‘доброе дело, благодеяние’. Данные существительные образованы от прилагательных *якшы*, *изге*, *иге* со значением ‘добрый, благой’ и с дополнительным значением прилагательного *изге* ‘святой, благочестивый’. Ср. *изге йян* ‘святая душа’, *изге сәгәттә* ‘в добрый час’. Понятие ‘благо’ определяется как *бәхет* ‘счастье’, *именлек* ‘благополучие’, *мәнфәгәт* ‘добро’. В понятие *именлек* ‘благополучие’ входит значение ‘безопасность, неприкосновенность’. А понятие *мәнфәгәт* ‘добро’ может использоваться в значении ‘интерес, польза’. Например: *мәнфәгәт күреү* ‘пользоваться благами’.

В русском языке *добро* означает ‘все положительное, хорошее, полезное’ с дополнительным значением ‘имущество, вещи’. Прилагательное *добрый* значит ‘делающий добро другим, отзывчивый’, ‘нравственный’, ‘дружески близкий’, ‘безукоризненный, честный’, ‘самый настоящий’, ‘несущий благо, благополучие’, ‘значительный’. Ср. *В добрый час. Оставить о себе добрую память. Всего доброго*. Понятие *благо* во множественном числе означает ‘то, что дает достаток, благополучие, удовлетворяет потребности’. Ср. *Всех благ*.

Во французском языке понятия ‘добро’ и ‘благо’ обозначаются одним словом *bien*. В значении ‘добро’ оно имеет дополнительные семы ‘польза’, ‘имение, имущество, собственность’, ‘ценности’. Ср. *homme de bien* ‘порядочный человек’, *biens meubles / immeubles* ‘имущество движимое / недвижимое’, *Bien mal acquis ne profite pas* ‘чужое добро впрок не идет’. Прилагательное *bon* ‘добрый, хороший’ имеет дополнительные значения ‘годный, пригодный’, ‘значительный’ (ср. *une bonne lieue* ‘добрая миля’). А как существительное в мужском роде – ‘чек, талон, ордер, требование’, ‘свидетельство о покупке, продаже’.

Анализ семантического наполнения концептов *добро* / *благо* в исследуемых нами языках показывает, что данные понятия используются не только для обозначения субъективно-эмоциональных этических характеристик и качеств. Ср. *Доброе утро. В добрый путь. Благие намерения*. Делать добро и благо в данных языковых культурах значит делать что-то полезное, помогать не только морально, но и материально. Ср. англ. *for the good of the country* – франц. *pour le bien de la Patrie* ‘на благо страны, Родины’. В русской картине мира – *Сей добро, посыпай добром, жни добро, одевай добром* (В. Даль). В башкирской культуре – *Игелеген күр* ‘пользуйся на здоровье’ (букв. почувствуй благо); *Балаларындың изгелеген күр* ‘испытай добро от своих детей, пусть твои дети принесут тебе благо’.

В английской картине мира добрый человек лучше, чем изумруды – *Kind hearts are more than coronets (emeralds)*. Доброе имя лучше богатства – *A good name is better than riches*.

В русском языке – *Добрый человек надежнее каменного моста. Промеж худых и хорошему плохо. Тьма свету не любит – злой доброго не терпит* (В. Даль).

В башкирском языке добрый человек – *мәрхәмәтле кеше* (букв. сострадательный человек). Во французской картине мира добрые люди – *brave gens* (букв. отважные, честные люди).

В английском, русском, французском языках *good morning* – *доброе утро* – *bonjour*. В башкирском языке – *хәйерле иртә* (букв. от *хәйер* ‘милостыня, польза, выгода, прок’).

Ср. русск. *Худо до добра не доведет* – англ. *Good can never grow out of evil* (букв. Добро никогда не вырастает из зла). Ср. русск. *От добра добра не ищут* – англ. *Enough is as good as feast* ‘Все хорошо в меру’. В христианской традиции русского этноса – *Доброе дело на два века: на этот и на тот*. Во французской картине мира нет добра без труда и работы – *Nul bien sans peine*.

В теории этногенеза Л. Гумилева, этнос – динамическая система, включающая людей, элементы ландшафта, культурную традицию и взаимосвязи с соседями [1, с. 100]. Географический ландшафт влияет на этнические сообщества. Разнообразные ландшафты – разные народы. Происхождение различий связано с адаптацией в различных географических условиях при одинаковых ступенях развития человечества [там же, с. 237]. Родиной этноса является сочетание ландшафтов, где он впервые сложился в новую систему. Поэтому для жителей британских островов – *It is an ill wind that blows nobody good* ‘это плохой ветер, который никому не приносит добра’. Для предков башкир, возможно, зимняя дорога была лучше и безопаснее – *ак юл* ‘в добрый путь’ (букв. белый, чистый, счастливый + дорога).

Таким образом, исследуемые нами языки отражают картину мира своих этносов, которая изначально, видимо, была универсальной, поскольку устойчивые выражения относятся к архетипическому мышлению. По мере развития общества, увеличения количества информации, из-за различий в исторических и географических условиях накапливается взаимное непонимание, ведущее к конфликту культур и цивилизаций. И это происходит не только между разными культурами, но и внутри самих культур.

Например, британская газета *The Guardian* опубликовала интервью с голливудским актером Колином Фарреллом. В нем он высказал свое недовольство тем, что немецкий журналист назвал его семью *patchwork family* (букв. лоскутная семья). Но, оказывается, в немецком языке данное выражение не имеет отрицательной коннотации и означает семью, в которой дети рождены от разных родителей [4]. Это выражение часто используется в немецкой прессе в отношении семьи Анджелины Джоли и Бреда Питта, и такая семья пользуется уважением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев. – М. : Айрис-пресс, 2011. – 560 с.
2. Тойнби, А. Дж. Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций / А. Дж. Тойнби. – М. : АСТ, 2009. – 670 с.
3. Философский энциклопедический словарь. – М. : ИНФРА, 2007. – 576 с.
4. Lawrence, W. Colin Farrell: no longer the wild one? [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.theguardian.com/film/2012/aug/26/colin-farrell-interview-total-recall>. – Date of access: 10.06.2015.

И. В. Чеботарская (Полоцк, Беларусь)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СТРАТЕГИЙ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В НЕМЕЦКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ (на материале текстов журнала «Der Spiegel»)

Современные тексты масс-медиа отражают настроение в обществе и способствуют формированию определенной точки зрения на какой-либо факт современной действительности. В зависимости от жанра текста журналист обладает правом выразить открыто свои политические симпатии/антипатии или скрыть их. Общеизвестно положение теории дискурса о взаимосвязи социально-культурных процессов и лингвистических структур. В качестве материала для практического рассмотрения данного вопроса были использованы тексты онлайн-версии журнала «Der Spiegel», посвященные внутренней и внешней политике России.

Специфические сведения о фактах окружающей действительности и культуре могут фиксироваться и номинироваться различными способами. Журналисты, ориентируясь на собственные политические ценности, учитывают, что для успешности сообщения им необходимо опереться на общие знания и стереотипы.

Образ современной России и президента Путина связывается во многих случаях с концептом «сила». Внутренняя сила и крепость духа, как известно, являются положительными качествами человека. Однако эти особенности личности политика по-разному обыгрываются и развиваются (не всегда в положительном русле). В таком качестве они становятся доступными общественности и закрепляются впоследствии в общественном сознании. Например, президент Путин упоминается в журнальных статьях как *Wladimir der Starke* ‘Владимир Сильный’, *Moskaus starker Mann* ‘сильный человек Москвы’, *Stärke zeigen* ‘показывать силу’ и др. С целью закрепления и поддержания создаваемого образа в газетных статьях регулярно употребляются лексемы с корнем *stark* ‘сильный’. Журналистские комментарии по поводу политического и экономического курса России в том числе содержат ссылку на концепт «сила»: *starke Worte* ‘сильные слова’.

В каждой проанализированной статье эксплицитно или имплицитно присутствует рациональная или эмоциональная оценка денотативной ситуации. Воздействующий потенциал формируется за счет языковых средств экспрессивизации и эмоционализации, логико-риторических приемов аргументации. Внимание читателя привлекается в первую очередь заголовком статьи. Именно он задает определенную перспективу восприятия реципиентами подаваемой информации. В проанализированном материале обнаружены случаи неполной реализации валентной формулы глагола в определенном контексте. В нашем материале в таком употреблении отмечены глаголы *warnen* ‘предупреждать’ и *drohen* ‘угрожать’: *Poroschenko warnt vor russischem Einmarsch* ‘Порошенко предупреждает о вводе российских войск’. В коммуникативном фокусе оказывается само глагольное действие. Опускание актанта наводит имплицитно на мысль о большом числе стран, которых предупреждают об опасности со стороны России. В других заголовках, в целях избежать двойственности понимания информации, беспредложные объекты указанных глаголов (величины, которым угрожают или которых предупреждают) реализуются в поверхностной структуре предложения.

Заголовок может выражать более явно авторское отношение к содержанию сообщения. Тонкие ироничные нотки по отношению к публичности Путина могут быть прочитаны в заголовке *Tauchgang mit Mini-Boot: Putin geht man wieder unter* ‘Погружение в мини-лодке: Путин опять идет ко дну (погружается)’, поскольку многозначный глагол *untergehen* ‘погружаться’, кроме прямого значения *versinken*, может пониматься в переносном значении *seinen Niedergang erleben, zugrunde gehen* ‘пойти ко дну’, ‘потерпеть поражение’.

По мнению О. А. Крыловой, любой «... текст создается тогда, когда какое-то речевое произведение реализует определенную авторскую установку, авторское намерение, что находит выражение в целостности и связанности этого речевого произведения» [1, с. 218]. Целостность и связанность текста достигается его семантической и синтаксической организацией. Языковая политика издания «Der Spiegel» не допускает использования большого количества лексических и фразеологических единиц оценочного и эмоционально-экспрессивного значения (например, негативная окраска метафорического употребления *Einverleibung der Krim* ‘Присоединение Крыма’). Существенную роль в подаче информации играет синтаксис. Как коннекторы и маркеры информации, которую журналист хочет дополнительно подчеркнуть, используются тире и двоеточие. На структурно-грамматическом уровне зафиксировано несколько разновидностей повтора и вопросов, парцелляция. Так, очевидна связь заголовка *Panzer, Raketen, Hubschrauber. Russlands Waffenschmieden boomen – trotz Sanktionen* ‘Танки, ракеты, вертолеты. Военные кузницы России процветают несмотря на санкции’ и следующего за ним риторического вопроса в роли повтора *Sanktionen? Welche Sanktionen?* ‘Санкции? Какие санкции?’ в начале статьи для выражения иронии и возмущения, непонимания.

В современных исследованиях неоднократно подчеркивается роль языка в обществе как социальной силы. Особая роль в процессе формирования общественного мнения отводится языку СМИ. Эффектность и логичность подачи информации обязательно должны гармонично сочетаться с экспрессией речевых средств, чтобы вызвать в читателе определенные эмоции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крылова, О. А. Лингвистическая стилистика: в 2 кн. Кн. 1. Теория / О. А. Крылова. – М. : Высшая школа, 2006. – 319 с.

О. В. Шеверина (Витебск, Беларусь)

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА КАК КОНСТРУКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ В. П. АСТАФЬЕВА И Г. БЁЛЛЯ

Именованье персонажей в текстовом пространстве мотивировано идейно-концептуальным замыслом автора и осуществляется на основе ономастических ресурсов языка с учетом соответствующих традиций в этносоциуме, что позволяет создать иллюзию реалистичности и достоверности изображаемых событий. В силу этого исследование системы номинаций персонажей в творчестве писателей, принадлежащих к разным лингвокультурам, позволяет выявить национальную специфику антропонимных систем и установить характерные особенности функционирования ее составляющих как социокультурных знаков, что и определяет актуальность изучения онимов.

В настоящем исследовании рассмотрим состав и функционирование личного имени как главного индивидуального идентификатора действующего лица и источника разнообразных ассоциативных социокультурных связей, которые раскрываются в рамках его контекстного функционирования в художественном антропонимном пространстве произведений В. П. Астафьева и Г. Бёлля.

Система личных имен в ономастиконе исследуемых произведений В. П. Астафьева представлена 399 номинативными единицами, функционирующими в различных формах и вариантах. Совокупность имен персонажей репрезентирует именник русскоязычного социума, сложившийся в процессе народной ассимиляции христианских календарных имен. Личные имена функционируют в ономастиконе в официальной форме (*Дмитрий, Евгений; Варвара, Дарья* и др.) и в неофициальной (*Алеша, Венька; Валюха, Лидочка* и др.). При этом часть имен входит в пассив именника русского общества вт. пол. XX в. (*Аким, Евлампий; Августа, Капитолина* и др.). Особенностью авторской системы именования является также воплощение идеи «народности», которая реализуется посредством: 1) разговорных форм личного

имени (*Михайла/Михайло* ← *Михаил*; *Наталья* ← *Наталия*); 2) просторечных форм (*Митрей/Митрий* ← *Дмитрий*; *Ерина* ← *Ирина*); 3) различных модификаций имени, которые обусловлены диалектными характеристиками говорящего (*Вихторь*, *Костинтин*, *Олексей*, *Тимша*, *Хвая*) или языковой интерференцией, характеризующей речь русскоязычных людей, но не русских по национальности, например, казахов (*Лошка*), армян (*Гзигогий*, *Никовай*); 4) народных вариантов (*Авдотья* ← *Евдокия*). Существование таких онимов в антропонимном пространстве репрезентирует, с одной стороны, старый русский уклад жизни небольших городов и деревень и традиции именования старообрядцев, с другой – данные формы и варианты личных имен являются одним из элементов образной структуры художественного произведения и служат воплощением идеи реализации исторической памяти, ретранслирующей историческое наследие и социальное бытие русского общества в целом и Сибири – в частности.

Неофициальные формы образуют самую частотную группу, что, на наш взгляд, обусловлено идейной спецификой произведений (изображение судьбы и характера простого человека) и коммуникативной задачей, заключающейся в выражении межличностного и субъективно-оценочного отношения говорящего. Самой употребительной формой выступают качественные, которые образованы посредством широкого спектра словообразовательных суффиксов (*Андрюша*, *Ашотик*, *Ванюха*, *Витенька*, *Вовка*, *Санечка*; *Аганька*, *Акульша*, *Валюха*, *Лидочка*, *Марьюшка*, *Нелечка* и др.). Такие формы личных имен субъективны, оценочны и подбираются автором для достижения определенных коммуникативных целей с учетом культурных традиций именования в обществе.

В художественных текстах Г. Бёлля функционируют 106 личных имен, что в 4 раза меньше по сравнению с именным репертуаром в произведениях В. П. Астафьева. Преобладающая часть личных имен представлена в текстовом пространстве в официальной форме. Это полные личные имена (*Albert*, *Bernhard*; *Charlotte*, *Johanna*, *Margret* и др.), краткие формы, которые в процессе развития национальной антропонимической системы в силу своей популярности и частотности употребления в социуме стали функционировать самостоятельно и, как следствие, приобрели статус паспортных форм имен (*Fritz* ← *Friedrich*, *Götz* ← *Gottfried* и др.), а также личные имена, образовавшиеся путем соединения двух имен (*Annemarie* ← *Anne*+*Marie*, *Rosemarie* ← *Rose*+*Marie* и др.).

По качественному составу именного фонда выделяются: 1) имена древнегерманского происхождения (*Albert*, *Bernhard*; *Gerentrud*, *Hermine* и др.); 2) имена, заимствованные из библейских источников в период распространения христианства (*Absalom*, *Anton*, *Mauritus*; *Anna*, *Helene*, *Johanna* и др.); 3) имена, вошедшие в именник на протяжении прошлых столетий под влиянием культуры и моды Франции (*Eduard*, *Emil*; *Charlotte*, *Henriette* и др.), Италии (*Luigi*; *Maddalena*), Испании (*Alfons*, *Ferdinand*) и других стран.

Преобладание личных имен в официальной форме позволило сопоставить их с десяткой популярных именованных реального репертуара второй пол. XX в. в ФРГ. Результаты анализа констатировали отсутствие корреляции по частотности употребления данных единиц в реальном и художественном именниках. При этом существование в немецком обществе мотива выбора имени по критерию популярности фиксируется в произведениях Г. Бёлля. Так, например, в повести «Wo warst du, Adam?» («Где ты был, Адам?») мы встречаем следующее описание такой тенденции: *Es gab sehr viele Feldweibel in der deutschen Armee – man hätte mit ihren Sternen den Himmel einer stupiden Unterwelt schmücken können, viele Feldweibel auch, die Schneider hießen, und von diesen immerhin noch eine Menge, die den Vornamen Alois bekommen hatten... / В германской армии было множество фельдфебелей, звездочками которых можно было бы украсить свод какой-нибудь бездарной преисподней, было также и немало фельдфебелей с фамилией Шнайдер, а в их числе множество и таких, которые при рождении получили имя Алоиз...* Распространение этого имени на территории Германии связывается с личностью Алоизия Гонзага (XVI в.), который был объявлен католической церковью святым и почитается как покровитель молодежи. Вместе с тем мы находим также указание на выход из употребления древнегерманского пласта имен. Так, один из персонажей романа «Ansichten eines Clowns» («Глазами клоуна») для своего старшего ребенка выбрал древнегерманское имя – Edeltrud. При этом друг их семьи отмечает странность выбора такого имени: *Ich wollte nicht, daß meine Kinder zum Essen gezwungen würden, es hatte mich angeekelt, wenn ich zusah, wie Sabine Emonds ihre ersten beiden Kinder, besonders das älteste, das Karl seltsamerweise Edeltrud genannt hatte, stopfte / Я не хотел, чтобы моих детей заставляли есть насильно; меня тошнило, когда я видел, как Сабина Эмондс пичкала своих обоих первенцев, особенно старшую дочку, которую Карл назвал **странным образом Эдельтруд**.*

Неофициальная форма личного имени представлена гипокористиками и квалитативами (*Ferdi, Le, Rai; Betty, Mariechen, Trude* и др.). Следует отметить, что система словообразовательных формантов для квалитативных форм в немецком языке, по сравнению с русским, значительно меньше по объему, но они выступают также в немецкой языковой коммуникации средством эмоциональной оценки именуемого, что предопределяет функционирование таких единиц в неофициальной сфере общения, зачастую в семейном кругу. Большинство таких антропонимов обладает положительной экспрессией: *Sieh mal Ruth, ist unser Fränzchen nicht gewachsen? / Посмотри-ка, Рут, разве наш Францхен не подрос?*

Таким образом, система личных имен в произведениях двух авторов воспроизводит реальный именник конкретного общества в определенный исторический период. При этом именник художественных произведений немецкого автора в рамках контекстного употребления выступает источником знания о мотивах именованности в данном социуме, в то время как в творчестве В. П. Астафьева посредством личных имен действующих лиц реализуется «народность» антропонимии.

ТЕОРИЯ КОНСТРУКТИВИЗМА В ПРЕПОДАВАНИИ ЯЗЫКОВ

А. Г. Андрощук (Киев, Украина)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Учебно-воспитательный процесс и процесс профессиональной подготовки специалистов направлены на подготовку культурной элиты современного общества. Для педагога важной задачей является понимание закономерных связей, которые существуют между развитием, воспитанием и обучением студентов; разработка на этой основе методологических, теоретических и методических проблем становления современного интеллектуального высококвалифицированного специалиста в любой отрасли материального или духовного производства.

Современный этап в развитии лингвистической науки характеризуется коренным изменением базовой научной парадигмы, поворотом к рассмотрению языковых явлений под антропоцентрическим углом зрения. Возникает объективная необходимость исследовать язык в неразрывной связи с мышлением, сознанием, познанием, культурой, мировоззрением как отдельного индивидуума, так и языкового коллектива, к которому он принадлежит. О возникновении психолингвистики официально было объявлено в 1954 г. в США на совместном семинаре специалистов по психологии, лингвистике и теории информации. Участники семинара сделали попытку опереться в лингвистическом аспекте сначала на дескриптивную (описательную) лингвистику (то есть такую, которая не предусматривает каких-либо попыток найти в языке логические связи, а лишь описывает в деталях, как и что в языке есть); затем психолингвисты переключились на трансформационную порождающую модель Н. Хомского (генеративную лингвистику) и после этого – на когнитивную лингвистику (в качестве модельных конструкторов выступают когнитивные структуры и процессы в сознании человека). Соответственно осуществился переход от исследования слов к изучению предложений в трансформационном аспекте и далее – к тексту (дискурсу) [1, с. 72].

Возникновение генеративной лингвистики в языкознании во второй половине XX в. ознаменовало начало новой эпохи в науке о языке. Генеративная (порождающая) лингвистика возникла на основе идей Н. Хомского, которые впервые были высказаны им в 1957 г. [2, с. 52]. Ее создание оказалось реакцией на бихевиористски ориентированные, эмпирические по своей сути и таксономические по своей цели, методы дистрибуционного анализа (на фонологическом и морфологическом уровнях) и анализа по непосредственно составляющим (на синтаксическом уровне), ориентированные на изучение заданных, статических цепочек языковых элементов и выявление в них инвариантных единиц (фонемы, морфемы, синтаксические конструкции и т.п.) и их классов.

Важное значение приобретают выдвинутые принципы динамизма, дедуктивного конструктивизма и рационализма. Главной единицей языка была провозглашена не фонема или морфема, а предложение, рассмотренное с точки зрения процессов его порождения из элементарных абстрактных единиц на основе четких правил вывода (формационных правил) и правил преобразования (трансформационных правил).

Первой версией лингвистической концепции Н. Хомского стала трансформационная порождающая грамматика. Она была построена в соответствии с дедуктивно-аксиоматическими принципами логических вычислений. Хомский стимулировал резкий, революционный поворот в американской, а затем и мировой лингвистике, к динамическому рассмотрению языка с учетом данных психологии (особенно когнитивной). Он выдвинул идеи о врожденности языка, о различии лингвистической компетенции его употребления. Однако не только неопределенность методов исследования в психолингвистике затрудняет деятельность педагога, но и познание новейших трендов экономической и социальной среды требует дополнительных усилий. Подготовка креативной языковой личности, по мнению автора, требует новых образовательных технологий на основе анализа международной и национальной языковой картины и постулатов гуманизации образования.

Возникновение когнитивной лингвистики привело к внедрению термина *концепт* в современных лингвистических исследованиях. Несмотря на большое количество научных исследований по теме на сегодня теория лингвистического концепта находится в состоянии формирования, а сам термин требует уточнения. Так, видим актуальным исследование концепта в целом и способы его выражения в языковой картине мира – в частности.

Под концептом понимаем фиксированное понятие в сознании человека. Исходя из того, что человек мыслит концептами, комбинируя их и осуществляя в рамках различных сочетаний глубинные предикации, формируя новые концепты в ходе мышления, которое трактуем как умственное оперирование концептами, мы рассматриваем концепт как глобальную абстрактную единицу, которая составляет квант структурированного знания.

Концепты – это идеальные сущности, которые формируются в сознании человека на основе следующих факторов: непосредственного чувственного опыта – восприятия действительности органами чувств; непосредственных операций человека с предметами, предметной деятельности; мыслительных операций человека с другими концептами, которые уже существуют в его сознании – такие операции могут привести к возникновению новых концептов; речевого общения (концепт может быть сообщен, разъяснен человеку в языковой форме, например, в процессе обучения, в образовательном процессе); по самостоятельному познанию значений языковых единиц, которые усваиваются человеком (ребенок спрашивает, что такое демократия; взрослый человек смотрит значение неизвестного слова в словаре и таким образом знакомится с соответствующим концептом).

Важной теоретической проблемой является определение национальной специфики концептов. В концептуальной сфере разных народов наблюдается значительно больше сходства, чем в языковой сфере. Именно общность значительной части концептосфер обеспечивает то, что, переводя с одного

языка на другой, переводчик осознает концепт языка, а затем стремится подобрать языковые средства, наиболее адекватно передающие этот концепт в переводе. Дословный перевод текстов – свидетельство существенной схожести концептосфер народов, близких по уровню социально-экономического развития. Языковые единицы, представляющие концепт, во многом определяют национальный подход к проблеме. Анализ репрезентации одного и того же концепта в разных языках позволяет выявить национальную специфику языковых систем, проявляющееся в различных способах его представление языковыми средствами, а также в степени необходимости или обобщенности репрезентации концепта в разных языках, в количестве и наборе лексем, сочетаний лексем, фразеологизмов на его обозначение, в уровне абстракции, на котором концепт представлен в том или ином языке.

Общественные отношения между людьми находят свое отражение во всех языках, однако происходит это по-разному. Например, в европейских языках такие отношения между людьми передаются в основном лексически и лишь опосредованно грамматически, то есть факультативно. В японском и корейском языках подобные отношения выражаются не только лексически, но и грамматически, соответствующий элемент – значение – во многих случаях является обязательным. Преподаватель-филолог создает лингвистический контекст образования, насыщенный культурой как родного языка, так и языков мира, которые выполняют ряд функций. Прежде всего – коммуникативную, для общения людей. С этой функцией связана и объединяющая: язык соединяет людей и является основой развития их деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Борботько, В. Г.* Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике / В. Г. Борботько. – 2-е изд. – 2007. – С. 122–123.
2. *Кошова, Л. С.* Особливості інтерактивної моделі навчання / Л. С. Ковшова // Нові горизонти та перспективи філологічної науки та педагогічної практики: Тези доп. міжнар. наук.-практ. конф. – Д. : вид-во Дніпропетр. ун-ту. – 2004. – С. 52–54.

И. И. Бубнович, Ж. С. Сипливея (Гродно, Беларусь)

РЕГИОНАЛЬНЫЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА В ПРЕПОДАВАНИИ РКИ

Обучение русскому языку как иностранному предполагает не только помощь студентам в овладении языком как средством общения в пределах программного материала, но и предусматривает знакомство с социокультурными особенностями белорусского народа. В таком случае в задачи преподавателя входит создание оптимальных условий для приобщения студентов к культуре и традициям страны, а также региона, где они получают

образование. Эффективным средством, которое может помочь иностранным студентам адаптироваться к новой языковой среде, на наш взгляд, является региональный краеведческий компонент. Изучение русского языка на фоне истории, культуры Беларуси, в том числе и Гродненщины, послужит базой для поддержания коммуникативно-познавательной мотивации студентов. Помимо этого, приобщение к культуре белорусов будет содействовать адекватному пониманию носителей данной культуры.

Как показывают наши наблюдения, региональный краеведческий материал – это также действенное средство гражданского воспитания студентов через призму освоения ими особенностей быта, духовных ценностей, присущих жителям Гродненщины. Включение регионального материала в учебный процесс способствует формированию нравственных ценностей личности студента, его гражданской культуры.

Обращение к региональному материалу нам представляется целесообразным уже на первом курсе изучения русского языка как иностранного, когда происходит первоначальное знакомство не только с новой страной, но и с носителями другой культуры. Безусловно, помочь студентам-иностранцам адаптироваться к новой культурной среде – это обязанность каждого преподавателя, работающего с ними. Но именно от мастерства филолога-словесника во многом зависит успех приобщения молодых людей к системе нравственных норм и духовных ценностей белорусского народа. Поэтому важно создать достойный имидж родного города, страны в глазах студента-иностранца, изъявившего желание получить высшее образование в Республике Беларусь, и в частности, в городе Гродно.

Для решения вышеназванных задач преподаватель может обратиться к различным приемам и формам обучения, среди которых следует отметить:

1) *учебную экскурсию*. Содержательными, на наш взгляд, являются экскурсии в старый и новый замки города Гродно, с территории которых открывается прекрасный вид на реку Неман и живописную набережную. Визитными карточками древнего города являются уникальная своим декором Коложская церковь и великолепный **Фарный костел**. Объектами для интересных экскурсий могут стать музей Э. Ожешко, комплекс «Гродница», Гродненский областной драматический театр, зоопарк и многие другие места.

В роли экскурсоводов могут выступать не только преподаватели, но и сами студенты – выходцы из Гродно. Студентам-иностранцам под силу составление маршрутов виртуальных экскурсий по городу, связанных с их местопребыванием (дорога из общежития в университет, парк имени Ж. Жилибера и т.д.).

Введение регионального материала предполагает сопоставление и сравнение с информацией о стране проживания иностранных студентов;

2) *эвристические беседы*. В рамках изучения тем «Беларусь», «Традиции и обычаи белорусского народа», «Образование в Республике Беларусь», «Наука в Республике Беларусь», «Государственный строй в Республике Беларусь», «Достопримечательности Беларуси», «Спорт в Беларуси», «Белорусская кухня», «Знаменитые люди Беларуси» и т.п. целесообразным будет

обращение к краеведческому материалу, связанному с Гродненским регионом, поскольку знание ритуалов, речевого этикета той страны, где находится носитель другой культуры, – это залог успеха в общении и деловом взаимодействии с местными жителями;

3) *использование аудиоматериалов и видеофильмов, фотографий и репродукций картин*. Подобные материалы более наглядно знакомят иностранных студентов с реалиями страны изучаемого языка, дают дополнительные знания в области истории, географии, образования, культуры и т.д.;

4) *работу с аутентичными текстами*, отражающими культурную и историческую специфику Гродненского региона. Знакомство с биографией, произведениями писателей, жизнь которых связана с Гродно (В. Быкова, А. Карпюка, М. Богдановича, Э. Ожешко);

5) *знакомство с текстами средств массовой информации* (ТВ, радио, газеты «Вечерний Гродно», «Перспектива», «Гродзенская праўда») как источниками информации о современной жизни региона.

Тексты такого рода содержат немало лексических и фразеологических единиц, которые характерны для живой разговорной речи, речевых клише, которые по смыслу не совпадают с родным языком студентов-инофонов. Все эти средства позволяют получить ценную информацию о нравах, образе жизни и традициях народа страны изучаемого языка. Работа с такими текстами помогает студентам приобрести фоновые знания, которыми владеет представитель русской культуры и носитель языка в Беларуси. Безусловно, преподаватель должен подбирать материалы в соответствии с интересами студентов, спецификой их будущей профессии. При этом информация должна оцениваться с точки зрения ее личностной значимости и доступности;

6) *организация различных типов диалогов со студентами-белорусами*. Встречи и дискуссии с носителями языка – еще один стимул, который повышает интерес студентов к изучению русского языка. Диалоги могут проходить на определенную, заранее заданную тему. В выборе темы дискуссии важно исходить из общего уровня владения русским языком аудиторией, ее особенностями. Преподаватель подбирает тему, интересную для студентов (на чем основано взаимопонимание; мода: за и против; музыка в нашей жизни; мой любимый стиль (направление) музыки; фастфуд; что я знаю о Гродно; почему я выбрал профессию юриста (экономиста, филолога); воспитание в Беларуси и в моей стране, преимущества обучения в ГрГУ и т.д.). Во время таких дискуссий студенты получают возможность попрактиковаться в устной речи с носителями языка, развивают навыки аудирования, оценивают свой уровень владения русским языком;

7) *написание сочинений, эссе на заданную тему* (возможно с использованием ключевых слов, стимулирующих студентов к формулированию и высказыванию собственных мыслей). Тематика работ продуктивного характера должна быть связана с прочитанными текстами, прослушанными аудиотекстами о Гродненщине, ее природе, достопримечательностях, выдающихся людях, мероприятиях, которые проводятся здесь;

8) выполнение коммуникативных заданий, связанных с нахождением нужных объектов в Гродно, например: 1) Вы хотите пройти на улицу Советскую. Расскажите (напишите), как вы будете спрашивать об этом у прохожих; 2) Вы едете в троллейбусе (автобусе, маршрутном такси), вам нужно выходить на остановке «Улица Дзержинского» («Площадь декабристов», «Улица Врублевского»). Вы не знаете, где именно вы едете сейчас и когда вам выходить. Расскажите (напишите), о чем вы будете спрашивать у водителя (пассажира);

9) *подготовка рассказов, устных сообщений* о достопримечательностях, истории Гродно, культурных мероприятиях в городе;

10) *групповая работа*: подготовка совместных проектов, презентаций, диалогов, драматизация, импровизация в заданной преподавателем ситуации общения, ролевые, деловые игры и т.п.;

11) *использование* при работе с новой лексикой для запоминания языковой формы слова таких *игровых элементов*, как разгадывание и составление кроссвордов, чайнвордов, словесного домино, с включением материала, отражающего реалии нашего региона.

Таким образом, региональный краеведческий материал должен стать неотъемлемой составляющей учебного материала на занятиях по РКИ. Такого рода сведения содействуют вовлечению студентов-иностранцев в диалог культур, развивают творческие и познавательные умения студентов, в значительной степени повышают мотивацию к изучению русского языка. Включение регионального краеведческого компонента способствует развитию языковой, речевой, социокультурной, социальной компетенций. В результате знакомства с культурой Гродненского региона студенты пополняют знания о правилах функционирования языка в речи, совершенствуют способность пользоваться русским языком для формулирования собственных мыслей, приобретают знания о способах использования языка в зависимости от ситуации, коммуникативных намерений, отношений между собеседниками, что обеспечивает возможность эффективной межкультурной коммуникации.

О. Л. Зозуля (Брест, Беларусь)

ФРЕЙМОВЫЙ ПОДХОД К СЕМАНТИЗАЦИИ СЛОЖНЫХ СЛОВ В ОБУЧЕНИИ НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗАХ

Современное общество требует конкурентоспособных специалистов, которые владеют не только базовым иностранным языком, но и способны общаться на иностранном языке на профессиональные темы. В этой связи важным оказывается выбор стратегии обучения иностранному языку в высшей профессиональной школе, конечной целью которого является формирование профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции студентов – способности реализовать лингвистическую компетенцию в различных условиях речевого общения [1]. Частью данной компетенции является способность понять значение нового сложного слова (а словосложение, как известно, является характерной особенностью строя немецкого языка), при-

меня знание закономерностей словосложения. Объектом настоящего сообщения являются немецкие сложные слова, которые относятся к профессиональной языковой картине мира, предмет исследования – семантизация данных композитов.

Слово является не только основной единицей языка, но и кардинальной единицей языковой картины мира, через которую осуществляется связь языковой картины мира с концептуальной. При этом каждое полнозначное слово может быть рассмотрено как отдельная категория, в которую входят многочисленные представители. Структурирование знания, объективируемого как в целом категорией, так и его отдельными представителями, осуществляется различными когнитивными моделями, одной из которых является фрейм. Под ним понимается структурная схема, которая содержит важную информацию о членах категории, элементы данной структуры – слоты – заполняются конкретными значениями и получают языковую фиксацию синтаксическими сочетаниями или сложными словами [2, с. 79–80].

Словосложение – один из основных типов немецкого словообразования, в ходе которого путем объединения двух и более базисных морфем/основ образуется новая лексическая единица. При этом главным компонентом немецкого сложного слова является правый компонент, так как именно эта его часть задает границы категории, именем которой служит соответствующий композит. Например, лексема *Raum* определяет границы соответствующей языковой (лексической) категории – «помещение, место». Оно же репрезентирует фрейм, который фиксирует знание о помещении. Данное знание можно представить в виде фрейма, который содержит следующие слоты:

- суть: пространство;
- части: пол, стены, потолок;
- размер: большое, маленькое;
- функция: для проживания, для хранения предметов и т.д.;
- ...

Уточнение любого открываемого фреймом слота, т.е. заполнение его конкретным значением (лексемой), становится возможным и фиксируется соответствующим сложным словом (табл.).

Т а б л и ц а

Языковая репрезентация фрейма
имени существительного *Raum* ‘помещение, место’

Слоты	Заполнители (значения)	Языковая фиксация
1. размер:	большой, маленькой	<i>Großraum, Kleinraum</i>
2. функция:	а) для проживания б) для сна в) для хранения объектов ...	а) <i>Wohnraum</i> б) <i>Schlafraum</i> в) <i>Lagerraum</i> ...
3. ...		

По аналогии, т.е. путем заполнения данного слота конкретными значениями, но уже из профессиональной деятельности, образованы сложные имена существительные, относящиеся, например, к области «автомобильная техника / автосервис»: место в машине для чемоданов, в более широком смысле багажа, т.е. багажник → *Kofferraum*; место, где происходит возгорание топлива, т.е. камера внутреннего сгорания → *Brennraum*, ср. также: *Niederdruckraum* ‘камера низкого давления’, *Hochdruckraum* ‘камера высокого давления’ и т.д.

Представляется, что знание данного механизма образования сложного слова может стать основой для прочтения значения соответствующего композита – справа налево с помощью фрейма, репрезентируемого правой частью композита. Например, лексемы *Netzwerkkarte*, *Grafikkarte*, *Soundkarte* относятся к категории (*Steck*)*karte* ‘сменная карта/плата (в компьютере)’. Анализ конкретных заполнителей слота «функция» – для взаимодействия с другими устройствами сети (*Netzwerk*) / для передачи изображений на мониторе компьютера (*Grafik*) / для передачи звука на компьютере (*Sound*) – позволяет человеку, профессиональная деятельность которого связана с компьютерной техникой, понять значение композита и найти эквивалент в родном языке – *сетевая / графическая / звуковая карта*.

Правая часть приведенных выше примеров представлена простыми (непроизводными) словами. Лексемы типа *Luftregler* ‘регулятор давления воздуха’, *Heizregler* ‘регулятор нагрева’ и т.д. являются композитами, правая часть которых представлена дериватом *Regler* ‘регулятор’. Данная лексическая единица образована по модели «основа глагола, именующего действие + суффикс *-er*» и имеет значение ‘субъект/объект, производящий действие, названное основой’. В случае лексемы *Regler* границы категории задаются значением суффикса *-er* «объект», а второе значение глагола *regeln* ‘устанавливать/регулировать желаемый ход/уровень/мощность чего-л.’ фиксирует фрейм со слотом «объект, на который направлено действие». Уточнение данного слота, т.е. заполнение его конкретным значением, фиксируется соответствующим сложным словом: объект ‘воздух’ → *Luftregler*, объект ‘нагрев’ → *Heizregler*.

Таким образом, фрейм как определенная модель представления знания, с одной стороны, объясняет механизм формирования сложных слов, с другой – может быть положен в основу стратегии понимания (семантизации) композитов. При этом представляется, что данная компетенция – знание и умение понимать немецкие сложные слова – должна формироваться на общеупотребительных, а не специальных лексемах, например, в школе. Если она сформирована (в какой бы то ни было степени), то при обучении немецкому языку в неязыковом учреждении высшего образования следует продемонстрировать необходимость студентам знания базовой лексики по специальности и законов словосложения, чтобы понимать новые сложные слова, с которыми они сталкиваются, без обращения к словарю, т.е.

адаптировать и применить общие закономерности языка к частной специальной отрасли. А если студент начинает в университете изучать немецкий язык с нуля, то формирование данной компетенции приобретает еще большую значимость, так как оно происходит сразу на специальной лексике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://methodological_terms.academic.ru. – Дата доступа : 10.09.2015.
2. *Фурашова, Н. В.* Фреймовый анализ семантики сложнопроизводных имен прилагательных (на материале немецкого языка) / Н. В. Фурашова, К. Г. Никитенкова // Вестн. Минск. гос. лингв. ун-та. Сер. Филология. – 2015. – № 4 (77). – С. 78–86.

М. И. Кадеева, Ж. Б. Бектурова (Астана, Казахстан)

МЕТОДИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА И ПРИЕМЫ ПРОФИЛИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ИННОВАЦИОННОМ ФОРМАТЕ (на примере дисциплины «Юрислингвистика»)

Конструктивистская концепция, в основе которой лежит динамический поиск новых стратегий и образовательных технологий, направлена на создание интеллектуальной, комфортной для успешной социализации и профессиональной карьеры, образовательной среды. Необходимым условием комплексной модернизации лингвистического образования является развитие активной, сознательной, ответственной, конструктивной личности, владеющей современными интерактивными навыками, позволяющими ему стать мобильным и востребованным в условиях современного рынка образовательных услуг. Качественная профессиональная подготовка будущих специалистов-филологов основывается не только на приобретении определенной суммы знаний, но и предполагает развитие творческих способностей обучаемых, активизацию их научно-познавательной и учебно-поисковой деятельности. В связи с этим актуализируется вопрос о разработке научно-методологических основ филологических дисциплин, направленных на формирование профессиональной профилизации высшего и послевузовского образования Республики Казахстан; их внедрение в учебный процесс даст возможность расширить область активного приложения филологического знания на рынке труда, создать условия для формирования потребностно-мотивационных, когнитивных, эмоционально-ценностных, коммуникативных и рефлексивных составляющих специалиста нового типа, регулирующих отношение к человеку, обществу, окружающей среде.

Разрабатываемые на филологическом факультете Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева (г. Астана) дисциплины «Юридическая лингвистика» / «Қазақ заң лингвистикасы», «Экологическая лингвистика» / «Қазақ экологиялық лингвистикасы», «Политическая лингвистика» / «Қазақ саяси лингвистикасы» опираются не только на достижения в области лингвистики и лингводидактики, но и на научно-теоретические и инновационно-методологические подходы к исследованиям смежных наук (права, политики, экологии и т.п.). Так, основу содержания курса «Юридическая лингвистика» / «Қазақ заң лингвистикасы» для магистрантов специальности «6М020500 – Филология: русская филология составляют юрислингвистика как отрасль лингвистического знания на стыке языка и права; юрислингвистика и лингвоконфликтология; юридико-лингвистическая герменевтика; лингвистическая экспертология; ортологические и суггестивные аспекты речевой деятельности юристов; лингвоюрисдика; язык права как письменная форма существования казахского языка; культура речи и ораторское искусство казахского народа; институт биев; казахское красноречие (шешендік) и риторика (сөз қисынын тапқан); юридическая картина мира казахского народа; философские проблемы обычного права казахов; особенности сложения уникальной системы казахского права «Жарғы»; лингвистические проблемы казахской юридической терминологии; юридический дискурс как объект лингвистического анализа; лингвистическая экспертиза текста.

Эффективным является, и это доказано в дидактике, *обучение действием, получение опыта через действие (learning by doing)*, когда учебный процесс проходит в рамках условной ситуации, направленной на воссоздание и усвоение общественного опыта, в процессе которого происходит формирование знаний, навыков, умений, эмоционально-оценочной деятельности. Для этой цели на этапе планирования содержания учебного курса «Юридическая лингвистика» нами избрана современная технология обучения «*Модель Колба*», предложенная в различных вариациях Дэвидом Колбой – «Цикл обучения Колба», «Модель Колба». В основе этой широко применяемой в ходе интерактивных тренингов, адаптированных мастер-классов, обучающих корпоративных программ методики – поэтапное формирование умственных действий. Так, на первом этапе – *опыт* – магистранты получают новые знания по дисциплине на лекционных занятиях, знакомятся с историей вопроса, усваивают термины и понятия данной области научного знания (*юрислингвистика, лингвоконфликтология, лингвистическая экспертология, юридико-лингвистическая герменевтика, лингвоюрисдика* и др.). На втором этапе – *анализ* – магистранты выполняют упражнения, направленные на формирование практических умений, анализируют и оценивают полученный опыт (проводят экспертизу речевых произведений в связи с делами по защите чести и достоинства граждан, лингвистическую интерпретацию текстов спорных документов, анализ экстремистских текстов, делают оценку речевых произведений в связи с делами по защите авторских прав, оценку словесной рекламной продукции, словесных товарных знаков на предмет

их правовой защиты и др.). На третьем этапе – *синтез* – обучающиеся, работая над проектом «*Экспертиза конфликтов межъязыкового перевода*» (задание для СРО), пытаются обосновать концепцию проекта, которая рассматривалась бы в качестве опыта. На четвертом этапе – *экспериментирование* – проверяют эффективность разработанной модели на практике в процессе апробации результатов проектной деятельности. Таким образом, технология «*Модель Колба*» позволяет учитывать в процессе разработки содержания дисциплины единство теоретического и практического уровней усвоения знаний; предполагает деятельностный подход, ориентируется на компетентностную модель результатов обучения, обеспечивает достижение предметных, метапредметных и личностных компетенций.

Способствовать оптимизации учебного процесса, формированию лингвистической компетентности, обогатить арсенал методических средств и приемов в инновационном формате, позволяющих разнообразить и интегрировать формы аудиторной и самостоятельной работы в процессе изучения курса «Юридическая лингвистика», призвана технология *кейс-метод*. С этой целью магистрантам предлагается обсудить событие, ситуацию (например, на тему «*Как выбрать качественные пластиковые окна? Подбираем стеклопакеты*»), предложить различные варианты ответов. Для решения поставленной задачи – *квалифицировать речевые действия рекламодателей как манипулирование сознанием потребителей* предлагается текст-описание актуальной для потребителей ситуации, требующей принятия выгодного решения: «*Выбирая пластиковое окно в свой дом, мы надеемся, что оно будет и красивое, и теплое. Предпочтение мы отдаем качеству стеклопакета, от которого зависит энергоэффективность самого пластикового окна*». Указываются элементы социальной среды (описываются фирмы, предлагающие изготовление и монтаж пластиковых окон, реальные потребители рекламной продукции, счастливая семья в уютном доме с красивыми окнами и т.п.). Магистранты разделены на подгруппы, каждая из которых знакомится с содержанием предлагаемого текста, в ходе беседы они выявляют проблему, создавшуюся в данной конкретной ситуации, дают оценку, описывают возникшие обстоятельства, социальную среду, значимость этой проблемы для потребителя. При выборе темы важно учитывать ее актуальность и потребительскую значимость, дискуссионность вопроса. Разработка кейс-ситуации в подгруппах включает в себя чтение отзывов с форумов посетителей рекламных веб-сайтов, которые могут служить важным показателем качества предлагаемой продукции («*Если даже Вам предложат самоочищающиеся, противоударные, солнцезащитные супер-мега пакеты – не верьте!*» и т.п.), поиск различных точек зрения, сравнение их в ходе взаимного обмена информацией, принятие многоальтернативных решений, при этом каждый участник группы имеет право на (не)верные ответы, так как в ходе обсуждения разных взглядов на проблему возникает принципиальное отсутствие единственного решения. В конечном счете каждая подгруппа выносит на обсуждение свой вариант решения данной кейс-ситуации, под руководством преподавателя проводится фронтальное

обсуждение оптимального варианта с точки зрения его эффективности, рациональности, анализа последствий реализации выбранного решения. Результатом такой работы должно стать консолидированное предложение, выработанное всеми участниками группы, а также анализ преподавателем сильных и слабых сторон намеченных магистрантами путей решения проблемы, их конструктивной целесообразности, рациональности, функциональной оправданности. В рамках реализации конструктивистской концепции технология кейс-метод позволяет выявить значимость тех событий и фактов, которые предлагаются в качестве фактического, тренировочного материала, они должны быть связаны с личным опытом обучающихся, являться значимыми для них и оцениваться по критериям, которые важны для конкретной личности.

Таким образом, разработка содержания дисциплины «Юридическая лингвистика» направлена на оптимизацию образовательного процесса за счет внедрения новых технологий, дающих положительный результат, возможность применять знания в нестандартных, изменяющихся условиях деятельности, развивать диалоговое взаимодействие разных социокультурных групп, принимать конструктивное решение в условиях неопределенности, создавая на занятиях ситуацию успеха для каждого магистранта и влияя, в конечном итоге, на его учебную мотивацию.

Л. С. Кныш (Мінск, Беларусь)

**АЎДЗІРАВАННЕ: ПЕРАДТЭКСТАВЫЯ І ПАСЛЯТЭКСТАВЫЯ
ЗАДАННІ І ПРАКТЫКАВАННІ
(пры выкладанні беларускай мовы як замежнай)**

Развіццё аўдытыўнай кампетэнцыі, як адзначаюць многія метадысты, павінна стаць прыярытэтным пры навучанні замежнай мове. Аўдзіраванне як адзін з відаў навучання іншаземных студэнтаў беларускай мове мае на мэце развіццё і ўдасканалванне практычных камунікатыўных уменняў. Яно дапамагае праверыць узровень навыкаў, неабходных для правільнага разумення аўдытыўна прапанаванай інфармацыі (напрыклад, дыялагічнае і маналагічнае маўленне). У галіне маналагічнага маўлення правяраюцца наступныя навыкі:

- ідэнтыфікацыя жанру, зместу і сэнсу выказвання;
- разуменне асноўнай інфармацыі тэксту і дадатковай інфармацыі кожнай сэнсавай часткі;
- У галіне дыялагічнага маўлення правяраюцца:
  - разуменне тэмы і асноўнага зместу дыялогу;
  - усведамленне камунікатыўнага намеру ўдзельнікаў дыялогу і інш.

Перадтэкставыя і паслятэкставыя заданні і практыкаванні неабходна будаваць так, каб даць магчымасць навучэнцу лагічна і адэкватна ўспрыняць тэкст, асэнсаваць асноўную думку і даць паўнаўдзяльны адказ.

Акрамя таго, перадтэкставыя заданні павінны быць скіраваны на тое, каб максімальна выключыць лінгвістычныя цяжкасці ў тэксце: наяўнасць новай лексікі (дапускаецца да 5 % незнаёмых слоў), новых моўных з'яў (аманімія, фразеалогія, паронімы, сінонімы і інш.) Паслятэкставыя практыкаванні павінны прывесці да ўмення даваць разгорнутыя адказы на пытанні, тлумачыць асноўную ідэю тэксту ці прагледжанага фільма, вылучаць асноўныя сэнсавыя часткі, складаць план (сціслы і разгорнуты), выказаць сваю ацэнку праслуханаму тэксту. Маўленчыя паслятэкставыя практыкаванні павінны развіваць і другія ўменні: скласці аналагічны тэкст ці дыялог, пашыраць тэкст дадатковай інфармацыяй, разабраць рэплікі герояў, пераказаць маналог ці дыялог, даваць станоўчыя ці адмоўныя адказы на пытанні да тэксту, задаваць пытанні, умець самому працягваць тэкст (ці дыялог) з другім навучэнцам і інш.

Любы від навучання беларускай мове, у тым ліку і аўдзіраванне, скіраваны на засваенне беларускай мовы ў цэлым, на валоданне ёю.

Аўдзіраванне як адзін з відаў навучання беларускай мове дазваляе развіць маўленчыя навыкі, выявіць пэўныя недахопы, унармаваць іх і скіраваць на практычнае засваенне, што ў сваю чаргу забяспечвае рускамоўным і іншаземным студэнтам больш гнуткае выкарыстанне мовы ў тых межах, якія адпавядаюць іх канкрэтным мэтам навучання.

А. В. Конышева (Мінск, Беларусь)

ПРОБЛЕМА ОБУЧЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ СТУДЕНТОВ ВУЗА

Процесс глобализации, развивающийся в настоящее время, приводит к расширению взаимодействий различных стран, народов и их культур. Влияние осуществляется посредством культурных обменов и прямых контактов между государственными институтами, социальными группами, общественными движениями, путем научного сотрудничества, торговли, туризма и т.д. Общение с иностранцами становится реальностью, а столкновение с представителями иной культуры входит в нашу повседневную жизнь. Все чаще учебные заведения осуществляют обмен студентами и школьниками, а преподаватели организуют совместные проекты и проходят стажировки за рубежом, участвуя таким образом в межкультурной коммуникации и диалоге культур.

Общение в межкультурной коммуникации всегда чревато конфликтами между знанием и незнанием, даже при условии общения на одном языке. Следовательно, одной из целей обучения межкультурной коммуникации является предотвращение и разрешение этих конфликтов при помощи развития у обучающихся способности реализовывать и понимать лексико-грамматические конструкции, которые соответствуют нормам коммуникативной деятельности индивида иной лингвоэтнокультурной общности и иной национально-языковой картины мира.

Ряд авторов трактуют межкультурную коммуникацию как адекватное взаимопонимание участников коммуникации, принадлежащих к разным национальным культурам. Наиболее полное определение межкультурной коммуникации сформулировано И. И. Халеевой: «Межкультурная коммуникация есть совокупность специфических процессов взаимодействия людей, принадлежащих к разным культурам языкам. Оно происходит между партнерами по взаимодействию, которые не только принадлежат к разным культурам, но при этом и осознают тот факт, что каждый из них является “другим” и каждый воспринимает чужеродность “партнера”» [1, с. 22].

Из данного определения становится очевидным, что межкультурная коммуникация – умение весьма сложное по своей сути и трудоемкое для овладения. Для вступления в межкультурную коммуникацию требуется серьезная подготовка.

Введение в педагогику и методику понятий межкультурной коммуникации качественно меняет сущность и содержание целей обучения иностранному языку (ИЯ). Следовательно, преподавателю необходимо сформировать и развить у студентов следующие умения: 1) употреблять ИЯ в аутентичных ситуациях межкультурного общения; 2) объяснять и усваивать чужой образ жизни; 3) расширять индивидуальную картину мира за счет приобщения к языковой картине мира носителей изучаемого языка.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что на занятиях по ИЯ необходимо обучать не только правилам употребления языковых форм, но и умениям находить взаимосвязи языка и культуры.

В психологии установлено, что присутствие в сознании каждого участника общения своего личного багажа, т.е. своей собственной культуры (индивидуальной картины мира), и в тоже время так или иначе противопоставленного ему чужого мира (чужого образа сознания), создает диалогичность личности. Именно диалогичность личности делает ее в результате способной к диалогу культур. Например, М. М. Бахтин трактовал культуру как «форму общения людей разных культур, форму диалога; культура есть там, где есть две (как минимум) культуры, и самосознание культуры есть форма ее бытия на грани с иной культурой» [2, с.31].

Под культурой в контексте межкультурного компонента обучения ИЯ ученые понимают свод знаний и опыта, позволяющий обучающимся быть адекватными участниками межкультурной коммуникации. Немаловажную роль в процессе овладения культурой играет менталитет, поскольку культура отражается в сознании человека и лишь затем фиксируется в определенной языковой форме или конструкции.

Несомненно, культурный барьер может стать реальным фактором, препятствующим взаимопониманию участников коммуникации и, чтобы его преодолеть, необходима подготовка обучаемых к реальному общению на ИЯ с носителями данного языка. И вот здесь обнаруживается парадокс, поскольку многолетняя подготовка к реальной межкультурной коммуникации заключается в тренировочной коммуникации на ИЯ со своими

сверстниками, принадлежащими к той же культуре. В этом усматривается одна из существенных особенностей межкультурной коммуникации в обучении ИЯ как в школе, так и в вузе. А именно, подготовка к реальной межкультурной коммуникации, к реальному взаимодействию носителей двух культур имеет опосредованный характер, так как процесс обучения ИЯ осуществляется вне языковой среды, вдали от реального функционирования изучаемых языков и культуры. Необходимо также иметь в виду, что основным коммуникативным партнером является преподаватель ИЯ, который не является носителем преподаваемых языка и культур. Преподаватель – выпускник лингвистического университета – в той или иной мере приобрел к культуре страны изучаемого языка, но вряд ли правомерно считать его бикультурной личностью. Ведь для этого необходим совсем иной уровень вхождения в другую культуру – аккультурация, понимаемая как «процесс усвоения личностью, выросшей в культуре А, элементов культуры Б» [3, с. 197]. Говорить всерьез даже об элементах аккультурации в процессе изучения ИЯ в языковом вузе было бы большим преувеличением.

Также к числу особенностей межкультурной коммуникации в условиях вуза можно отнести паттернирование, понимаемое как воспроизведение стереотипов поведения носителя изучаемого языка, как подражание национальному культурному образцу. Однако полное паттернирование будет являться педагогической ошибкой, не соответствующей современным целям обучения ИЯ. Задачей преподавателей, обучающих ИЯ, является научить адекватно общаться с представителями иных культур, а не стать максимально приближенной копией носителя иной культуры и языка. Для межкультурной коммуникации при несовершенном владении ИЯ характерна первичность родной картины мира и вторичность неродной. Подражание культурному образцу при несовершенном владении ИЯ, характерном для нашей действительности, может в значительной степени снизить мотивацию изучения, поскольку, например, при недостаточном владении английским языком трудно быть похожим на англичанина, как по речи, так и по поведению.

Языковая и речевая имитации являются необходимым компонентом процесса обучения, но имитация культурного образа – это то, что должно присутствовать только на самых первых этапах обучения ИЯ, а дальше должно заменяться адекватным восприятием поведения представителя другой культуры, способствующим успешной коммуникации. Общение на ИЯ человека, в недостаточной степени владеющего им, может характеризоваться индивидуальным национальным стилем, который не нужно элиминировать, а возможно адаптировать к межкультурной коммуникации, т.е. соединить его с достаточными фоновыми знаниями и приобретенными в процессе обучения навыками.

В заключение можно сказать, что реальная межкультурная коммуникация как форма общения представителей различных языков и культур реализуется с наибольшей полнотой и эффективностью в том случае, когда в процессе подготовки к ней значительное место отводится сравнению

родной культуры с культурой страны изучаемого языка. Только при наличии этого компонента общение станет именно межкультурным, а не основанным на непрофессиональном паттернировании. Помимо готовности принять иностранную культуру как равную своей, у студентов должно развиваться положительное отношение к реалиям изучаемого языка, которое позволит им при определенной практике осуществлять эффективную коммуникацию с представителями других культур.

Таким образом, современная цель обучения ИЯ в вузе представляет собой «выход» на формирование личности обучающегося, на его готовность, способность и личностные качества, позволяющие ему осуществлять различные виды речемыслительной деятельности в условиях социального взаимодействия с представителями иных лингвоэтносоциумов и их культурой иного языкового образа мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Халеева, И. И.* О гендерных подходах к теории обучения языкам и культурам / И. И. Халеева // Известия Российской академии образования. – 2000. – № 1. – С. 20–29.
2. *Викторова, Л. Г.* Диалоговая концепция культуры М. М. Бахтина – В. С. Библера / Л. Г. Викторова // Парадигма. Журнал межкультурной коммуникации. – 1998. – № 1. – С. 30–41.
3. *Верещагин, Е. М.* Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М., 1993. – 246 с.

Н. Е. Лаптева (Минск, Беларусь)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СУБЪЕКТИВНЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ

Одним из источников совершенствования обучения иностранным языкам являются достижения таких смежных наук, как психология, психолингвистика, педагогика и лингвистика. Интерес в этой связи представляет психосемантика – область, которая обозначилась в психологических исследованиях и изучает генезис, строение и функционирование индивидуальной системы значений, опосредующей процессы восприятия, мышления, памяти, принятия решений и т.д. Идеи Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева явились основополагающими для становления психосемантического подхода к исследованию сознания и личности в отечественной психологии. Следует также отметить ярко выраженный междисциплинарный характер психосемантики, тесную связь с философией и культурологией, языкознанием и информатикой.

Продуктивной для использования в процессе обучения иностранным языкам представляется идея построения семантических пространств. Семантическим пространством называется совокупность определенным образом

организованных признаков, описывающих и дифференцирующих объекты (значения) некоторой содержательной области [1]. В более узком смысле слова семантическим пространством называется такое пространство признаков, для которых правила объединения отдельных признаков-дескрипторов заданы статистическими процедурами. Например, от базиса большей размерности (признаков описания) к базису меньшей размерности (категориям-факторам). Семантически категории-факторы, являясь формой обобщения исходного языка описания, выступают метаязыком описания значений, позволяющим разложить (описать) значения в фиксированном алфавите категорий-факторов, выносить суждения об их сходстве и различии и т.п.

Процедура построения семантического пространства включает реализацию трех последовательных этапов.

Первый этап предполагает выделение семантических связей анализируемых объектов (понятий, символов, изображений и др.). В основе семантической связи пары объектов может лежать сходство дистрибуций их ассоциаций; субъективное шкалирование, где содержание градуальной шкалы задается самим субъектом; семантический дифференциал, где мерой сходства объектов является сходство их оценок, данных по биполярным градуальным шкалам, содержащим в качестве полюсов прилагательные-антонимы и др. Второй этап включает математическую обработку исходной матрицы сходства с целью определения ее структуры. Данный этап не порождает нового содержания, а позволяет представить исходные данные в компактной, хорошо структурированной форме, удобной для дальнейшей интерпретации. Третий этап построения семантического пространства связан с интерпретацией выделенных структур.

Субъект, конструирующий определенное семантическое пространство, выступает неким смысловым микрокосмом, индивидуальной системой мировосприятия и уникальной системой отсчета. Это, по мнению В. Ф. Петренко, и позволяет говорить о психологической теории относительности категоризации и мировосприятия.

Для теории обучения иностранным языкам потенциал данного вывода видится, с одной стороны, в том, что в образовательном процессе должны создаваться условия для построения субъективных семантических пространств; с другой стороны, непосредственным продолжением данного процесса видится сопоставление / анализ обучающимися субъективных семантических пространств. Содержательная интерпретация субъективного семантического пространства (выделенных в нем факторов) другого субъекта позволяет увидеть мир его глазами и, возможно, внести коррективы в собственное мировосприятие. Собственное семантическое пространство выступает исходной точкой для интерпретации, ориентировочной основой действия. Личность в данном процессе видится не только как носитель определенных характеристик, но и как определенный носитель картины мира. Со всей очевидностью данное состояние обучающегося будет способствовать повышению мотивации учебной деятельности, а также качеству овладения основами межличностной и межкультурной иноязычной коммуникации.

Анализ учебно-методического обеспечения образовательного процесса по иностранным языкам, а также наблюдения за процессом обучения позволяют констатировать, что и авторы учебников, и преподаватели прибегают к построению определенных аналогов семантических пространств преимущественно на этапах формирования и совершенствования лексических навыков, а также при введении в ситуацию иноязычного общения. Наиболее часто применяется ассоциативный метод. Внимание уделяется как парадигматическим, так и синтагматическим ассоциациям. Встречается также метод классификации («сортировки»), как правило, с изначально заданными параметрами классификации. Вместе с тем при построении субъективного семантического пространства предполагается, что субъект сам определяет параметры для дифференциации материала на разных уровнях семантической близости. Достоинством метода классификации является то, что его удобно использовать для анализа как вербального, так и невербального материала. Применение метода субъективного шкалирования на практике в большей степени связано с распределением по таким шкалам, как «часто – иногда – редко», «высокий уровень – средний – низкий». Расширение возможностей использования данного метода в процессе обучения иностранным языкам видится при решении такой задачи, как с помощью градуальной шкалы оценить сходство значений.

Представляется целесообразным исследовать образовательный потенциал и других методов построения семантических пространств, которые используются в экспериментальной психосемантике. Несомненно, есть понимание того, что в определенной степени потребуются их адаптация, что видится вполне допустимым. Рассмотрим, в частности, метод семантического дифференциала, разработанный Ч. Осгудом.

Метод семантического дифференциала является комбинацией метода контролируемых ассоциаций и процедур шкалирования. Измеряемые объекты (понятия, изображения, персонажи и др.) оцениваются по ряду биполярных градуальных (трех-, пяти-, семибалльных) шкал, полюса которых заданы с помощью вербальных антонимов. Данный метод позволяет не только оценивать значение как знание об объекте, а измерять коннотативное значение, что соотносится с личностным смыслом, социальными установками, стереотипами и другими эмоционально насыщенными формами общения. Возможными факторами для шкалирования рассматриваются, например, «оценка» (приятный – раздражающий; чистый – грязный; добрый – жестокий), «сила» (сильный – слабый; массивный – миниатюрный), «активность» (энергичный – скованный, быстрый – медленный), «упорядоченность» (организованный – неорганизованный, постоянный – изменчивый, точный – неопределенный), «реальность» (воображаемый – действительный, очевидный – фантастический, абстрактный – конкретный) и др.

Видится, что адаптированное использование метода семантических дифференциалов возможно на этапах формирования и совершенствования лексических навыков, при формировании социокультурной компетенции.

Представляется, что в использовании достижений психосемантики относительно построения семантических пространств в образовательном процессе по иностранному языку кроется значительный потенциал для дополнительных связей, способствующих более прочному усвоению иностранного языка, а также более глубокому познанию как себя, так и окружающего мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Петренко, В. Ф.* Психосемантика сознания / В. Ф. Петренко. – М. : из-во Моск. ун-та, 1988. – 208 с.

А. Я. Леванюк (Брест, Беларусь)

АДЛЮСТРАВАННЕ НАЦЫЯНАЛЬнай САМАБЫТНАСЦІ БЕЛАРУСАЎ У АФАРЫСТЫЧНЫХ ВЫСЛОЎЯХ: ЛІНГВАКУЛЬТУРАЛАГІЧНЫ АСПЕКТ

Пад афарызмам (ад грэч. aphorismos – літар. *абмежаванне, азначэнне*) разумеюць звычайна абагульненне жыццёвага вопыту, павучанне, выкладзенае ў сціслай, зручнай для запамінання форме. У залежнасці ад характару традыцыі – вусна-фальклорнай ці пісьмовай – афарызмы блізкія, з аднаго боку, прыказкам, прымаўкам, з другога – сентэнцыям, выслоўям. Як асобы жанр літаратурнай творчасці, афарыстыка знаёма літаральна ўсім народам, якія маюць хоць якую-небудзь пісьмовую традыцыю. На Беларусі трэба вызначыць першага стваральніка выслоўяў Яна Ліцынія Намыслоўскага, аўтара адзінага ў сваім родзе зборніка маралістычных выказванняў-сентэнцый «Павучанні для ўсеагульнага карыстання ў жыцці» (1589). Частка выказванняў належыць самому аўтару, а частка ўзята з іншых літаратурных крыніц. Гэты зборнік змяшчае 225 выказванняў, напрыклад: *51. Язык. Раніць бялітасны меч цела жывое не гэтак, як непавіннага ядам смяртэльным злачынны язык; 55. Час. Каб выпадковым не стаў той час, калі справу пачнеш ты, ведай: для кожнай са спраў тэрмін дакладны, свой ёсць.* Даследчыкі лічаць, што гэты зборнік быў першым беларускім падручнікам жывых замежных моў, таму што ў ім чаргаваліся аналагічныя па змесце выказванні на лацінскай, польскай і нямецкай мовах.

Варта прыгадаць таксама фальклорны зборнік «Выслоўі» (1979), з акадэмічнай серыі «Беларуская народная творчасць», складзены вядомым беларускім фалькларыстам і этнографам М. Я. Грынблатам. Можна прывесці наступныя прыклады з гэтага зборніка: *Дай, божа, у добры час гаварыць, у благі маўчаць; Калі няпраўду кажу, то праваліся пада мною зямля! Без люлькі, як без жонкі і інш.* У адрозненне ад філалагічнай і выдавецкай практыкі іншых славянскіх краін у Беларусі надзвычай мала выданняў нацыянальнай афарыстыкі, хоць яна не ў меншай ступені адлюстроўвае самабытнасць беларускага народа, чым неаўтарскія афарызмы – народныя

прыказкі. Сучасныя зборы прадстаўлены наступнымі працамі: Ф. М. Янкоўскі «Крылатыя словы і афарызмы»; А. Я. Леванюк «Час, жыццё, людзі... Беларускі літаратурны афарызм»; А. Я. Міхневіч «Якуб Колас разважае, радзіць, смяецца... Выбраныя выслоўі народнага песняра»; А. Я. Леванюк «Майстры кажучь... Беларускія літаратурныя афарыстычныя выслоўі: слоўнік афарызмаў»; Н. В. Гаўрош «Афарыстычныя выслоўі беларускіх пісьменнікаў».

Афарыстыка, праблемы якой вывучаюцца незаслужана мала, дапамагае па-новаму асвятліць шэраг важных гісторыка-культурных з'яў. Лепш за ўсё гэта паказвае вывучэнне жыцця афарызма ў грамадстве, яго месца ў культуры і гісторыі народа. Дастаткова сказаць пра ступень уздзеяння афарызма на чалавечыя паводзіны, пра фетышызацыю асобных выслоўяў і заповедзяў, якія набываюць пры пэўных абставінах сапраўды «магічную» моц. Можна было б напісаць цэлую гісторыю такіх, напрыклад, выказванняў, як «Любі бліжняга свайго, як самога сябе» ці «Хто не працуе, той не есць» у іх перадачы ад пакалення да пакалення, у іх сувязях з грамадскімі рухамі, з інтэлектуальным жыццём розных краін і часоў. Вядома, што любая мова – вельмі разнародны сплаў свайго і чужога. У мове, як і наогул у культуры таго ці іншага народа, даволі цяжка правесці дакладную мяжу паміж сваім і несваім. Уласна кажучы, не існуе якой-небудзь яркай і унікальнай прыметы, па якой нацыянальнае можна адразу ж і беспамылкова аддзяліць ад інтэрнацыянальнага. І тым не менш нацыянальнае існуе. Адметныя рысы мовы таго ці іншага народа выразна адлюстроўваюцца ў моўных зваротах. У беларускай мове гэта звароты з асаблівасцямі кіравання і дапасавання (*смяяцца з кагосьці, пайсці ў грыбы, хварэць на грып* і інш.), розныя фразеалагізаваныя формулы маўленчага этыкету для выражэння прывітанняў, пажаданняў, падзякі і г.д. (*Спажывайце на здароўе! Добра гадуйся! Каб быў здаровы, як дуб скарбовы! Гладкай дарогі! Да пабачэння! Дзіўная рэч!* і інш.), фразеалагічныя звароты (*біць бібікі, сам-насам, за рубель жабу ў Вільню пагоніць, як кату пад'есці з жабінай прыгаршчы* і інш.), шматлікія моўныя афарызмы (прыказкі і прымаўкі), на якія багаты беларускі народ, напрыклад: *Які музыка, такое гранне; Добры чалавек і сабакі дражніць не будзе* і інш.

Кожная мова захоўвае ў адзінках, якія набылі вобразна-метафарычнае, сімвалічнае значэнне, культурна-значную для носбітаў гэтай мовы інфармацыю, зберагае культуру як гістарычную памяць народа. Менавіта да такіх адзінак належаць афарыстычныя выслоўі. Яны могуць накіраваць чалавека на жыццёвы шлях, заспакоіць у бядзе, падштурнуць да барацьбы з перашкодамі. Таксама трэба сказаць і пра выхаваўчую ролю такіх выразаў: яны пашыраюць духоўны свет чалавека, фарміруюць маральныя якасці. Значная эканамічнасць слоў, глыбіня семантыкі, яркая вобразнасць робяць выслоўі стылістычнымі шэдэўрамі, што вельмі ўзбагачае маўленне. У лінгвістычным плане выслоўі валодаюць шэрагам рыс, якія дазваляюць адносіць іх да моўных з'яў. Гэта ўстойлівасць, узнаўляльнасць, наяўнасць шэрага мастацка-стылістычных сродкаў, маўленчая варыятыўнасць. Сведчаннем жа таго,

што выслоўі адносяцца да сістэмы культуры, з’яўляюцца такія іх ўласцівасці, як сэнсавая завершанасць, вобразнасць і лаканізм выражэння, прыналежнасць пэўнаму аўтару, уваходжанне ў культурную «спадчыну» асобы. Нацыянальна-культурная каштоўнасць моўных афарызмаў выступае ў наступных адносінах: па-першае, такія афарызмы адлюстроўваюць нацыянальную культуру непадзельна, комплексна, усімі сваімі элементамі; па-другое, афарызмы адлюстроўваюць нацыянальна-культурны кампанент мовы адзінкамі свайго складу: *Мне сняцца сны аб Беларусі!* (Я. Купала); *Як жыць – дык жыць для Беларусі, а без яе – зусім не жыць* (Л. Геніюш); *А хопіць і куточка Беларусі, каб цэлы век свой да яе ісці* (Н. Мацяш); *Людзі ваду да сябе ўзнімаюць, быдла – схіляецца да вады* (У. Караткевіч); *Няўжо я, дзівак, спадзяюся другую радзіму адкрыць, як быццам бы без Беларусі змагу я і дыхаць і жыць* (М. Танк); *Радзіма будзе жыць без мяне, мяне без Радзімы не будзе!* (Р. Барадулін); *Толькі шчырасці нам часам не хапае, не хапае часам дабраты* (П. Панчанка); *Творчасць – гэта вечны сыход упрочкі ад тых, каго любіш* (В. Акудовіч); *Як страшна жыць усё ж у прошлым часе!* (А. Белая); *Прозвішча – гэта падручнік, па якім можна вывучаць чалавека...* (У. Ліпскі); *Будзь сам сабою, беларус...* (З. Бядуля); *Грошы раз-два – і з’еў чалавек, а разумнае слова жыве цэлы век* (З. Бядуля); *...у гультая заўсёды гэтак: “Ат! я потым”, а той “потым”, як яўрэйскае “пачакай”* (Л. Калюга); *Народ і ў грубасці сваёй мудры* (Я. Брыль) і інш.

Бясспрэчна, афарыстыка з даўніх часоў была найбольш папулярным відам літаратуры. Цікавасць да яе вядомая нам яшчэ са старажытнасці. У наш час яна набывае актуальнасць дзякуючы сваёй ёмістасці, лаканічнасці, злабадзённасці. Афарыстычныя выслоўі з’яўляюцца нацыянальна-культурнымі кампанентамі літаратурнай мовы, таму што яны сітуацыйна запатрабаваныя, павінны складаць культурную спадчыну асобы з мэтай надання нашаму маўленню нацыянальнай адметнасці. Вывучэнне выслоўяў пачалося ўжо даўно, тэарэтычнае даследаванне працягваецца, з’яўляюцца новыя канцэпцыі, ідэі, фарміруюцца сістэмныя погляды на дадзеную праблему. Але, на нашу думку, перш чым перасягнуць нацыянальныя межы і перайсці ў разрад агульначалавечых феноменаў, аўтарскія выслоўі павінны быць «апрацаваны» ў межах нацыянальнай філалогіі і нацыянальнай культуры.

Л. Е. Левонюк (Брест, Беларусь)

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ НА НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЯХ

В этом году Беларусь вошла в единое европейское образовательное пространство, возникшее в результате европейской интеграции и подписания Болонской декларации, что обусловило появление качественно новой образовательной ситуации в связи с объективной потребностью общества

в специалистах со знанием иностранного языка в профессиональных целях, использующих язык в качестве средства коммуникации с коллегами – представителями разных культур и народов. Для удовлетворения этой насущной потребности в неязыковых учреждениях высшего образования стали перестраивать преподавание иностранных языков, взяв за основу тезис о том, что языки должны изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках.

Благодаря исследованиям в области социолингвистики стало очевидно, что для полноценного общения на иностранном языке необходимо не только умение владеть языковым материалом, но и знать специфические понятия, свойственные той или иной человеческой общности, владеть внеязыковыми знаниями, связанными с культурой и обычаями этой общности людей. Незнание этого внеязыкового материала является препятствием в процессе общения и вызывает непонимание из-за расхождения между коммуникативно-языковыми сообществами в наборе знаний о мире. Именно поэтому включение в программу обучения иностранным языкам культурологических сведений связано с внутренней необходимостью самого процесса обучения.

Важно отметить, что проблема интеграции компонентов культуры в обучение иностранному языку в условиях профессиональной подготовки студентов давно обращает на себя внимание ученых. При этом большинство зарубежных исследователей акцентировали свое внимание на необходимости включать элементы культуры не только в цель, но и в содержание обучения предмету «иностраный язык», в то время как отечественные методисты рассматривали общеобразовательное значение иностранных языков в ознакомлении с культурой страны изучаемого языка. Однако вышеупомянутые тенденции интеграции языка и культуры в процессе преподавания иностранного языка не коснулись неязыкового учреждения высшего образования, что обусловлено, на наш взгляд, рядом обстоятельств. Формирование специалистов высшей квалификации до 70-х гг. XX в. характеризовалось в основном их подготовкой в предметной области будущей специальности, а образование в неязыковых учреждениях высшего образования носило исключительно профессионально-техническую направленность. Даже начавшаяся затем активная разработка теории коммуникации не изменила ничего. Коммуникативная деятельность выпускников того времени носила односторонний характер и была ограничена требованиями контакта исключительно с преподавателями своей страны. Следовательно, в это время коммуникативный подход к обучению мало способствовал реализации идеи соизучения языка и культуры.

Глобальные трансформации, происходящие в мире с начала 90-х гг., содействовали выработке и становлению новой парадигмы образования, нацеленной на формирование личности, которая сможет безболезненно функционировать в поликультурном мире, что может быть достигнуто при условии усиления социально-гуманитарной ориентированности образования

за счет расширения социокультурного контекста. Именно вопрос о взаимодействии и взаимовлиянии языка и культуры стал краеугольным в переосмыслении подходов к обучению иностранным языкам вообще и обучению им в неязыковом учреждении высшего образования в частности. Таким образом, нам представляется очевидным, что, несмотря на то, что в прежние времена сформировались предпосылки к новому – межкультурному – подходу к обучению иностранным языкам, все же в полном объеме межкультурная парадигма языкового образования – это тенденция современности.

На наш взгляд, представляется возможным выделить ряд культуроориентированных подходов (лингвострановедческий, социокультурный, этнографический, лингвокультурологический и межкультурный) к обучению иностранным языкам и определить их значимость для условий обучения иностранным языкам в неязыковом учреждении высшего образования. Лингвострановедческий подход явился первой попыткой интегрированного изучения языка и культуры. Основоположниками данного подхода, Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым, была развита и обоснована мысль о необходимости одновременного изучения национальной культуры народа и его языка. Предметом лингвострановедения стало изучение языка с целью выявления в нем национально-культурной специфики. Основным источником лингвострановедческой информации являлся лексический состав слова. Что касается практической значимости данного подхода, то он преимущественно используется для подготовки филологов и лингвистов-преподавателей, хотя элементы лингвострановедческого подхода, по нашему мнению, могут вполне успешно использоваться при подготовке и специалистов неязыковых специальностей.

Следующий подход – лингвокультурологический. Этот подход при обучении иностранному языку дает возможность интерпретировать языковую семантику как результат культурного опыта. По мнению В. А. Масловой, предметом исследования в лингвокультурологии являются единицы языка, которые приобрели символическое, образно-метафорическое значение в культуре, а именно безэквивалентная лексика; архетипы, мифологемы, обряды, закрепленные в языке; фразеологический фонд языка; эталоны, стереотипы, символы; речевое поведение, область речевого этикета. Элементы данного подхода (речевое поведение и речевой этикет) могут использоваться при обучении деловому общению. Но следует отметить, что в полном объеме этот подход успешно используется при обучении иностранному языку на языковых специальностях.

Основоположниками этнографического подхода была высказана мысль о том, что обучение языку и культуре должно приводить не просто к овладению какими-то фоновыми знаниями, а к развитию у студентов способности адаптироваться к новым речевым ситуациям. В рамках данного подхода главным является умение понять чужое поведение и взаимодействовать с

представителями другой культуры, обладающими иным набором ценностей. Мы считаем, что использование этнографического подхода было бы полезно для подготовки специалистов (этнографов, культурологов), в сферу профессиональной деятельности которых входит изучение национальных, культурных и этнических аспектов языка.

При социокультурном подходе, разработанном в 90-х гг. XX века проф. В. В. Сафоновой, приоритетное положение приобретает ориентация на обучение в контексте диалога культур, предполагающее создание дидактико-методических условий для сопоставительного гуманистически ориентированного соизучения иноязычной и родной культур при формировании коммуникативных умений межкультурного общения. Однако следует отметить, что за пределами языковых вузов социокультурный подход имеет определенную ограниченность возможностей для своего использования. Следовательно, можно заключить, что ни один из рассмотренных выше культуроведческих подходов в силу ряда объективных обстоятельств практически не распространял своего влияния на обучение иностранным языкам в неязыковом учреждении высшего образования. Тем не менее, некоторые положения этих подходов подвели исследователей к новому пониманию культуры в обучении иностранным языкам, которое нашло свое воплощение, целостное описание в рамках основных положений межкультурного подхода к обучению иностранным языкам.

По нашему мнению, именно межкультурный подход является наиболее приемлемым для обучения иностранному языку студентов неязыковых специальностей. Это обусловлено тем, что учебный курс носит профессионально ориентированный характер, поэтому его задачи должны главным образом определяться особенностями речекоммуникативной деятельности в ситуациях делового межкультурного взаимодействия. Применительно к деловой культуре необходимо учитывать межкультурные различия, общие черты культур для выбора стиля, стратегий и тактик коммуникации в кросс-культурных деловых ситуациях и, соответственно, готовить к этому будущих специалистов.

Таким образом, способность анализировать и сравнивать особенности носителей различных культур как доминанта межкультурного подхода становится особенно значимой при подготовке современного специалиста-нефилолога, если учесть, что межкультурной оценке может подвергнуться профессиональная сфера деловой коммуникации с иноязычными коллегами. Именно этот ракурс рассмотрения межкультурного подхода становится особенно важным. При этом межкультурный образовательный акцент не потребует внесения существенных изменений в сложившуюся систему обучения иностранным языкам. Можно ограничить сферы диалога культур только средой межкультурного профессионального взаимодействия, и в рамках этой ограниченной сферы проводить межкультурный анализ. Что касается технологий и методик межкультурного подхода, то они очень просты и могут быть полезны студентам.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
ПРИ ОБУЧЕНИИ НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ (ВТОРОЙ ИНОСТРАННОЙ)
НА НЕСПЕЦИАЛЬНЫХ ФАКУЛЬТЕТАХ
В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

В современном обществе все большее значение приобретает умение свободно общаться на том или ином иностранном языке, что позволяет расширить языковую картину мира в целом и, как правило, достичь карьерного роста по избранной специальности. Таким образом, содержание обучения второму иностранному языку, в частности немецкому, как и при обучении первому (как правило, английскому) на неспециальных факультетах, в вузе определяется прежде всего целями обучения, и должно соответствовать специфике будущей профессии для решения конкретных коммуникативных задач.

Компенсаторная компетенция как один из видов речевой компетенции, наряду с основными ее учебными видами, а именно аудированием, говорением, чтением, письмом, а также социокультурной компетенцией, является базовой составляющей коммуникативных целей обучения. Ее формирование предполагает развитие способности преодолевать дефицит иноязычных знаний, навыков и умений, а именно:

- 1) при отсутствии знаний какого-либо слова заменить его синонимом;
- 2) переделать высказывание из сложного в простое, например, употребить вместо сложноподчиненного предложения несколько простых, соответствуя событийной логике;
- 3) ухватить суть, а не сосредотачиваться на незнакомом, например, при прослушивании текста;
- 4) использовать невербальные методы передачи мысли, например, жесты, которые могут помочь выражению эмоций;
- 5) обратиться к собеседнику за помощью, например, повторить или объяснить значение непонятого слова.

Все эти умения предполагают гибкое владение изучаемым языком, которое необходимо целенаправленно формировать, опираясь на уже имеющийся опыт изучения первого иностранного языка. При обучении второму иностранному языку многие из учебных умений могут быть перенесены из опыта работы над первым ИЯ, но этот перенос на первых порах надо специально организовывать, делать его предметом осознания студенческого коллектива. Важно иметь в виду, что при слабом владении первым иностранным языком ориентированная на указанные выше цели сознательная работа над вторым ИЯ может помочь в работе и над первым.

Особенность отбора материала при обучении немецкому языку как второму иностранному заключается в необходимости считаться с тем, что обучаемый с самого начала обучения уже владеет весьма большим словарным запасом, определенным речевым и учебным опытом. Это позволяет предъявлять более высокие требования к предметному содержанию

учебных материалов, их языковой сложности, дает возможность с первых шагов обучения использовать аутентичные тексты, которые должны обеспечивать приобщение к культуре страны второго иностранного языка, быть достаточно информативными, соответствовать возрастным и профессиональным интересам обучаемых.

Что касается общих и специальных учебных умений в качестве важной составляющей целей обучения, то они должны обеспечивать:

1) умение работать с учебником, рабочей тетрадью, книгой для чтения, двуязычным словарем и другими справочниками, хорошо ориентироваться в них;

2) владение технологией выполнения наиболее распространенных видов упражнений, тестов;

3) стремление выработать свою собственную стратегию для усвоения лексики, вести обычную словарную тетрадь и/или составлять тематический словарь, словарь немецко-английских соответствий, лексическую картотеку, словообразовательные гнезда слов и т.п. с целью более прочного усвоения словаря;

4) умение самостоятельно делать грамматические выводы, обобщения на основе наблюдений, анализа материала учебника, а также речи преподавателя;

5) самостоятельное осуществление поиска и подбора дополнительных материалов по теме;

6) владение приемами активного речевого взаимодействия, методами самостоятельной, парной, групповой форм работы, в том числе технологией обучения в сотрудничестве, проектной методикой. Таким образом, взаимодействие контактирующих в процессе изучения трех языков и через них – культур может и должно оказывать взаимообогащающее влияние и в еще большей степени способствовать образованию, воспитанию и развитию личности обучающегося [1, с. 15–17].

Итак, обучение второму иностранному языку на неспециальных факультетах в системе высшего образования имеет свои особенности по сравнению с преподаванием первого иностранного языка. Благодаря опоре на опыт изучения первого иностранного языка, как правило, английского, с учетом закономерностей овладения вторым иностранным языком, можно рассчитывать в целом на хорошее развитие речевых способностей студентов, а также позитивное влияние обоих изучаемых языков друг на друга. Важное значение имеет и то, что можно провести параллели между первым иностранным языком и новым, вторым, или, наоборот, проследить отличия, которые послужат контрастом для лучшего усвоения материала [2, с. 120–122].

Из сказанного выше следует, что подход к определению целей обучения и его составляющих применительно к первому и второму иностранным языкам едины, но качество владения ими может различаться, если слишком велика разница в условиях обучения (количество учебных часов, длительность курса, использование учебников, не учитывающих закономерности овладения вторым языком и т.п.). Вместе с тем возможность опереться

на базу первого языка при обучении второму в значительной степени может компенсировать разницу в условиях обучения, если вся организация педагогического процесса будет нацелена на это. Особое значение имеет при этом развитие самостоятельности обучаемых, их мотивации и сознательного отношения к учению. Только в этом случае может быть достигнут хороший уровень во владении вторым иностранным языком. В этой связи очень важно четкое видение студентами своих целей и планируемых результатов обучения и формирование у них умения оценивать свои победы и поражения, а также овладение приемами самоподготовки и самоконтроля.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бим, И. Л.* Концепция обучения второму иностранному языку (немецкому на базе английского): учеб. пособие / И. Л. Бим. – Обнинск : Титул, 2001. – С. 15–17.
2. *Коваль, И. В.* Психолого-методический аспект формирования иноязычных грамматических навыков при обучении говорению / И. В. Коваль // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2005. – С. 120–122.

Е. В. Суворина (Москва, Россия)

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ КОГНИТИВНОГО АНАЛИЗА СЕМАНТИКИ СЛОВА

Когнитивная наука – это совокупность наук о приобретении, хранении, преобразовании и использовании знания, объединяющая дисциплины, изучающие познание: психологию, компьютерную науку, лингвистику, антропологию, нейронауки и философию. Объектом изучения всех этих наук является человеческое сознание. Современные когнитивные исследования активно развиваются в направлениях лингвистики, психологии, искусственного интеллекта, нейронаук. Проявившийся в последние годы мультидисциплинарный тренд исследований характеризуется динамизмом и тенденцией к освоению нового инструментария и новых методов анализа, в том числе статистического анализа больших массивов данных [1].

По мнению Е. С. Кубряковой, задачей лингвиста является выработка методики современного лингвистического анализа, который даст «доступ к разуму человека и тем мыслительным (ментальным, мыслительным, психическим) процессам, которые осуществляются в его мозгу» [2, с. 12]. Поэтому изучение семантики слова остается одной из наиболее актуальных и востребованных задач в современной лингвистике. Корпусные подходы к анализу когнитивной семантики слова разрабатываются в трудах таких ученых, как Н. Б. Гвишиани, Е. Е. Голубкова, А. А. Кибрик, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина, В. И. Подлесская и др.

Главный недостаток классического концептуального анализа в рамках когнитивной лингвистики заключается в субъективизме и отсутствии робастных квантифицированных методов анализа. Этот пробел успешно заполняет аппарат корпусной лингвистики, включающий аннотированный корпус и многофункциональный корпусный менеджер.

Очень часто процедура использования лингвистического корпуса среди ученых-филологов ограничивается подсчетом первичных частот включения слов в корпус («raw frequencies»). Возможности же использования лингвистического корпуса намного шире, особенно если речь идет о когнитивном анализе семантики изучаемого слова. Грамотная работа с корпусом требует применения корпусного менеджера, реализующего принципы интердисциплинарности.

Филологам, занимающимся проблемами современного английского языка, существование Британского национального корпуса и корпусного менеджера BNCweb [3] дает уникальную возможность интерпретации материала с учетом различных аспектов, представленных в аннотации корпусных данных: возрастные когорты, исторические тэги, гендерные и региональные различия, стилистическая принадлежность и многое другое. Существование такого корпусного менеджера не только на порядок сокращает время сбора материала для исследования, но и позволяет провести полноценный статистический анализ, который возможен исключительно на больших языковых массивах. К сожалению, в традиционных лингвистических исследованиях количественный подсчет подменяют понятием «статистический анализ». Однако именно размеченный аннотированный лингвистический корпус, сопровождаемый корпусным менеджером, включающим функции расчета разных статистических характеристик, становится главным помощником в проведении такого типа исследования. Более того, филолог получает возможность сопоставления полученных результатов по различным статистическим критериям. Необходимо подчеркнуть, что разработчики системы BNCweb рекомендуют избегать данных, полученных по параметру «частотность», для интерпретации семантики слова [3]. Такие данные могут свидетельствовать об организации семантической структуры слова, но определенно не дают полной информации о его концептуальной структуре.

Привлечение математического и программного аппарата современных корпусов позволяет заявить о рождении «доказательной когнитивной лингвистики» как строгой научной дисциплины, в которой, например, найденные концептуальные структуры слов не зависят от субъективизма исследователя, но полностью определяются срезом корпуса естественного языка. Полученные результаты могут быть использованы при составлении лексикографических справочников, а также учебных пособий по практике речи английского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Методы когнитивного анализа семантики слова: Компьютерно-корпусный подход. – М. : Языки славянской культуры, 2015. – 344 с.
2. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
3. Corpus Linguistics with BNCweb – a Practical Guide. Hoffmann Sebastian. Evert Stefan. Smith Nicolas. Lee David. Prytz Ylva Berglund. – Frankfurt am Main : Peter Lang, 2008.– 290 p.

Д. И. Шилобрит (Бобруйск, Беларусь)

РОЛЕВАЯ ИГРА КАК СРЕДСТВО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ КОММУНИКАЦИИ И ПРЕОДОЛЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО БАРЬЕРА

Глобализация экономики, развитие культурных сетей и повсеместное распространение Интернета привели к тому, что знание хотя бы одного иностранного языка стало уже почти обязательным условием для современного человека. Интересно, что английский, немецкий, французский и испанский составляют 95 % из всех иностранных языков, которые изучают в нашей стране [1].

Постигая конкретный иностранный язык в школе, одни учащиеся хорошо усваивают грамматику, другие – лексику, но впадают в ступор, если нужно высказываться на уроке. Невозможность заговорить на иностранном языке вызвана языковым барьером, который кроется в недрах психологии личности.

Языковой барьер – незнание или слабое знание языка коллектива, которые препятствуют индивидууму реализовывать свои интенции, вступать в контакт с членами языкового коллектива [2, с. 481].

Ученые отмечают, что преодолеть языковой барьер можно при соблюдении трех условий:

- понимания причин его проявления;
- мотивации для преодоления (интерес, желание);
- наличия ресурсов (словарный запас, аудио- и видеоматериалы, возможность активного общения на изучаемом языке, профессиональная помощь и т.д.) [3].

Преодолеть барьер обычным способом, заставив учащихся общаться на изучаемом иностранном языке, невозможно. Необходимо создание таких условий, в которых учащийся сам захотел бы говорить на иностранном языке. В связи с этим нами предлагается использование ролевых игр на уроках иностранного языка.

Для осуществления ролевой игры предлагается общий сюжетный ход, распределяются и намечаются коммуникативные намерения «актеров». А дальше следует саморазвивающийся процесс, открывающий широкие просторы для импровизации. Ролевая игра способствует развитию коллективистских качеств учащихся, воспитанию чувств «зависимой ответственности», так как для ее успешного протекания важно точное взаимодействие, взаимопомощь и поддержка друг друга.

В современной методике используют следующие разновидности ролевой игры: сказочного характера, бытового и мировоззренческого содержания.

Успешное проведение ролевой игры предполагает четкую подготовку и организацию как со стороны учителя, так и со стороны учащихся. Учитель должен помнить, что в ролевой игре он «первый среди равных». Его главная задача в том, чтобы открывать возможности для активной речевой деятельности учащихся.

Г. В. Рогова предлагает следующую *схему по обучению диалогической речи посредством ролевой игры*:

1. Организационный момент, т.е. *распределение ролей*. Без прямолинейного дидактизма учитель может руководить речевым и неречевым поведением учащихся. Следует привлекать к ролевой игре как можно больше учащихся, не игнорируя слабых в знании по языку, давая им на первых порах роли «немногословные».

Подготовка ролевой игры охватывает:

- *схемы общения*, в которых указаны действующие лица и общая стратегия их поведения. Такие схемы стимулируют речевое поведение учащихся во время ролевой игры, поскольку в них не только сформулирована общая экстралингвистическая задача, но и достаточно конкретно перечислены коммуникативные намерения всех участников. Схема общения может дополняться по ходу развития игры;

- *создание карточек* и снабжение ими учащихся. В карточке раскрывается позиция, свойственная данной роли, в ней содержится необходимая информация, касающаяся предыстории события и жизни героя; в карточку включаются также опоры на иностранном языке;

- *серию репетиций* – занятий, на которых происходит ознакомление с опорами и их усвоение, выполняются необходимые тренировочные упражнения, отрабатываются отдельные фрагменты ролевой игры. Во время репетиций рекомендуется использовать парную работу.

2. Примыкает к ролевой игре *драматизация* со сквозным сюжетом (рис.), заключающаяся в том, что сюжет распространяется на ряд последовательно развивающихся актов. Этот прием широко используется в интенсивных методах [4, с. 135–138].

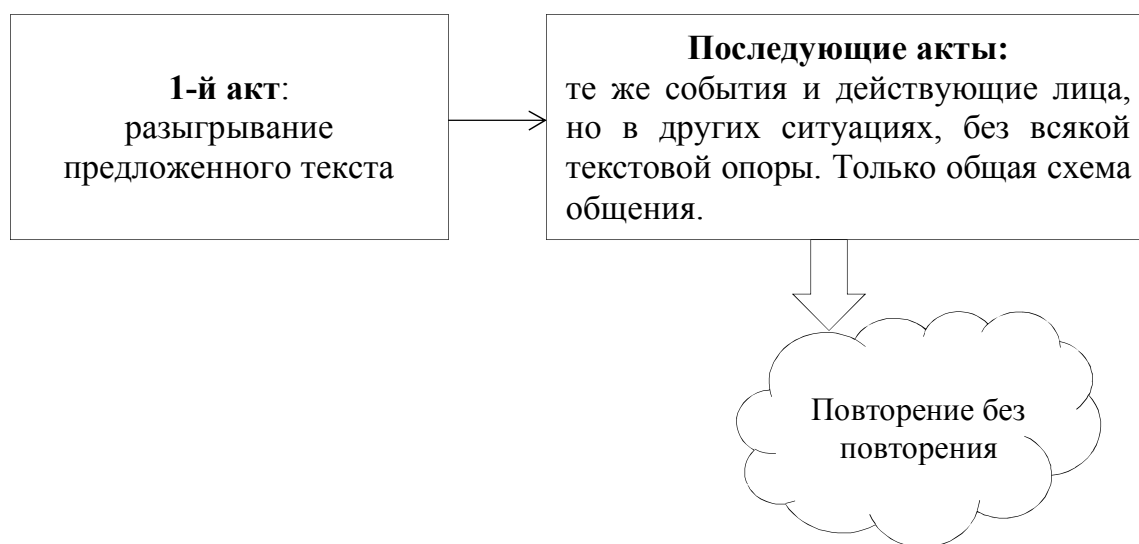

Рис. Драматизация со сквозным сюжетом

С целью определения уровня коммуникативных языковых барьеров в начале учебного года был проведен тест «Языковые барьеры» с 9 учащимися школы, результаты которого показали, что барьер говорения и понимания отсутствует у 2 учащихся, у 7 барьер понимания умеренный, а барьер говорения приближен к критическому. Но следует отметить, что у всех учащихся барьер школы минимальный, т.е. они могут добиться определенных результатов в освоении иностранного языка. Проанализировав полученные данные в конце учебного года, мы увидели, что барьеры понимания и говорения отсутствовали у 5 учащихся, а у 4 – они приближены к умеренному. Анализ результатов позволяет сказать, что с помощью ролевых игр на уроках иностранного языка можно преодолеть языковой барьер у учащихся.

Мы пришли к выводу, что ролевые игры:

- вызывают интерес к иностранному языку;
- помогают легче усвоить языковой материал, преодолеть стеснительность и барьер неуверенности благодаря посильным заданиям;
- мотивируют речевую деятельность.

В процессе работы была предложена следующая *памятка по самостоятельному преодолению языкового барьера* для изучающих иностранные языки:

- а) избавьтесь от страха при общении, разговаривайте сами с собой, смелее общайтесь на изучаемом языке, не бойтесь совершить ошибку;
- б) создайте среду для общения. С этой целью предлагается больше путешествовать;
- в) расширяйте словарный запас;
- г) ежедневно повторяйте грамматические правила. Убедитесь, что в языке нет ничего сложного.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ефимова, М.* Языковой барьер / М. Ефимова // Иностранные языки PLUS [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: http://plus.study.ru/rus/journal/zima_2008/sanskrit/note1.html. – Дата доступа: 12.08.2015.
2. *Жеребило, Т. В.* Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – 5-е изд., испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
3. *Дидарова, Т. А.* Использование театральной деятельности на уроках английского языка в целях снятия языкового барьера у учащихся / Т. А. Дидарова // Фестиваль педагогических идей «Открытый урок» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://festival.1september.ru/articles/607275/>. – Дата доступа: 13.08.2015.
4. *Рогова, Г. В.* Методика обучения иностранным языкам в средней школе / Г. В. Рогова, Ф. М. Рабинович, Т. Е. Сахарова. – М. : Просвещение, 1991. – 287 с.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

П. В. Боровиков (Минск, Беларусь)

«ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ» КАК ФАКТОР МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Франшиза «Звездных войн» берет свое начало в 1977 г., когда режиссером Джорджем Лукасом был выпущен первый фильм, носивший название «Эпизод IV: Новая надежда». Данный фильм совершил технологический прорыв в киноиндустрии, позволивший широко применять компьютерные технологии в киносъемке и моделировании. Таким образом, первый фильм киносериала стал водоразделом в американском и мировом кинематографе. До этой поры он находится на втором месте в США и Канаде по кассовым сборам с учетом инфляции: на сегодняшний момент это более 1,4 млрд долларов [1].

Другим важным достижением стало превращение «звездных войн» в коммерческий брэнд: помимо самих фильмов, которые собирали огромные кассы и толпы зрителей, вокруг франшизы стала формироваться индустрия сопутствующих товаров, таких как пластиковые фигурки, костюмы, различные предметы, использовавшиеся в фильме, и т.д. Все эти факторы привели к росту популярности киносериала во всем мире, в том числе, и далеко за пределами США. Сформировался целый общественный пласт, именовавший себя «зв-фанами».

Помимо коммерческого аспекта, необходимо выделить также и художественный; популярности фильма способствовали яркие персонажи, места действия и антураж. Ярчайшими примерами могут служить Дарт Вейдер, который упоминается в Оксфордском гиде по британской и американской культуре [2, с. 115], Звезда смерти, Световой меч, планета Хот, Х-крылый истребитель, имперский штурмовик и тому подобное. Нужно отметить, что все эти художественные воплощения являются узнаваемыми для людей по всему миру, независимо от их возраста. Так как с момента выпуска первого фильма прошло уже почти 40 лет, то те зрители, которые смотрели его во времена своей молодости и стали его большими поклонниками, на данный момент являются либо пенсионерами, либо людьми предпенсионного возраста. Сегодня фильм «Звездные войны» обрастает и армией более молодых поклонников, которые вносят свой вклад в развитие фанатского движения по всему миру.

Как уже было сказано, важным критерием фильма как фактора межкультурной коммуникации является интернациональность образов, воплощенных в главных героях. Стоит добавить, что его узнаваемости также способствует и музыкальное сопровождение, сочиненное композитором Джоном Уильямсом (за музыку к фильму он стал лауреатом премии «Оскар»).

Нужно отметить, что «Звездные войны» внесли свою лепту и в лингвистический аспект межкультурной коммуникации. В современном повседневном общении, особенно в молодежной среде, нередко можно встретить такие выражения, как «Да пребудет с тобой Сила», «используй Силу», «юный падаван», «джедай», «дарт кто-либо». При этом в сфере межкультурной коммуникации эти понятия обладают одними и теми же определениями, понятными людям без дополнительных описаний. Чаще всего эти лингвокультурные реалии используются с ироничным подтекстом.

Так, к примеру, фраза «Да пребудет с тобой Сила» является слегка ироничным аналогом пожелания удачи, с упором на некие сверхъестественные сущности, способствующие успеху предприятия. Далее, словосочетание «юный падаван» может служить эвфемизмом к таким негативно-окрашенным словам, как салага, неуч, и просто обозначать кого-то, кому еще предстоит долгий путь к обучению. При этом отсутствует привязка к возрасту – в мифологии «звездных войн» падаванами могут быть и люди в достаточно почтенном возрасте. Слово же «джедай» может с долей иронии обозначать человека, который является мастером какого-либо дела или же стремится показать себя таковым: «Я тут языкознание сдал на 10». – «Ну ты прям джедай». Вдобавок надо отметить, что джедаизм является массовым религиозным течением. Так, в Англии, при переписи населения в 2011 г. больше ста тысяч респондентов в графе «вероисповедание» написали «джедай» [3]. Надо добавить, что лингвистический аспект влияния «звездных войн» на межкультурную коммуникацию не ограничивается лишь упомянутыми единицами, но перечислять все нюансы не имеет смысла, так как многие из них являются менее известными вне рамок фанатской среды.

Упомянутые особенности также дополняются некоторым количеством мемов, которые стали впервые широко использоваться благодаря выходу фильмов. Одним из самых известных стал мем «синдром штурмовика». Суть его состоит в том, что, при столкновении с главными героями фильма, которые чаще всего находятся в заведомо невыгодном численном и материально-техническом положении, основная ударная сила имперской армии – штурмовики – неизбежно проигрывают в сражении. То есть противник, по всем статьям превосходящий своих визави, тем не менее, терпит поражение. Таким образом, ситуация, в основе которой лежит модель поведения штурмовиков империи с заведомо известным результатом, стала именоваться «эффектом» или «синдромом штурмовика». Данный мем распространен в киноиндустрии, став своего рода кино- и телетропом и в индустрии видеоигр.

Наконец, необходимо отметить, что существует негласный «День звездных войн», который отмечается 4 мая. Эта дата выбрана благодаря игре слов во фразе «да пребудет с тобой Сила» – в оригинале «May the force be with you» созвучно с «May the fourth (May 4th) be with you» [4].

Все эти сведения показывают, что феномен «Звездных войн» стал действительно интернациональным явлением в межкультурной коммуникации, воплотив в себе образно-эстетическую и лингвокультурную сферы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Domestic Grosses adjusted for Ticket Price Inflation / Box Office Mojo [Electronic resource]. – 2015. – Mode of access : <http://www.boxofficemojo.com/alltime/adjusted.htm>. – Date of access : 17.09.2015.
2. Oxford Guide to British and American Culture / Oxford University Press. – 2nd edition. – Oxford, 2005. – 542 p.
3. *Dalrymple, T.* In England, More Jedi Knights than Atheists and Pagans Combined / T. Dalrymple // Patheos [Electronic resource]. – 2015. – Mode of access : <http://www.patheos.com/blogs/philosophicalfragments/2012/12/12/in-england-more-jedi-knights-than-atheists-and-pagans-combined/>. – Date of access : 17.09.2015.
4. Star Wars Day / Star Wars [Electronic resource]. – 2015. – Mode of access : <http://www.starwars.com/may-the-4th>. – Date of access : 17.09.2015.

A. Sommerfeld (Minsk, Belarus)

ZUR BEDEUTUNG DER HERMENEUTIK IM INTERKULTURELLEN KONTEXT

„Nur im Gespräch, nur in dem gegenseitigen Versuch, sich zu verstehen,
hat die Welt einen Sinn, erfüllt sich menschliches Dasein“
Hans-Georg Gadamer (1960)

Lehrende stehen vor der großartigen Herausforderung, anderen Menschen Wissen zu vermitteln, an der intellektuellen Entwicklung der Lernenden teilzuhaben und sie auf deren Weg des Wissenserwerbs zu begleiten. Lernende hingegen stehen vor der großartigen Herausforderung, sich Wissen anzueignen, ihre Neugier an und auf die (wissenschaftliche) Welt zu befriedigen und ihren bis dahin noch schulisch geprägten Horizont zu erweitern. Dieser Herausforderung würden sich beide Seiten intensiver stellen, wenn sie nicht von den Realitäten des Lehralltags an den Universitäten regelrecht überrollt würden. An den Universitäten im politisch-geographisch gesehenen postsowjetischen Raum mit einer sehr starken, aber didaktische Innovationen betreffend eingrenzenden Lerntradition.

In der vorliegenden Untersuchung, die im September 2015 an der Staatlichen Linguistischen Universität Minsk mit Studierenden des 5. Studienjahres durchgeführt wurde, sollen mehrere Aspekte beleuchtet werden: Mit welchem Bildungshintergrund, mit welcher traditionell geprägten Lernhaltung gehe ich als belarussischer Lernender in den Prozess des Lernens? Das heißt, mit welchem Vorwissen, welchen Vorurteilen, im hermeneutischen Sinne begeben mich in die kommunikative Situation? Wie nehme ich mich als Lehrende mit dem Hintergrund westeuropäischer Methodenforschung wahr? Wie vollzieht sich die Gadamer'sche Horizonterweiterung, und welchen Nutzen kann ich daraus für die Erforschung von Lehrwerken ziehen?

In der Studie wurden die Lernenden mit folgender, beliebig ausgewählten Frage konfrontiert: „Wie beurteilen Sie die Maßnahmen/Vorgänge der aktuellen Flüchtlingspolitik in Deutschland?“ Mündlich wollte sich, wie erwartet, niemand äußern. Daraufhin sollten alle Lernenden schriftlich fixieren, WARUM sie sich nicht mündlich äußern wollten. Unter den 40 Rückmeldungen befanden sich knapp 90% an gleichen Antworten.

1. „Ich melde mich nur, wenn ich zu 100 % die Antwort kenne.“

Als Lehrkraft denke bzw. wünsche ich mir: „Ich möchte, dass Ihr reflektiert, laut und miteinander nachdenkt, gemeinsamen Erkenntnisgewinn habt.“ Die Situation erscheint umso absurder, als dass es keine richtige Antwort geben KANN. Es geht in diesem Kontext also um REFLEXIONSVERMÖGEN.

2. „Ich antworte nur, wenn ich sicher sein kann, keinen einzigen sprachlichen Fehler zu machen.“

Als Lehrkraft denke bzw. wünsche ich mir: „Eine Fremdsprache erlernen besteht nicht nur im Abrufen normativen Vorwissens, sondern vor allem im SPRECHEN, PROBIEREN, SICH ERFAHREN.

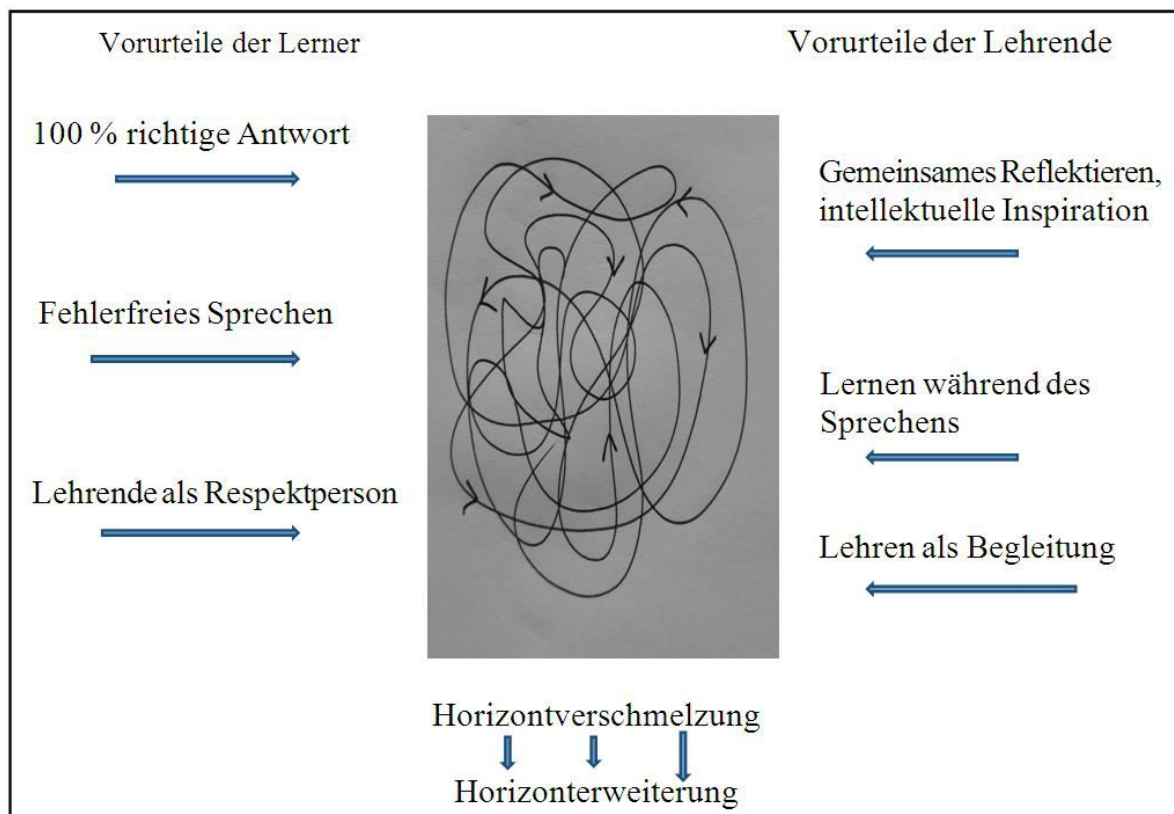
Es geht in diesem Kontext also um SPRACHERWERB.

3. „Ich traue mich nicht, mich zu melden, weil ich (zu) großen Respekt vor der Lehrerin habe.“

Als Lehrkraft denke bzw. wünsche ich mir: „Ich nehme mich als über fachliche und didaktische Kompetenzen verfügende Begleiterin dieser Studierenden wahr.“

Es geht in diesem Kontext also um MACHTSTRUKTUREN.

Im hermeneutischen Sinn müssen jetzt die Vorurteile beider Seiten verbunden bzw. miteinander in Beziehung gesetzt werden. Diese Beziehung kann man im folgenden Schema gut erkennen.

Die Horizontverschmelzung, das Aufeinandertreffen der Vorurteile und die Auseinandersetzung mit den unterschiedlichen Standpunkten kann zu einer Horizonterweiterung führen. Im vorliegenden Fall kann es nur dazu führen, dass sowohl Lehrende als auch Lernende positiv auf das Gegenüber ausgerichtet sind, sich einem Verstehen des Anderen annähern. Daraus resultierend kann eine Annäherung der Lerntraditionen entstehen, die sich respektvoll und wertschätzend, unter Beachtung der Werte beider Kulturen entwickelt. Oder anders gesagt: Eigenkultur und Fremdkultur verschmelzen im Sinne einer Horizonterweiterung zu einer regional geprägten Germanistik (-vermittlung).

Н. А. Левковская (Москва, Россия)

БАЗОВЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ СТРУКТУРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В настоящее время ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что СМИ призваны не столько информировать читателя и слушателя, сколько интерпретировать события, явления, личности. Центральной стала функция воздействия, которая подчиняет себе все остальные функции СМИ.

Очевидно, что произошло это в связи со сближением газетно-публицистического дискурса, частью которого являются СМИ, с политическим, основной целью которого является формирование у адресата определенного (заданного) отношения к явлениям политической жизни общества (как в узком, так и в широком смысле этого понятия).

Целью данной работы является демонстрация того, что программируемое прагматическое воздействие влияет на формальные характеристики структуры текста и, в частности, обуславливает структурирование абзаца и СФЕ. Объектом исследования послужили аналитические статьи и политическое эссе из британского журнала «The Economist» и американского журнала «Foreign Affairs».

При обучении студентов как чтению (интерпретации), так и написанию абзацев необходим комплексный подход, сочетающий в себе не только смысловую и логическую, но и структурно-композиционную составляющую данной единицы текста.

Представляя собой структурно-композиционную и семантико-синтаксическую единицу текста, абзац является весьма показательным параметром квантового воздействия на реципиента (отдельными порциями). Хотя это никем и не доказано, но есть основания полагать, что каждый абзац представляет собой микротекст с собственным прагматическим заданием, с собственным информационным преломлением темы; и эти особенности абзаца, как единицы квантово-прагматического воздействия, могут в отдельных случаях даже вступать в конфликт с целевыми установками всего текста (например, иронический абзац или изложение чужого мнения, противоречащего мнению автора).

Проведенное исследование показывает, что можно выделить 3 основных типа абзацев в зависимости от характера их прагматического задания. В первую очередь это все-таки *информационный* тип, поскольку основной задачей практически любого текста является передача информации. Кроме того, современные СМИ, хотя и сменили вектор направленности с функции информирования адресата на воздействующую, тем не менее, представляют собой действенный способ организации и передачи информации. Здесь в первую очередь можно говорить о новостях, кратких и в подробном изложении, составленных по известной формуле 5W-S+H, а также о материалах так называемых «soft news», которые даются в личностной подаче автора.

Основными характеристиками новостных материалов являются точность, определенная степень объективности, своевременность, достоверность, актуальность, добросовестность. Все эти качества присущи, или должны быть присущи, в первую очередь кратким информационным сообщениям. Они, безусловно, составляют основу и передовиц (leading articles), и редакционных статей (editorials), и материалов аналитического характера (analytical articles, материалов в рубрике «opinion»), и разных типов политического эссе.

Так называемый «мускульный» базис в таком случае бывает представлен статистикой (в процентном или цифровом формате), конкретными примерами, отсылками к авторитетным источникам, географическими наименованиями, терминами из сопологаемой сферы деятельности и т.п.

При этом необходимо отметить, что разделить информацию и интерпретацию достаточно сложно; более того сам подбор информационных блоков можно рассматривать как своеобразную интерпретацию. Однако, если анализировать текст и цепочки содержащихся в нем информационных квантов с точки зрения получателя информации, то в первом из выделенных нами типов абзаца наиболее важной оказывается фактуальная составляющая: читатель фокусирует свое внимание на предлагаемом ему фактическом материале.

Абзац, являясь не только единицей структуры текста, но и квантом смысловой организации сообщения, представляет собой динамическое образование, при этом оценочные элементы могут выходить в нем на первый план, меняя таким образом тип абзаца, превращая его в *оценочный* абзац. Прагматически цель оценочного абзаца отличается от целей абзаца информационного. Здесь автор стремится сформировать у читателя положительное или отрицательное отношение к сообщаемому, и ведущую роль при этом начинает играть уже не оценочная лексика, а сама структура абзаца.

Конечно, значение оценочной компоненты абзаца, которая проявляется в первую очередь в использовании оценочной лексики, никто не отрицает. Демонстративная, эксплицитная оценочность может вводиться такими выражениями, как: *it may seem foolish; this argument is more clever than correct; it is more reasonable* и т.п.

Основным параметром, на который надо обратить внимание, является длина абзаца. По нашим наблюдениям разные тенденции выявляются в статьях аналитического характера и в политических эссе. В первом случае информационные абзацы имеют больший объем, а сопровождающая их оценка представлена в коротких абзацах, где ведущую роль играет именно синтаксическая структура (здесь появляются инверсии, вопросы в повество-

вании и др. стилистические средства и приемы). Напротив, в текстах политического эссе краткие кванты информационных абзацев перемежаются развернутыми аргументативными абзацами, содержащими авторскую оценку.

Такая структура, если бы она выдерживалась эксплицитно, сразу указывала бы читателю на возможную необъективность авторского подхода. Поэтому имеет место слияние двух типов абзацев, информативного и оценочного, и формирование гибридного типа, *информационно-оценочного*, который, по идее, мог бы быть представлен двумя различными абзацами, поскольку в нем содержатся два различных информационных кванта. Например: *In addition, China is facing political, environmental, and structural barriers that will limit its economic growth in the future. For example, ... It is difficult to imagine a dynamic knowledge economy emerging in a politically repressive one-party state; none ever has before.*

В политическом дискурсе, в силу его заданной прагматической направленности, используется интерпретационный подход в подаче материала, и в связи с этим в нем представлен весь спектр оценки, которая может выражаться в большей или меньшей степени эксплицитно или имплицитно. Поэтому для него характерен третий тип абзаца, *воздействующий*, в котором наблюдается усиление эмоционального градуса, воспринимаемое как усиление оценки. Это достигается использованием большего количества выразительных средств и стилистических приемов: создание образности, парадоксальности, гиперболизации, иронии, параллелизма и т.д.

Так, в следующем примере использование параллельных конструкций, безусловно, увеличивая воздействующий потенциал фактуальной информации, может довести его до апогея в парадоксальном, хотя и в какой-то степени верном утверждении: *...They don't understand why their culture is failing. They don't understand why divorce rates and suicide rates are so high. They don't understand why so few European women have more than one child, and why on most European streets, you see more dogs than children.*

Другой пример представляют исторические параллели, которые демонстрируют возможности субъективных интерпретаций явлений, тем самым воздействуя на адресата в нужном для адресанта ключе. Такое использование тезауруса читателя способствует не только эксплицитному воздействию, но и имплицитному.

Такое воздействие на адресата оказывает употребление сравнений, которые не являются частью содержания текста и которые используются исключительно с целью создания резко отрицательного образа, кстати, с помощью эксплицитно выраженной оценочной лексики: (*lethal, wicked, tough, distrustful, inculcate*). Например: *The doors of the Metro stations in Moscow are lethal – thick, heavy glass with a wicked swing. Yet surprisingly few people hold them open for the passenger behind them. Russia's capital is a tough, atomised, distrustful city: communism, supposed to inculcate brotherly love and self-abnegation, instead bequeathed something like the opposite. The same could be said of some other grand political ideas (militant trade unionism, for example): over-ambitious, impractical and naive, they ultimately backfire.*

Something similar may be true of a central tenet of New Labour...

Статья целиком и полностью посвящена партии новых лейбористов. Данный пример, представляющий собой начальный абзац статьи, абсолютно не релевантен с точки зрения содержания и смысла текста. Он имеет ярко выраженный отрицательно воздействующий потенциал.

Та типология абзацев, которая здесь предложена, не претендует на полноту, потому что, по всей видимости, есть большое количество промежуточных абзацев, которым необходимо отдельное изучение. Но нам представляется важным подчеркнуть, что абзацы подобны микротекстам и нуждаются в специальном исследовании, в рамках которого сочетались бы не только смысловая и логическая составляющие данной единицы текста, но и закономерности ее структурно-композиционной организации.

Е. И. Петрищева (Донецк, Украина)

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕРМИНОВ РОДСТВА (на материале разговорной и сленговой лексики немецкого и английского языков)

В последнее время в лингвистике заметно возрос интерес к сопоставительному и типологическому изучению языковых явлений [1; 2].

Настоящее исследование посвящено изучению семантики терминов родства (ТР) в разговорной и сленговой лексике немецкого и английского языков, ср.: англ. *oldies* ‘родители’, нем. *das Ferkel* (букв. ‘поросенок’) ‘ребенок’.

Лексика, которая входит в состав ТР (‘мать’, ‘отец’, ‘сестра’ и т.п.), принадлежит к базовому словарному фонду любого языкового сообщества.

Изучением проблематики ТР занимались многие лингвисты (см., например, работы В. Г. Дзибель, Л. Б. Николаевой) [3, 2].

Актуальность данного исследования определяется следующими причинами:

- недостаточной изученностью семантики ТР в нестандартном (субстандартном) языке;
- отсутствием семантической классификации разговорных и сленговых ТР в английском и немецком языках;
- необходимостью установления закономерностей развития полисемии разговорных и сленговых ТР в названных языках;
- важностью определения экстралингвистических и национально-культурных факторов, влияющих на семантику данных слов;
- комплексным подходом к описанию структурной и семантической организации данных ТР в сопоставляемых языках.

Материалом для предлагаемого сопоставительного исследования ТР послужила сплошная выборка разговорных и сленговых единиц из наиболее репрезентативных словарей английского и немецкого языков.

В проанализированном эмпирическом материале выделяются в частности ТР с такой семантикой:

- 1) муж, ср.: англ. *sharpshooter*, нем. *der Süßer*;
- 2) жена, ср.: англ. *best girl*, нем. *der Hausdrache*;
- 3) мать, ср.: англ. *old lady*, нем. *die Gewalt*;
- 4) отец, ср.: англ. *old boy*, нем. *der Boß*;
- 5) родители, ср.: англ. *fossil*, нем. *die Herrschaft*;
- 6) сын, ср.: англ. *chelsea bun*, нем. *der Prinz*;
- 7) дочь, ср.: англ. *holy water*, нем. *der Sprössling*;
- 8) ребенок (дети), ср.: англ. *kiddy*, нем. *die Minis*;
- 9) брат, ср.: англ. *bizzle*, нем. *der Fiez*;
- 10) сестра, ср.: англ. *little blister*, нем. *die Fieze*;
- 11) братья и сестры типа нем. *die Zecken*;
- 12) дедушка типа англ. *grampa*, нем. *der*;
- 13) бабушка, ср.: англ. *g-ma*, нем. *die Omi*;
- 14) свекровь и теща типа нем. *die Schwiegermama*;
- 15) свекор и тесть типа нем. *Schwiegerpapa*;
- 16) кузен (кузина), ср.: англ. *cutty*, нем. *Schwippvetter*.

Лексические единицы с другими значениями родства (зять, невестка, свояк, свояченица, племянник, племянница, шурин, тетя и дядя) в разговорной и сленговой лексике сопоставляемых германских языков на данном этапе не обнаружены.

Термины родства, выражающие значение *родители мужа*, с одной стороны, и *родители жены* – с другой, встречаются лишь в немецком языке. Напротив, в разговорной и сленговой лексике английского языка аналогичные существительные не отмечены, хотя в стандартном (литературном) языке они встречаются.

Степень продуктивности смысловых групп ТР (1-16) в германских языках не совпадает.

В английском языке отмечено уменьшение продуктивности анализируемых ТГ в таком порядке:

- 1) ребенок (дети); 2) жена, 3) мать, 4) отец, 5) родители, 6) муж, 7) сын, 8) бабушка, 9) дедушка, 10) брат, 11) дочь, 12) сестра, 13) кузен.

В немецком языке количественный набор смысловых групп ТР шире (16 групп), чем в английском языке (13 групп), а снижение продуктивности данных групп происходит в иной последовательности:

- 1) жена, 2) муж, 3) отец, 4) мать, 5) родители, 6) ребенок (дети), 7) сын, 8) брат, 9) дочь, 10) дедушка, 11) бабушка, 12) сестра, 13) свекровь и теща, 14) братья и сестры, 15) кузен, 16) свекор и тесть.

В обоих сопоставляемых языках выявлены лексемы, которые используются одновременно для обозначения нескольких видов родственных отношений. Так, в английском языке словосочетание *old girl* употребляется для обозначения как матери, так и жены; аналогично в немецком языке существительное *die Gewalt* номинирует, с одной стороны, мать, а с другой – отца.

Наличие в обоих языках лексических единиц, номинирующих одновременно разные лица, находящиеся в различных родственных отношениях, свидетельствует, в частности, о развитии полисемии в этих сравниваемых языках.

В гендерном отношении в исследуемой лексике выявлены ТР, выражающие женский пол (англ. *rib* 'жена', аналогично нем. *der Dampfer*), которые количественно доминируют над маскулинными ТР (англ. *bra* 'брат', нем. *der Süßer* 'муж').

В сопоставляемых языках отмечены также случаи, когда ТР не выражают ни женский, ни мужской пол (т.н. нейтральные ТР с собирательным значением), ср.: англ. *olds* 'родители', нем. *die Minis* 'дети').

С точки зрения оценочного отношения говорящего к объекту номинации (оценочное значение) все ТР распадаются на 2 группы: ТР с позитивной оценкой и ТР с негативной оценкой [4].

Как известно, коннотация включает дополнительные семантические или стилистические элементы, устойчиво связанные с основным значением в сознании носителей языка. Она предназначена для выражения эмоциональных или оценочных оттенков высказывания и отображает культурные традиции общества. Коннотации представляют собой разновидность прагматической информации, отражающей не сами предметы и явления, а определенное отношение к ним. Как показывают результаты настоящего исследования, среди ТР немецкого и английского языков преобладают ТР с негативной окраской, особенно в семантических группах ТР со значениями 'родители', 'муж', 'жена'. Данные факты объясняются в частности тем, что в семье основными (главными) участниками выступают муж, жена и дети, а возникающие в семье недопонимание, разногласия и конфликты чаще всего происходят между мужем и женой либо между родителями и детьми.

В английском и немецком языках встречаются ТР с ярко выраженной негативной оценкой, ср.: англ. *catch colt* (букв. 'пойманный жеребенок') 'незаконнорожденный ребенок', *jo de la chingada* (букв. 'сукин сын') 'ребенок, мать которого изнасиловали'; нем. *Schwonkel* 'брат-гомосексуалист отца или матери', *Rabeneltern* 'жестокое родители'. В обоих германских языках отмечены также негативные номинации с оттенком иронии, ср.: англ. *milksucker* (букв. 'тот, кто сосет молоко') 'ребенок'; нем. *der Pissblage* (букв. 'писающий озорник') 'ребенок'. Позитивно окрашенные ТР в сравниваемых языках не получили широкого распространения. Как правило, они образуются при помощи уменьшительно-ласкательных суффиксов: *-y-*, *-ie-* в английском языке (*pikkie* 'ребенок', *sweetie* 'жена'); *-chen-*, *-lein-* в немецком (*das Schätzchen* 'муж', *das Papsilein* 'отец'), либо в результате метафорических или метонимических переносов, ср.: англ. *tiny* 'ребенок'; нем. *der Hase* ('букв. заяц') 'муж'. Количественное преобладание в обоих языках негативных ТР можно объяснить тем, что человек психически (эмоционально и вербально) быстрее реагирует на отрицательные явления, факты, события, происходящие в семье, а также на отрицательные черты в характере, поведении членов семьи, что в свою очередь приводит к их активному закреплению в словарном составе языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Басыров, Ш. Р. Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в типологическом освещении / Ш. Р. Басыров. – Донецк: изд-во «Ноулидж» (Донецк. отд.), 2014. – 562 с.
2. Николаева, Л. Б. Типология термінів спорідненості (Типологічні, зіставні, діахронічні дослідження / Л. Б. Ніколаєва. – Т. 3. – Донецьк: ДонНУ, 2005. – 255 с.
3. Дзібель, Г. В. Феномен родства / Г. В. Дзібель // Алгебра родства. – СПб. : МАЭ РАН, 2001. – Вып. 6. – 469 с.
4. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1986. – 143 с.

Т. А. Пивоварчик (Гродно, Беларусь)

СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ И БЕЛОРУССКИХ ФОРМУЛ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА

В формулах речевого этикета закреплены национально-культурные представления о социально одобряемой модели поведения, предписанной участнику ситуации его ролью, о правилах выбора того или иного языкового средства для экспликации этой роли в речевом высказывании. Сопоставительные исследования в русле прагматики являются актуальными для современной лингвистики.

Сопоставительная прагматика позволяет выявлять сходства и различия в средствах, избираемых носителями разных языков для реализации одних и тех же типовых коммуникативных задач в сходных ситуациях общения. При этом межъязыковыми прагматическими эквивалентами становятся разнооформленные с точки зрения лексики и грамматики высказывания или образующие их единицы, которым свойственны однотипные интенциональные, коннотативные, перлокутивные характеристики. Условием сопоставления выступает идентичность речевых актов и параметров коммуникативной ситуации, социальные и историко-культурные параллели.

Семантико-прагматический потенциал формул речевого этикета связан, в том числе, и с особенностями реализации в них синтаксических категорий субъекта, а также с иерархией актантных позиций в субъектно-предикатной структуре высказывания.

Так, в формулах благодарности – рус. *Мне хочется выразить вам благодарность* и бел. *Мне хочацца выказаць вам падзяку* – форма дательного падежа, обозначающая субъекта произвольного действия-состояния, ведет к снижению активной роли адресанта в ситуации, его «способности», «намеренности» влиять на развитие ситуации и на ответную реакцию адресата. Формулы такого типа распространены в русском официальном дискурсе, но почти совсем не характерны для белорусского речевого общения.

В русской формуле *У меня есть к вам просьба* значение прямой субъектности уступает место опосредованной характеристике субъекта с оттенками possessивности и состояния, вследствие чего снижается «активность» адресанта. Снижение «активности», ослабление значения субъектности означает понижение коммуникативного ранга адресанта в пользу адресата и создает впечатление повышенной вежливости.

В белорусском общении активнее используется конструкция с субстантивной номинацией речевого действия адресанта «глагол *мець* + существительное со значением речевого действия»: *Вось я да яснага пана маю просьбу* (В. Дунін-Марцінкевіч); *Мы маем прапанову да Вас*. Таким образом, прагматическими эквивалентами являются русская модель «у меня (есть) + субстантив речевого действия»: *У меня к вам просьба...* и белорусская «я маю + субстантив».

В русских и белорусских формулах благодарности (высокой тональности, официальных) синтаксема, указывающая на адресата, чаще всего находится в препозиции к слову, называющему речевое действие. В русских формулах с глаголом *благодарить* или его производными почти обязательно присутствует указание на предмет благодарности, то есть акцент делается на тематический компонент ситуации, а в белорусских больше внимания уделяется чувствам говорящего, то есть актуализируется эмотивный компонент ситуационного взаимодействия: рус. *Очень вам благодарен за отсрочку* (М. Горький); *Заранее приношу Вам благодарность за фотографии*; бел. *Я вам вельмі ўдзячны* (Л. Арабей); *Мы вам надзвычай абавязаны* [1, с. 39].

Отмечено, что в белорусских формулах приветствия адресатность реализуется в большей степени, чем в русских, что проявляется в замещенности в высказывании синтаксической позиции адресата: а) личным местоимением: бел. *Добрага рання вам, Уладзімір Андрэевіч!* (А. Макаёнак); *Здароў, здароў табе, маўклівы таварышу!* (М. Гарэцкі); *Здароў цябе, дзявчыночка!*; *Здрастуйця вам!* [2, с. 412]; б) существительным: *Дабрыдзень пану* (В. Дунін-Марцінкевіч); в) предложно-падежной конструкцией со значением направленности (в том числе в сочетании с местоимением или существительным) *Дзень добры ў хату!* (З. Бядуля); *Добры дзень тату ў хату!* (М. Гарэцкі).

Эта особенность белорусского речевого поведения видна и во включении адресатного *вам* в заимствованные русские формулы, где адресатная позиция в норме является нулевой, в результате чего разрушается официальная строгость формулы, появляется оттенок иронии: *Здравія жалаю вам, гаспада народныя выбарныя!* [3]. Благодаря экспликации адресатного прагматического значения «приветствие передается адресату как некая субстанция, вещь» [4, с. 25]. Ср. рус. *Доброе утро!*; *Добрый вечер!* и бел. *Дабрай раніцы вам!*; *Добрага вам вечара!*

Форма дат. п. *тебе/вам* регулярно используется в прощаниях-пожеланиях, представляющих собой неполную конструкцию, в которой сохранилось только словосочетание «прилаг. + сущ. в род. п.», обозначающее предмет желаний, т.е. формирующее в высказывании область адресата: бел. *Прыемных вам сноў* (Я. Васілёнак); *Шчаслівай вам дарогі* (І. Аношкін); *Добрае вам пуці!* [5, с. 180]; *Шчасліва вам заставацца* (Р. Баравікова). *Вам* усиливает адре-

сатность формулы (особенно в контексте отсутствия компонентов, которые должны указывать на адресанта), ср.: *Прыемных вам сноў! – Я зычу вам прыемных сноў.*

Оттенками адресатного значения различаются русские и белорусские тостовые формулы. В русских формулах адресатное значение представлено синтаксемой с предлогом *за* (*Пью за тебя / вас!*). В синтаксеме «за + вин. п.» обозначение лица как объекта действия сопровождается одновременной коннотацией позитивной оценки, поддержки, одобрения адресата (ср.: *Пью против тебя!*).

В белорусском языке используются также предлоги *на, да*: *П'ю за цябе / на цябе / да цябе!*. В синтаксеме «на + вин. п.» лицо обозначается как объект направленного каузативного воздействия (здесь можно усмотреть элемент магического заговора): *Агатка, п'ю на цябе поўным кубкам, шчырым сэрцам, добрым здароўем. Што мыслю сабе, то і табе!* [5, с. 77]. В синтаксемах с предлогами *за, на* лексема может обозначать лицо, предмет, событие, качество и т.д.: бел. *За ваи, дзеткі, непарушны саюз!*; *Ну, вып'ем, Даніла, на пагібель ворага* (К. Каганец); *На злосць ворагу! На здароўе нам, на злосць варагам, на безгалоўе вялікім панам і тым бесавым сынам, што завідуюць нам* [1, с. 354].

Синтаксема «да + род. п.» используется только для обозначения лица как объекта целенаправленного действия, что связано с одновременной ритуальной передачей по кругу кубка: *Да цябе не п'юць, не кажы дзякуй* [1, с. 338]; *Зяценька! П'ю да цябе поўным кубкам, добрым здароўем* [6, с. 107]; *Базыль да нас быў ніць гатовы* (Я. Лучына).

Таким образом, соотношение актантных позиций и их заполнение, понижение / повышение актантного ранга в формуле речевого этикета связаны с определенными прагматическими эффектами и могут иметь национально-специфичный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / Склад. Ф. Янкоўскі. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992. – 491 с.
2. Карский, Е. Ф. Белорусы. Язык белорусского народа / Е. Ф. Карский. – Вып. 2–3. – М.: изд-во АН СССР, 1956. – 684 с.
3. *Марцін з-за рэчкі*. Званар / *Марцін з-за рэчкі* // Наша Ніва. – 1907. – № 2. – С. 5, 188.
4. *Конюшкевич, М. И.* Белорусско-русско-польские коммуникативные стереотипы (этно- и социолингвистические аспекты) / М. И. Конюшкевич // *Socjolingwistyczne aspekty funkcjonowania języka* / Pod redakcją K. Wojtczuk. – Siedlce, 2000. – S.17–28.
5. *Выслоўі* / [Склад., сістэматызацыя тэкстаў, уступ. артыкул і камент. М. Я. Грынבלата. рэд. тома А. С. Фядосік]. – Мінск: Навука і тэхніка, 1979. – 520 с.
6. *Вяселле: Абрад* / [Уклад., уступ. артыкул і камент. К. А. Цвіркі; рэд. тома В. К. Бандарчык, А. С. Фядосік]. – Мінск: Навука і тэхніка, 1978. – 640 с.

ПРОБЛЕМЫ КОНФЕССИОНАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКА РЕЛИГИОЗНОЙ СФЕРЫ
(на материале немецкого языка)*

Современный немецкий религиозный дискурс характеризуется гетерогенной структурой, обусловленной внешними и внутренними факторами. По данным Епископальной конференции Германии, Евангелической церкви Германии и Религиоведческого информационного центра в стране в настоящее время (данные по ведущим религиям приводятся за 2014 г., по остальным религиозным группам и течениям за 2005–2014 гг.) проживает почти 24 млн католиков (29,5 % от общего количества населения). Среди приверженцев евангелической традиции 22,6 млн протестантов (27,9 %), 350 тыс. представителей Новоапостольской церкви, 418 тыс. баптистов и менонитов и др. Среди 1,53 млн представителей православных, восточных и униатских церквей ведущее место занимают представители Константинопольской, Румынской, Сербской, Русской и Болгарской православных церквей.

Ислам в Германии представлен 4 млн мусульман различного происхождения и толка, в стране насчитывается около 200 тыс. иудеев, индуизм представляют (по разным подсчетам) 90–100 тыс. последователей, в том числе приверженцев новых религиозных течений. В стране насчитывается около 270 тыс. буддистов, в том числе из Вьетнама (60 тыс.), Таиланда (40 тыс.) и других стран. По разным оценкам в стране также насчитывается около 2–2,5 млн представителей других (альтернативных) религиозных групп и течений, в том числе сектантов, организованных атеистов и людей, не исповедующих никакой религии.

Идея рассмотрения внутррелигиозных процессов в их взаимосвязи с политическими, культурными, языковыми изменениями опирается на общественные процессы конфессионализации (*Konfessionalisierung, Konfessionsbildung*) и секуляризации Германии в XVI–XVII вв. Конфессиональный фактор влияет существенным образом на жизнь немцев вплоть до эпохи Просвещения [1; 2], в том числе на их бытовой язык. Достаточно вспомнить о таких конфессионализмах, как окончание *-e* у существительных женского рода (*das lutherische -e*), начальные прописные буквы у существительных в лютеранских изданиях Библии, наличие лексических конфессионализмов (*Kommunion – Abendmahl – Nachtmal; Glaube in Gott – Glaube an Gott*), различные традиции написания библейских имен собственных (*Genesareth – Genezareth; Golgotha – Golphatha; Sabaoth – Zebaoth; Sion – Zion*). Это влияние в некоторых направлениях продолжается до настоящего времени.

Этноконфессиональная специфика немецкого религиозного дискурса заключается в его неоднородности: христианство представлено в Германии тремя основными деноминациями – католичеством, протестантизмом и православием. В этих конфессиональных средах по-разному складывалась история появления переводов Священного Писания на немецкий язык и

---

* Работа выполнена в рамках реализации государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации, проект 1321 «Современный религиозный дискурс: структура и стратегии развития»

последующая вариативность сакральных текстов. Немецкий язык как единственный язык для сакральной и профанной сфер коммуникации имеет тенденцию к варьированию, он реализует широкий спектр контекстуально обусловленных и сакрально маркированных лексических синонимов, словоформ, морфологических вариантов, синтаксических структур и текстовых форм.

Существенным образом на вариативность влияет также многоязычие конкретной церкви. Например, на сегодняшний день в приходах Русской православной церкви в Германии на богослужении используются церковнославянский, русский, греческий, сербский, грузинский и немецкий языки. Редко встречаются общины, где богослужения проводятся только на одном из перечисленных языков. В большей части православных общин Германии и Австрии немецкий язык используется в качестве вспомогательного богослужебного языка по отношению к церковнославянскому. Использование других языков обусловлено социолингвистическими факторами.

Одни и те же тексты Священного Писания в различных переводных версиях имеют конфессиональную маркированность и, как следствие, ограниченность сферы употребления. Для немецкоязычного религиозного дискурса характерно также наличие конфессионально окрашенных типов текста в богослужебной и проповеднической сферах. В культурном и религиозном пространстве Германии одни и те же тексты могут выполнять различные функции, выступать носителями своеобразной культурной, национально и конфессионально маркированной информации. Важно отметить, что «религиозный язык может выступать в роли парадигматизатора межконфессиональных влияний и изменений» [3, с. 127].

Религия и язык, будучи важными элементами конструирования культурной идентичности, под воздействием процессов секуляризации способны изменяться, детерриториализация конфессии (например, функционирование конфессии в условиях или в административных границах иноконфессионального большинства) способна привести со временем к деконфессионализации языка [4]. Причем этот процесс является многоуровневым, в условиях секуляризации деконфессионализация может коснуться не только языка конфессионального меньшинства, но и окружающего его или контактирующего с ним большинства, деконфессионализация языка меньшинства сама по себе способна повлиять на конфессиональную «устойчивость» языка большинства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Macha, J. Der konfessionelle Faktor in der deutschen Sprachgeschichte der Frühen Neuzeit / J. Macha. – Würzburg: Ergon-Verlag, 2014. – 240 S.
2. Macha, J. Konfession und Sprache in der Frühen Neuzeit. Interdisziplinäre Perspektiven / J. Macha, A.-M. Balbach, S. Horstkamp (Hg.). – Münster: Waxmann Verlag, 2012. – 245 S.
3. Плисов, Е. В. Немецкий религиозный текст в условиях поликонфессиональности / Е. В. Плисов. – Нижний Новгород : НИУ РАНХиГС, 2013. – 160 с.
4. Плисов, Е. В. Язык и религия в проблемном поле германистики: научные мероприятия и направления поиска / Е. В. Плисов, Ю. Н. Зинцова // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. – 2013. – № 23. – С. 164–168.

**МЕТРОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА
КАК ФРАГМЕНТ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА
В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ**
(на материале немецкого и украинского языков)

В современной лингвистике находят отражение проблемы метрологии – науки о мерах и весе. Исследование метрологической лексики (далее – МЛ) осуществлялось учеными на материале разных языков: английского (С. А. Швачко), башкирского (Х. З. Абдрахимов), белорусского (А. М. Сементовский, К. В. Скурат, Е. К. Юревич, Е. И. Янович), бурятского (Д. Д. Дондокова), голландского (К. М. Zevenboom), грузинского (Г. И. Джапаридзе), датского (N. E. Nörlund), казахского (Е. Н. Жанпеисов), киргизского (С. М. Абрамзон), латышского (Я. К. Земзарис), литовского (З. П. Даунене), монгольского (Ч. Содном), немецкого (А. Brachner, H. Witthöft, H. Minow, W. Trapp, H.-D. Haustein), польского (J. Szewczyk, E. Stamm), русского (О. И. Каменцева, И. И. Кауфман, Г. В. Лебединская, А. И. Никитский, Ф. И. Петрушевский, Д. И. Прозоровский, Б. А. Рыбаков, Л. В. Черепнин, Н. А. Шостьин), таджикского (Х. А. Каюмова), украинского (В. О. Винник, Н. О. Герасименко, В. Гнатюк, И. О. Дзензелівський, І. В. Єрофієв, Я. Д. Ісаєвич, А. Лобко, О. З. Неселовський, М. Л. Худаш), чешского (А. Sedláček), шведского (А. А. Сванидзе) и др.

Объектом исследования, представленного в данной работе, выступает языковая картина мира (далее – ЯКМ) в сопоставительном аспекте на материале немецкого и украинского языков.

Целью исследования является установление общих и дифференциальных черт ЯКМ в системе метрологической лексики сравниваемых языков. Материалом послужили результаты сплошной выборки из словарей «Duden. Deutsches Universalwörterbuch» и «Великий тлумачний словник сучасної української мови», а также текстов художественных произведений немецких и украинских писателей второй половины XX – начала XXI в. общим объемом 10000 страниц.

Согласно Н. Ю. Шведовой, под языковой картиной мира подразумевается «выработанное многовековым опытом народа и осуществляемое средствами языковых номинаций изображение всего существующего как целостного и многочастного мира в своем строении и осмысляемых языком связях своих частей, представляющего, во-первых, человека, его материальную и духовную жизнедеятельность и, во-вторых, все то, что его окружает: пространство и время, живую и неживую природу, область созданных человеком миров и социум» [1, с. 15].

Исследование ЯКМ осуществляли Ю. Д. Апресян, Л. Вайсгербер, В. фон Гумбольдт, Анна А. Зализняк, Г. В. Колшанский, Е. С. Кубрякова, И. Б. Левонтина, А. Ф. Лосев, М. В. Пименова, З. Д. Попова, А. А. Потенба, Б. А. Серебренников, Ю. С. Степанов, И. А. Стернин, В. Н. Телия, Н. В. Черемисина, Н. Л. Чулкина, А. Д. Шмелев и др.

ЯКМ, которая противопоставляется научной и носит при этом «донаучный» характер, Ю. Д. Апресян называет «наивной» [2, с. 57]. Человек с незапамятных времен соприкасался с измерениями. Существование таких лексических единиц обусловлено необходимостью наименования разных мер еще задолго до введения метрической системы. Поэтому единицами измерения часто служили орудия труда, которые непосредственно окружали человека, отражали род его занятий, а также были связаны с производительной деятельностью и являлись актуальными в определенные исторические периоды. В наивной ЯКМ дометрического периода исследуемых языков представлены лексемы со значением вторичной номинации. Мерными единицами тогда служили:

1) части тела (соматизмы), напр.: нем. *Elle* ‘frühere Längeneinheit (etwa 55–85 cm)’; *локоть* ‘древняя единица длины (около 55–85 см)’; укр. *лікоть* ‘старовинна міра довжини, приблизно у півметра’, *локоть* ‘старинная мера длины, приблизительно в полметра’;

2) предметы быта (артефакты), напр.: нем. *Scheffel* ‘altes Hohlmaß von unterschiedlicher Größe (etwa zwischen 50 und 222 l), besonders für Getreide’; *шеффель* ‘старая мера объема разной величины (приблизительно от 50 до 222 л), в особенности для зерна’; укр. *відро* ‘міра, що дорівнює вмісту відра (близько 12 літрів)’, *ведро* ‘мера, равная объему ведра (около 12 литров)’;

3) физические действия человека, ср.: нем. *Schritt* ‘Maß, das ungefähr die Länge eines Schrittes hat’; *шаг* ‘мера, приблизительно равная длине шага’; укр. *крок* ‘відстань (приблизно 70–75 сантиметрів) між стопами ніг під час ходіння як міра довжини’; *шаг* ‘расстояние (приблизительно 70–75 сантиметров) между стопами ног во время ходьбы как мера длины’.

ЯКМ отображает восприятие окружающей действительности разными носителями языка с учетом их исторических, национально-культурологических и социальных особенностей. При этом речь идет о национальной языковой картине мира (далее – НЯКМ). По мнению И. А. Чернышенко, существует такое количество НЯКМ, сколько существует языков [3, с. 158]. К примеру, В. А. Дмитриев, исследуя традиционную метрологию народов Северного Кавказа, объясняет меры этого региона таким экстралингвистическим фактором, как географическое положение страны, а именно: в условиях горной местности роль глазомерных приемов была ограничена, поэтому полностью отсутствуют меры, связанные с разрешающей способностью глаза и пластичностью зрения, вместо этого развивается измерение по звуку. Исходной мерой берется расстояние, на котором слышен голос человека [4, с. 8].

Национально-специфическими являются такие лексические единицы, как нем. *Lot* ‘(veraltet) kleine Gewichtseinheit’, *лот* ‘(устар.) маленькая мера веса’; укр. *мажа* ‘міра ваги чи об'єму, що дорівнює місткості одного чумацького воза’, *мажа* ‘мера веса или объема, равная вместимости одного чумацкого воза’.

Наряду с общими чертами, присущими ЯКМ в системе МЛ в немецком и украинском языках, существуют и отличия:

1) одна лексема немецкого языка передается описательно (многословно) в украинском. В немецком языке имена прилагательные-композиции, первый компонент которых обозначает единицу измерения или меру, соответствуют словосочетаниям «наречие + предлог + имя существительное-метроним» в украинском. Примерами служат: нем. *ellenlang* ‘длиной в локоть’; укр. *завдовжки з лікоть* ‘длиной в локоть’;

2) отсутствие некоторых лексических единиц в системе МЛ для наименования одного и того же объекта в одном из исследуемых языков, напр.: укр. *вершок* ‘міра довжини, що дорівнює 4,4 см і застосовувалася в Україні та Росії до запровадження метричної системи мір’, *вершок* ‘мера длины, которая равна 4,4 см и применялась на Україні и в России до введения метрической системы мер’.

В результате проведенного исследования были установлены общие и дифференциальные черты ЯКМ в системе МЛ, обозначены лексемы НЯКМ немецкого и украинского языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шведова, Н. Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» / Н. Ю. Шведова // Вопросы языкознания. – 1999. – № 1. – С. 3–16.
2. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – М.: Наука, 1974. – 347 с.
3. Чернищенко, І. А. Фактори формування національних мовних картин світу / І. А. Чернищенко // Вісник Житомирського державного університету ім. І. Франка – 2007. – № 32. – С. 158–162.
4. Дмитриев, В. А. Традиционная метрология народов Северного Кавказа : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07 / В. А. Дмитриев. – М., 1987. – 23 с.

Е. И. Романовская (Минск, Беларусь)

БЕЛОРУСЫ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВОСТОЧНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Ассоциативный эксперимент был проведен в 2013 г. среди китайских студентов, магистрантов, аспирантов Белорусского государственного университета культуры и искусств. Испытуемым предлагалось зафиксировать спонтанные реакции на слово-стимул *белорусы*. В эксперименте участвовали 110 человек.

Идея анкетирования китайских учащихся связана с тем, что они, оказавшись в другой культурно-языковой среде, должны определить свою позицию в системе ценностей, культурном пространстве, которое осваивается ими. Китайские слушатели осознают особенности своей национальной культуры, социального поведения, менталитета, которые отличают их от коренных жителей Беларуси. Все это позволяет видеть в иностранных студентах информантов, которые могут предоставить интересные сведения для изучения концептуальной сферы современных белорусов.

Задача исследования была определена следующим образом: экспериментальным путем выявить стереотипные представления о белорусах в сознании носителей современной китайской культуры. Под стереотипом понимается схематичный и односторонний «образ в голове человека» какого-либо явления, человека, вещи [1, с. 159]. Исследователь У. Липпман приписывал стереотипам функцию экономии познавательных усилий и приспособления личности к социальной среде [Там же]. Различают социальные автостереотипы (представления о своей группе) и гетеростереотипы (представления о других группах) [2]. Наше исследование посвящено гетеростереотипам.

Как же воспринимают белорусов представители восточной культуры? В результате эксперимента было получено 605 реакций. Большинство реакций респондентов представляют собой оценочные суждения, характеризующие внешние и внутренние качества белорусов. Самыми частотными реакциями среди опрошенных респондентов выявлены следующие: *добрый* (30 – количество реакций), *красивый* (27).

В ответах китайских слушателей высокой частотностью выделяется семантическая группа, связанная с внешними качествами белорусов. Прежде всего это – *красота: красивый* (27), *красивая девушка* (20). Видим частотные реакции, указывающие на внешнюю красоту белорусских девушек. Далее китайские респонденты обращают внимание на то, что славяне внешне отличаются от представителей восточной культуры ростом: *высокий* (16), *высокая девушка* (1), *высокий рост* (1), *рост* (1), *длинные ноги* (6), формой носа – *высокий нос* (2).

Внешняя непохожесть белорусов на китайцев проявлена в цвете кожи: *белая кожа* (11), *белый* (7), *белое лицо* (1); цвете волос: *светлые волосы* (9), *белые волосы* (1); цвете глаз: *голубые глаза* (7), *светлые глаза* (1). Белорусы в глазах китайцев обладают здоровым телом: *крепкий* (2), *крепкое тело* (1), *здоровые* (2), *сильные люди* (1), *сексуальные* (2).

Внутренние качества белорусов отмечены положительной оценкой. Самыми частотными оказались реакции *добрый* (30), *умный* (11), *серьезный* (10).

Среди качеств характера отмечены открытость, честность, щедрость: *сердечный* (8), *душа* (1), *щедрый* (2), *открытый* (3), *правдивые* (1), *прямодушный* (5), *честный* (3), *искренний* (1).

В глазах представителей восточной лингвокультуры белорусы спокойные и скромные: *спокойный* (3), *тихий* (2), *скромные* (2). Но в то же время единичные реакции показывают, что белорусы ярче проявляют свои чувства по сравнению с китайскими учащимися: *темпераментный характер* (3), *глубокие чувства* (1), *пылкий* (1), *горячий* (1), *страстный* (1). Единичные ответы респондентов указывают на то, что белорусы смелые и храбрые: *смелый* (4), *героический* (2), *безбоязненный* (1), *мужественный* (1), *храбрый* (1).

В представлениях китайских учащихся белорусы серьезно относятся к жизни и окружающему миру – *серьезные* (10). Но также белорусам присуще чувство юмора, они любят смеяться: *веселый* (4), *жизнерадостный* (3), *юморист* (3), *оптимистичный* (2). Среди интеллектуальных качеств белорусов отмечен ум и способности: *умный* (11), *ученый* (1).

Если говорить об отрицательных качествах характера белорусов, то в ответах единичных реакций присутствует завышенная самооценка и повышенная эмоциональность: *самоуверенный* (1), *раздражение* (1).

В ответах иностранных слушателей выделяются реакции, характеризующие образ белоруса в повседневной жизни: *хороший* (7), *простой* (4), *любят мир* (2). По отношению к труду присутствует трудолюбие и старательность: *добросовестный* (4), *активный* (4), *старательный* (3), *трудолюбивый* (3), *усердный труд* (2), *прилежный* (1), *упорный* (1), *занятый* (1).

Бытовой образ белорусов характеризуют отрицательные оценки. Единичные реакции респондентов указывают на лень: *ленивые* (1); имеют привычки, являющиеся отклонением от нормы, так как белорусы увлекаются алкоголем: *увлекаются вином* (1), *пить вино* (1), *пить пиво* (1).

Если говорить о социальном аспекте образа белорусов, то самыми частотными прослеживаются реакции, показывающие дружелюбие белорусов: *дружный* (8), *дружелюбный* (5), *дружественный* (3), *общительный* (3), *дружба* (2). В единичных реакциях отмечено, что белорусы *необычные друзья* (1), подчеркнута положительная оценка в общении с ними: *дорогой* (1), *любимый* (1), *уважаемый* (1). Также представители восточной лингвокультуры указывают на независимость и принципиальность белорусов: *независимость* (2), *принципиальный* (2), *свободный* (1). По отношению к культуре обозначена принадлежность к другой культуре и высокий уровень культуры: *культурный* (6), *цивилизация* (1), *другая культура* (1).

Среди ответов респондентов выделяется группа слов, имеющая отношение к природе. В этой группе самыми частотными оказались ответы, связанные с климатическими условиями в Беларуси: *холодно* (6), *снег* (4). Опрошенные респонденты отмечают красоту белорусской природы: *красивый пейзаж* (1), *красивая река* (1), *красивое дерево* (1), *красивый город* (1); чистоту окружающей среды: *чистый воздух* (2), *чистый город* (2), *чистый проспект* (2).

Белорусы ассоциируются с территорией. Для китайских учащихся Беларусь – это *маленькая страна* (2), которая называется *СССР* (1), *Белорусская социалистическая республика* (1). Некоторые респонденты не разграничивают Беларусь и Россию, для них это одна страна: *Россия* (3). В ответах испытуемых указаны города: *Минск* (3), *Гродно* (1); улицы и площади: *площадь* (2), *площадь Победы* (2). Среди памятников архитектуры отмечены необычные здания для представителей другой лингвокультуры – это *храм* (7), *церковь* (2), *экзотические здания* (1).

В ответах испытуемых можно выделить группу слов, относящуюся к искусству: *балет* (7), *театр* (7), *искусство* (6), *музыка* (4), *опера* (2); дается положительная оценка искусства: *выразительная музыка* (1), *прекрасный балет* (1). Возможно, данные ответы связаны с профессиональной деятельностью учащихся, которые обучаются в Белорусском государственном университете культуры и искусств.

Таким образом, были выделены следующие семантические группы слов, попадающих в ассоциативное поле «Белорусы»: психологические качества, бытовые качества, физические характеристики, природа, территория, искусство.

Интересно сравнить автостереотипы и гетеростереотипы о белорусах. Автостереотипы и гетеростереотипы не совсем совпадают. В статье Т. В. Балущ, посвященной исследованию автостереотипов, приводятся следующие данные: *белорусы – гостеприимство* (63), *доброжелательность* (62), *трудолюбие* (41), *толерантность* (31), *отзывчивость* (19), *терпеливость* (11), *миролюбие* (11), *патриотизм* (9), *спокойствие* (8), *великодушие* (7), *веселый* (7), *честность* (6), *щедрость* (5) [3, с. 43]. В нашем исследовании гетеростереотипы на слово-стимул *белорусы – добрый* (30), *сердечный* (8), *приветливый* (5), *веселый* (4), *добросовестный* (4), *жизнерадостный* (3), *спокойный* (3), *благожелательный* (2), *терпеливый* (2), *тихий* (2).

Отметим, что социально-психологический портрет белоруса имеет общие черты: это доброта, великодушие, спокойствие, терпеливость, веселье, трудолюбие. Однако наше исследование показало, что представители восточной лингвокультуры смотрят на белорусов другими глазами: отмечают внешнюю непохожесть белорусов – *белая кожа, высокий рост, красивые; чистоту и красоту природы – красивый пейзаж, красивый город; принадлежность к другой культуре: непохожесть архитектуры – экзотические здания; уникальность искусства – выразительная музыка, прекрасный балет.*

Таким образом, человек познает и осваивает мир, создает определенную модель мира, которая представляет собой интерпретацию и проекцию действительности. Интерпретация образа белорусов представителями восточной лингвокультуры реализуется в рамках некой познавательной модели, которая включает в себя субъективную точку зрения. Наш эксперимент подтвердил гипотезу Сепира–Уорфа о том, что люди смотрят на мир сквозь призму своего родного языка. Восприятие, оценка чужих людей, представителей западной культуры, происходит сквозь стереотипы восточной культуры. Изучение автостереотипов и гетеростереотипов важно при межкультурной коммуникации. Данные эксперимента помогают лучше понять представителей другой лингвокультуры, выявить особенности их мировоззрения и миропонимания, мироощущения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бартминский, Е.* Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / Е. Бартминский. – М. : Индрик, 2005. – 528 с.
2. Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – СПб. : Прайм-Еврознак; М. : Олма-пресс, 2003. – 666 с.
3. *Балуш, Т. В.* Белорусы глазами студентов БГПУ / Т. В. Балущ // Национально-культурный компонент в тексте и языке : материалы IV междунар. науч. конф., Минск, 3–5 декабря 2009 г. : в 2 ч. / редкол.: Н. П. Баранова, А. М. Горлатов, С. М. Прохорова (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2009. – Ч. 2. – С. 42–44.

МОДАЛЬНО-СМЫСЛОВАЯ СТРУКТУРА
ПОЛИТИЧЕСКОГО КОММЕНТАРИЯ
(на материале немецкого языка)

Задачей политического комментария является в целом разъяснение точки зрения по определенному событию или группе событий. Как известно, ему присущ ряд важных характеристик, в том числе безусловная актуальность, представление собственной позиции автора и установка на формирование общественного мнения. В соответствии с целевой установкой в политическом комментарии освещаются настоящие обстоятельства, осмысливаются и объясняются факты, дается анализ возможного их влияния на будущее развитие ситуации, выявляются причинно-следственные закономерности тех или иных событий, а также предлагаются решения или даются определенные предписания.

Внутренняя модально-смысловая структура текста комментария выстраивается соответственно таким образом, чтобы интенция автора нашла в нем свое оптимальное воплощение. Как правило, стиль изложения фактов в политическом комментарии отмечен рациональностью и серьезностью, что должно отвечать интеллектуальным ожиданиям реципиента. Для комментария характерно обобщенное представление фактов и всей ситуации с намеренно дистанцированной позицией автора, которая, тем не менее, определяет весь смысловой и модальный континуум.

Обязательными компонентами структуры аналитического комментария являются: представление положения дел, установление событийных связей с более широким контекстом, обоснование мнения и формирование мнения читателя посредством аргументации, далее следует заключительная часть с выводами, требованиями или призывом. Фактологическая информация подается в основном в объективно-нейтральной модальной тональности, что достигается за счет преимущественного употребления форм индикатива в генерализирующем значении. Доминантными являются модальность реальности и простой достоверности, субъективная же модальность комментария может варьироваться от эпистемической (эксплицитной или имплицитной), базирующейся на знании автора, до различных других оттенков уверенности или неуверенности.

Следует отметить, что аргументативная часть комментария, хотя и носит рационально-конструктивный характер, не исключает в ряде случаев ни экспрессии, ни иронии, ни других оттенков оценочности с целью фокусировки внимания адресата на коммуникативно значимых фрагментах информации. Аргументы нередко подаются в модально-ирреальном ключе (конъюнктив II), благодаря чему убеждение адресата достигается ненавязчиво и осторожно, путем предложения ему иной, альтернативной картины возможного развития тех или иных событий.

В заключительной части комментария значимость модального компонента все более возрастает, причем на передний план выдвигается деонтическая модальность со значением долженствования или некоторого предписания (модальные глаголы *müssen, sollen*).

Например:

Sie sind so bedroht wie lange nicht – die Werte des Westens. Nicht nur der Terrorismus bedroht diese Werte, sondern auch jene Abwehr des Terrors, in deren Namen ihre Geltung eingeschränkt wird. Dabei kommt es gerade jetzt darauf an, Werte der Freiheit zu leben (Neue Westfälische, 2015, 21./22. November).

В данном комментарии, посвященном ценностям свободного общества на фоне угрозы терроризма, ведущей является модальность реальности, выраженная глагольной формой индикатива, благодаря которой как подача фактов, так и мнение автора приобретают непреложно-достоверный характер. Во второй, прескриптивной части комментария явный упор делается на модальность деонтическую, выраженную модальным глаголом *müssen* и конструкцией *sein+zu+инфинитив* в значении долженствования, что указывает на необходимость определенных действий и усилий в сложившихся условиях современной политической ситуации.

„Wir müssen für die Freiheit planen und nicht für die Sicherheit, wenn auch vielleicht aus keinem anderen Grund als dem, dass nur die Freiheit die Sicherheit sichern kann“, ... „Nicht durch Beschränkung, sondern durch Erweiterung der Bürgerrechte ... ist republikanische Freiheit zu retten, ist der den Terrorismus nährenden Verzweiflung zu begegnen“ (Neue Westfälische, 2015, 21./22. November).

Политический комментарий в зависимости от темы и интенции автора может быть сильно субъективно сфокусированным, демонстрируя тем самым отношение к теме и убеждая адресата. Например, в комментарии на тему запрета для учителей мусульманской веры носить платок в школах Германии автором очень осторожно высказывается позиция по данному деликатному вопросу, что достигается, в том числе, с помощью соответствующих языковых модальных средств.

Die Gründe, die Baden-Württembergs CDU-Kultusministerin gegen das Kopftuch-Tragen im Schulunterricht vorbringt, sind nachvollziehbar. In der Tat müsste eine islamische Lehrerin bedenken, was ihr erfolgreiches Beharren auf dem Kopftuch bedeuten würde in unzähligen hier lebenden Familien, deren Töchter es schwer genug haben, sich gegen allzu orthodoxe und autoritäre Elternansprüche zu behaupten. Der deutsche Staat hätte Desintegration gefördert und mitgeholfen, Druck zu erzeugen. ...

Zudem: Der Sturm der Entrüstung, den ein Ja zum Kopftuch unweigerlich hervorgerufen hätte, wäre wenig willkommen gewesen im Vorfeld einer Bundestagswahl, bei der nicht auch noch aus der CDU-Hochburg Baden-Württemberg Sand ins Unionsgetriebe gestreut werden darf (Westdeutsche Zeitung, 13. September, 2008).

Представленный комментарий написан в основном в ирреально-модальном ключе, с привлечением форм сослагательного наклонения (конъюнктива II): *müsste bedenken, würde bedeuten, hätte gefördert und mitgeholfen, hätte hervorgerufen, wäre gewesen*. Посредством данных грамматических форм автором очерчивается иное, потенциально возможное развитие ситуации с негативными последствиями и тем самым как бы ненавязчиво, исподволь, апеллируя к интеллектуальному ресурсу адресата, происходит его убеждение в правильности постулируемой позиции.

Таким образом, модально-смысловая структура текста политического комментария, характеризуясь в целом довольно строгой упорядоченностью, допускает значительную субъективную модальную вариативность, согласно определенной авторской интенции убеждения адресата.

Р. В. Соловьёва (Минск, Беларусь)

ТЕМА-РЕМАТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ МОДИФИКАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ГАЗЕТНОМ ЗАГОЛОВКЕ

В настоящее время «больших скоростей», широкого спектра информационных возможностей печатная продукция вынуждена выдерживать жесткую конкурентную борьбу. Не только в рамках медиальной сферы, но и на страницах одного и того же издания борьба за читателя ощущается уже на уровне заглавия предлагаемых статей. В целом газетный заголовок выполняет те же функции, что и рекламный текст, по сути являясь одним из типов рекламы. Основная функция газетного заголовка, как и любого рекламного текста, персуазивная, призванная привлечь внимание и убедить прочесть предлагаемую информацию. Газетный заголовок, в отличие от рекламного текста, если таковой не является слоганом, несет на себе гораздо большую смысловую нагрузку, так как призван сообщить читателю в компримированном виде рассматриваемую в статье проблему. Такая задача требует виртуозного обращения с языковым материалом и знания законов коммуникации. Компримированное сообщение само по себе создает определенное напряжение (*psychologische Spannung nach Boost*): „*Spannung bedeutet ...einen Gefühlszustand, der eine Anteilnahme an einem Vorgang oder Zustand darstellt in der Erwartung einer Lösung...*“ [цит. по: 1, с. 256]. Являясь признанной основой языковой коммуникации, психологическое напряжение требует продолжения коммуникации, которое в данном случае происходит через содержание статьи. Письменная коммуникация, как и устная, предполагает наличие двух коммуникантов, которые, как указывал Бост, находятся в разных условиях: „*Die Spannung zwischen Sprecher und Hörer erwächst aus der verschiedenen Situation, in der sich beide befinden. Der Sprecher „weiß“, was er sagen will, der Hörer „weiß es noch nicht“*“ [Там же].

Исходя из этого автору газетной статьи необходимо в заглавии заинтриговать читателя, создать «коммуникативное поле напряжения», сообщив ему нечто «известное» и дав понять, что статья предлагает что-то «новое».

Заглавие газетной статьи предполагает соблюдение тема-рематических основ высказывания. В таком случае возникает вопрос о целесообразности использования в качестве газетного заголовка фразеологических единиц, поскольку они известны, устойчивы и воспроизводимы. Именно этот факт является основанием для модификации данных единиц. Например: „*Vom Rauche verweht*“* (Frankfurter Allgemeine, 19.09.13) – (в оригинале: *Vom Wind verweht*). В статье речь идет о возведении под Мадридом европейского Лас-Вегаса. Автор ставит под сомнение успех мероприятия, поскольку в Испании строго запрещено курение в общественных местах.

„*Auf Gedeih und Erwerb*“ (Frankfurter Allgemeine, 14.09.13) – (в оригинале: *auf Gedeih und Verderb*). Статья сообщает об исключении из сената Берлускони.

Использование фразеологизма предопределяет возникновение коммуникативного партнерства, так как, независимо от модификации, читатель воспринимает фразеологизм в аутентичном образе как целостную, известную не только автору, но и читателю, коммуникативную единицу. Фразеологизм является темой коммуникации.

Одновременно посредством внедрения во фразеологизм модификатора создается некое поле напряжения („*Spannungsfeld*“), которое и заставляет читателя искать истину в статье. Как справедливо замечает Бост, партнер коммуникации захочет узнать, какая информация кроется за словом-модификатором, являющимся рематическим стимулом. Модификатор в таком случае становится обобщенной ремой, сигнализирующей о проблеме, рассматриваемой в тексте.

Существует множество примеров модификации фразеологических единиц с указанной выше целью. Приведем лишь некоторые из них:

Оригинальный вариант	Модифицированный фразеологизм
Der Kenner genießt und schweigt.	Der Konsument genießt und schweigt.
Probieren geht über Studieren.	Kopieren geht über Studieren.
Die Vereinigten Staaten.	Die bereinigten Staaten.
Lug und Trug.	Flug und Trug.
Gut gemacht ist halb gewonnen.	Gut gefälscht ist halb erfolgreich.
Über allen Wipfeln ist Ruh.	Über allen Wipfeln ist Rauch.
Die Hoffnung stirbt zuletzt.	Die Gier stirbt zuletzt.

Интерес представляет высокий уровень компримирования содержания статьи с помощью лишь одной лексической единицы, выступающей в функции ремы. „*Wer ist der Sozialste im ganzen Land?*“ – „*Wer ist die schönste im ganzen Land?*“. Использование прецедентного текста как основы позволяет вызвать ассоциацию со сказкой, основная идея которой заключается

---

* Фразеологизмы рассматриваются автором в широком понимании: от фразеологических единств до прецедентных текстов.

в бесперспективности выяснения кто «суперлативнее», в случае отсутствия объективных оснований для этого. Модификатор *der Sozialste* адресует читателя к социальным проблемам, которые решаются в данном конкретном случае по сценарию соответствующей сказки.

Вместе с тем авторы используют и немодифицированные фразеологизмы. Таких примеров немного. Показателен заголовок статьи в газете „Frankfurter Allgemeine“ от 19.09.13 „Reise nach Jerusalem“, в которой речь идет о том, что некоторые министры потеряют свой пост так или иначе. Читатель хорошо знает популярную игру со стульями, в которой игроков больше, чем стульев, и проигравшие будут обязательно. Тема известна, интрига тоже, неизвестен лишь субъект/объект интриги, что и является ремой данной коммуникативной ситуации.

Таким образом, исследование показывает, что необходимость модификации фразеологических единиц в газетном заголовке диктуется универсальным законом коммуникации, в основе которого лежат тема-рематические отношения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Moskalskaja, O. I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache / O. I. Moskalskaja.* – М. : Издат. центр «Академия», 2004. – 352 с.

К. Д. Цулая (Донецк, Украина)

ПОЛИСЕМИЯ КОЛОРИЗМА *КРАСНЫЙ* В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

(на материале английского, немецкого, русского и украинского языков)

Семантика колоризмов неоднократно изучалась на материале различных языков [1], однако можно утверждать, что полисемия цветообозначений на материале английского, немецкого, русского и украинского языков не была предметом отдельного сопоставительного исследования. Необходимость создания системной модели исследования полисемии колоризмов в сопоставительном аспекте на материале обозначенных языков составляет актуальность данной работы.

Целью данной работы являются установление переносных значений прилагательных с основным значением красного цвета, выявление общих и отличительных признаков семантики этих лексических единиц в языках исследования.

Объектом исследования являются колоризмы с общим значением *красный цвет* в английском, немецком, русском и украинском языках.

Предметом данного исследования является полисемия лексем с общим значением *красный*, которые зафиксированы в лексикографических источниках языков исследования.

Эмпирический материал был получен из наиболее репрезентативных толковых словарей [2; 3]. Единицей исследования служит лексико-семантический вариант (ЛСВ) многозначных колоризмов *red* в английском, *rot* в немецком, *красный* в русском и *червоний* в украинском языке. Общее количество ЛСВ в английском, немецком, русском и украинском языках составило 25 единиц.

Анализ словарных дефиниций 4 исследуемых лексем позволил установить, что русская лексическая единица *красный* имеет наибольшее количество ЛСВ (7 ЛСВ). В английском, немецком, украинском языках лексемы с общим значением *красный* имеют одинаковое количество ЛСВ – 6.

В результате исследования в четырех языках были установлены следующие 9 ЛСВ колоризма *красный*:

1) рыжий (о цвете волос), 2) красный (о лице, злой, смущенный), 3) коммунистический, 4) красный (о глазах), 5) жестокий, кровавый, 6) красный (о вине), 7) красный от холода (уши, руки), 8) нечто хорошее, яркое, светлое, 9) красный – для обозначения наиболее ценных пород, сортов чего-нибудь.

Только 4 ЛСВ отмечены во всех языках исследования: 1) красный (о лице, злой, смущенный), 2) коммунистический, 3) красный (о глазах), 4) красный (о вине), например, англ. *his face turns red when he gets angry* ‘его лицо краснеет, когда он злится’, нем. *rote Literatur* ‘коммунистическая литература’, англ. *her eyes were red and swollen* ‘у нее были красные, опухшие глаза’, нем. *roter Wein* ‘красное вино’.

Ряд ЛСВ характерен только для некоторых языков: трех, двух или одного языка. Так, ЛСВ ‘красный от холода (уши, руки)’ отмечен в трех языках, но отсутствует в английском. Интересно, что в английском *be taken red-handed*, дословно ‘быть взятым с красными руками’, означает ‘быть пойманным на месте преступления, взятым с поличным’. Исследуемый колоризм означает ‘рыжий (о цвете волос)’ лишь в двух языках: немецком и английском, например, англ. *his hair was red или he is a redhead* ‘у него рыжие волосы, он рыжеволосый’. Русский и украинский языки также имеют общий ЛСВ, которого нет в других языках: ЛСВ ‘красный – для обозначения наиболее ценных пород, сортов чего-нибудь’, например, рус. *красный лес, красный зверь*. Некоторые ЛСВ характерны лишь для одного языка исследования, например, ЛСВ ‘жестокий, кровавый’ отмечен только в английском языке, а ЛСВ ‘нечто хорошее яркое, светлое’ встречается только в русском языке, например, рус. *красный день, красна девица*.

В результате исследования можно сделать следующие выводы.

1. Исследуемые колоризмы во всех четырех языках характеризуются наличием ЛСВ, которые являются общими для всех языков, например, ЛСВ ‘красный (о лице, злой, смущенный)’, ‘коммунистический’, ‘красный (о глазах)’, ‘красный (о вине)’. Следующие ЛСВ отмечены в трех языках: ЛСВ ‘красный (от холода)’, (в немецком, русском, украинском), в двух языках ЛСВ ‘рыжий (о волосах)’ (в английском и немецком), в двух языках ЛСВ ‘красный – для обозначения наиболее ценных пород, сортов чего-нибудь’ (в русском и украинском). Выделены также колоризмы, которые специфичны для одного языка исследования: только в английском ЛСВ ‘жестокий, кровавый’, только в русском ЛСВ ‘нечто хорошее яркое, светлое’.

2. Общее количество переносных значений во всех исследуемых языках – 9 ЛСВ.

3. Наивысшим уровнем полисемичности обладает русская лексема *красный* (7 ЛСВ). Английский, немецкий и украинский языки на данном материале исследования обнаруживают одинаковый уровень полисемичности (6 ЛСВ).

4. Набор значений лексемы ‘красный’ обнаруживает отличия во всех исследованных языках.

В дальнейшем исследовании колоризмов планируется расширение эмпирического материала, детальное изучение семантики и этимологии, а также фразеологизмов с компонентами-колоризмами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *MacLaury, R. Language typology and language universals / R. MacLaury // Color terms. – Berlin, 2001. – P.1227–1251.*
2. *Dictionary of Contemporary English. – Longman, 2003. – P. 1949.*
3. *Duden. Deutsches Universalwörterbuch / Duden. – Mannheim –Wien –Zurich : Dudenverlag, 2000. –1816 S.*

В. А. Шевцова (Минск, Беларусь)

НАЦИОНАЛЬНОЕ И УНИВЕРСАЛЬНОЕ В НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ С ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯМИ

По мнению многих исследователей, фразеология является той областью языкознания, где особенно ярко отражено национально-культурное своеобразие языка; она тесно связана с историей, культурой, бытом народа, в ней воплощены его дух, характер и образ мышления. Однако точку зрения, согласно которой все фразеологические обороты (далее ФО) являются национально маркированными, разделяют не все исследователи. Большинство идиом относительно редко обладают абсолютными эквивалентами в других языках, что объясняется не столько их национально-культурным своеобразием, сколько несовпадением техники вторичной номинации. Так, в русском языке для образной номинации такого полезного ископаемого, как нефть, кроме ФО *чёрное золото* ‘о нефти’, имеющего соответствие в немецком языке *schwarzes Gold* (досл. ‘чёрное золото’) 1) ‘уголь’, 2) ‘нефть’, используется еще одна образная идиома – *чёрная кровь земли* ‘о нефти’. Наличие в русском языке образного ФО с другим планом выражения не свидетельствует о национальной маркированности данного оборота. Такого рода фразеологизмы различаются внутренней формой, но могут представлять одни и те же базовые метафоры.

План содержания некоторых ФО может стать проявлением **национального** своеобразия, поскольку они называют определенные обычаи, традиции, подробности быта и культуры, исторические события и многое другое. Например, рус. ФО *голубой огонёк* 'о дружеском вечере с выступлениями, беседами за чашкой кофе, чая' образно называет жанр программы на советском ТВ; нем. ФО *weiße Woche* (досл. 'белая неделя') обозначает реалию, типичную для организации торговли в Германии: 'неделю распродажи бельёвого товара'.

Национальная маркированность некоторых компонентов в составе ФО является их объективной чертой, которая заключается в природных и культурных реальностях, свойственных жизни данного народа и не существующих у других. Маркёров этнического своеобразия в составе русских и немецких ФО с цветообозначениями выявлено сравнительно немного.

Имена собственные в языках большинства стран обладают четкой национальной маркированностью. Как отмечает Д. Г. Мальцева, в Германии женское имя *Минна* (сокр. от *Wilhelmine*) раньше было очень распространенным личным именем. С течением времени оно получило в немецком языке лексическое значение 'прислуга, горничная'. Личное имя *Heinrich* получило широкое распространение, видимо, по двум причинам: это имя часто носили немецкие кайзеры, также оно давалось новорожденным в честь святого Генриха II. В силу своей употребительности данные антропонимы стали элементами ФО, поскольку они (антропонимы) не указывают на конкретное лицо, а выражают обобщенное значение 'каждый, всякий человек', приближаясь в этом смысле к именам нарицательным, что свидетельствует об их тенденции к апеллятивации. Например, *grüne Minna* (досл. 'зелёная Минна') 'разг., специальный автомобиль для задержанных, арестованных', *blauer Heinrich* (досл. 'синий Генрих') 1) 'воен., жарг., густая перловая каша', 2) 'разг., мучной суп, каша на снятом молоке', 3) 'разг., снятое (обезжиренное) молоко'.

Этнокультурной значимостью с точки зрения лингвострановедения обладают ФО, в состав которых входят компоненты-топонимы, поскольку в названиях географических реалий отражены особенности исторического развития носителей языка. К таким компонентам принадлежат обозначения наиболее важных географических объектов (названия страны, ее столицы), выявленные только на материале немецкого языка, например, *das grüne Herz Deutschlands* (досл. 'зелёное сердце Германии') 'поэт., Тюрингия', *Berliner Weiße* (досл. 'Берлинское белое') 'светлое Берлинское пиво'.

Безэквивалентная апеллятивная лексика содержит этническую информацию, поскольку к ней относятся наименования, обозначающие характерные для данного народа реалии (названия специфических орудий труда, вещей и т.п.), например, названия денежных единиц: *красненькая* в ФО *разменять красненькую* 'разг., разменять кредитный билет достоинством в десять рублей (по цвету купюры)', *Heller* в ФО *keinen roten Heller für etwas geben* (досл. 'не давать ни одного красного геллера за что-л.')'не видеть ни одного шанса для кого-л., опасаться для кого-л. самого плохого'.

Этнокультурное своеобразие фразеологии с цветообозначениями может проявляться не только в наличии слов с национальной маркированностью в составе ФО, но и в семантике всего фразеологического целого. В идиомах – самобытных для данной лингвокультурной общности знаках – закрепляются и воспроизводятся фрагменты бытового, исторического и духовного опыта народа, связанного с его культурными традициями. Например, нем. ФО *blauer Brief* (досл. ‘голубое письмо’) имеет следующее значение: 1) *разг.*, письмо-извещение об увольнении (с работы, в отставку), 2) письмо учителя родителям неуспевающего ученика, что отражает реальные подробности немецкого быта (в частности, письменное общение учреждения с отдельным человеком) в настоящее время.

Национальное своеобразие цветообозначений в целом невелико, поскольку цвет есть порождение нашего глаза и мозга. Именно поэтому большинство цветообозначений имеет соответствия в других языках.

Вместе с тем в культуре каждого народа цвет представляет собой один из элементов модели мира, поэтому ему свойственны как универсальные смысловые ассоциации (например, ‘белый’ – положительный, ‘черный’ – отрицательный в большинстве европейских языков), так и индивидуальные (идиоэтнические) символические характеристики.

Для цветообозначений ‘белый’ и ‘черный’ в большинстве европейских языков характерна похожая денотативная оценочность, что связано с идеей дуалистичности человеческого мышления, основанной на принадлежности к тому или иному полюсу бинарной оппозиции (свой – чужой, верх – низ, левый – правый, внутренний – внешний, жизнь – смерть и др.). Оппозиция всегда присутствует в человеческом сознании, в любом образе мира противопоставляются плохое и хорошее: бинарность – одна из важнейших мифологических, языковых, фольклорных и ментальных универсалий. Именно поэтому во всех языках имеются базовые метафоры: «верх – хорошо, низ – плохо», «свет – хорошо, тьма – плохо». Неслучайно в большинстве европейских языков цветообозначение ‘белый’ имеет положительное значение: в русском языке *белый* обладает не только общепринятым значением ‘ясный, светлый’, но и несет в себе также значение доброты, благости, святости. Данная ассоциация находит свое отражение в ФО с цветообозначением ‘белый’: *weißer Sonntag* (досл. ‘белое воскресенье’) ‘воскресенье после Пасхи, день первого причастия’, *белое духовенство* ‘часть православного духовенства, которая не дает обетов строгого воздержания, безбрачия и т.п., в отличие от черного (монашествующего) духовенства’.

В русской культуре *белый* – это цвет невинности и чистоты; *черный* – цвет траура, горя, печали, зла. В немецком языке цветообозначения в составе некоторых ФО имеют похожую (но далеко не идентичную) с русской культурой символику. Например, рус. *белый* употребляется в значении ‘физически чистый’ во фразеологизме *белая изба; баня* ‘изба (баня), имеющая

печь с дымоходом, выведенным через крышу наружу (в отличие от черной – курной избы, бани)»; нем. *weiß* в ФО *eine weiße Weste haben* (досл. ‘иметь белый жилет’) ‘иметь незапятнанную (политическую) репутацию’ выступает в метафорическом значении ‘морально чистый’.

Цветобозначение ‘черный’ используется во фразеологии обоих языков как символическое обозначение крайней степени отрицательных эмоций и физических состояний: *черное слово* ‘прост., чертыханье, брань’, *черная смерть* ‘устар., чума’, *etwas in den schwärzesten Farben sehen* (досл. ‘видеть что-л. в самых черных красках’) ‘оценивать что-л. очень пессимистически’, *sich schwarz ärgern* (досл. ‘злиться по-черному’) ‘очень злиться’. В некоторых немецких ФО цветобозначение *schwarz* символизирует действия, поступки, запрещенные законом: *schwarz brennen* (досл. ‘жечь, палить нелегально’) ‘производить спиртное без разрешения’, *schwarz gehen* (досл. ‘нелегально ходить’) ‘заниматься браконьерством’.

На протяжении всей истории человечества различные цвета выступали в функции идентификаторов «мы – они», отражая разнообразные межгрупповые, этнонациональные, классовые и другие отношения. С определенными цветами ассоциируются практически все крупные перемены в жизни общества. Так, в советской культуре с белым цветом устойчиво ассоциировались противники советской власти: *белый*, *белогвардеец*, *белая армия*, *белое движение*. *Красными* называют коммунистов, приверженцев коммунистической идеи; *коричневые* – это люди, группы людей, организации, близкие к фашизму, фашистской идеологии; к *зеленым* причисляют участников общественного движения по защите окружающей среды, выступающих за сохранение экологического равновесия на земле.

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

М. Я. Бурдыка (Барысаў, Беларусь)

ПАРАМЕТРЫ ПЕРАКЛАДУ СЛОЎ З НАЦЫЯНАЛЬНА-КУЛЬТУРНЫМ КАМΠΑНАМЕНТАМ

Пытанне аб захаванні нацыянальнай своеасаблівасці арыгінала тэксту пры перакладзе разглядалася даследчыкамі шматразова і часта выклікала гарачыя дыскусіі. З прычыны таго, што рэаліі – найбольш яркія паказчыкі нацыянальнай своеасаблівасці твора, і праблемы іх перадачы маюць не толькі тэарэтычнае, але і практычнае значэнне. Якія ж параметры неабходна ўлічваць, на што ў першую чаргу трэба звяртаць увагу пры перакладзе рэалій, каб захаваць той нацыянальна-культурны каларыт, які робіць твор такім выразным?

1. *Аўдыторыя перакладу.* Пытанне аб уліку аўдыторыі можа разглядацца ў трох наступных плоскасцях:

- аб уліку моўнага мыслення, агульнага для ўсіх носьбітаў мовы перакладу;
- аб уліку розных нацыянальных варыянтаў мовы перакладу;
- аб класіфікацыі носьбітаў мовы перакладу па аб'ёме фонавых ведаў, неабходных для разумення тэксту перакладу.

Якім чынам тады перакладчыку разглядаць сітуацыю? У выпадку, калі аўдыторыя загадзя вядома, адказ відавочны. Першую аўдыторыю можна разглядаць як спецыялістаў, для якіх кожная рэалія будзе тэрмінам з вядомай ім вобласці. Калі арыентавацца на другую аўдыторыю, трэба ўлічваць той варыянт мовы, які распаўсюджаны ў дадзенай культурна-генетычнай вобласці (напрыклад, амерыканскі варыянт англійскай мовы). Найбольш цяжкай для перакладчыка з'яўляецца трэцяя аўдыторыя – менавіта на яе павінен арыентавацца перакладчык у агульным выпадку. Мы нічога не ведаем пра дадзеную аўдыторыю, яе фонавыя веды, якія з'яўляюцца вынікам гістарычнага развіцця дадзенай этнічнай супольнасці і падзяляюцца на актуальныя фонавыя веды і фонавыя веды культурнай спадчыны. Мы можам толькі выказаць здагадку аб тым, што ў любым канкрэтным выпадку з'яўлення рэаліі веды чытача аб ёй могуць раўняцца нулю.

2. *Нарматыўнасць.* Адзін з пастулатаў тэорыі перакладу абвяшчае: тэкст перакладу павінен адпавядаць нормам мовы перакладу. Захаванне нормаў дадзенага функцыянальнага стылю і жанру стварае адчуванне натуральнасці таго, што адбываецца (чытаецца, чуецца), наладжвае аўдыторыю на ўспрыняцце інфармацыі і канцэнтруе яе ўвагу на мэце камунікацыі.

Чэшскі лінгвіст Б. Гаўранек абгрунтаваў у свой час (1930-я гг.) паняцці аўтаматызацыі і актуалізацыі, якія можа выкарыстоўваць прагматыка перакладу. Пад аўтаматызацыяй ён разумее такое выкарыстанне моўных сродкаў, ізаляваных ці ўзаемна звязаных паміж сабой, якое з'яўляецца звычайным у пэўнай сітуацыі маўлення, г.зн. такое ўжыванне, пры якім выраз

сам па сабе не прыцягвае ўвагі; з пункту гледжання формы такі выраз выкарыстоўваецца (тым, хто гаворыць) і ўспрымаецца (тым, хто слухае) як нешта ўмоўнае і імкнецца быць зразумелым ужо як частка моўнай сістэмы, а не толькі як адзінка, якая ўспрымаецца ў канкрэтным выказванні кантэкстам і сітуацыяй. Пад актуалізацыяй, наадварот, разумеецца такое выкарыстанне моўных сродкаў, якое прыцягвае ўвагу само па сабе і ўспрымаецца як нешта незвычайнае, напрыклад, як жывая паэтычная метафара (у адрозненне ад лексікалізаванай, якая ўжо аўтаматызавана) [1, с. 340].

Якія адносіны ўсё гэта мае да практыкі перакладу? Пазначаныя вышэй паняцці могуць быць выкарыстаны для тэарэтычнага абгрунтавання і распрацоўкі новых правілаў, якія на практыцы прымяняюцца інтуітыўна, далёка не ўсімі перакладчыкамі і не заўсёды.

Па-першае, тэкст перакладу павінен адпавядаць не проста нормам мовы перакладу, але і нормам пэўнага функцыянальнага стылю гэтай мовы (а ўнутры стылю – нормам жанру). Па-другое, своеасабліваць стылю аўтара тэксту арыгінала заключаецца ў прымяненні прыёмаў актуалізацыі (выразных сродкаў, фігур маўлення); перакладчык не заўсёды можа падабраць эквівалент, г.зн. актуалізаваць той самы адрэзак тэксту і тым жа спосабам. Па-трэцяе, перакладчык павінен пазбягаць актуалізацыі там, дзе яна не прадугледжана ў тэксце на зыходнай мове (толькі ў выпадку, калі перакладчык робіць гэта для кампенсацыі), і ва ўсялякім выпадку такой актуалізацыі, якая супярэчыць інтарэсам аўтара тэксту арыгінала. Апошні выпадак, на жаль, вельмі часта здараецца на практыцы. Нават калі перакладчык выкарыстае зручны прыём перакладу, ён можа супярэчыць моўнаму мысленню носьбітаў мовы перакладу, г.зн. успрыняць тэксту ўскладняецца, тлумачэнне яго можа быць няправільным, эстэтычнае ўздзеянне – адмоўным.

Але перакладчык у стане змяніць сітуацыю шляхам нармалізуючай кампенсацыі, паслядоўна прымяняючы ў тэксце прыёмы аўтаматызацыі, якія ўзнаўляюць асаблівасці дадзенага функцыянальнага стылю там, дзе яны былі б дарэчнымі ў тэксце арыгінала.

У мастацкіх тэкстах не пазбегнуць моўнай экзотыкі, але аўтар будзе імкнуцца выкарыстаць мінімальны набор правілаў, а менавіта: экзатызмы не павінны ўтвараць нагрувашчанняў, якія робяць тэкст падобным да этнаграфічнай ці іншай навуковай працы і прымушаюць чытача марнаваць намаганні не на «ўжыванне» ў тэкст, а на расшыфроўку сэнсу таго ці іншага абзаца; транскрыпцыя павінна быць мілагучнай, яе трэба пры неабходнасці суправаджаць каментарам; калькі не павінны супярэчыць моўнаму мысленню чытача з яго звыклай сістэмай асацыяцый, вобразнага бачання свету.

3. *Калькі і моўнае мысленне.* Утоеную пагрозу нясе ў сабе кожны звычайны прыём перакладу. Транскрыпцыі могуць супярэчыць эстэтычнаму пачуццю чытача, нагадваюць яму словы роднай мовы, якія непрыстойна або смешна гучаць. Аналаг можа быць патлумачаны няправільна, занадта літаральна; грувацкім апісальным зваротам часам цяжка кіраваць, адсутнасць эквівалентнага тэрміна хутчэй за ўсё будзе ўспрымацца як лакуна.

Без калек немагчыма ўявіць сабе мову сучаснай цывілізацыі. Калькі добрыя тым, што яны ствараюць словы і выразы з яснай унутранай формай, яны грунтуюцца на значных элементах мовы перакладу. Аднак і тут існуе небяспека. Яснасць унутранай формы можа быць уяўнай, і ў выпадку яе няправільнага тлумачэння перакладчыкам у тэксце перакладу можа з’явіцца лексема, пазбаўленая логікі, якая не будзе адпавядаць лексеме зыходнай мовы, такім чынам, яна не будзе выконваць ролю калькі.

4. *Значэнне слова і яго канатацыі*. Пры калькаванні метафар перакладчыкі часта не звяртаюць увагі на наступны момант: у падмурак метафары можа быць закладзена значэнне слова, якое надзелена той ці іншай ацэначнай канатацыяй у залежнасці ад таго, як ацэньваецца паняцце, якое пазначаецца ў дадзенай культуры на сённяшні момант. Але з прычыны адрознення культур і канатацый дзвюх падобных па дэнатаце лексем, яны могуць быць зусім рознымі і супрацьлеглымі. Напрыклад, выраз «крыжовы паход» выкарыстоўваецца ў беларускай і рускай публіцыстыцы з яўна адмоўнай канатацыяй. А вось у слоўніку Longman Dictionary of Contemporary English мы знаходзім наступныя дэфініцыі да слова ‘*crusade*’: *one of a series of wars fought in the 11th, 12th, and 13th centuries by Christian armies trying to take Palestine from the Muslims; a united effort for the defence or advancement of an idea, principle* [2].

Для носьбітаў заходняй культуры паняцце «крыжовы паход» – сімвал хрысціянскай стараннасці, і канатацыя тут, безумоўна, станоўчая.

Іншы прыклад – слова *правінцыя*. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы падае наступнае: у некаторых дзяржавах – вобласць, адміністрацыйна-тэрытарыяльная адзінка; мясцовасць, тэрыторыя краіны, аддаленая ад буйных цэнтраў [3]. Longman Dictionary of Contemporary English падае назоўнік ‘*province*’ наступным чынам: *one of the large areas into which some countries are divided, and which usually has its own local government; the parts of a country that are not near the capital; a subject that someone knows a lot about or something that only they are responsible for; an area under the charge of an archbishop* [2]. У беларускай мове паняцце «правінцыя» падаецца як адзінка тэрытарыяльнага дзялення прыдатная да іншых дзяржаў ці да мінулага нашай краіны, а ў сучасных умовах гэта толькі ацэначнае слова (*глыбокая (глухая) правінцыя, налёт правінцыйнасці*).

Такім чынам, пры перакладзе варта ўлічваць розныя ацэначныя і культурныя канатацыі слоў, якія падобныя па дэнатаце ў розных мовах.

ЛІТАРАТУРА

1. *Гавранек, Б.* Задачи литературного языка и его культура / Б. Гавранек // Пражский лингвистический кружок: сб. статей / сост., ред. и предисл. Н. А. Кондрашова. – М.: Прогресс, 1967. – С. 338–377.
2. Longman Dictionary of Contemporary English. – 5th ed. – Pearson Education, Longman, 2009. – 2082 p.
3. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы / АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа; пад агульн. рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы): у 5 т. – Мінск : Беларуская Савецкая Энцыклапедыя, 1977–1984. – Т. 4: П – Р / [рэдактары: Г. Ф. Вештарт, Г. М. Прышчэпчык]. – 1980. – 767 с.

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ БИБЛЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Фразеологические единицы библейского происхождения неизменно представляют интерес для исследователей языков, студентов, интересующихся историей, и всех тех, кто употребляет их в речи. Библейские фразеологизмы – важный и интересный пласт фразеологии во многих языках мира, один из главных источников их обогащения. Как известно, особенность библейских выражений заключается в способности этих единиц к символическому переосмыслению. Несмотря на универсальную семантику крылатых выражений Ветхого и Нового Заветов в разных языках, переводные варианты библейских фразеологизмов обладают смысловыми, грамматическими, лексическими и стилистическими особенностями, обусловленными спецификой воспринимающей лингвокультурной среды. Внешняя перемаркировка отдельных компонентов библейских фразеологизмов обеспечивает доступное восприятие их смыслов носителям разных языков, учитывая при этом привычные для них социокультурные и природные реалии.

Для исследования нами взяты крылатые слова библейского происхождения, известные многим народам.

Особую группу составляют языковые единицы, заключающие в себе имена собственные, которые в сознании верующих воспринимаются как символические свидетельства религиозной истории и божественного промысла: *Der ungläubliche Thomas* – *Фома неверный (неверующий)* (Иоанн, 20:24–29): человек, который во всем сомневается, не хочет ни во что верить; *die Arche Noahs* – *Ноев ковчег*: битком набитое помещение, средство спасения (Бытие, 6:14); *Auferstehung (Auferweckung) des Lazarus* – *воскрешение (воскресение) Лазаря*: выздоровление после болезни; возвращение старой, давно забытой истории (Иоанн, 11:38–44); *der hartgeprüfte Hiob* – *Иов многострадальный*: сильно страдающий человек (Книга Иова); *der keusche Joseph* – *целомудренный Иосиф*: непорочный, чистый, стыдливый человек (Бытие, 39:7–20); *Salomonisches Urteil* – *соломоново решение, суд Соломона*: справедливое решение, которое основывается на мудрости и доброте (Третья книга Царств, 3:16–28).

При переводе библейских фразеологизмов в русском языке встречается значительное количество архаизмов, которые относятся к стилистически возвышенной лексике. Однако для оборотов с именами собственными характерна тенденция к замене архаичных компонентов, что сводит на нет несоответствие русских и немецких единиц:

Kainszeichen – *Каинова печать*: клеймо преступления (Бытие, 4); *Judaskuss* – *Иудино лобзание (поцелуй)*: предательский поступок, лицемерно прикрытый проявлением любви, дружбы (Матфей, 26:48–49 и др.)

При переводе библейских фразеологизмов обнаруживается зачастую опущение или добавление лексем, их замена:

– *vom Baum der Erkenntnis essen* – *вкушать от древа познания добра и зла*: прийти к выводу, образумиться, приобретать знания (Бытие, 2–3);

– *die Finsternis* – *тьма крошечная* (Матфей, 26:13). Иносказательное выражение в значении: беспросветная тьма, невежество, тягостная, мрачная жизнь;

– *Unser tägliches Brot gib uns heute* – *хлеб наш насущный даждь нам днесь* (Матфей, 6:11);

– *vom Übel sein* – *от лукавого* (Матфей, 5:37); употребляется в значении: лишнее, неправильное, во вред;

– *nichts Neues unter der Sonne* – *ничто не ново (не вечно) под луною* (одно светило при переводе заменено другим);

– *etwas für ein Linsengericht verkaufen* – *продать за чечевичную похлебку* (Бытие, 25:31-34). Слово *Gericht* обозначает *блюдо*. Выражение *продать за чечевичную похлебку* означает: поступиться чем-либо значительным ради ничтожной выгоды.

– *Es ist eine Stimme eines Predigers in der Wüste* – *глас вопиющего в пустыне* (Матфей, 3:3; Марк, 1:3; Иоанн, 1: 23). В немецком языке *Prediger* означает *проповедник*. Выражение употребляется как напрасный призыв к чему-либо, остающийся без ответа, без внимания;

– *ein verlorenes Schaf* – *заблудшая овца* (Лука, 15:4): беспутный, сбившийся с правильного пути; *Sündenbock* – *Козел отпущения* (Левит, 16: 20–22): человек, на которого постоянно сваливают чужую вину; человек, который несет ответственность за других. У древних евреев был соответствующий обряд возложения грехов на живого козла. После такого обряда козла изгоняли в пустыню;

– *der verlorene Sohn* – *блудный сын* (Лука, 15:11-32): беспутный человек, нравственно блуждающий; раскаявшихся в своих заблуждениях;

– *nach jemandes Ebenbild geschaffen sein* – *по образу и подобию кого-либо* (Бытие, 1: 26).

Дар божий, послание человеку чего-либо свыше закрепилось в языке посредством фразы *Himmelspeise* – *манна небесная* (Исход, 16: 14–16, 31). Это выражение связано с историей о Моисее, который вел людей через пустыню, и у них долгое время не было еды. Тогда Моисей помолился Богу, и с неба посыпались семена растения, из которого впоследствии эти люди сделали муку и приготовили лепешки, которыми насытились. Возникшее выражение «манна небесная» – это что-либо ценное, редкое; *манной небесной питаться* – существовать впроголодь; *ждать как манны небесной* – ждать с нетерпением.

В Библии упоминается древнейшая денежная единица – *талант*. Согласно библейскому сюжету трем рабам были даны таланты их хозяином. Первые два пустили свои деньги в оборот и получили прибыль, а третий зарыл свой талант в земле и ничего, тем самым, не заработал. Отсюда выражение *seinen Zentner in die Erde verbergen (sein Pfund vergraben)* – *зарыть*

свой талант в землю (Матфей, 25: 15-30). Слово *талант* (от греческого *talanton*) употреблялось в значении веса; вес; количество денег определенного веса; выдающиеся способности в какой-либо области. В настоящее время эта фраза употребляется в смысле *не использовать свой дар, не развивать свои способности*.

Следует отметить, что иногда в русском языке не только отдельное слово, но и целые выражения употребляются в церковнославянской форме: *wie ein Dieb in der Nacht – яко тать в ноци* (*тать* означает *вор*). Употребляется в значении: неожиданно, внезапно; *ein Zeichen – знамение* (Матфей, 16:1–4). Современное *знамение* употребляется в значении: общественное явление, типичное для данного времени; *ein Stein des Anstosses – камень преткновения* (Книга Исаии, 8:14): затруднение, на которое наталкивается кто-нибудь в каком-либо деле; *So werden die Steine schreien – камни возопиют* (Лука, 19:40). Так говорят о чем-нибудь до такой степени ужасном, возмутительном, что не только люди, но даже камни, если бы они были наделены даром речи, выразили бы чувство своего негодования.

Грамматические особенности переводных вариантов библейских фразеологизмов заключаются в употреблении существительных в разных числах, родах и падежах, замене сложных существительных причастными оборотами или придаточными предложениями.

Таким образом, сравнение языковых единиц, передающих смысл библейских афоризмов в немецком и русском языках, позволяет заключить, что семантика крылатых выражений практически не подвергается существенной трансформации, в то время как внешняя маркировка выражений получает соответствующую лингвокультурную и социокультурную коннотацию. Специфика их перевода заключается в знании мифических образов, историко-культурных реалий, религиозных понятий, составляющих основу культурных смыслов, заключенных в библейских фразеологизмах.

Е. В. Зуевская (Минск, Беларусь)

МЕЖДОМЕТИЯ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА И СПЕЦИФИКА ИХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Общение – неотъемлемая составная часть жизни общества. Организация же процесса общения невозможна без определенных языковых средств. К ним относятся и те, которые выражают непосредственно различные эмоции и чувства говорящего, его отношение к происходящему, т.е. междометия. Междометия являются активным элементом разговорной речи и играют чрезвычайно важную роль в повседневной коммуникации. Данный класс слов долгое время оставался за пределами научных исследований как в зарубежном так и в отечественном языкознании. Тем не менее в последние десятилетия интерес к проблеме междометий возрос, прежде всего, в ракурсе междисциплинарных исследований.

В настоящее время существует множество различных дефиниций междометий, большинство из которых описывают их как класс слов с точки зрения их семантики, например: «междометия – класс неизменяемых слов, служащих для нечленораздельного выражения эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность» (И. Н. Кручинина).

Впервые как самостоятельный лексико-грамматический класс (часть речи) междометия были выделены в латинской грамматике Варрона (1 в. до н. э.). В последующей научной традиции грамматическая природа междометий определялась неоднозначно. История изучения данного вопроса показывает две противоположные концепции русских языковедов. Первая связана с именем М. В. Ломоносова. Ее продолжали А. Х. Востоков, А. А. Шахматов и В. В. Виноградов, признавая междометия частью речи. По второй концепции, связанной с именами Н. И. Греча, Д. Н. Кудрявского, Д. Н. Овсяника-Куликовского, А. М. Пешковского и др., междометия не считаются словами и исключаются из состава частей речи. Также и академик Л. В. Щерба, в свою очередь, назвал междометие «неясной туманной категорией», «досадным недоразумением», имея в виду множество взглядов относительно этого класса слов.

В традиционной системе частей речи междометия занимают особое место. Они не являются ни знаменательной, ни служебной частью речи. От знаменательных слов они отличаются отсутствием номинативного значения (выражая чувства и ощущения, междометия не называют их). В то время как обязательным компонентом знаменательных слов выступает денотативное значение, которое называет понятие, предмет, а факультативным – коннотация, для междометий, наоборот, коннотация оказывается основным и ведущим компонентом. В отличие от служебных частей речи междометиям не свойственна связующая функция.

Благодаря тому, что междометия способны передавать сложные эмоциональные состояния, они находят широкое употребление в литературе, художественных фильмах и сериалах для характеристики героев, а также создания у читателя определенного представления о том или ином персонаже. Именно поиск адекватного соответствия междометиям языка оригинала может вызывать определенные сложности при переводе художественной литературы, фильмов, сериалов и т.п.

Ключевыми приемами, используемыми при переводе междометий с одного языка на другой, являются:

- 1) поиск в языке перевода функционального аналога того или иного междометия;
- 2) генерализация – прием, предполагающий замену видовых понятий родовыми.

К другим методам передачи безэквивалентной лексики, в том числе междометий и звукоподражательных единиц, относятся: 1) приблизительный перевод; 2) описательный перевод; 3) транскрипция.

В ходе анализа было выявлено, что существует целый ряд междометий, обладающих одним эквивалентом в русском языке, например:

нем.: *Melanie. Krankenhausverwaltung. – Aha.*

рус.: *Я Мелани из больничной администрации. – Ага.*

нем.: *Willst du auch eins? – Ha-ha, sehr witzig!*

рус.: *Тебе налить? – Ха-ха, очень смешно.*

нем.: *Nein! Es wird nicht aufgemacht!*

рус.: *Нет! Не нужно открывать!*

Такая однозначность перевода объясняется, с одной стороны, однозначностью немецких междометий (например, таких как *nein, ne*) и ее зафиксированностью в словарях, с другой – подобием немецких и русских междометий (например, *aha – ага, ha-ha – ха-ха* и др.).

Сложности при попытке перевода немецких междометий на русский язык возникают в иных случаях. С одной стороны, есть немалое количество безэквивалентных междометий, перевод которых невозможно найти в имеющихся словарных источниках, например, *Vom это да! Klacc! – Mannomann!; Ерунда! Вздор! – rapperlapapp!; Ба! – Eiferbibsich!* (выражение удивления в саксонских диалектах) и т.д. Отдельные сложности вызывают также междометия, омонимами которых являются часто используемые существительные: *Ну и ну! Vom дела! – Junge, Junge!, Послушайте! – Mensch! или Mann!*

Наряду с этим встречаются случаи, когда междометия-заимствования изменяют свое первоначальное значение и приобретают совершенно иные значения, например, *zapzarap* служит в устах носителей языка разговорным аналогом глаголов *украсть, своровать* 'klauen' и 'stehlen' и передает по сути то же действие, но в другой форме.

Как показал проведенный анализ, в целом ряде случаев переводчик опускает междометия, не найдя соответствующего эквивалента в русском языке. Так, к примеру, междометия *тм, ja, Mann* не были переведены на русский язык в проанализированных фильмах «Kokowääh» и «Ein Chef zum Verlieben»:

ср. нем.: *Rob will mit uns essen gehen. – Ich kann den Typ nicht leiden, hä.*

рус.: *Роб хочет поужинать с нами. – Я его не выношу.*

нем.: *In welchem Verhältnis stehen Sie zu dem Kind? – Er ist mein Papa. – Mann-Mann-Mann-Mann!*

рус.: *А Вы кем ей приходиться? – Он мой папа. – Ясно. Нужно ввести удостоверение для отцов.*

С другой стороны, сложности при переводе вызывает нахождение адекватного эквивалента многозначным немецким междометиям. Так, например, в грамматике Дуден приводятся 6 значений немецкого междометия *ach*:

- 1) выражение боли, смущения, сочувствия, смущения;
- 2) выражение сожаления (с иронией);
- 3) выражение удивления, (радостного) изумления, негодования;
- 4) выражение требования;
- 5) выражение понимания (*ach so*);
- 6) выражение отрицания (*ach + wo(her), was*).

Такие многозначные междометия, как правило, и переводятся различными способами на русский язык. В частности, в исследованной выборке междометие *au* было переведено на русский язык 3 вариантами: *ух ты, ой, о*:

нем.: *Ich habe das verdient, indem ich je 18 Stunden 7 Mal pro Woche gearbeitet habe!* – *Au!*

рус.: *Я заработала это, работая по 18 часов 7 дней в неделю!* – *Ух ты!*

нем.: *(Die Jungen stoßen das kleinere Mädchen)* *Au!*

рус.: *(Мальчишки толкают девочку)* *Ой!*

нем.: *(Der Bauch tut weh)* *Au!*

рус.: *(Болят живот)* *О!*

В соответствии с описанной многозначностью междометий и выявленной вариативностью их перевода была предпринята попытка оценки того, насколько адекватным явился вариант, избранный переводчиком, для передачи значения немецкого междометия. С этой целью к анализу были привлечены информанты-носители языка, задачей которых стало определение значений междометий на основе контекста. В результате опроса было установлено, что значение междометий-оригиналов и их переводов не всегда может быть однозначно интерпретировано. Именно многозначные междометия демонстрируют наибольшие расхождения в интерпретации носителями разных языков: так, междометие *ach* в одном из предложений, по мнению носителей немецкого языка, выражает сожаление, носители же русского языка считают, что в этом предложении оно выражает физические ощущения либо недовольство:

нем.: *Ach, ich hätte nicht zu viel essen sollen!*

рус.: *Ах, кажется, я слишком много съела!*

Также в результате анализа было выявлено, что в минимальном контексте междометия не всегда могут быть однозначно интерпретированы, что свидетельствует о существенной значимости широкого контекста для правильного декодирования информации и понимания смысла, что имеет практическую значимость как для переводческой деятельности, так и при изучении данного класса слов в курсе практической грамматики.

Т. Ф. Иванова (Минск, Беларусь)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПРИ ПЕРЕДАЧЕ КОНЦЕССИВНЫХ И КАУЗАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДЕЛОВОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

Вступление Республики Беларусь в единое мировое экономическое пространство, ее взаимодействие с другими странами в сфере торговли, туризма, гостиничного дела, дипломатии придают проблеме соблюдения этических и языковых норм деловой коммуникации особую значимость. Активно развивающиеся интеграционные процессы способствуют усилению внимания к специфическим проблемам переводческого дела, в частности,

к определению характеристик качественного перевода деловой корреспонденции. При переводе текстов делового стиля, тяготеющих к максимальной эксплицитности выражения содержания и характеризующихся высокой степенью стандартизации языковых средств, целесообразно использовать функциональный подход, при котором определяющим является передача не формы, а смыслов, заключенных в тексте оригинала, в том числе и стилистических значений. Данный подход подразумевает принципиальную возможность осуществления переводческих трансформаций, в частности, при передаче причинно-следственных и уступительных отношений.

В лингвистическом плане средства выражения каузальных и концессионных отношений рассматриваются в рамках функционально-семантического поля обусловленности, центром которого служат причинно-следственные отношения, а концессивность – периферией. Структура поля причинности, в свою очередь, представляет собой также полевою структуру, где центром является сложноподчиненное предложение с союзами *da*, *weil*, четко и однозначно расставляющими смысловые отношения между частями предложения. Однако их абсолютные эквиваленты в русском языке – *потому что*, *так как* – далеко не всегда могут быть использованы при переводе текстов официально-делового стиля. Представляется целесообразным переводить данные стилистически нейтральные немецкие союзы, используя характерное для официального стиля в русском языке предложное сочетание, так называемый канцеляризм *в связи с*: – *Da wir Ware aber dringend benötigen, fordern wir Sie auf, die Bestellung bis spätestens ... zu liefern, andernfalls sehen wir uns veranlasst, rechtliche Schritte einzuleiten und Schadenersatz wegen Nichteinhaltung verbindlicher Zusagen zu fordern.* – *В связи с тем, что нам в срочном порядке требуется заказанный нами товар, мы требуем, чтобы он был доставлен не позднее ... числа, в противном случае мы предпримем юридические шаги по возбуждению дела о возмещении убытков из-за несоблюдения действующих договоренностей.*

Кроме того, указанные немецкие союзы могут быть заменены союзами *постольку, поскольку*, отмеченными оттенком «книжности». При передаче их значений на русский язык, следовательно, используются *альтернативные субституции* данных союзов и применяется *метод смены стилистической коннотации*, чтобы передать на русском языке функционально-стилистическую направленность текста, например, дипломатического характера: – *Da Herr Borodin dem Auswärtigen Amt nicht bekannt ist, wird um Notifizierung seines Status nach dem Wiener Übereinkommen über diplomatische Beziehungen gebeten.* – *Поскольку* господин Бородин незнаком Министерству иностранных дел Федеративной Республики Германия, просим сообщить о его статусе согласно Венской конвенции о дипломатических отношениях.

Еще одним возможным способом передачи причинно-следственной связи является в русском языке использование *деепричастных оборотов* в результате осуществления *синтаксической трансформации и перефразирования*, когда сложноподчиненная конструкция с союзом *weil* преобразуется

в простое распространенное предложение: – *Weil wir trotzdem mit Ihnen in Kontakt bleiben möchten, akzeptieren wir den von Ihnen gestern telefonisch genannten neuen Termin.* – **Учитывая** наше желание все же сохранить с Вами сотрудничество, мы принимаем во внимание новые сроки поставки, о которых Вы нам сообщили вчера по телефону.

В исходных текстах деловой коммерческой переписки неоднократно встречается также предлог *wegen*, но важно отметить, что в текстах дипломатической корреспонденции данный предлог практически не используется, что подтверждает определенную «строгость» и установленную степень клишированности текстов дипломатического характера. Следовательно, его редкое использование стилистически обусловлено и должно определенным образом учитываться при переводе: принцип прямой субституции не используется, поскольку прямое соответствие немецкого предлога *wegen* в русском языке *из-за* противоречит стилистике деловой коммуникации, а используется его узуальное соответствие в русском языке – *по причине/ввиду/в связи*. Характерные для немецкоязычных текстов официально-делового стиля предложные конструкции *im Zusammenhang mit, aufgrund, aus dem Grund*, стилистически отмеченные и для текстов официального стиля в русском языке, также передаются с помощью указанных конструкций с предлогом: ***Aufgrund der Tatsache, dass Sie leider den ... als fest zugesagten Liefertermin nicht einhalten konnten, können wir derzeit die große Nachfrage nach ... Drehbleistiften nicht befriedigen.*** – **Ввиду того, что** Вы не смогли выполнить договоренности по осуществлению поставки в срок, мы не можем удовлетворить имеющийся спрос на механические карандаши; *Die Botschaft bringt ihre Empörung im Zusammenhang mit dem Unfug zum Ausdruck und besteht auf der Bestrafung der Schuldigen und der Erstattung des zugefügten Moral- und Sachschadens.* – **Посольство выражает свое возмущение в связи с** данным бесчинством и настаивает на наказании виновного и возмещении причиненного морального и материального ущерба.

Выражение уступительных отношений в исследуемых текстах не обнаружило значимой в количественном отношении частотности, что говорит в целом о неостребованности указанных смыслов в официально-деловом стиле. Это можно объяснить тем объективным обстоятельством, что определяющей характеристикой официально-делового стиля является его максимальная экспликация смысла, в то время как в concessивных конструкциях заключен имплицитный элемент. Наиболее частотной моделью в немецкоязычных текстах является придаточное предложение с союзом *obwohl* в составе сложноподчиненного предложения. Данная конструкция может быть передана при переводе или соответствующим универсальным союзом *хотя*, или же союзом *несмотря на*, который характерен скорее для книжного стиля. Сложности возникают при передаче на русский язык двойных немецких союзов с уступительным значением *selbst / auch (dann) wenn, sogar (dann) wenn, wenn ... auch, wie / so sehr auch, so...auch, wo...doch*, у которых в русском языке не существует прямых эквивалентов. Естественно, что

в таких случаях переводчик вынужден прибегнуть к использованию переводческих трансформаций, чтобы найти адекватную замену, например: – *So sehr wir Ihren Ärger verstehen, so hoffen wir doch, dass Sie nach der Darlegung unserer Gründe mit unserem Preis-Vorschlag wieder versöhnt sind.* – Мы вполне понимаем Ваше недовольство, **однако** мы **все же** надеемся, что после ознакомления с нижеизложенной информацией Вы согласитесь с нашим ценовым предложением. В данном примере осуществлена синтаксическая трансформация: при переводе использована конструкция не сложноподчиненного, а сложносочиненного предложения с противительным союзом *однако*, который привносит в высказывание оттенок логического противопоставления, выраженного в исходном предложении. Синтаксические изменения происходят и при передаче значения двойного союза *zwar... aber...*: *Wir garantieren zwar die genannten prozentualen Mängelanteile, geben die Ware aber ansonsten nur wie besichtigt, ohne jegliche sonstige Gewährleistung ab.* – Мы можем гарантировать только процентное соотношение поврежденного товара. **Что касается всего остального**, мы предлагаем товар, осмотренный специалистами, без предоставления каких бы то ни было дополнительных гарантий. В результате синтаксических изменений, которым подверглось исходное предложение, сложноподчиненное немецкое предложение преобразовано в два простых распространенных предложения. Также применена семантико-содержательная трансформация, а именно эксплицитная передача имплицитного смысла. Ввиду отсутствия адекватного эквивалента двойному немецкому союзу в русском языке и с целью упростить предложение для понимания имплицитная составляющая нивелирована, но смысл предложения передан адекватно.

Как показывают вышеприведенные примеры, поиск адекватных замен и использование синтаксических и лексико-грамматических модификаций при передаче причинно-следственных и уступительных отношений в текстах деловой корреспонденции следует осуществлять в случае отсутствия в языке перевода эквивалентных конструкций. Важным требованием при этом является соблюдение функционально-стилистической направленности текста, которая выражается, в частности, в максимальной экспликации смысла, которая не допускает толкований элементов содержания исходного текста и влияет на возможность осуществления трансформаций при его переводе.

Н. В. Курбаленко (Минск, Беларусь)

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА НЕМЕЦКИХ КАУЗАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ С ГЛАГОЛОМ *LASSEN* НА БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК

В зависимости от компонентного состава немецкие каузативные конструкции (КК) с глаголом *lassen* способны выражать как преднамеренную, так и непреднамеренную каузацию. В белорусском языке им соответствуют КК с глаголами *даць*, *дазволіць* и *прымусіць*, в которых в качестве субъекта

каузации также возможны одушевленные и неодушевленные имена существительные: *Die Herren ... ließen sich nur aus Höflichkeit noch ihrer Ruhe stören* (F. Kafka. «Die Verwandlung»); *Кватаранты ... толькі праз сваю ветлівасць дазвалялі яшчэ турбаваць свой накой* (Ф. Кафка. «Ператварэнне»); *... denn selbst das kleine Geräusch ... hatte alle verstummen lassen* (F. Kafka. «Die Verwandlung»); *... бо нават слабы стук ... прымушаў усіх адразу сцішвацца* (Ф. Кафка. «Ператварэнне»).

Способность *lassen* в составе КК выражать самые разные оттенки значения побуждения (от категорического приказа до вежливой просьбы) приводит к тому, что в белорусском языке в качестве эквивалентных структур с одушевленным субъектом широкое распространение получают также сочетания с полнозначными каузативными глаголами типа *загадаць, прасіць, напрабаваць* и др.: *Wir ... ließen ... nicht nur unseren Tisch, sondern auch die Nachbartische für das bevorstehende Matsch im voraus reservieren* (S. Zweig. «Schachnovelle»); *Мы ... напрабавалі пакінуць нам на матч не толькі наш столік, але і ўсе суседнія...* (Ш. Цвейг. «Шахматная навела»); *Er selbst – ein jovialer Bursche mit rotem Gesicht – ließ mich Platz nehmen...* (H. Böll. «Kerzen für Maria»); *Сам гаспадар – гжэчны мужчына з чырвоным тварам – напросіў мяне сесці...* (Г. Бёль. «Свечкі для Марыі»).

Определенные трудности возникают при переводе многокомпонентных КК с глаголом *lassen* на белорусский язык, поскольку белорусским КК, эквивалентным рассматриваемой КК немецкого языка, не присуще морфологическое многообразие средств выражения объекта каузации. В таких случаях при переводе может произойти изменение количественного состава КК, как это имеет место в следующих примерах: *Und so ließ sie [Grete] sich von ihrem Entschlusse durch die Mutter nicht abbringen...* (F. Kafka. «Die Verwandlung»); *Гэтак вось яна [Грэта] не дазволіла маці змяніць першапачатковае сваё рашэнне...* (Ф. Кафка. «Ператварэнне»); *Nachdem er Mirko bei dem Dorfbarbier die struppigen strohblonden Haare hatte schneiden lassen...* (S. Zweig. «Schachnovelle»); *З дапамогай вясковага цырульніка Мірку прывялі ў большымени прыстойны выгляд...* (Ш. Цвейг. «Шахматная навела»).

В результате каузативные отношения, выражаемые КК с глаголом *lassen*, получают весьма своеобразное отражение при переводе на белорусский язык, поскольку переводчики прибегают к помощи специальных лексем для выражения значения преднамеренности действий субъекта: *Sie [die Kinder] ... lachten von Herzen über die Sprünge, die der Herr des Abends die Leute machen ließ* (Th. Mann. «Mario und Zauberer»); *Яны [дзеці]... ад душы рагаталі з выбрыкаў дарослых дзядзькоў, якія скакалі на волі валадара вечара* (Т. Ман. «Марыё і штукар»); *... und nur eines Luftstreiches der Peitsche bedurfte es, um ihn dort oben „Step“ tanzen zu lassen...* (Th. Mann. «Mario und Zauberer»); *... і даволі было раз шчоўкнуць плёткай, як ён з загаду кавальерэ пачаў скакаць “стэп”...* (Т. Ман. «Марыё і штукар»).

Таким образом, компоненты *преднамеренность, целенаправленность* и *воля* сохраняются в переводах, однако само значение каузативности, т.е. значение побуждения объекта со стороны своего субъекта совершить

определенное действие или изменить исходное состояние, выражаемое немецкими КК с глаголом *lassen*, может вообще не быть переданным при переводе на белорусский язык.

Отметим, что в немецкой КК с глаголом *lassen* и позиция субъекта, и позиция объекта может быть замещена неодушевленным именем существительным, в то время как белорусские КК с неодушевленным субъектом не могут управлять неодушевленным объектом. Следовательно, такие непреднамеренные КК немецкого языка не имеют аналогий среди КК белорусского языка, поэтому при переводе значение каузативности ('сделать так, чтобы определенная ситуация имела место') утрачивается: ... *das [das Vermögen] die nicht angerührten Zinsen in der Zwischenzeit ein wenig hatten anwachsen lassen* (F.Kafka. «Die Verwandlung»); ... *з даўніх часоў захаваліся невялікія грошы, якіх трохі наболела праз нечapanыя пэўны час працэнтны* (Ф. Кафка. «Ператварэнне»); ... *klebte ich sie alle fest auf den Sockel, der das weiche Wachs schnell hart werden ließ...* (H. Böll. «Kerzen für Maria»); ... *я ставіў іх на халодны пастамент, дзе мяккі воск хутка цвярдзеў ...* (Г. Бёль. «Свечкі для Марыі»).

На реализацию того или иного каузативного значения в КК с глаголом *lassen* влияют не только одушевленность/неодушевленность субъекта каузации, но и обобщенно-семантические характеристики объекта каузации. Наличие между субъектом и объектом отношений притяжательности приводит к тому, что КК с одушевленным субъектом каузации могут отражать как преднамеренность, так и непреднамеренность действий своего субъекта. Так, в следующем примере субъект действует сознательно и целенаправленно, т.е. каузация преднамеренная: ... *ließ er [Cipolla] seine kleinen strengen Augen, mit schlaffen Säcken darunter, musternd durch den Saal schweifen, nicht rasch, sondern indem er hie und da auf einem Gesicht in überlegener Prüfung verweilte – verkniffenen Mundes, ohne ein Wort zu sagen* (Th. Mann. «Mario und Zauberer»). Однако многие действия подобного рода субъект может совершать произвольно: *Er war ganz bleich, ließ das Buch sinken* (Th. Mann. «Mario und Zauberer»).

Такая способность является отличительной чертой немецких КК и причиной трудностей перевода данных конструкций на белорусский язык, поскольку в белорусских КК субъект и объект каузации не могут быть связаны отношениями притяжательности друг с другом. Стремясь раскрыть соотношения между субъектом каузации и его объектом, переводчики подчеркивают намеренность или произвольность действий при помощи соответствующих лексем: *du läßt deine Füße durch das nasse Laub schleifen...* (H. Böll. «Wiedersehen in der Allee»); ... *ты наўмысна шоргаеш сандалямі па мокрай лістоце...* (Г. Бёль. «Спатканне ў алеі»); *Manchmal ... ließ [Gregor] den Kopf nachlässig gegen die Tür schlagen...* (F. Kafka. «Die Verwandlung»); *i ... страціўшы пільнасць, [Рыгор] стукаўся галавою аб дзверы...* (Ф. Кафка. «Ператварэнне»).

Однако часто при употреблении объекта, связанного с субъектом каузации отношениями притяжательности, каузативные значения побуждения/понуждения либо допущения/позволения вообще не находят своего отражения в переводе. Ср. следующие переводы немецких КК на белорусский язык: *Sie ... ließ die Schlüssel auf einen kleinen Hocker hinter der Theke gleiten...* (Н. Böll. «Unsere gute alte Renée»); *Яна [Рене] наставіла ... міску – на невялікі зэдлік за стойкаю...* (Г. Бёль. «Наша старая, добрая Рене»); *... machte jetzt der Prokurist im Nebenzimmer ein paar bestimmte Schritte und ließ seine Stiefel knarren* (Ф. Кафка. «Die Verwandlung»); *... выканаўчы дырэктар у суседнім пакоі цяпер зрабіў некалькі рашучых крокаў; пры гэтым зарыпелі яго лакаваныя боты* (Ф. Кафка «Ператварэнне»); *... daß ich leise das Geräusch nachahmte, mit dem Cipolla seine Reitpeitsche hatte durch die Luft fahren lassen* (Th. Mann. «Mario und Zauberer»); *... я міжволі паўтарыў губамі гук, з якім Чыполава плётка рассякала наветра* (Т. Ман. «Марыё і штукара»).

Таким образом, в белорусском языке имеются различные синтаксические КК с глаголами *даць, дазволіць, загадаць, патрабаваць, прымусіць* и др., способные выражать преднамеренную/непреднамеренную каузацию, и являющиеся эквивалентами некоторым из разновидностей немецкой КК с глаголом *lassen*. Несмотря на это, перевод КК с *lassen* на белорусский язык вызывает определенные трудности, обусловленные структурно-грамматическими и лексико-семантическими особенностями КК белорусского языка, в частности, их неспособностью управлять неодушевленным объектом каузации. Как следствие, КК с глаголом *lassen* передаются в белорусском языке при помощи других языковых средств.

Используя иные языковые средства при переводе КК с глаголом *lassen* на белорусский язык, переводчики сталкиваются с проблемой сохранения и передачи значения преднамеренности/непреднамеренности действия. С целью выражения данного значения в белорусские варианты вводятся специальные лексические маркеры типа *на волі, з нагаду, наўмысна* и др., при этом исходные КК немецкого языка могут подвергаться значительным структурным и семантическим преобразованиям вплоть до утраты ими значения собственно побуждения к действию.

О. В. Матвиенко (Донецк, Украина)

УКРАИНСКИЙ АКЦЕНТ
В ПЕРЕВОДЕ П. А. ГРАБОВСКОГО СТИХОТВОРЕНИЯ
К. ДЖ. РОССЕТТИ «WHEN I AM DEAD, MY DEAREST»

Идея просветителя И. Г. Гердера о народном духе и его отражении в словесности – как фольклоре, так и литературе, – давно и прочно закрепились в филологии. Однако так же полнокровно народный дух воплощается в художественных переводах как органической части национальной литературы. Особенно заметно это в неклассических переводах XIX в. – вольных

переложениях (*переспівах*), когда на первый план выходит не столько индивидуальный почерк переводчика или переводческая школа, сколько стихия языка перевода и стоящая за интерпретатором национальная литературная традиция.

Показателен в этом смысле перевод стихотворения К. Дж. Россетти (1830–1894) «When I am dead, my dearest», выполненный украинским поэтом-демократом П. А. Грабовским (1864–1902) и опубликованный в его сборнике вольных переводов «Хвиля» («Волна», 1899) [1, с. 133]. Грабовский одним из первых познакомил украинскую читательскую аудиторию с творчеством английской поэтессы, своей старшей современницы. При том, что выбор автора и текста был случаен, перевод носил ознакомительный, просветительский характер и выполнялся с подстрочника (Грабовский не знал английского языка) в тяжелых условиях якутской ссылки.

When I am dead, my dearest (song)

***

When I am dead, my dearest,
Sing no sad songs for me;
Plant thou no roses at my head,
Nor shady cypress tree:

Як лежатиму я в домовині німій,
Не тужи, не ридай наді мною;
Ні дерев, ні квіток на могилі моїй
Не сади, друже милий, весною.

Be the green grass above me
With showers and dewdrops wet;
And if thou wilt, remember,
And if thou wilt, forget.

Нехай буйна трава там зростає, нехай
Її мочить роса із дощами...
Хоч забути – забудь, хоч кохати – кохай:
Я не встану з холодної ями.

I shall not see the shadows,
I shall not feel the rain;
I shall not hear the nightingale
Sing on, as if in pain:

Люба тінь, холодок – їх не треба мені,
Бо навіки в землі заночую;
Не зворушать мене соловейків пісні;
Ні роси, ні дощу не почую.

And dreaming through the twilight
That doth not rise nor set,
Haply I may remember,
And haply may forget.

Ясний ранок свіне, чи день білий мине –
Я дрімать собі нищечком буду;
Радий буду згадать все важке, все сумне,
А ще більше, як все те забуду.

На тексте Грабовского лежит печать *доместикации* – тщательного избегания и стирания «иностранных» примет – как ведущего принципа переводческой практики позапрошлого столетия. «Пусть читатели извинят, если временами моя украинская бандура играла на далекой чужбине не на родной лад, звучала неверным эхом севера», – признается Грабовский в предисловии ко второму сборнику переводов «Доля» [цит. по: 2, с. 130]. Так, в заголовке имя поэтессы передано по украинскому обычаю как «Христина», а не Кристина (Christina).

Оригинал приближен к украинской национальной ментальности и на жанровом уровне. В россеттиевском тексте, по-романтически протейстичном, присутствуют черты любовной лирики, религиозно-философской

медитации, эпитафии, плача (ламентации). Подобно творчеству Э. А. По, поэзия К. Дж. Россетти сосредоточена вокруг проблемы любви и смерти, подчас в несколько болезненных формах («When I am dead, my dearest», «At home», «After death»). Однако в данном случае жанровой доминантой поэтесса избрала *песню* (song), что отражено в названии. Украинский переводчик стилизует свой текст под фольклорную песню, при этом затушевывая индивидуально-авторские особенности первоисточника – внутреннюю сдержанность, психологическую и эмоциональную отчужденность лирической героини, пребывающей в мире мертвых. Стилизация у Грабовского проявляется в эпитетах, характерных для народной песни: *буйна трава* вместо *green grass* (зеленой травы), *люба тінь* вместо *shadows* (тени); *соловей* (*nightingale*) Россетти преобразуется в уменьшительно-ласкательного *соловейка*, постоянного персонажа украинской любовной лирики и народных песен о любви (ср.: *Ой у вишневому саду; Сміються, плачуть солов'ї* и др.). Ритмические (и по большей части синонимические) пары *не тужи, не ридай; ні дерев, ні квіток; ні роси, ні дощу; все важке, все сумне* также навеяны народной песенной традицией. Оттуда же, из фольклора, родом синтаксический параллелизм и окказиональная внутренняя рифма в последнем четверостишии (*ясний ранок свіне, чи день білий мине*), а также финальная рифма *буду – забуду*. (Ср., например, с: *На Купала була, / Сорочку забула* (из купальской песни), *Як не хочеш, дівчинонько, / Дружиною бути, / То дай мені таке зілля, / Щоб тебе забути* («Ой, не цвіти буйним цвітом»)).

Кроме фольклорно-песенного начала в переводе Грабовского проступает память о еще одной распространенной в украинском народном творчестве жанровой форме – *плаче*. Это заметно по переводческим изменениям: вместо простой просьбы *не пой печальных песен* – эмоционально насыщенные, на грани надрыва, обращения *не тужи, не ридай наді мною*; добавлен драматический тройственный повтор, отсутствующий в первоисточнике: *Як лежатиму я в домовині німій... Я не встану з холодної ями... Бо навіки в землі заночую....* Подчеркнутая экспрессивность перевода, так контрастирующая с нарочитым бесстрашием оригинала, вполне согласуется с жанровой формулой плача (причитания), которая предполагает свободную спонтанную речевую импровизацию и одновременно выражение высокого эмоционального напряжения (безутешное горе, накал скорбных чувств).

Примечательно, что П. А. Грабовский «присваивает» лирический голос, делая его мужским, в отличие от всех позднейших украинских переводчиков этого стихотворения – М. Ореста, М. Тарнавской, И. Качуровского. Это незаметно в первом обращении лирического «я» *my dearest*, переданном как нейтральное *друже милий*, однако в предпоследней строке появляется форма мужского рода *радий*. Акцентированная субъективность ощущается в избытке личных и притяжательных местоимений: формы *я, мой* повторяются у Грабовского 7 раз (для сравнения: у М. Ореста – 4, у И. Качуровского – 3, у М. Тарнавской – вообще 1). Правда, в оригинале аналогичных местоимений 9, однако этого требует английская грамматика, тогда как украинский

язык может обойтись личными глагольными формами или эллипсисом. Местоимение *ты* (*thou*) в оригинале встречается трижды, в переводе же вообще отсутствует, хотя последнее отчасти компенсируется соответствующими личными глагольными формами во 2-м лице ед.ч. *не тужи, не ридай, не сади, хоч (хочеш), забудь, кохай*. В целом это производит впечатление трагического надлома, болезненной погруженности лирического героя в собственные переживания. Этому найдутся биографические объяснения: к 1899 г. П. А. Грабовский пережил смерть спутницы жизни, политзаключенной Надежды Сигиды, в Карийской трагедии, ему самому оставалось жить всего несколько лет (в 1902 г. умер в ссылке в г. Тобольске от туберкулеза). Но одновременно этот психологический аспект перевода высвечивает черты украинского национального характера, отмеченные исследователями Н. Костомаровым, В. Липинским, Д. Чижевским: интровертированность, самоуглубленность, сосредоточенность на сфере чувств, психологический уход (бегство) от действительности в собственный внутренний мир (эскейпизм) [3].

Перевод П. А. Грабовского сейчас более интересен как факт истории украинской литературы. На смену импровизации-переспіву пришли классические переводы XX века, но именно это вольное переложение Россетти позволяет увидеть пути сближения английской и украинской культур, литератур, ментальностей, представляя хрестоматийное творение английского прерафаэлизма «в украинском национальном убранстве».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Грабовський, П. А.* Зібрання творів : у 3 т. / П. А. Грабовський. – Київ : АН УРСР, 1959. – Т. 2. – 624 с.
2. *Стріха, М. В.* Український художній переклад: між літературою і націєтворенням / М. В. Стріха. – Київ: Факт, 2006. – 344 с.
3. *Шевель, А. О.* Ментальність українців крізь призму природи / А. О. Шевель // Наукові праці Чорноморського державного університету імені Петра Могили. Сер. : Політологія [Електронний ресурс]. – 2012. – Т. 204, вип. 192. – С. 83–86. – Режим доступа : http://nbuv.gov.ua/j-pdf/Npchdupol_2012_204_192_20.pdf. – Дата доступа: 24.09.2015.

О. В. Новоселова (Тверь, Россия)

ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ КОНСТРУКТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ МЕНАСИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

В настоящее время в переводческой деятельности среди актуальных проблем адекватности, эквивалентности и точности перевода особое место занимает проблема интерпретации и оценивания собеседниками высказываний различной иллокутивной направленности на языке оригинала и языке

перевода в дискурсивном пространстве социальной коммуникации, а также вопросы эмоционального воздействия высказываний на собеседников на языке оригинала и языке перевода и поиска когнитивных средств, с помощью которых это влияние можно исследовать и оценить.

В этом плане представляется целесообразным рассмотреть дискурсивные практики различной иллокутивной направленности, например, *менасивные* (т.е. со значением угрозы) с позиций коммуникативного конструктивизма (см. подробнее о конструкте [1; 2]), т.е. как *коммуникативный конструкт угрозы*. Коммуникативный конструкт угрозы представляет собой определенный тип отношений между такими понятиями антонимического плана, как эмоциональное комфортное и дискомфортное состояние. Больше того, конструкт предполагает, что кроме данных понятий антонимического порядка существует некое среднее понятие, относящееся к тому же роду и разделяющее объемы крайних. Другими словами, на континууме содержания конструкта угрозы между комфортным и дискомфортным состоянием коммуникантов имеется промежуточное звено – аффицированное эмоциональное состояние, под которым понимается такой элемент конструкта угрозы, который отображает затронутость положительных или отрицательных эмоциональных переживаний собеседников [3; 4; 5; 6; 7].

Примечательно, что в условиях реальной коммуникации каждое реализованное менасивное высказывание становится причиной возникновения или изменения эмоционального состояния адресата. Так, менасивное высказывание может не стать причиной появления у адресата каких-либо постоянных негативных переживаний или возникновения дискомфортного состояния, а ввести его в аффицированное состояние. Подобная ситуация возможна в том случае, если адресат угрозы уверен, что адресант не в состоянии или не намерен выполнить указанное в угрозе менасивное действие. Например, следующая угроза вводит собеседника в аффицированное состояние: *Ein bestialischer Wunsch, für den man dich hängen sollte – aber es war ein Streich zum Zerplatzen* (Schiller). Следовательно, указанную конструкцию необходимо перевести таким образом, чтобы она также оказывала аффицированное воздействие на собеседника, что подтверждается переводом указанного выше примера: *Гнусное пожеланье, за которое тебя следовало бы вздернуть. Но шутка такая, что лопнуть можно* (Шиллер). Ср. также: *Noch weiß ich Mittel, die den Stolz eines einbildischen Starrkopfs so hübsch niederbeugen können – Klöster und Mauern!* (Schiller) и *Я знаю средство, которое живо сломит гордость стропливой упрямыцы, – монастырские стены!* (Шиллер)

Следует учитывать, что практика-угроза, произнесенная перед осуществлением говорящим указанных в ней менасивных действий, вводит собеседника в дискомфортное эмоциональное состояние. Например, следующие практики на языке оригинала оказывают то же эмоциональное воздействие, что и их перевод: *Ich will ihn dafür in die Hölle stoßen* (Schiller) и *За это он полетит у меня в ад!*; *Ich will ihn zu Staub zerreiben* (Schiller) и *Я его*

в порошок сотру! (Шиллер). Приведенные примеры показывают, что в процессе перевода при сохранении основного содержания дискурсивных практик необходимо учитывать то эмоциональное воздействие, которое они могут оказывать на собеседника, так как выбор языковых средств в каждом конкретном случае реализации коммуникативного намерения находится в определенной зависимости от отношений между партнерами, от их социально-ролевого статуса, а также от их эмоционального состояния.

Тем не менее при переводе с немецкого языка на русский в ряде случаев наблюдается несоответствие передачи эмоционального воздействия социальной практики-угрозы на языке оригинала и языке перевода. Примером этому является угроза *Wart! so sollst du vor mir zittern!* (Schiller), где модальный глагол *sollen* обладает свойством расширения и усиления перформативного воздействия практики на эмоциональное состояние, и ее русскоязычный перевод *Постой же! Ты затрепещешь передо мной!* (Шиллер), который обладает лишь свойством аффицированного воздействия. Ср. также: *Er soll dafür büßen!* (Schiller) и *Он за это заплатится* (Шиллер).

Итак, для адекватной передачи содержания (смысла) переводимых практик при переводе необходимо учитывать воздействие этих практик на эмоциональное состояние собеседника, так как оно находит свое отражение в выборе партнерами по общению языковых средств маркирования коммуникативной интенции. Как показано в исследовании, когнитивным средством, с помощью которого можно отобразить объем эмоциональной составляющей перформативных менасивных высказываний на собеседников на языке оригинала и языке перевода, является коммуникативный конструкт угрозы, который содержит иерархический архив (набор) диспозиций эмоциональных состояний, характерных для ситуации интерактивного взаимодействия по типовому сценарию «угроза». При этом правомерно полагать, что конструкт представляет собой универсальное когнитивное средство, он является инвариантным медиумом при переводе с одного языка на другой.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Келли, Дж.* Психология личности. Теория личных конструктов / Дж. Келли. – СПб. : Речь, 2000. – 182 с.
2. *Романов, А. А.* Дискурс утешения: Лингвopsихологический анализ / А. А. Романов, Н. Г. Немец. – М. : ИЯ РАН, 2006. – 144 с.
3. *Романов, А. А.* Дискурсивная топонимия практик-угроз / А. А. Романов, О. В. Новоселова // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал [Электронный ресурс]. – 2012. – № 3. – С. 67–78. – Режим доступа : <http://tverlingua.ru>. – Дата доступа : 20.02.15.
4. *Романов, А. А.,* Психосемантика конструкта угрозы в политической коммуникации / А. А. Романов, О. В. Новоселова // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер.: Педагогика и психология. – 2012. – № 3. – С. 6–16.

5. Романов, А. А. Дискурс угрозы в социальной интеракции: / А. А. Романов, О. В. Новоселова. – М.-Тверь : ИЯ РАН, Твер. ГСХА, 2013. – 168 с.
6. Новоселова, О. В. Коммуникативное пространство композитных перформативных угроз / О. В. Новоселова // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. Сер.: Филология. – 2012. – № 4. – Т. 1. – С. 182–190.
7. Новоселова, О. В. Коммуникативно-конструктивное пространство регулятивных менасивных действий / О. В. Новоселова // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал [Электронный ресурс]. – 2013. – № 3. – С. 72–84. – Режим доступа : <http://tverlingua.ru>. – Дата доступа : 20.02.15.

Г. А. Скакун (Минск, Беларусь)

МОДАЛЬНОСТЬ ПОБУЖДЕНИЯ КАК СФЕРА ПРОЯВЛЕНИЯ
МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ АСИММЕТРИИ
(на материале немецкого и русского языков)

Модальность побуждения не относится к числу тех языковых явлений, которые по природе своей обуславливают смысловые ошибки при переводе с немецкого языка на русский или с русского на немецкий: между обоими языками обнаруживается множество сходных моментов как в плане содержания, так и в плане выражения, что, как правило, облегчает задачу переводчика. Одинакова сущность данной модальности: реальная либо предполагаемая каузация действия говорящим, а отсюда и типичная для ее реализации коммуникативная ситуация «речь – действие». Семантика побуждения в обоих языках манифестируется в таких частных значениях, как мольба, просьба, совет, рекомендация, инструкция, запрет, приказ и т.п. Основным средством выражения этих значений и в немецком, и в русском языке является императив, совпадает и большинство форм-конкурентов, образующих вместе с данным наклонением ядро микрополя побуждения или находящихся на его периферии, – это, в частности, формы изъявительного наклонения, инфинитив, некоторые модели псевдопридаточных предложений, безглагольные предложения. В обоих языках императив сам по себе выражает лишь общее значение побуждения (оно дифференцируется за счет интонации в устной речи, контекстуальных маркеров, глаголов с соответствующими коннотациями), в то время как большинство синонимов императива экспрессивны и тяготеют к одному из полюсов побудительности – категорическому или же «мягкому» побуждению, отражающих в известной степени отношение адресанта к адресату. Например, инфинитив используется для передачи приказа, формы изъявительного наклонения выражают жесткое требование, конъюнктив II/сослагательное наклонение – просьбу, совет, рекомендацию. В переводе недостаточно воспроизводить общее значение побуждения, необходимо передавать и его нейтральность или категоричность, экспрессию, иначе искажается коммуникативная установка оригинала, ср.: *Hören Sie schon auf (J. Zeh)*. – *А ну вас к черту*. Или: *Ермолай Алексеич*,

dadume мне еще *взаймы!*.. (А. Чехов). – *Jermolai Alexejitsch, leihen Sie mir noch etwas!* В первом случае немотивированно усилена экспрессивность, во втором осталась невыраженной категоричность требования.

Однако наряду с общими для обоих языков характеристиками в выражении побуждения наблюдается и ряд различий как формального, так и содержательного плана, которые переводчик должен знать для обеспечения адекватного воспроизведения оттенков общего значения побуждения. Прежде всего, примерами проявления подобной межъязыковой асимметрии являются средства выражения побуждения, специфические только для одного из языков. Так, в немецком языке функционируют следующие единицы, отсутствующие в русском:

- причастие II – *Ich nahm meinen Matchbeutel und wollte gehen. / Hiergeblieben, kommandierte mich Frau Wachtel wieder ...* (U. Hahn);

- безличный пассив – „*Jetzt werden keine Geschichten mehr erzählt ...*“ (H. Fallada);

- синтаксическая конструкция с десемантизированным императивом глагола *machen* (*Mach, dass du* + глагол в форме 2-го л. ед.ч.) – „... *machen Sie, dass Sie wegkommen ...*“ (H. Böll).

Очевидно, что частные значения побуждения, выражаемые данными средствами, располагаются ближе к полюсу «категорическое требование». Аналогичные оттенки значения передаются такими морфологическими и синтаксическими единицами русского языка, как формы изъявительного наклонения, инфинитив, безглагольные предложения, которые и следует использовать в качестве эквивалентов указанных выше немецких средств выражения побуждения, например: *Фрау Вахтель* скомандовала: «*Все остаются на местах!*» / «*Всем оставаться на местах*». Стилистическая окраска модели *Mach, dass du ...* – ее явная отнесенность к просторечию – может быть воспроизведена и формами императива, не дифференцирующими общее значение побуждения, при замене стилистически нейтрального глагола стилистически маркированным: *Немедленно убирайся!*

Различия в передаче императивной семантики наблюдаются при имеющей место в обоих языках транспозиции временных форм изъявительного наклонения в сферу побуждения. Во-первых, в русском языке в рассматриваемом значении достаточно широко употребляются формы прошедшего времени ряда глаголов совершенного вида. При их переводе важно иметь в виду, что степень категоричности побуждения у форм единственного и множественного числа неодинакова: множественное число стилистически нейтрально, наиболее адекватными его соответствиями в немецком языке являются формы инклюзивного императива: *Ольга тронула Илью за плечо: / – Поехали домой* (Л. Улицкая). – *Olga berührte Iljas Schulter. / „Lass uns nach Hause fahren*. Единственное число выражает жесткое, грубое распоряжение, и для его перевода используются, как правило, безглагольные предложения: *Извозчик! Пошел на вокзал!* (И. Ильф и Е. Петров) – „*Kutscher! Zum Bahnhof!*“ В немецком же языке из трех форм прошедшего времени

в императивном значении может употребляться только перфект, но как периферийный конститuent микрополя побуждения, и, кроме того, в семантике перфекта содержится четкое указание на необходимость завершения действия, отсутствующее у форм прошедшего времени русского языка, т.е. перфект не эквивалентен данным формам; для его перевода оптимально подходит псевдопридаточное предложение, вводимое союзом *чтоб(ы)*. Во-вторых, при принципиальной возможности употребления форм презенса / настоящее время и футур I / будущее простое в побудительном значении частотность этих форм в обоих языках неодинакова: в немецком требование чаще выражается формами презенса, в русском – будущим временем, что важно учитывать при переводе, ср.: *Завтра ты поедешь* к дому *девятнадцать в поезде Черепановых, найдешь корпус три, поднимешься на пятый этаж и будешь ждать* (А. Маринина). – *Morgen gehst du zur Tscherepanow-Straße neunzehn, führst im Block drei in den vierten Stock und wartest dort*. Или: *Du gehst jetzt mit Jacques Chirac in den Flur, sagt sie, und wartest an der Wohnungstür auf mich* (J. Zeh). – *Сейчас ты выйдешь с Жаком Шираком в прихожую, говорит она, и подождешь* меня у входной двери. Кроме того, в немецком языке имеется возможность усиления категоричности требования, выражаемого изъявительным наклонением, – употребление спрягаемого глагола не на нормативном втором, а на первом месте в предложении: *Bist du stille!* (H. Fallada). Категоричность требования достаточно удачно передается с помощью приема целостного преобразования: *Хватит!*

Межъязыковая асимметрия в сфере модальности побуждения проявляется и в несовпадении побудительной семантики у аналогичных форм. В частности, инфинитив глагола в русском языке используется только для выражения категорического приказа, например: – *Встать!* – *негромко, но твердо приказал я и, поскольку они не шевельнулись, ... властным железным голосом закричал: – Встать!!!* (В. Богомолов). Немецкий инфинитив также передает данное значение, но может выражать и лишенное негативных эмоций распоряжение, ср.: *Doch ließ mich der Lehrer meine Darlegungen zu Ende führen und kommandierte dann knapp: „Setzen.“* (M. Reich-Ranicki). Но: *„Sehr schön, Doris, setzen. Schlagt die Hefte auf.“* (U. Hahn). Очевидно, что употребление инфинитива *сесть* для воспроизведения значения формы *setzen* в последнем примере было бы грубой переводческой ошибкой.

Определенную переводческую проблему представляют собой некоторые случаи употребления личного местоимения *вы* с глаголом в форме вежливости. Использование этого местоимения (как и местоимений *ты* и *вы* как его соответствия во множественном числе) в русском языке определяется коммуникативными задачами: местоимение присутствует, как правило, в конструкциях повышенной экспрессивности, – в частности, тогда, когда адресата нужно уговорить или убедить либо противопоставить его другому лицу контрастивным выделением: *Она сказала: – Вы идите, а я посижу. – И так как он молчал и по-прежнему смотрел на нее, что-то*

выжидая, повторила уже настойчиво: – Идите! (Ю. Домбровский). В немецком в аналогичной функции употребляются местоимения *du, ihr*, но *Sie* – обязательная составляющая соответствующей формы императива, поэтому простая замена *вы* на *Sie* приводит к коммуникативному сбою. Избежать его можно, например, добавив обращение или же используя графические средства – выделение местоимения жирным шрифтом, разрядкой и т.п.

Разумеется, проявления асимметрии в сфере модальности побуждения перечисленными примерами не исчерпываются. Однако уже эти примеры свидетельствуют о том, насколько важно определять как денотативное, так и коннотативное значение средств ее выражения, учитывая при этом семантику глагола и контекстуальные маркеры. Переводческие ошибки обуславливаются не столько различиями в инвентаре форм выражения, сколько неодинаковой экспрессивностью форм, при выборе которых интерферирующее влияние может оказывать родной язык переводчика.

А. У. Таболіч (Мінск, Беларусь)

ПРАБЛЕМЫ ПРАВАПІСУ ПАЗЫЧАНЫХ СЛОЎ З АНГЛІЙСКАЙ МОВЫ

Падчас міжкультурнай камунікацыі адбываюцца такія працэсы, як знаёмства з рэаліямі іншай краіны, запазычванні слоў, якія іх азначаюць, пошукі адпаведных аналагаў або спосабаў іх перадачы ў роднай мове. Сферы камунікацыі ўвесь час пашыраюцца, асабліва ў такіх галінах, як навукa, культура, спорт, масмедыя, Інтэрнэт і г. д., а таму запазычванне – пастаянны працэс у любой мове.

Праблема запазычвання слоў з замежных моў беларускай мовай падаецца нам надзвычай актуальнай, таму што ў ей змяніліся правілы правапісу, у тым ліку і ў запазычаных словах, што адлюстравана ў новых слоўніках. Але, на жаль, там не прысутнічаюць усе запазычаныя словы, якія выклікаюць цяжкасці ў іх вымаўленні і напісанні, а таксама вядуцца пастаянныя спрэчкі сярод навукоўцаў.

Мы прааналізавалі “Беларуска-рускі тлумачальны слоўнік новых слоў і новых значэнняў слоў”, выдадзены ў 2013 г. [1], які утрымлівае каля 4200 слоў англійскага паходжання (30 %). Шмат слоў запазычвалася праз рускую мову, а таму некаторыя недакладнасці і памылкі перайшлі ў беларускую мову з мовы-пасрэдніцы.

Пазычванне – адзін з відаў узбагачэння мовы. У XIX і XX стагоддзях было найбольш пазычанняў з англійскай мовы. У XXI стагоддзі гэты працэс прадаўжаецца. Пазычванні бываюць непасрэднымі і апасродкаванымі. Апошнія адбываюцца тады, калі словы пазычаюцца праз пасрэдніцтва

трэцьяй мовы (у нашым выпадку рускай мовы або польскай). Пазычаюцца як карані слоў, так і афіксы (прыстаўкі і суфіксы). Пераходзяць словы ў нашу мову праз *транслітарацыю, практычную транскрыпцыю, калькаванне і змешаны спосаб*.

Самым распаўсюджаным спосабам запазычвання з’яўляецца практычная (або перакладчыцкая) транскрыпцыя, што адпавядае сучасным патрабаванням лінгвістыкі. Прааналізуем найбольш спрэчныя моманты або выпадкі непаслядоўнасці:

– перадача дыфтонга [eɪ] праз [э] (*training – трэнінг*). Лічым гэта памылкай, якая перайшла з рускай мовы;

– перадача гука [w] праз [в] (*highway – хайвэй*);

– перадача дыфтонга [əʊ] праз манафтонг [о] (*slogan – слоган*). Лічым гэта памылкай, пазычанай з рускай мовы, дзе няма літары ў. У беларускай мове добрым адпаведнікам для перадачы гэтага дыфтонга можа быць злучэнне літараў *оў (слоўган)*;

– перадача гукаў [t] і [d] праз [ц] і [дз] (*tubing – цюбінг, body-art – бодзі-арт*). Наколькі нам вядома, ужо даўно змянілі перадачу прозвішча англійскага пісьменніка з *Дзікенс* на *Дыкенс*, але пакінулі *Сіці*.

Існуюць дзве тэндэнцыі ў пазычанні замежных слоў – прыстасаванне да правілаў прымаючай мовы і захаванне вобраза слова мовы-донара. У беларускай мове адбылося так, што пазычалі словы праз мову-пасрэдніцу, дзе няма правіла пераходу [д] і [т] у [дз] і [ц] перад пярэднімі галоснымі (параўнаем *боді – бодзі*). На наш погляд, для правільнага адваротнага перакладу слова лепш карыстацца другой нормай.

Неабходна звярнуць увагу на перадачу суфіксаў *-or, -er*. Суфікс *-or* адназначна перадаецца праз *-ap* (*auditor – аўдытар*), але з суфіксам *-er* мы заўважылі наступную тэндэнцыю: пасля літар *д, т, дж* ён перадаецца праз суфікс *-ap* (*outsider – аўтсайдар, printer – прынтар, pager – пэйджар*), а пасля астатніх – праз *-er* (*raver – рэйвер, rocker – рокер, thriller – трылер, freelancer – фрылансер*). У “Правілах беларускай арфаграфіі і пунктуацыі” знаходзім, што ненаціскныя фіналі *-эль, -эр* у запазычаных словах перадаюцца як *-аль, -ар*, а выключэнне складаюць уласныя імёны іншамоўнага паходжання [2, с. 9].

Перанос націску выклікае значныя змены ў правапісе запазычаных слоў. Беларуская мова, як і руская, мае правацэнтрычную тэндэнцыю ў пастаноўцы націску [3, с. 73]. Пры пераносе націску [о] пераходзіць у [а] (*college – каледж, popcorn – папкорн*). Але сустракаюцца запазычанні, дзе гэтага не адбываецца (*opera – опера, omnibus – омнібус*). Значыць, неабавязкова пераносіць націск ва ўсіх словах. Ясна, што ў слове *billboard* трэба было захаваць *о* у галоўным слове (*білборд*), але навошта было пераносіць націск у слове *алтымаат (ultimate)* на апошні склад?

Няма паслядоўнасці ў перадачы канцоўкі *man*. У адных выпадках націск падае на фіналь *мен* (*showman* – *шоўмен*), у іншых – на першы склад (*spokesman* – *споўксмен*), хаця гэтыя словы маюць аднолькавы склад. Перадача *man* як *мен* таксама адбылася праз рускую мову, бо нейтральнаму гуку [ə] лепш адпавядае беларускі гук [э] або [а].

Неабходна звярнуць увагу на перадачу гука [w], асабліва пасля зычных. Тут англійскі гук перадаецца праз [в] (*swinger* – *свінгер*, *squash* – *сквош*, *quiz* – *квіз*). Хутчэй за ўсё ў гэтых словах спрацоўвае закон зручнасці вымаўлення, хаця гук [w] перад галоснымі (выключэнне складаюць словы тыпу *wood*) перадаюць звычайна праз [у] (*William* – *Уільям*).

Транслітарацыя страціла былую папулярнасць, але ёсць такія выпадкі, дзе без яе нельга абысціся. Гэтыя выпадкі – злучэнні літар *ir, ur, ar* (*market* – *маркет*, *darts* – *дартс*, *burger* – *бургер*).

Гук [з:] часта перадаецца праз літару *ё* [jo] (*girls* – *гёрлс*, *curling* – *кёрлінг*), што не зусім адпавядае правілам фанетычнай эквівалентнасці. Англійскі гук [з:] не мае ніякага падабенства з беларускімі [jo].

Трэба адзначыць, што найчасцей прысутнічае змешаны спосаб, калі спалучаюцца два віды пазычання (*green card* – *грын-карта*, *pocket book* – *покетбук*, *device* – *дэвайс*).

Словы, якія маюць фіналь *s*, перадаюцца звычайна транслітарацыяй, але дадаецца беларускі канчатак *а* (*calisthenics* – *калістэнка*, *logistics* – *лагістыка*).

Сярод запазычанняў ёсць новыя словы з суфіксам *-tion*, які перадаецца праз даўно прыняты адпаведнік *-цыя* (*animation* – *анімацыя*).

Не толькі назоўнікі, але і вытворныя прыметнікі перадаюцца з дапамогай беларускіх суфіксаў і канчаткаў (*creative* – *крэатыўны*, *virtual* – *віртуальны*).

Наступны спосаб – калькаванне. Сустракаецца як поўная калька (*hot line* – *гарачая лінія*, *soap opera* – *мыльная опера*, *user* – *карыстальнік*), так і паўкалька (*skinhead* – *брытагаловы*, *web page* – *вэб-старонка*).

Прысутнічае таксама і пераклад, дзе слова набывае новае значэнне (*window* – *акно*, *mouse* – *мыш*).

Спынімся на некаторых памылках і недакладнасцях.

Галосныя:

– гук [e] перадаецца праз *эй* (*stretch* – *стрэйч*, *session* – *сэйшн*) і наадварот (*baby boom* – *бэбі-бум*, *lady* – *лэдзі*);

– гук [æ] перадаецца праз *эй* або *e* (*badge* – *бэйдж*, *catch* – *кетч*);

– гук [ʌ] перадаецца праз *э* (*dumping* – *дэмпінг*);

– дыфтонгі [əʊ], [aʊ] ператвараюцца ў манафтонгі (*discount* – *дысконт*, *roaster* – *ростар*).

Памылкі ў перадачы зычных:

– гук [dʒ] перадаецца праз [ж] (*lounge* – *лаўнж*);

– гук [v] перадаецца як [ф] (*live video* – *лайф-відэа*);

– гук [θ] перадаецца праз [з] (*blue tooth* – *блютуз*).

Такім чынам, пазычанні не заўсёды атрымліваюцца паслядоўнымі і правільнымі з пункту гледжання фанетыкі. Значыць, трэба іх пераглядаць, удакладняць і менш арыентавацца на рускую мову, якая пазычае іншамоўныя словы па сваіх правілах .

ЛІТАРАТУРА

1. *Уласевіч, В. І.* Беларуска-рускі тлумачальны слоўнік новых слоў і новых значэнняў слоў / В. І. Уласевіч, Н. М. Даўгалевіч. – Мінск : Аверсэв, 2013. – 253 с.
2. Правілы беларускай арфаграфіі і пунктуацыі. – 5-е выд., стэр. – Мінск : Нац. цэнтр прававой інфарм. Рэсп. Беларусь, 2013. – 144 с.
3. *Нехай, О. А.* Сравнительная типология английского и белорусского языков / О. А. Нехай, Т. В. Поплавская. – Минск: Вышэйш. шк., 1983. – 173 с.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

С. А. Белоконь (Донецк, Украина)

АВТОР И ГЕРОЙ: ВОЗМОЖНОСТЬ ДИАЛОГА

Одним из основных постулатов теории М. Бахтина, который определяет специфику отношений между автором и героем в художественном произведении, является общая установка ученого на принципиальную необходимость эстетического отношения автора к созданному им герою: «... общая формула основного эстетически продуктивного отношения автора к герою – отношение напряженной вневходимости автора всем моментам героя, пространственной, временной, ценностной и смысловой вневходимости, которое позволяет собрать *всего* героя» [1, с. 41].

Как подчеркивает М. Бахтин, в эстетическом событии существования художественного произведения принимают непосредственное участие автор и его герой, по отношению к которому автор занимает единственно возможную позицию вневходимости, что дает возможность автору реагировать не на отдельные проявления своего героя, а на целое героя. Именно такую реакцию исследователь и называет «специфически эстетической», она «собирающая все познавательные-этические определения и оценки и завершает их в единое и единственное конкретно-воззрительное, но и тем смысловое целое» [1, с. 33].

По утверждению С. Бройтмана, авторская «внежизненно активная» позиция – это не исключительно внутренняя или исключительно внешняя точка зрения на мир, но их «встреча» [2]. Именно эта встреча порождает возможность восприятия художественного произведения как специфического эстетического события.

Автор-творец в концепции М. Бахтина является той организующей силой, которая упорядочивает, воплощает, выражает эмоционально-смысловое единство произведения, а герой рассматривается как объект приложения авторских усилий, вокруг которого строится художественный мир.

Однако если автор-творец или автор-созерцатель (как его еще называет М. Бахтин) находится исключительно в эстетической плоскости, то герой может быть истолкован амбивалентно и находится не только в эстетической, но и в познавательной-этической плоскости восприятия собственных поступков. Наиболее ярко эта неоднозначность проявляется в ситуации, которая Бахтиным определяется как «проблема характера как формы взаимоотношений героя и автора». При этом под характером ученый понимает «такую форму взаимоотношений героя и автора, которая осуществляет задание создать целое героя как определенной личности» [1, с. 193].

Принципиальным отличием этой формы взаимоотношений, по М. Бахтину, оказывается то, что здесь сознательная деятельность автора в эстетической плоскости направлена на «создание и обработку четких и существенных границ героя, а соответственно, и принципиальных границ, которые разделяют автора и героя» [2, с. 193].

С учетом такой специфики взаимоотношений автора и героя логичным является то, что «здесь имеют место два плана ценностного восприятия, два осмысливающих ценностных контекста (среди которых один ценностно объемлет и преодолевает другой): 1) кругозор героя и познавательно-этическое жизненное значение каждого момента (поступка, предмета) в нем для самого героя; 2) контекст автора-созерцателя, в котором все эти моменты становятся характеристиками целого героя, приобретают определяющее и ограничивающее героя значение (жизнь оказывается образом жизни)» [1, с. 193–194].

В этой ситуации автор постоянно демонстрирует свое критическое отношение к герою, а также свободно использует «все привилегии своей всесторонней вненаходимости герою» [1, с. 194]. Однако и герой «в этой форме взаимоотношений наиболее самостоятелен, наиболее жив, сознателен и упорен в своей чисто жизненной, познавательной и этической ценностной установке» [1, с. 194]. Автор же «сплошь противостоит этой жизненной активности героя и переводит ее на эстетический язык» [1, с. 194].

Начиная с эпохи романтизма (индивидуально-авторской эпохи, по С. Аверинцеву) мы можем говорить о несколько парадоксальном характере авторской «вненаходимости», поскольку она продолжает быть одним из главных условий для деятельности автора-творца и вместе с тем является преградой для непосредственного диалога-общения автора со своим героем. Неслучайно М. Бахтин характеризует специфическую вненаходимость автора относительно романтического героя как «менее устойчивую» по сравнению с вненаходимостью в классическом типе: «Ослабление этой позиции ведет к разложению характера, границы начинают стираться, ценностный центр переносится из границы в самую жизнь (познавательно-этическую направленность) героя» [1, с. 200].

В этой ситуации герой и автор начинают определенное сближение, именно романтический герой впервые позволяет автору приблизиться к себе и начать своеобразный диалог внутри самого произведения, т.е. в поле эстетической реальности.

Особенно актуальным вопрос о своеобразном диалоге между автором и героем становится в литературе эпохи модернизма и связан прежде всего с появлением такой жанровой разновидности, как интеллектуальный роман.

Автор-творец здесь переходит границу между своей реальностью и реальностью художественного произведения, он теряет свою полностью автономную позицию вненаходимости, он определенным образом «огероивается», как бы занимая на какой-то момент воображаемое место своего героя.

Итак, с одной стороны, автор-творец в интеллектуальном романе делает более уязвимой свою позицию вненаходимости, когда вступает в диалог со своим героем, с другой – он еще сильнее утверждает свою власть над героем, когда безапелляционно говорит вместо него, и читатель верит в то, что именно так ответил бы герой, поскольку кому как не автору, как не творцу героя, знать, что может происходить в сознании героя.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин, М. М.* Автор и герой в эстетической деятельности / М. М. Бахтин // Автор и герой : К философским основам гуманитарных наук. – СПб., 2000. – С. 9–231.
2. *Бройтман, С. Н.* Внежизненно активная позиция / С. Н. Бройтман // Дискурс. – 2003. – № 11. – С. 29–37.

П. В. Боровиков (Минск, Беларусь)

СОВРЕМЕННОЕ БРИТАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В РОМАНЕ З. СМИТ «БЕЛЫЕ ЗУБЫ»

Роман З. Смит «Белые зубы» вышел в 2000 г. в Великобритании и стал одним из открытий литературного мира в начале нового тысячелетия, будучи дебютной работой молодой писательницы (на момент выхода книги ей было 25 лет), которая сразу удостоилась всестороннего признания от литературных критиков как в Великобритании, так и за границей. За этот роман З. Смит была удостоена премии Коста, одной из наиболее авторитетных литературных премий Великобритании. Сама писательница имеет смешанное происхождение: мать родом с Ямайки, отец коренной англичанин. Данный факт нашел свое отражение в романе, где некоторые герои также являются продуктами смешения двух культур либо сами двигаются навстречу людям, чье происхождение отлично от их собственного [1, с.10].

Сам роман легко характеризуется как «картинки с выставки» британской жизни. При этом общество, описываемое у Смит, разительно отличается от привычного о ней представления: там, в Лондоне далеко не везде ходят денди, привычные британские ценности и привычки практически незаметны невооруженным взглядом, а современная культура стала эклектикой метрополии и всех ее бывших колоний. Описываемые в романе антуражи и люди являются воплощениями противоречивости, а порой и гротескности: «Незнакомец, случайно заглянувший в бильярдную О'Коннелла, в надежде, скажем, услышать скачущий ирландский говор своих дедов или посмотреть, как красный шар рикошетит от борта и падает в лунку, будет разочарован, ибо не найдет внутри ни ирландского паба, ни бильярдной. С немалым смущением он станет рассматривать репродукции картин Джорджа Стаббса, изображающих скачки, и соседствующие полотна на покрытых коврами стенах с какими-то восточными письменами в рамках... Далее глаз уставится на развешанную от стены до стены карту Арабских Эмиратов с припиленным к ней ирландским флагом» [2, с. 89].

При этом желание воспитать детей в родной им культуре все равно трансформировалось в некую попытку стать частью и их нового дома: «В большой и взрывоопасной семье Микки существовала традиция называть всех сыновей Абдулами, дабы научить их не заноситься и быть как все... Однако дети не растерялись и придумали к арабскому имени английский хвост» [2, с. 90]. Так, хозяин был Абдул-Микки, один из его сыновей Абдул-Колин и т.д.

Наиболее простой и емкой характеристикой современного общества Великобритании стало описание разнообразия языков и вероисповеданий, распространенных в школе Глен-Хоук, где учатся некоторые из главных героев: «Школа представляла собой Вавилон, где дети из разных классов, с разным цветом кожи говорили на разных языках, каждый в своем особом уголке, из их ртов вырывался табачный дым и возносился к их многочисленным богам (Статистика 1990 года: 67 вероисповеданий, 123 языка)» [2, с.142].

Как уже упоминалось, современное британское общество в видении Смит также характеризуется гротеском, особенно в среде молодежи. Яркий пример проявления такого культурного гротеска – группа одного из главных персонажей романа, Миллата, именовавшая себя «раггастани», которая являлась эклектикой практически всех входящих в нее членов и их культурного багажа: «Раггастани общались на дикой смеси ямайского наречия, гуджарати, бенгальского и аш-лийского языков. Их учение, их, если можно так выразиться, манифест, тоже являл собой гибрид: Аллаха почитали, но не как далекое божество, а скорее как всеобщего большого брата, сурового чудака... также в основе их философии лежали кунгфу и фильм Брюса Ли; на это накладывалось некое представление о «Власти Черных» (основанное на альбоме группы «Public Enemy» «Fear of a Black Planet» [3]); но главным образом они видели свою миссию в том, чтобы сделать из индуса ирландского фения, из пакистанца – фанки-парня, а из бенгальца – бедового ковбоя» [2, с.113].

Все эти описания безусловно являются творческой интерпретацией реальных социальных трансформаций, которые начались в Британии с 60-х годов XX века и продолжаются в наше время. Автор и сама стала частью этих трансформаций, таким образом предлагая читателям своего рода «инсайдерский» взгляд на этот феномен. От этого непосредственного вовлечения роман только выигрывает, поскольку события представляются крайне правдоподобными, а персонажи представляются живыми людьми, со всеми их проблемами и характерами. З. Смит также уловила ту тенденцию в социальных процессах, которая к моменту написания романа хотя и стала неизбежной, но все же еще не затронула все уголки Великобритании: «Это было время новых людей: черных, желтых, белых. Целое столетие гигантского миграционного эксперимента. Так что в конце века вы видите на одной детской площадке Исаака Ленга у пруда, Дэнни Рэмана в футбольных воротах. Куан О'Рурк с баскетбольным мячом и Айри Джонс, насвистывающую себе под нос. Детей, у которых имя и фамилия не просто не сочетаются, а противоречат друг другу. В их именах массовая миграция, переполненные корабли и самолеты, холод чужой страны, медицинские осмотры... И все же, несмотря на то, что мы смешались, несмотря на то, что мы наконец научились спокойно входить в жизни друг друга... некоторым до сих пор трудно признать, что больше всего на настоящих англичан похожи индийцы, а на индийцев – англичане» [2, с.159].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Roma, J. G. Zadie Smith as a postcolonial Sisyphus: a Neo-postcolonial examination of «On beauty» : a thesis of MA in English / J. G. Roma. – Washington DC, 2008. – 55 p.*
2. *Смит, З. Белые зубы / З. Смит // Etextlib [Электронный ресурс].–2015.– Режим доступа : <http://www.etextlib.ru/Book/DownloadPDFFile/49272>. – Дата доступа : 12.04.2015.*
3. *Squires, C. Zadie Smith's «White Teeth» : A Reader's Guide / C. Squires. – London : Bloomsbury Academic, 2002. – 96 p.*

A. Bukajew (Minsk, Belarus)

DAS GEDICHT „DER FREIWILLIGE“ VON ERICH FRIED (KOMPLEXE ANALYSE)

Erich Fried, geboren am 6. Mai 1921 in Wien und gestorben 1988, emigrierte nach dem Anschluss Österreichs an das faschistische Deutschland über Belgien nach England, wo er viele Jahrzehnte verlebte und zunächst in verschiedenen Berufen arbeitete (als Hilfsarbeiter, Milchchemiker und Bibliothekar). Er wurde nach dem zweiten Weltkrieg freischaffender Schriftsteller. 1965 bekam er den Schiller-Förderpreis für seine politisch oppositionelle Gedichte, in denen er kritische Ideen im Geiste der westdeutschen außerparlamentarischen Opposition lyrisch gestaltete. Seine bekanntesten Gedichtbände der sechziger Jahre waren „Reich der Steine“(1963), „Warngedichte“ (1964), „Überlegungen“ (1965), „Und Vietnam und „ (1966), „Anfechtungen“ (1967), „Befreiung von der Flucht“ (1968),

„Zeitfragen“ (1968). Auch das vorliegende Gedicht aus den sechziger Jahren ist kritisch gemeint. Es geht hier um das Problem des freien Willens in allen Lebensbereichen und vor allem im militärischen. Es ist ein Rollengedicht, in dessen Mittelpunkt das tragische Schicksal eines Freiwilligen steht. Thematisch ist es typisch für die sechziger Jahre, aber dessen künstlerische Ausformung zeichnet sich durch viele Besonderheiten aus. Genremäßig lässt es sich wohl kaum eindeutig bestimmen, was für die lyrischen Texte der fünfziger und sechziger Jahre des zwanzigsten Jahrhunderts gar nicht verwunderlich ist.

Der Text ist ziemlich lang, er besteht aus 60 Versen, die sich zu 4 Strophen zusammensetzen lassen. Die erste Strophe schließt in sich zwölf Verszeilen ein, die zweite zwanzig, die dritte auch zwölf und die letzte, die vierte, sechzehn. Das Gedicht weist Endreime auf, es sind dies sogenannte Paarreime, deren strukturelle Qualität verschieden ist. Die Endreime sind entweder klingend weiblich oder stumpf männlich, kein einziger Endreim im Gedicht ist dreisilbig, das heißt gleitend. Als Beispiel kann man die erste Strophe anführen:

Als ich tot lag unter dem Baum/ wars als träumte ich einen Traum/ Als ich träumte dass ich nur träumte/ wars als ob ich mein Leben versäumte/ Als ich das Leben rief um mich zu wehren/ wars wie ein Weinstock voll giftiger Beeren/

Als das Gift zu wirken begann/ wars als hörte ich Reden an/ Als ich die Reden hörte von Pflicht/ wars wie ein Buch das man liest ohne Licht/ Als ich im Buch las von Freiheit und Helden/ wars als müsste ich gehen und mich melden.

Was fällt im angeführten Auszug aus dem Gedicht auf? Die Antwort ist augenscheinlich. Es sind dies vor allem die Interpunktionszeichen. Man sieht im Text keine Kommas und keine Punkte. Traditionell ist in der Lyrik die Großschreibung des Anfangsbuchstabens in jeder Verszeile. Hier ist es nicht immer der Fall. Gross geschrieben ist nur der erste Buchstabe im Temporalsatz „Als“. Und die Anzahl derartiger Sätze im ganzen Text beträgt die Hälfte der Verse, und zwar 30. Diese 30 Temporalsätze ohne jegliche Kommas sind im Grunde grammatische Parallelismen. Man kann wohl kaum derartige Beispiele in der ganzen Weltliteratur finden. Somit kann man das als einzigartige stilistische Besonderheit des vorliegenden Textes ansehen, die den Leser unbedingt aufhorchen lässt. Und was in diesem Gedicht noch auffällt, so ist das die Verbindung des Temporalsatzes mit noch einem Teilsatz im Rahmen einer größeren Satzstruktur. Dieser Teilsatz ist ein erweiterter Vergleichssatz oder einfacher Vergleich. Und im ganzen Gedicht sieht man auch dreißig derartige Strukturen. Und somit ergibt sich ein sehr interessantes Resultat: 30 Satzgefüge, die aus dreißig temporalen „Als“-Sätzen und dreißig vergleichenden „Als“-Sätzen oder einfachen Vergleichen mit „Wie“ bestehen. Zweifelsohne ist es eine große Seltenheit in der Literatur.

Was die Rhythmik des lyrischen Textes betrifft, so muss man sagen, dass sie in jeder Hinsicht durchaus bemerkenswert ist. In jedem Vers des Gedichtes verwendet der Autor verschiedene metrische Strukturen, sowohl zweisilbige als auch dreisilbige. Der erste Vers der angeführten ersten Strophe enthält zwei Trochäen und einen Anapäst, und im zweiten Vers einen Trochäus, einen Daktylus und einen Anapäst. Die Lyriker des zwanzigsten Jahrhunderts halten sich in dieser Hinsicht nicht so streng an die Regeln, wie dies die Vertreter früherer Epochen taten. Sie erlauben sich viel mehr Freiheiten in dieser Beziehung.

Aus stilistischer Sicht ist das Gedicht vom Freiwilligen ebenfalls nicht ohne Eigenarten und Besonderheiten. Die Wortwahl im Text ist ziemlich verschiedenartig: da findet man sowohl neutrale Wörter, als auch stilistisch gefärbte. Zur charakterologischen Lexik gehören: wissenschaftlich-technische Professionalismen (Beeren, Gift, Bienen, Räder, Röhren, Maschinen), beeindruckende Historismen (das Land Kanaan, Ritter, die Sieben Siegel), politische Begriffe (Pflicht, Freiheit, Helden).

Was Tropen betrifft und andere Stilmittel, so gibt es in dieser Hinsicht nicht besonders viele Beispiele, ohne welche aber der Text des Gedichts viel verloren hätte. Vorherrschendes Stilmittel darin ist selbstverständlich der erweiterte Vergleich, der sich in jedem Satzgefüge wiederholt. Es gibt auch andere Wiederholungen: morphologische Wiederholung (träumte – einen Traum), Epipher (als ich träumte dass ich nur träumte). Sehr ausdrucksstark wirken auch die Vergleiche in der ersten Strophe: „wie ein Weinstock voll giftiger Beeren“ und „wie ein Buch, das man liest ohne Licht“.

In der zweiten Strophe beeindruckt den Leser sehr stark die Alliteration „Räder und Röhren“, die sich in dem nächsten Vers am Anfang in Form einer Anadiplose wiederholt. Gleich danach steht eine weitere Anadiplose, an die sich ein neuer gelungener Vergleich anschließt („wars als wäre die Welt aus Eisen/ Als das Eisen begann zu klirren/ wars wie ein Bienensummen und Schwirren“). Am Schluss der zweiten Strophe kann man das im Gedicht erste Epitheton sehen („eine fliegende Gruft“), das man als metaphorisch ansehen kann. Das Wort „Gruft“ wiederholt sich als Anadiplose gleich danach. In der ersten Verszeile der dritten Strophe steht ein wunderbarer Vergleich „wie ein Ritter“ und am Ende dieser Strophe verwendet der Autor das symbolische Wort „Eis“ in Form einer Anadiplose („wars als klirrte mir Eis in den Knochen/Als das Eis zu schmelzen begann/ wars als fing ich zu sehen an“).

Soweit die stilistische und künstlerisch-formelle Gestalt des Textes mit einem lyrischen Ich, aber zugleich mit epischen Darstellungselementen, was dem vorliegenden Gedicht etwas Balladeskes verleiht. Der Hauptheld ist ein junger Mann, dem sein Leben als versäumt erscheint. Er denkt sogar an Selbstmord. Dann überlegt er es sich aber anders. Es finden sich redselige Leute, die Pflicht, Freiheit und Heldentum anpreisen und ihn dazu verführen, sich zum Militärdienst freiwillig zu melden. Er unterschreibt ein Dokument und gerät in die Kriegswirren, die ihn enttäuschen und kühl über das Geschehene nachdenken lassen. Bald darauf zeigt sich die Unzufriedenheit der militärischen Umgebung, die keine Denker, sondern kühle „Täter“ braucht. Zweifelnde Kämpfer braucht man nicht, sie werden als „Verräter“ abgestempelt und beseitigt. So tragisch endet das Leben eines denkenden, suchenden Menschen. Nur solche beenden ihr Leben so sinnlos, weil sie sich in die böswillige, unmenschliche Kriegerherde (besser ins Wolfsrudel) nicht einfügen können. Das Ende der vierten Strophe, wo der schnöde Mord so beeindruckend beschrieben wird, offenbart die humanistische Weltanschauung des Autors, seine zutiefst menschliche Gesinnung.

Dass der Schlussteil des Gedichtes nur so gedeutet werden kann und nicht anders, zeigt auch ein anderes Kurzgedicht des Autors, und zwar „Beim Nachdenken über Vorbilder“. Die meisten meinen, dass man den Vorbildern nur folgen muss. Wenn aber sie falsch und heuchlerisch sind, was dann? Dies bestätigt der Wortlaut dieses Gedichts: „ Die uns/ vorleben wollen/ wie leicht das Sterben ist/ Wenn sie uns/vorsterben wollten/ wie leicht/ wäre das Leben“.

В. Ч. Гронская (Мінск, Беларусь)

ПОШУКІ СЯБЕ І ДУХОЎНАГА ПРЫТУЛКУ ў ПРОЗЕ ТОМАСА БЕРНХАРДА

Як і іншыя аўстрыйскія пісьменнікі другой паловы ХХ ст., Томас Бернхард (Thomas Bernhard, 1931–1989) у сваіх творах пастаянна выступае з крытыкай Аўстрыі і «аўстрыйскасці», ставіць пад сумнеў характэрныя для сваіх суайчыннікаў разуменне гісторыі і сістэму каштоўнасцей, закранае такія тэмы, як замоўчванне злачынстваў Другой сусветнай вайны, адчуванне

чалавекам сваёй бездапаможнасці і замкнёнасці. Пры гэтым Бернхард займае асаблівае месца ў пасляваеннай аўстрыйскай літаратуры. У яго творах спалучаюцца наватарская манера пісьма і вернасць традыцыйным прыёмам стварэння тэкстаў. Бернхард ніколі не набліжаўся да авангардызму, аднак стаў заснавальнікам новых жанраў і выпрацаваў уласную паэтыку, якая вылучае яго з шэрага іншых аўтараў.

Томас Бернхард неаднаразова называў сябе «разбуральнікам гісторый». На самой справе адной з адметнасцей апавядальнай манеры пісьменніка з'яўляецца крайняя спрошчанасць сюжэтаў. Змест тэкстаў Бернхарда можна перадаць у некалькіх фразях. Аўтар не апісвае ўчынкі і здарэнні, не акцэнтуюе ўвагу на актыўным дзеянні, а акрэслівае сітуацыю, у якой знаходзіцца герой, і далей дазваляе яму гаварыць самому за сябе.

Героі Бернхарда існуюць, як правіла, у нейкай адасобленай прасторы (гэта можа быць зачынены пакой, закінутая маленькая вёска, далёкая ад Аўстрыі краіна). Гэтая замкнёная прастора мае ў апавяданнях сімвалічны характар, увасабляе сабой нездзяйсняльную, часта недарэчную тэорыю, асуджаную на крушэнне. Персанажы знаходзяцца нібыта ў затчэнні ў саміх сябе, у сваёй фіктыўнай ідэі.

Адметная і аўтарская манера адлюстравання такога свету. Гэта заблытаны маналог, які пераскоккавае з адной тэмы на іншую, але жорстка звязаны лейтматывамі і паўтарамі. Думкі і словы персанажаў аформлены Бернхардам наўмысна няправільна, з парушэннем стылістычных нормаў. Яны таўталагічныя і фрагментарныя. Але перад намі не плынь свядомасці і не ўнутраны маналог. Перад намі звернутая да суразмоўцы (яўнага ці ўяўнага) спроба сфармуляваць нейкую ідэю. Менавіта гэтым абумоўлены той факт, што думкі героя ў яго бясконцых маналогох увесь час кружляюць вакол аднаго і таго ж прадмета або некалькіх устойлівых паняццяў. У якасці такіх канстантаў у творах Бернхарда найчасцей выступаюць смерць, страх, знішчэнне, абвінавачванне, хлусня, уцёкі, холад, цемра, недахоп паветра.

Ці не найбольш паказальным і выразным з іх з'яўляецца матыў холаду. Холад або сцюжа нават вынесены пісьменнікам у якасці назвы першага рамана («Frost», 1963). Яго герой, мастак Штраўх, лічыць працу думкі адзінай магчымай формай чалавечага існавання, ён упэўнены, што чалавек павінен ўвесь час мысліць, што спыненне ў гэтым працэсе непазбежна вядзе да «замярзання» і «смерці». «Сцюжа» ў рамане паўстае як метафара ўмоў чалавечага існавання. Пры гэтым аўтар мае на ўвазе менавіта жыццё ў аўстрыйскай вёсцы, дзе людзі паддаліся, «змерзлі», спыніліся ў сваім развіцці. І гэтая вёска ўяўляе сабой мадэль усеагульнага аўстрыйскага заняпаду. Матыў холаду будзе адыгрываць важную ролю і ў апошнім рамане Томаса Бернхарда – «Вынішчэнне» («Auslöschung», 1986). І ў першую чаргу тут маюцца на ўвазе апісанні Вольфсэга, радавога памесця героя, якое таксама сімвалізуе ў творы ўсю Аўстрыю ў цэлым.

Акрамя таго, варта адзначыць і матыў уцёкаў ці, больш шырока, хады і руху ўвогуле. Герой апавядання «Мантэнь», напрыклад, некалькі разоў, паўтараючыся, расказвае, як ён дайшоў да дальняга кутка вежы, апісвае свой

шлях сюды, цемру, павуціну і іншыя паказальныя дэталі гэтага шляху, які відавочна сімвалізуе для апавядальніка ўцёкі ад сям'і і, шырэй, радзімы. Згаданы ўжо вышэй мастак Штраўх таксама пастаянна рухаецца: менавіта падчас прагулак ён распавядае студэнту – пратаганісту рамана – свае думкі і ідэі. І для яго гэты рух – таксама ўцёкі, як мінімум, ад закаснеласці і заняпаду аўстрыйскага вясковага жыцця. Хада і пакутлівыя разважанні суправаджаюць існаванне многіх персанажаў, створаных пісьменнікам. Яны ўсё жыццё ходзяць па адным маршруце, але іх мэта – сысці назаўсёды. У большасці выпадкаў нерэалізаваная, таму што або героі Бернхарда пастаянна вяртаюцца да аб'ектаў сваёй нянавісці і не могуць жыць без звыклага пачуцця агіды, або, як адбываецца ў «Мантэні», іх перакананні аказваюцца памылковымі: свет навязлівых ідэй пратаганіста супрацьпастаўляецца ў фінале зусім іншай, чым у яго ўяўленні, рэчаіснасці.

Для герояў Бернхарда і сама гаворка, сам працэс гаварэння – гэта таксама ўцёкі, спроба збегчы ад свайго мінулага, адшукаць нейкі духоўны прытулак або месца, што можа сыграць ролю «дома» або прыватнай, духоўнай радзімы.

Часцей за ўсё бернхардаўскія героі эмігруюць унутрана: яны па-ранейшаму жывуць у ненавіснай ім краіне, а ў якасці духоўнага прытулку выступае ідэя, мова, мастацтва і г.д. Аўстрыі, якая не ўспрымаецца як радзіма і дом, супрацьпастаўляюцца думкі герояў. Але гэтае вызваленне ад гісторыі і сваёй краіны – уяўнае, ілюзорнае, таму што ўвесь той змрок і холад, што апісваюць персанажы, на самой справе месціцца ўнутры іх саміх.

Вылучаецца на гэтым фоне хіба Мурау – герой рамана «Вынішчэнне», які, па-першае, з'ехаў з Аўстрыі і жыве ў Рыме, пабудаваўшы тым самым не толькі часавую дыстанцыю да мінулага, але і прасторавую – да радзімы. Па-другое ж, ён не толькі пагружаецца ў сваю нянавісць да роднай краіны, ён хоча пазбавіцца ад яе і робіць для гэтага высілкі. У дадзеным выпадку гэта кніга, якую герой збіраецца назваць «Вынішчэнне». У ёй Мурау збіраецца пераасэнсаваць сваё мінулае, расказаць пра яго праўду (у яго разуменні), каб у рэшце рэшт сцерці са сваіх успамінаў і развітацца з ім. На думку героя, толькі задакументаваўшы мінулае, можна вызваліцца ад унутраных канфліктаў і пачаць жыць.

Аднак гэтае вынішчэнне вядзе ў рамана, як ні парадаксальна, не да духоўнага вызвалення героя, а, наадварот, да канчатковага самаразбурэння. Знішчыўшы радавое памесце на словах, герой знішчае яго і на справе – дорыць Ізраільскай рэлігійнай абшчыне. Пасля чаго ў апошнім сказе рамана нам паведамляецца пра смерць героя.

Назва рамана, такім чынам, вельмі добра адлюстроўвае яго сэнс. Увесь твор – гэта бясконцае вынішчэнне мінулага, гісторыі, дома, сям'і, дзяржавы, але разам з тым – вынішчэнне ўласнага жыцця, непарыўна звязанага з радзімай і яе гісторыяй.

У той жа час «Вынішчэнне», апошні буйны твор Бернхарда, можа быць успрыняты і як рамана, які падводзіць вынік таму, што было напісана аўтарам раней. Сапраўды, уся бернхардаўская проза гучыць як адзін цыкл, як адзінае цэлае, цэнтральнай праблемай якога робіцца спроба герояў пераадолець свой «комплекс паходжання» (тэрмін самога Бернхарда). Пры гэтым колькі

заўгодна могуць змяняцца жыццёвыя абставіны і імёны персанажаў, таму што на самой справе ва ўсіх раманах Бернхарда адно, агульнае месца дзеяння – свядомасць героя. Персанажы Т. Бернхарда – вечныя аўтсайдары, якія думаюць і пакутуюць, якія не маюць прытулку на сваёй радзіме і не могуць яго знайсці ні ў чым іншым.

Д. И. Данилевич (Минск, Беларусь)

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ В ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СТРУКТУРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. КОЗЛОВА И ДЖ. К. ОУТС

Феномен трансцендентальных состояний психики, попытка их художественного изображения волнует писателей всего мира. Примеры таких произведений можно найти в литературе и США, и Беларуси. Однако расположение этих стран на далеком расстоянии обуславливает наличие расхождений в репрезентации того, что принято называть «душа». И тем не менее сходные черты тоже прослеживаются.

Эпиграфом к повести белорусского прозаика конца XX – начала XXI в. Анатолия Козлова «Несломанная свечка» («Незламная свечка») служит отрывок из шекспировского «Гамлета»: *І ў небе, і ў зямлі схавана больш, чым сніцца вашай філасофіі*. Этим автор подчеркивает, что в повести речь пойдет о метафизических явлениях, о чем-то не объяснимом с точки зрения официальной науки. Подчеркнем, что белорусский автор в своем произведении обращается к англоязычному источнику.

События разворачиваются в деревне Шишковка. После несчастного случая на лесоповале семья Смоляков остается без кормильца: Сергея убивает упавшим деревом. В деревне эту смерть не считают случайной, поскольку многие верят в силу старого проклятья. Начиная с прапрадедов, все мужчины двух семей – Смоляков и Барташевичей – умирали неестественной смертью. Ходили слухи о том, что это одно семейство насылает порчу на другое.

Центральное место в повести занимает эпизод со свечой. Надежда Барташевич приходит в дом Смоляков «мириться». Она говорит, что не виновна в смерти Сергея, хотя читатель осознает, что ее помыслы не искренние. Мать Сергея Марфа предлагает ей совершить обряд разламывания свечи: *Калі злобы, бяды адзін аднаму не рабіў, калі напраслінай цябе аблілі, то збярыся з тым чалавекам разам, памаліся, стоячы перад абразамі на каленях, і пераламайце ўдвух асвечаную ў царкве грамнічную свечку...* Надя испугалась такой проверки на искренность и убежала, а свеча так и осталась несломанной. Эта свеча – символ того, что вражда между семьями останется, пока каждый не найдет в себе силы простить других и отказаться от мыслей о мести. Традиционно свеча – это объект, несущий свет, разгоняющий тьму. Как образ духовного света во тьме невежества свеча является важнейшим символом христианских традиций, будучи эмблемой Христа, Церкви, Благодати и Веры.

Особое место в повести занимает эпизод, в котором изображен полет души Сергея. Сразу после смерти ему становится легко и радостно: *хочацца ўзвіцца над лесам, абняць усё навокал і ляцець, ляцець наперагонкі з ветрам, хмарамі...* В это время его односельчане слышат птичью песню. Кто-то удивляется, что никогда не слышал такой трели раньше, на что ему отвечают, что это поет душа Сергея, которая так прощается со всеми. В этой сцене просматривается очевидная связь христианства и язычества: вера в лучшую жизнь после смерти и слияние души с природой, воплощение ее в фауне (песня неведомой птицы). Этим, вероятно, подчеркивается, что душа у него чистая и светлая.

Изображению свободного полета души Сергея после смерти противопоставлено описание морга, куда привозят его тело. Там чисто, стены белоснежные, но от этой стерильности становится неуютно обычному человеку. Однако в этих стенах трудятся патологоанатомы – профессионально отстраненные люди. Их не заботит земная жизнь Сергея, а тем более проклятье, в которое верят все его односельчане. Для них его тело – работа, объект исследования, над которым необходимо провести ряд обязательных манипуляций и установить точную причину смерти. Автор показывает, что в этих стенах нет места мистике.

Опыт души, существующей отдельно от тела и описанной в данной повести, перекликается с лейтмотивом новеллы современной американской писательницы Дж. К. Оутс «Коллекционер сердец». Там в роли рассказчика выступает душа девушки, убитой маньяком. После смерти душа вселяется в статуэтку-сердце, став очередным экспонатом коллекции убийцы, и представляется чем-то чистым и светлым. Это отражено в манере повествования: рассказ ведется от первого лица – души, но рассказчик этот наивен, ненадежен. Накануне убийства главная героиня совершенно свободно приезжает домой к незнакомому мужчине – судье по ее делу о мелкой краже в магазине. Она не придает значения знакам, предостерегающим ее, не может рассмотреть некоторые детали, например, куда ведет лестница. Так, почувствовав запах плесени в прихожей, она мысленно противопоставляет ему запах своих духов. Ее сознание словно фильтрует и блокирует негативную информацию, с одной стороны, с другой – душа не способна оценить все то, что произошло с девушкой на самом деле.

В другой новелле Дж. К. Оутс, имеющей символическое название «Посмертное» («Posthumous»), изображен процесс постепенного осознания душой, что тело мертво. То есть сама новелла – это внутренний монолог души, еще не покинувшей мертвое тело. Ни читатель, ни душа первоначально не догадываются о случившемся. Лишь конкретные детали постепенно проливают свет на произошедшее. Рассказчица ощущает холод и даже дрожь. Она смотрит на свои ноги, торчащие из-под одеяла, и находит их беззащитными, кроме того, они раскинуты так, будто тело упало с большой высоты. Героиня пытается хотя бы приподняться на локте, но тело не подчиняется ей. Постепенно происходит процесс отстранения: душа начинает смотреть на тело со стороны.

Когда в квартиру врываются полицейские, героиня «кричит», чтобы они ушли, оставили ее в покое, но, очевидно, что они ее не слышат. Ее кожа меняет свой цвет, ногти синеют. Она чувствует стыд из-за того, что ее немолодое обнаженное тело рассматривают неизвестные люди. Она остается в уверенности, что с ней все хорошо, что она психически здорова. Таким образом, рассказчице не нравится, что в ее жизнь вмешиваются и на ее тело смотрят. Символично, что в квартире находятся именно полицейские. Они в меру своей профессии прагматичны и бесстрастны. Они видят в мертвом теле только объект для исследования, для них это просто работа. Душа бунтует против такого подхода. Через такую гротескную форму, через подробное описание трансцендентального состояния Дж. К. Оутс мастерски показывает несовпадение восприятия человеком себя «изнутри» и другими людьми «снаружи».

Таким образом, в этих трех произведениях можно проследить общие черты. Во-первых, «рационального» объяснения происходящему в произведениях данные авторы не дают. Во-вторых, герои-души наивны, они не считают себя тем, кем являются. В-третьих, они стараются вступить в контакт с обычным миром, чтобы закончить незавершенные дела или просто что-то сообщить.

К различиям можно отнести преимущественное использование христианских и языческих мотивов А. Козловым (наведение порчи, сопоставление души и птицы) и отсутствие в произведениях Дж. К. Оутс атрибутов какой-либо определенной религии. Она опирается только на общечеловеческие мотивы, связанные с рождением, любовью, смертью. В повести А. Козлова душа Сергея Смоляка может свободно перемещаться в пространстве. В новеллах Дж. К. Оутс души остаются «прикрепленными» к телу или объектам (экспонатам в форме сердца, составляющим коллекцию судьбы). Но каждый из этих образов несет в себе протест: они выступают против овеществления и вмешательства посторонних в личные дела, против ссор, вражды, насилия.

Н. В. Колядко (Минск, Беларусь)

ИНДЕЙСКОЕ МИРОВИДЕНИЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ АРХЕТИПИЧЕСКОЙ ОБРАЗНОСТИ В РОМАНЕ ЛИНДЫ ХОГАН «ВЛАСТЬ»

Линда Хоган – поэтесса, драматург, эссеист, университетская преподавательница – является представительницей индейского племени чикасо (или чикасавы), проживающего на территории юго-восточных штатов США. Она родилась в 1947 г. в Денвере, штат Колорадо, в семье военного. В силу того, что ее родители часто переезжали с места на место, Л. Хоган росла в отрыве от культурных и исторических традиций своего племени.

В произведениях Л. Хоган, глубоко лиричных по своей тональности, поднимаются серьезные социальные, политические и исторические проблемы, вопросы исторических ошибок, несправедливости и жестокости по отношению к индейцам со времен европейской колонизации Северной

Америки до наших дней. Эти темы находят художественное воплощение уже в первом романе писательницы «Ничтожный дух» («Mean Spirit», 1990), который был удостоен Пулитцеровской премии.

В романе Л. Хоган «Власть» («Power», 1998) рассматриваются проблемы становления личности героини через осознание своего «я», которое происходит в процессе возвращения к корням. Главная героиня, от лица которой ведется повествование, – шестнадцатилетняя девочка Омишто из вымышленного племени таига. Она стремится к обретению Самости путем отдаления от социума, для которого характерны явления кризиса нравственно-духовных ценностей, и жизни на лоне природы. Она пытается найти баланс между тем, что ей привило общество, и тем, чего она хочет на самом деле.

Все произведение представляет собой своеобразный лирический монолог с редкими вкраплениями диалогической речи. Данная особенность его повествовательной манеры позволяет читателю полностью погрузиться во внутренний мир девочки, которая ищет место в жизни и воспринимает все происходящее сквозь призму верований и взглядов своих индейских предков. Постепенное приобщение к традициям племени таига и осознание своей принадлежности к жизни общины открывают перед Омишто неведомые прежде источники внутренней силы и власти над хаотичными проявлениями своего «я».

В этой связи глубокий символический смысл приобретает заглавие романа. Уже его перевод с английского языка предоставляет несколько вариантов толкования: *power* – это и ‘сила’, и ‘власть’, и ‘могущество’. В тексте книги слово *power* употребляется не менее 29 раз. Л. Хоган нередко использует однокоренные слова (такие как *powerful*, *empower*) и многочисленные синонимы, среди которых *strength* ‘физическая или ментальная сила’, *force* ‘сила, энергия’, *might* ‘мощь’, *sway* ‘власть’, что подчеркивает неоднозначность заглавия и многоуровневый характер поиска главной героини.

Значимо, что в основе всех примитивных религий нашей планеты лежит понятие некой силы, энергии. Это так называемые динамические религии, базирующиеся на вере в то, что существует разлитая повсюду магическая сила (или мана), которая выступает как первоисточник всего. Такое понятие «примитивной энергетике», согласно воззрениям А. О. Лавджоя, соответствует представлениям первобытных людей о душе, духе, боге, здоровье, силе любви, плодородности, силе волшебства, влиянии, власти, а также о душевных состояниях, для которых характерен всплеск неконтролируемых эмоций.

Возможно, в своем романе «Власть» Л. Хоган размышляет о силе первозданной природы и ее власти над людьми, о древних и самобытных силах, живущих вокруг нас и неизменно влияющих на нас. Устами Омишто писательница рассуждает о силе слов, в которую свято верит одна из старейшин племени таига – Энни Хайд, о власти человека выбирать свою судьбу, а иногда и влиять на жизнь другого человека. Все эти значения так или иначе реализуются в идейно-смысловой структуре рассматриваемого романа посредством архетипической образности.

Архетипы представляют собой, по К. Г. Юнгу, повторяющиеся перво-образы, универсальные модели «коллективного бессознательного». Как полагает А. Ю. Большакова, в основе литературного архетипа лежит «неизменное ценностно-смысловое ядро». Одно из таких ценностно-смысловых ядер связано в романе с именем главной героини: Омишто в переводе с индейского значит 'тот, кто наблюдает'. Это имя предопределяет ее жизненное кредо человека, смотрящего в глубь вещей, а иногда указывает на ее роль стороннего наблюдателя.

Омишто часто плавает на отцовской лодке, доставшейся ей по наследству. Находясь в лодке на тихом озере, где она может побыть наедине с собой, девочка чувствует себя в безопасности. Согласно «Словарю символов», в самом общем смысле лодка являет собой «средство выражения и связи». Лодка также символизирует материнское чрево. Вода традиционно ассоциируется с отношениями между глубоким и поверхностным, внешним и внутренним, а озеро равнозначно «прозрачности». В то же время озеро как таковое или даже сама его поверхность – гладь – имеют значение зеркала, олицетворяют самосозерцание, размышление и откровение.

Омишто дружит с Амой, которая ведет жизнь изгоя. Женщина близка девочке по духу, поэтому героиня романа не хочет и не может отказаться от общения со своей «духовной матерью», несмотря на осуждение со стороны близких. Ама многому учит Омишто, делает ее ближе к Природе, посвящая в старинные индейские легенды, влияет на ее мировоззрение и выбор жизненного пути, таким образом выполняя роль духовного Наставника.

Главная героиня повествует об огромном старом дереве Мафусаил, растущем недалеко от дома Амы. Его возраст насчитывает более пяти веков. Дерево – один из центральных традиционных символов, архетипическое значение которого связано с жизнью космоса, его ростом, распространением, процессами зарождения и возрождения. Оно выступает источником неистощимой жизни, а потому эквивалентно символу бессмертия. Поскольку дерево обладает вытянутой вертикальной формой, символизм центра мира выражается в терминах мировой оси. В данном случае речь идет, скорее всего, об архетипе Мирового Древа, олицетворяющего единство всего мира, священного и бессмертного. Неслучайно Ама, тесно связанная с энергией земли, живет в непосредственной близости от Мафусаила.

Женщина рассказывает Омишто легенду о происхождении человечества и связи этого процесса с появлением пантеры по имени Сиса, а также об одном поверье старейшин, применимом, по ее словам, к ней самой. Ама твердо уверена в том, что одновременно с ней была рождена пантера, которая и есть ее союзник-покровитель, тотем племени. Идентификация себя с животным означает, согласно теории К. Г. Юнга, включение подсознания и иногда, подобно погружению в первобытные воды, омоложение путем прикосновения к источнику жизни. Ама поведала девочке о привидевшейся ей во сне золотой пантере на двух ногах, которая просит женщину следовать за ней. По «Словарю мифов», появление животных в снах и видениях выражает неупорядоченные и не вполне осознанные энергии, не подвластные воле человека. По К. Г. Юнгу, животное олицетворяет нечеловеческую душу, мир подсознательных инстинктов, а также бессознательные области психики.

Впоследствии Омишто снится, что старейшины племени таига смотрят на нее, а она растет, как растут корни и стебли растений. Во сне, а затем и наяву она постоянно чувствует присутствие пантеры, которая вселяет в нее уверенность в правильности выбранного жизненного пути. В конце романа девушка возвращается в племя. Во время ритуала посвящения старейшина Энни Хайд дает ей веер из белоснежных перьев. Символика веера связывается с воображением, переменой и женским началом. Омишто танцует с веером, что является своеобразным актом созидания, который сродни ритуалу, выполняющему космогоническую функцию и олицетворяющему источник вечной энергии.

Так завершается процесс формирования личности девочки. Несмотря на весь драматизм романа Л. Хоган «Власть», его финал скорее оптимистичен, поскольку героиня делает свой выбор, возвращаясь к корням. Процесс ее инициации как члена индейского племени завершен, о чем свидетельствует танец Омишто с веером, в котором реализуется архетип интегрированной Самости. Здесь он представлен через преодоление комплекса противоречий внутри нескольких общественных систем, через осознание противоречий внутри каждой из них. Таким образом, архетип Самости раскрывается в романе через образы воды, ветра, тотема пантеры, Мирового Древа, духовного Наставника, которые приобретают особый смысл в контексте индейского мировидения.

Н. Н. Коноплева (Саратов, Россия)

КЕЛЬТСКИЙ СЛЕД В ТРАГЕДИИ У. ШЕКСПИРА «МАКБЕТ»

Универсальность текстового восприятия заключается в том, что читающий находит то, что в тексте ему понятно; однако объем понятого так же, как и уровень понимания, зависит от многих причин, в том числе идиоматических. Известно, что «Макбет» называют шотландской пьесой, но национальный субстрат, выраженный не только событийно, но и на подтекстовом уровне, выявляется аналитическим путем. С этой точки зрения рассмотрим некоторые эпизоды, которые напрямую связаны с кельтской мифологией.

Действие трагедии, как следует из авторских ремарок, происходит на вересковой пустоши (*heath*), расположенной в нескольких километрах от упоминаемого города Форреса. Представляется, что это типичный для Шотландии пейзаж: скалистые горы без всякого намека на растительность обступают котловину – топкую болотистую местность, поросшую низким кустарником (вереском). В таком виде это очень отдаленно напоминает земной ландшафт, а больше похоже на преисподнюю.

Авторская ремарка вызывает бесчисленные толкования. Например, существует утверждение, что пустошь поросла не вереском, а утесником – очень ветвистым колючим кустарником, который растет на скалах. Конечно, можно допустить и это предположение, но, даже при наличии такого выбора, вереск, более чем любое другое растение, связанное с Шотландией, освоено русским читателем культурологически – «Вересковый мед» у всех на слуху.

Что же касается утесника, то многие читатели о нем, наверняка, слышат впервые. К тому же в скандинавских сагах, оказавших влияние на кельтскую мифологию, следы которой присутствуют в «Макбете», вересковые пустоши упоминаются как места схватки мистических сил. Эта мифологическая аллюзия с самого начала настраивала читателей, современников Шекспира, на драматические события, которые произойдут в произведении.

Одним из самых выразительных эпизодов в трагедии становится пророчество темных сил о том, что Макбет непобедим, пока на Дунсинанский холм не пойдет Бирнамский лес:

*Macbeth shall never vanquished be until
Great Birnam Wood to high Dunsinane Hill
Shall come against him.*

Это событие мыслится как невероятное, но только не мифологически: в ирландском повествовании «Битва при Маг Туиред» есть обещание устроить «битву растений», которой грозят колдуньи: «А вы, Куйлле и Дианан, – спросил бог Луг двух колдуний, – как нам послужите в схватке?» – «Нетрудно ответить, – сказали они, – чары пошлем мы, и камни, деревья и дерн на земле станут войском с оружием, что обратит врага в бегство».

Как становится известным позже, сын убитого короля, Малькольм, приказал солдатам срубить ветки деревьев и нести их перед собой для прикрытия при штурме замка Дунсинан, оплота Макбета. Таким образом, шагающий лес – возможный вариант указанных событий. Можно сказать, что «двинулся наперерез Бирнамский лес».

В тексте трагедии встречается фраза, наполненная образным содержанием. Переосмысление ее в метафорическом ключе приводит к такому выводу, что слово *harped* 'играть на арфе', так считают комментаторы, синонимично слову *guessed* 'догадаться': *Thou hast harp'd my fear aright*. Но в этом образе, по-видимому, скрыт некоторый намек на то, что кельты под звуки арфы разговаривали с иным миром, откуда человеку посылаются все внушения, в том числе и в эмоциональной сфере. Страх, который объемлет Макбета, имеет духовную природу, в действительности ему пока ничто не угрожает.

Часто привычные, обыденные события при подтекстовом прочтении, помещаясь в другой контекст, обретают новое звучание: *Though bladed corn be lodged, and trees blown down*. То, что деревья выворачиваются с корнем, свидетельствует о силе поднявшегося урагана. Но в кельтской мифологии деревья, например дубовые рощи, признаются священными, что существенно смещает смысловые акценты: это может означать гибель мира.

Самым мифологически нагруженным представляется эпизод с дальним морским путешествием. Мотив морского плавания как перехода в иное состояние возникал в мифологическом ключе и ранее. Как правило, действие разворачивалось в особом пространстве сакральной географии, в качестве которого выступали дальние страны. Например, в кельтской мифологии неопределенно далекое расстояние называется «за девять волн», что косвенно прослеживается в тексте. Кормчий, упоминающийся в этом эпизоде, скорее всего, собирательный образ.

Кормчий – это тот, кто знает путь, но этот путь может быть и гибельным. В тексте указаны и причины, приведшие к гибели несчастного. Одна из ведьм хвастается, что завладела пальцем погибшего кормчего. Использование частей мертвого тела (некромантия) – обычная практика, к которой в демонологии прибегают «темные» силы. Однако уточнение «большой палец» не случайно. Представляется, что это намек на легендарного ирландского героя Финна Мак Кумалла, которому достаточно было прикусить большой палец, чтобы получить какое-либо предсказание или магический совет от духов. На возможность такой параллели может указывать и то, что как и Финн Мак Кумалл, так и Макбет – воин и предводитель воинов. Он тоже хочет получить предсказание и получит его на свою гибель.

Таким образом, смысл происходящего может быть понят на текстовом уровне как часть общего знания, но дополнительные смыслы значительно обогащают исходный текст, погружая его в стихию национального сознания.

В. Б. Медведев (Москва, Россия)

«DER RABBI VON BACHERACH» Г. ГЕЙНЕ: ПУТЬ К КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Решение известного немецкоязычного писателя Г. Гейне представить, пусть и фрагментарно, в рассказе «Раввин из Бахераха» [1] трагедию маленького угнетаемого народа явилось поступком не только литературной, но и гражданской значимости.

Являясь приверженцем реформистских идей берлинского общества культуры и науки евреев, Г. Гейне, «был полон стремления создать внутри германского общества пространство для существования еврейской культуры путем трансформирования как еврейской, так и христианской культур» [1, S. 178]. В своем небольшом произведении Г. Гейне в какой-то мере обозначил путь решения этой задачи.

По своей структуре, идейной наполненности, языковым особенностям рассказ Г. Гейне полностью отвечает основным целям деятельности общества – максимальному приближению иудейских канонов к христианским. В бытописании еврейского гетто автор попытался по возможности ослабить этнолингвистическую составляющую, обеспечив немецкому читателю большую доступность своего произведения. Тщательный анализ единиц всех языковых уровней произведения «Раввин из Бахераха» свидетельствует, с одной стороны, о том, что дозированное использование автором этнолингвистических элементов явилось намеренной авторской интенцией, с другой – подтверждает достаточное владение Г. Гейне этническим (идиш) языком, рассеивая сомнения на этот счет большинства исследователей.

Анализ элементов *лексического уровня* данного произведения показывает, что Г. Гейне избегал даже ничтожного использования привычной в этнической среде лексики, например, при обозначении бытовых реалий. Так, общепринятый этноним *Matze* ‘маца’ писатель передает в непривычной

описательной форме – *ungesäuerte Osterbröte* или *dünne Paschabröte*; на страницах рассказа ни разу не встречается слово *Bibel*, но употребляется *Heilige Schrift* ‘Священное Писание’ или *Bücher Mosis*; наряду с принятым в этнической среде и известным немцам обозначением культового учреждения *Judenschul(e)*, Гейне использует преимущественно слово *Synagoge* или даже *Kirche*, а семисвечник интерпретируется им не как *Menora*, но как *der siebenarmige Tempelleuchter*; слово *Pacha* сопровождается подробным объяснением смысла этого праздника.

Тем не менее авторский голос, наполненный нескрываемой теплотой по отношению к главному герою, звучит в полную силу уже в названии произведения: Гейне вынес в заголовок не официальное наименование слугителя культа *Rabbiner* ‘раввин’, но обращение к последнему как к духовному наставнику и близкому лицу *Rabbi* ‘ребе’. Самого священнослужителя и его супругу Гейне награждает именами библейских прародителей – *Abraham* и *Sara*.

Ребе Абрахам, пытаясь угадать имя одного из эпизодических героев рассказа, обращается к нему, используя идишскую форму личного местоимения во втором лице мн. ч.: “*Jhr seid Jäkel der Narr*” – *rief der Rabbi ...*” [1, с. 201]. Одновременно здесь следует обратить внимание на *фонографическую имитацию* характерного этнического произношения долгого [i] в начале слова “*Jhr*”.

В рассказе Г. Гейне помимо исторических топонимов, библейских реалий, личных имен наблюдается незначительное присутствие этнической лексики: устойчивые выражения, обращение к Всевышнему, а также интерпретация содержания известных лексических единиц немецкого языка на манер значения идишских слов (*Maul, Weib*).

Краткий анализ лексического материала рассказа «Раввин из Бахераха» отнюдь не подтверждает мнение М. Гельбера о христианском толковании Г. Гейне лексического контента [2]. Напротив, умелая интерпретация автором значений лексических единиц есть, в первую очередь, подтверждение искусного владения Г. Гейне мастерством перевода и глубокого знания им реалий этнического быта и их словесной репрезентации.

Анализ элементов *морфологического уровня* исследуемого произведения предоставляет хотя и немного, но достаточно убедительных примеров, подтверждающих версию о владении Гейне языком идиш. Без знания грамматических основ этого языка, а именно правила об отсутствии окончания в прилагательном, сочетающемся с существительным среднего рода, разговор между жителем гетто и стражником невозможно было бы грамматически корректно передать: “*Hans, das ist eine schlechte Melodie!*” – *rief eine Stimme hinter dem verschlossenen Tore des Judenquartiers* – “*Hans auch ein schlecht Lied, ..., gefährlich Lied ...*” [1, с. 196].

Кроме того, здесь же следует упомянуть влияние этнического языка на некоторые способы префиксации глаголов и апокопу.

Ряд отклонений от нормативных грамматических правил в рассказе Г. Гейне под влиянием этнического языка в первую очередь касается порядка слов в немецком *предложении*.

Текстовые и культурологические особенности рассказа «Раввин из Бахераха» Г. Гейне заключаются в конструировании писателем рассказа по типу выдержки из канонического текста Священного Писания, выполняющего функцию, характерную как для литературного, так и для клерикального произведения – сохранение культурного сознания народа. Рассказ напоминает комментарий из Агады или выдержку из Священного Писания с осовремененным содержанием [3, с. 25]. В целом «Раввина из Бахераха» можно с полным основанием считать энциклопедией еврейской жизни в диаспоре. В этой части произведения Г. Гейне проявил себя глубоким знатоком тонкостей этнического ритуала.

В сфере проблематики, будоражащей реформистски настроенную часть германского еврейства, описанием предпогромного бегства из Бахераха раввина и его жены во Франкфурт можно было бы с некоторой натяжкой считать произведение, состоящее из двух глав, завершенным еще в 1824 г. Думается, причина, вынудившая Гейне спустя почти 16 лет возобновить работу над рассказом о бахерахском раввине, носит глубоко личный характер и кроется в невозможности преодолеть унижение, испытанное поэтом, при вынужденной смене клерикальных приоритетов.

С мнением некоторых исследователей творчества писателя о том, что персонаж Исаака Абарбанеля носит «несомненные черты Гейне» [4], можно в некоторой мере согласиться. При этом важно обратить внимание на то, что автор «Раввина из Бахераха» в качестве эпизодического, но значимого для собственной биографии персонажа, выбирает не немецкого прозелита, но марана – потомка насильственно крещеных испанских иудеев, нередко продолжавших тайно исповедовать религию своих предков и оттого преследуемых святой инквизицией. Напротив, евреи в Германии, решившиеся, пусть и под давлением обстоятельств, пройти обряд крещения, как правило, были подвержены чувству самоуничтожения *Selbsthaß* и сторонились своих недавних единоверцев. Таким чувством был мучим и Гейне, хранивший поначалу акт своего крещения, осуществленного на дому у священнослужителя, в тайне. Поэтому третья последняя глава рассказа должна была, по замыслу поэта, подсказать путь к достижению согласия с собой и окружающим миром. Праздничный стол, к которому пришел Дон Абарбанель, чего, пожалуй, не позволил бы себе крещеный немецкий еврей, служит символом примирения новообращенных христиан с недавними братьями по вере в частности и обеих великих религий в целом.

Мучимый душевными переживаниями, которые Л. Фейхтвангер охарактеризовал как “*Judenschmerz*” [5, с. 99], великий поэт пришел к выводу, что разрешение межконфессионального конфликта лежит не только в одностороннем приспособлении иудаизма к христианству, на чем настаивали реформаторы от иудаизма, но и в движении христианства навстречу своим иудейским корням.

Использование поэтом этнической лексики, особенности обращения с единицами прочих уровней языка, архитекtonика текста свидетельствуют о том, что автор «Раввина из Бахераха» апеллирует к приверженцам как иудейской, так и христианской Библии, что может служить «метафорой любви к человеку в общем» [1, с. 190].

Таким образом, «Раввин из Бахераха» в содержательном плане является законченным произведением, повествующим о возврате великого немецкоязычного поэта к началу пути своих идеологических блужданий, представляя эволюцию его воззрений на урегулирование межконфессионального конфликта, перманентно тлевшего и временами вспыхивавшего с новой силой, на германской земле.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Heine, H.* Der Rabbi von Bacherach / H. Heine // Heines Werke in fünf Bänden. – Weimar : Volkswlg. 1959. – Bd. 2. – S. 173–218.
2. *Gelber, M. H.* The Jewish Reception of Heinrich Heine / M. H. Gelber. – Tübingen : Niemeyer, 1992. – P. 21–43.
3. *Witte, B.* Jüdische Tradition und literarische Moderne. Heine, Buber, Kafka, Benjamin / B. Witte. – Carl Hanser Verl., 2007. – 239 S.
4. *Lutz, E.* Der Rabbi von Bacherach als Held des mythischen Zirkels / E. Lutz [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.edith-lutz.de/...lutz...mythische-zirkel. – Дата доступа : 22.05.2014.
5. *Feuchtwanger, L.* Heinrich Heines Rabbi von Bacherach, Mit Heines Erzählfragment, Eine kritische Studie // L. Feuchtwanger. – Frankfurt / Main : Fischer, 1985. – 149 S.

А. П. Мерчи (Минск, Беларусь)

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ОБЩЕНИЯ В АВТОРСКОМ СОПРОВОЖДЕНИИ ПРЯМОЙ РЕЧИ ГЕРОЕВ В РАССКАЗАХ А. И. КУПРИНА И ДЖ. ЛОНДОНА

В художественных произведениях межличностное общение, т.е. общение двух и более персонажей, передается с помощью диалогов героев, представляющих собой обмен репликами в форме прямой речи. Прямая речь – это своего рода представление «живого общения» в прозаическом тексте. Данная репрезентация фактов речи не может быть документальной в силу того, что реплики в художественных произведениях служат для автора элементами структуры текста.

В прозаическом тексте реплики героев могут следовать одна за другой без авторского сопровождения (АС). Это *нулевое* авторское сопровождение прямой речи. *Ненулевые* авторские сопровождения разделяются на *содержательные* и *технические*, последние из которых нужны автору только для того, чтобы читатель мог понять, кому из персонажей принадлежит данная реплика. Содержательные авторские сопровождения либо изображают говорящего в момент произнесения реплики (*подбежал он с улыбкой*); либо раскрывают его психологическое состояние или мотивы его реплики (т.е. интерпретируют речь) (*волнуясь, ответил Ваня*); либо соединяют в себе изображение и интерпретацию (*воскликнул он, тряся кулаком*).

На основе оппозиции изображения и интерпретации как двух противопоставляемых способов представления действительности в художественном тексте выявлены различия между рассказами Дж. Лондона «A raid on the oyster pirates» («Набег на устричных пиратов»), «The king of the Greeks» («Король греков»), «White and Yellow» («Белые и желтые») и А. И. Куприна «К славе»¹ в характере представления общения героев. Был проанализирован лексический состав авторских сопровождений прямой речи во всех цитатных комплексах в рассказах писателей-современников. Метод исследования основан на различении и подсчетах трех видов лексических компонентов в составе АС: изобразительных, интерпретирующих и гибридных.

В цитатном комплексе – *У него, однако, губа не дура, – перекричал всех доктор, – дайте ему за это вина!* слова автора отмечают паралингвистический аспект звучания речи (*перекричал*), ее громкость; остальные компоненты являются нерелевантными, так как называют коммуникантов.

В составе изобразительных компонентов авторского сопровождения прямой речи персонажей можно выделить следующие: 1) названия паралингвистических и других симптоматических явлений, не связанных со звучанием речи (*оглянулась, подняла глаза, подбежал* и др.); 2) указания на акустические, артикуляционные свойства звучания речи (*вполголоса, крикнул, whispered* ‘шепнул’ и др.); 3) названия всех сопутствующих утилитарных действий (*понюхал, снял (туфлю)* и др.); 4) указания на характер и условия протекания общения (*сначала, на стуле, then* ‘затем’ и др.).

Автор обладает привилегией интерпретировать иллокутивное намерение слов героев и их психологическое состояние при представлении общения между персонажами. К интерпретирующим компонентам авторского сопровождения прямой речи относятся следующие: 1) иллокутивные глаголы (*спросил, прибавила, remarked* ‘заметил’ и др.); 2) глаголы, обозначающие психоэмоциональные состояния и действия (*обиделся, волнуясь, изумляется* и др.); 3) признаковые слова, характеризующие психологическое состояние персонажа, его внешность, речь (*робко, ласковой, with familiarity* ‘с фамильярностью’ и др.); 4) лексические компоненты, интерпретирующие причины совершаемых героями действий (*возвышая голос так, чтобы ее все слышали*).

Некоторые авторские сопровождения прямой речи героев содержат слова, которые включают в себя оба семантических компонента: и изобразительность, и интерпретативность (*воскликнул, пожал плечами, laughed* ‘рассмеялся’ и др.).

Различия между текстами в характере изображения и интерпретации общения в авторском сопровождении проявляются в относительном весе групп в авторском сопровождении. В таблице показано количество компо-

---

¹ Рассказы рассмотрены по следующим изданиям: *London, J. A raid on the oyster pirates / J. London // The unabridged Jack London. – Philadelphia: Running Press, 1981. – P. 1099 – 1107; London, J. The king of the Greeks / J. London // The unabridged Jack London. – Philadelphia: Running Press, 1981. – P. 1090 – 1098; London, J. White and yellow / J. London // The unabridged Jack London. – Philadelphia: Running Press, 1981. – P. 1081 – 1089; Куприн, А. И. К славе / А. И. Куприн // Собрание сочинений: в 3 т. / сост. Л. П. Зыгмунд. – Минск : Реликт, 1994. – Т. 1. – С. 47 – 76.*

нентов, создающих образительность и интерпретативность в авторском сопровождении прямой речи. Ранги, обозначенные римскими цифрами, указывают на место, которое занимают отдельные компоненты по убывающей частоте в составе авторского сопровождения.

Таблица

Количественное соотношение лексических компонентов образительного и интерпретативного характера в составе авторского сопровождения прямой речи героев

Лексические компоненты в составе АС прямой речи		В рассказе А. И. Куприна	Ранг	В рассказах Дж. Лондона	Ранг
Изобразительные	1. Названия паралингвистических и других симптоматических явлений, не связанных со звучанием речи	51,5 (22,3%)	I	22 (12,4%)	V
	2. Указания на акустические, артикуляционные свойства звучания речи	35,5 (15,4%)	II	30 (16,9%)	III
	3. Названия сопутствующих утилитарных действий	8 (3,8%)	VI	6 (3,4%)	VII
	4. Указания на характер и условия протекания общения	51,5 (22,3%)	I	25 (14,1%)	IV
Общее количество образительных компонентов (из них гибридных)		146,5 (63,8%) (13)		83 (46,8%) (9)	
Интерпретирующие	5. Иллокутивные глаголы	33 (14,3%)	III	42 (23,8%)	I
	6. Глаголы, обозначающие психо-эмоциональные состояния и действия	16,5 (7,2%)	V	8 (4,5%)	VI
	7. Признаковые слова, характеризующие психологическое состояние персонажа, его внешность и речь	32 (13,9%)	IV	38 (21,5%)	II
	8. Лексические компоненты, интерпретирующие причины совершаемых действий героев.	2 (0,8%)	VII	6 (3,4%)	VII
Общее количество интерпретирующих компонентов (из них гибридных)		83,5 (36,2%) (13)		94 (53,2%) (9)	
Всего		230 (100%)		177 (100%)	

Приведенные данные позволяют сделать следующие выводы: 1) иллокутивные глаголы в рассказах Лондона составляют 1-ю группу по числу компонентов, а у Куприна – 2-ю, что может свидетельствовать об авторском стремлении помочь читателю понять коммуникативную цель высказываний героев; 2) группа признаков психологических компонентов в рассказах Лондона занимает 2-е место, у Куприна – 4-е. Однако количество глаголов, обозначающих психоэмоциональное состояние героев, у обоих писателей значительно уступает психологическим признаковым словам; 3) названия паралингвистических явлений занимают 1-е место по частоте употребления

у Куприна, что можно объяснить важностью передачи невербального сообщения; 4) указание на акустические, артикуляционные свойства звучания речи занимают высокие позиции в рассказах обоих авторов, что говорит о стремлении писателей создать звуковой эффект произнесения речи героями; 5) Куприн в большей мере склонен указывать на характер и условия протекания общения.

Изобразительные компоненты преобладают в рассказе Куприна (63,8 %) в отличие от произведений американского писателя, где представлено большего количества интерпретирующих компонентов (53,2 %). Лондон передает ситуации общения, указывая на точные намерения героев, что проявляется в использовании в авторском сопровождении большого количества иллокутивных глаголов. Большое количество прилагательных и наречий с психологической семантикой указывает на внимание Лондона к интерпретации состояний и чувств персонажей. Автор выразительно раскрывает душевные состояния героев. Это можно объяснить тем, что истории, представленные в рассказах, автобиографичны. Рассказы написаны в повествовательной форме от 1-го лица; рассказчик является одновременно и персонажем в рассказе, и повествователем. Куприн склонен изображать паралингвистическое сопровождение речи, так как в жестах, интонации герои точно передают свои эмоции, отношение к другим героям. У Куприна все авторские сопровождения лексически более развернуты, чем у Лондона. Он детально изображает ситуацию коммуникации.

Д. О. Половцев (Минск, Беларусь)

ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В ТВОРЧЕСТВЕ Э. М. ФОРСТЕРА

Литературное наследие классика английской литературы XX в. Эдварда Моргана Форстера (Edward Morgan Forster, 1879–1970) включает романы «Куда боятся ступить ангелы» (“Where Angels Fear to Tread”, 1905), «Самое длинное путешествие» (“The Longest Journey”, 1907), «Комната с видом» (“A Room with a View”, 1908), «Хауардс-Энд» (“Howards End”, 1910), «Поездка в Индию» (“A Passage to India”, 1924), «Морис» (“Maurice”, 1971). Прозаик получил признание и как автор сборников рассказов «Небесный омнибус» (“The Celestial Omnibus”, 1911), «Вечное мгновение» (“The Eternal Moment”, 1928), «В жизни грядущей» (“The Life to Come”, 1972). Его перу также принадлежат сборники эссе, книги биографического характера, большое количество литературно-критических статей, в том числе работа «Аспекты романа» (“Aspects of the Novel”, 1927), в которой писатель выражает свою точку зрения на проблемы художественного творчества, сыгравшая значительную роль в становлении теории романа в Англии.

При анализе романов и рассказов писателя необходимо иметь в виду, что магистральной для прозаика выступает дихотомия «развитое – неразвитое сердце» (по терминологии самого писателя), которая пронизывает все его творчество. Американский критик Л. Триллинг указывает, что Э. М. Форстер «одержим» темой «неразвитого сердца», а все его творчество,

по мнению ученого, является «исследованием этой глубокой патологии» [1, с. 26]. Причиной способности/неспособности воспринимать инаковость Другого является «развитость»/«неразвитость» английского сердца.

Согласно теории автора о «неразвитости» английского сердца, английский национальный характер «страдает» сердечной «незрелостью», что мешает англичанину жить в «полную силу». Как утверждает Э. М. Форстер, «неразвитое сердце» (“undeveloped heart”) не означает холодное сердце; человек с «неразвитым сердцем» склонен сдерживать свои чувства.

В эссе «Заметки об английском характере» (“Notes on the English Character”, 1920), которое открывает сборник критических статей и эссе «Эбингерская жатва» (“Abinger Harvest”, 1936), Э. М. Форстер отмечает, что англичанин «боится дать волю чувствам. Его [англичанина. – Д. П.] учили в школе, что проявлять чувства – неприлично, это дурной тон» [2, с. 285]. Вследствие этого из закрытых школ, по мнению Э. М. Форстера, англичане выходят «с прекрасно развитым телом <...> и совершенно неразвитым сердцем» [2, с. 285].

Виной сформировавшегося у англичан «неразвитого сердца», по мнению Э. М. Форстера, являются закрытые школы, на которых зиждется система образования в Англии. Э. М. Форстер сам учился в закрытой привилегированной школе, впечатления от пребывания в которой затем лягут в основу романов «Самое длинное путешествие» и «Морис»: школа Состона в романе «Самое длинное путешествие» сходна с той, в которой учился писатель с 1893 по 1897 гг. он иногда шутил в отношении школы Состона и своей Тонбридж-скул, называя обеих «Снобстон». Именно в школе писатель лично убедился в губительном воздействии условностей и снобизма на формирование ребенка.

Известный биограф Э. М. Форстера П. Н. Фурбанк указывает, что писатель испытывал одиночество и «недовольство в школьные годы» [3, с. 40–48]. На наш взгляд, П. Н. Фурбанк смягчает акценты, ибо, по признанию самого Э. М. Форстера, «школа была самым несчастливым временем в моей жизни, так как она мешала мне познать, как прекрасен, замечателен и добр может быть мир [курсив наш. – Д. П.]» (цит. по [4, с. 43]). Безрадостные воспоминания о пребывании в Тонбридж-скул привели Э. М. Форстера к выводу, что в стенах привилегированных учебных заведений вырастают люди с «неразвитыми сердцами».

Принимая во внимание вышесказанное, нельзя не заметить иронию в высказывании Э. М. Форстера о бывших учениках привилегированных закрытых школ: «Многие англичане с сожалением вспоминают о той золотой поре, когда жизнь была проста, хоть и сурова; когда они <...> думали вместе – если они вообще думали; когда их учили, что школа – это мир в миниатюре, и они верили: тот, кто не любит школу, неспособен любить родину [курсив наш. – Д. П.]» [2, с. 284].

«Мир в миниатюре» царит и в школе Состона в романе «Самое длинное путешествие». Главный герой романа Рики Элиот становится учителем в закрытой школе, где и начинается его деградация и уничтожение его духовных основ; так как, по справедливому замечанию Э. С. Фишера, Состон

в романе представляет собой «безжизненную одномерную модель» [5, с. 179] мира. Постепенно жизнь Рики Элиота переходит в «одномерность» бытия; пытаясь преуспеть в Состоне, он подчиняется его условностям. Раньше герой мечтал подружиться с мальчиками, «помогать им преодолевать трудности, связанные с переходным возрастом» [6, с. 164]. Однако директор школы мистер Пемброк сумел убедить его соблюдать дистанцию между собой и учениками и никогда не показывать им своих чувств. В результате Рики понял, что «быть строгим – намного проще. Он усвоил школьные правила и настаивал на их беспрекословном соблюдении. Он придерживался доктрины коллективной ответственности. Когда опаздывал один ученик, он наказывал весь класс» [6, с. 165]. В конце романа герой деградирует в безликую составляющую системы, порождающую «неразвитые сердца».

«Неразвитое сердце» представляется не только холодным, но и закрытым сердцем; оно чуждо всему иному. Закрытый мир героев с «неразвитым сердцем» не впускает ничего постороннего, он закрыт для мира Другого, тем самым препятствуя самопознанию.

В произведениях Э. М. Форстера оппозиция «свое–чужое» постепенно преодолевает антагонистический характер (личное, значимое – постороннее, чуждое): от первоначального отношения к иному, «чуждому» как чуждому и низкому герои приходят к внутреннему обогащению за счет узнавания истинно «своего» в «чужом». Развитие героев происходит в одновременном познании «своего» и «чужого», осмыслении «своего» на фоне «чужого» и одновременно «чужого» на фоне «своего». Способность/неспособность воспринимать «свое–чужое» определяется «развитостью»/«неразвитостью» английского сердца. «Неразвитое» английское сердце, сформированное в закрытых британских школах, чуждо всему иному. Для героев с «неразвитым сердцем» «своим» является только то, что позволяет им сохраниться и постоянно требует защиты от «чужого». При соприкосновении с последним герои с «развитым сердцем» переживают «вечные мгновения», озаряющие будничную действительность. Серия «вечных мгновений» предшествует духовному прозрению героев.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Trilling, L.* E. M. Forster / L. Trilling. – London : The Hogarth Press, 1962. – 164 p.
2. *Форстер, Э. М.* Заметки об английском характере / Э. М. Форстер // Избранное. – Л.: Худож. лит., 1977. – С. 283–294.
3. *Furbank, P. N.* E. M. Forster: A Life. Vol. 1: The Growth of the Novelist (1879-1914) / P. N. Furbank. – London : Cardinal: Sphere, 1977. – 271 p.
4. *Stone, W.* The Cave and the Mountain. A Study of E. M. Forster / W. Stone. – Stanford (Calif): Stanford Univ. Press; London: Oxford Univ. Press, 1966. – 436 p.
5. *Fisher, A. S.* Arnoldian Culture and the Novels of E. M. Forster: Ph. D. Diss. / A. S. Fisher. – Brandeis Univ., 1982. – 306 p.
6. *Forster, E. M.* The Longest Journey / E. M. Forster. – London : Penguin Books, 2001. – 336 p.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ СУБКОДОВ ПАМЯТИ
В ЛИРИКЕ Н. ЗАКС И Х. ДОМИН

Нелли Закс и Хильда Домин вошли в историю литературы как крупнейшие немецкоязычные поэтессы XX века, разрабатывавшие антитоталитаристскую тематику в ее различных изводах и, прежде всего, в антифашистском ключе. Обе поэтессы принадлежали европейскому еврейству, обе пережили экзистенциальный ужас возможности физического уничтожения.

В поэзии Н. Закс и Х. Домин – два адресата, два собеседника, два партнера по диалогу: «мир мертвых» («дорогих покойников» – Н. Закс) и мир *пока еще* живых. Поэтическая мысль движется вдоль вектора памяти и прозрения, выхватывая на шкале времени прошлое, сегодняшнее и будущее. В произведениях Закс и Домин боль памяти рождается не посредством прямой вербализации (слово *память* в поэзии Н. Закс и Х. Домин практически не встречается), но благодаря тем субкодам, которые эту память актуализируют, – более того, у Закс наиболее частотным становится ее декларируемая противоположность – забвение (*Vergessenheit*). Память же рождается на пересечении множества субкодов, среди которых вспыхивают болевые точки прошлого. И самые частотные ключевые слова у Закс означают насилие, страдание и смерть: *Urne des Mundes* ‘урна рта’; *Leiche* ‘тело’, ‘труп’; *Staub* ‘пыль’; *Sand* ‘песок’; *Asche* ‘зола’, ‘пепел’ и др.

*Wer aber leerte den Sand aus euren Schuhen,
Als ihr zum Sterben aufstehen müßtet?
Den Sand, den Israel heimholte,
Seinen Wandersand?
Brennenden Sinaisand,
Mit den Kehlen von Nachtigallen vermischt... [1, S. 20].*

*Кто, однако, вычистил песок из ваших туфель,
Когда вам пришлось встать пред смертью?
Песок, сопутствовавший Израилю,
Песок его скитаний?
Раскаленный синайский песок,
С горлами соловьев перемешанный...
(Пер. В. Микушевича) [2, с. 13].*

К субкодам памяти можно отнести и древнееврейский алфавит, который отсылает к культурным истокам еврейства, к памяти о гонениях и уничтожении нации. Слово, начертанное на библейском арамите, на языке праотцов истекает кровью, словно живое существо:

*Da schrieb der Schreiber des Sohar
und öffnete der Worte Adernetz
und führte Blut von den Gestirnen ein...*
(«*Da schrieb der Schreiber des Sohar...*») [1, S. 63].

*Стал переписчик переписывать Книгу Зохар
Вскрыл жилы слов
Ввел кровь созвездий...*
(Пер. В. Микушевича) [2, с. 61].

Но запечатленное на письме древнее слово соферов, в отличие от произносимого бытийного слова, невозможно окончательно уничтожить, ибо в его венах – донорская кровь тех, кто принимает мученичество здесь и сейчас. Поэтому тело алфавита восстает из могилы нетленным ангелом литеры, древним кристаллом (*Buchstabenengel, uraltes Kristall* [1, S. 63]) – охранительное и пророческое одновременно. В то же время отелесненные, оплотненные произнесением буквы гибнут в «урне рта» (*in der Urne des Mundes*) – смерть витает уже в жесткой контаминации корневых основ слова *Nabelstrang* (букв. ‘веревка пуповины’; *Strang* имеет и достаточно распространенную коннотацию несвободы, страха, казни) [1, S. 95]. Лирическая героиня заявляет, что отныне, пребывая в мире насилия, она «бежит из слова» – равно из обычного, бытового, людского и традиционно поэтического, высокого, гармонически прекрасного слова, которое она и сама творила в прошлой жизни, до Катастрофы: *So rann ich aus dem Wort...* [1, S. 103]. Остается лишь душа, блуждающая в вечности: она всё помнит и скорбит, но ей ничего не дано изменить.

Тематически перекликаясь с Н. Закс, Х. Домин пишет стихотворение под названием *Lied zur Ermutigung*. Приведем его: ‘Долго гнали тебя (вар.: *охотились за тобой*) / вокруг городских стен, где нет дверей (*без дверей*). / Ты бежишь (*спасаешься бегством*) и рассеиваешься (*распыляешься*) / Спутанные имена вещей / Позади тебя. / Доверять – это трудная азбука. / Я делаю маленький знак / В воздухе, / Незаметный, / Где начинается новый город, / Иерусалим, / Золотой, / Из Пустоты (из Ничего)’¹.

Название города Иерусалим, будучи в сильной финальной позиции, словно «вытягивает» за собой два субкода памяти и соответственно две важные смысловые линии. Первый субкод, резонирующий с Иерусалимом, выступает как память о принадлежности к еврейству, причем еврейству гонимому (*Ты бежишь / спасаешься бегством*), еврейству как объекту охоты (глагол *jagen*), еврейству рассеянному (отметим, что здесь, как и у Закс, заложено не столько значение рассеянья/диаспоры, сколько развеивания пепла по ветру, что апеллирует к экстралитературному феномену Холокоста). Так возникает контаминация образов жертвы и лирического героя. В художественной наррации представлены два субъектно-объектных полюса – «ты» и «я»: «*ты бежишь*», «*тебя гнали* (преследовали, охотились на тебя)», «*ты рассеиваешься*». Лирическое «я» до поры смотрит на загнанное «ты» с некой дистанции, отмечая, что «ты» не может найти убежища, ибо

¹ Подстрочный перевод наш – И. П.-Б.

стены того безымянного (и вместе с тем универсального, любого и каждого) города, по которому мечется жертва, лишены дверей (*türelösen Mauern*). И тогда лирическое «я», спасая не только «ты», но и себя (автокоммуникативный эффект приема „Du-Erzählung“), чертит в воздухе невидимый знак спасения и надежды – Иерусалим.

Второй субкод памяти – цветный. Ради спасения гонимой жертвы стараниями лирического «я» в воздухе создается «новый город» (*die neue Stadt*), *золотой* Иерусалим (*die goldene*). Цвет в данном контексте вызывает новозаветную аллюзию святого Иерусалима, который, в отличие от мрачного «старого» города в сцене охоты на человека, хоть и имеет высокую стену, но с 12 воротами, подобными жемчужинам. Эти ворота не запираются днем, а ночи там нет (Отк. 21:10, 11, 21, 23, 25). У Иоанна Богослова разворачивается панорама небесного Иерусалима с его избыточно роскошной цветовой гаммой (на коннотативном уровне ее замещают субстантивы – яспис, сапфир, халкидон, смарагд, сардоникс, сердолик и т.д.) – райского Иерусалима действительно «невидимого» и сотканного «из ничего, из пустоты», как говорится в стихотворении. Иными словами, Иерусалима как культурной памяти о библейском охранительном начале, Иерусалима-мечты, Иерусалима утешения – но не действительного спасения. Мерцающий золотом Иерусалим у Домин, по словам Г.-Г. Гадамера, скорее, есть вечное ожидание истины [3, с. 322].

Итак, не только образ погони и охоты на человека, но и образ Иерусалима с его цветной гаммой связаны в стихотворении Х. Домин с темой войны и Катастрофы и формируют субкоды памяти и безысходности, что придает всему произведению под грустно-ироничным названием *Lied der Ermutigung* характер многоплановый и трагический.

И Н. Закс, и Х. Домин обходятся без глаголов со значением воспоминания, однако субкоды памяти складываются из ассоциативных образных рядов, где релевантным оказывается время-пространство отдаленных эпох разума и книжной мудрости (мотивы древнееврейского алфавита и творчества соферов у Закс), евангелической благодати (Иерусалим у Домин), а также маркеров гонения, смерти и уничтожения у обеих поэтесс (сквозной мотив Холокоста).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Sachs, N. Gedichte / N. Sachs. – Suhrkamp Verl. – Neunte Auflage, 1996. – Bd. 549. – 141 S.*
2. *Закс, Н. Звездное затмение: сб. стихов / Н. Закс; пер. с нем. В. Микушевича. – М. : Ной, 1993. – 173 с.*
3. *Gadamer, H.-G. Hilde Domin. Lied zur Ermutigung II (1966) / H.-G. Gadamer Ästhetik und Poetik. // II. Hermeneutik im Vollzug [Электронный ресурс]. – Tübingen : Mohr, 1993. – S. 320-322. – Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=dKXt1GInNywC&pg=PA320&lpg=PA320&dq=Domin+Lied+der+Ermutigung&source=bl&ots=YhvVrIdMgz&sig=4maNGhd_Nqw86eLJvSh83Phqfeo&hl=ru&sa=X&ved=0CBsQ6AEwAGoVChMI96-I5O3qyAIVB-9yCh070QsD#v=onepage&q=Domin%20Lied%20der%20Ermutigung&f=false. – Дата доступа: 27.10.2015*

РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА ЭЛЬФРИДЫ ЕЛИНЕК
В АВСТРИИ И ВО ВСЕМ МИРЕ

Эльфрида Елинек (Elfriede Jelinek, 1946) – одно из самых известных имен современной немецкоязычной литературы. Ее творчество взрывает узкие рамки искусства и разбивает «мужской взгляд» на бытие. Она начала свой поэтический путь в конце 1960-х годов и на первых парах следовала авангардистским традициям австрийской литературы как в тематическом, так и стилистическом плане.

Эльфрида Елинек приобрела по-настоящему широкую известность во всем мире после того, как ей в 2004 году была присуждена Нобелевская премия по литературе «за музыкальные переливы голосов и отголосков в романах и пьесах, которые с экстраординарным лингвистическим усердием раскрывают абсурдность социальных клише и их поработочающей силы».

Эффект разорвавшейся бомбы имел тот факт, что премию вручили стороннице феминизма, принадлежавшей в прошлом к коммунистическому движению, писавшей в духе экспериментальной литературы поп-арта и пост-модернизма на языке, нередко вызывавшем отторжение и неприятие публики своей безапелляционностью, оголявшем наболевшие проблемы современного общества.

К числу наиболее известных ее романов относятся «Мы пестрые бабочки, детка!», «Любовницы», «Перед закрытой дверью», «Пианистка», «Похоть», «Алчность», «Дети мертвых». Переведенные на многие европейские языки произведения Э. Елинек всегда оказывались предметом острой полемики, вплоть до неприятия и осуждения среди критиков и литературоведов.

Неоднозначные оценки творчества австрийской писательницы отчасти объясняются как провокационными сюжетами, так и неповторимым своеобразием, остротой взгляда и творческой манеры, для которой характерны социальная накаленность, откровенность и напряженный драматизм. Искусство ее неповторимо индивидуально. Оно не ссылается на женскую телесность или на саморефлексию. Оно нарушает границы привычного, переходит в открытый бунт, преследует авангардистские революционные цели: у Елинек другие культурные рамки, чем у простого обывателя.

Хотя Елинек к этому времени написала более 30 произведений, а ее пьесы завоевали немецкую и австрийскую сцены, ее агрессивный неоавангардистский стиль, неприкрытая жесткость изображенного, непримиримость манеры изложения, возмущающая тематика, разоблачающая сатира, приемы коллажа и монтажа, изощренная литературность не способствовали принятию со стороны читателей и критиков. Э. Елинек приобрела репутацию скандального автора прежде всего у себя на родине, в Австрии. Ее творчество, ломавшее представления и ожидания, не оставляло и не оставляет равнодушным никого.

Если первые произведения Елинек не нашли широкого отклика у читателей, то выход в свет ее романа «Любовницы» в 1975 г. принес настоящий скандальный успех. «Любовницы» претендовали на воплощение чаяний

«нового» женского движения, достигшего к тому времени своего апогея в Австрии. В середине десятилетия это произведение считалось одним из немногих серьезных творений феминистического толка наравне с романами Кристи Райнинг, Верены Штефан и Карин Штрук. И все же критики обвинили Э. Елинек в холодности, цинизме, в ниспровержении стереотипа женского бытия, в отчужденном отношении к своим героям, в деструктивизме. Творчество писательницы вновь оказалось в центре литературных споров и дискуссий.

С самого начала Э. Елинек выбирала для разработки неудобные темы, нетрадиционные сюжеты, предпочитая скачкообразное, фрагментарное изложение, фиксированное на повторах, аллюзиях, пародировании. Для писательницы не существует табу. Э. Елинек резко выступила против буржуазного обезличивания, против превращения истории в природу. Она взбунтовалась против порядка «отцов» с его этикой. Ломка и отчуждение сделали ее язык формальным, деградирующим до клише. Он выставлен напоказ и высмеивается то иронично, то сатирично.

Роман «Перед закрытой дверью» («Die Ausgesperrten», 1980) является пародией на воспитательный буржуазный роман. Критика по отношению к роману, как ни странно, вовсе не была резкой. Положительно оценивалось возвращение к традиционной грамматике письма (автор вернулась к заглавным буквам), к психологизации характеров (традиционному приему композиции).

В Европе можно наблюдать неослабевающий интерес к художественным произведениям и публицистике Э. Елинек. В 2004 г. при Венском университете был создан исследовательский центр ее творчества, наиболее известными аналитиками которого зарекомендовали себя М. Бруннер, А. Доль, К. Гюртлер, Б. Люкке, М. Фишер, Ж. Хоффман, Э. Шпанланг, М. Янц. На данный момент имеется более 600 фундаментальных работ, посвященных книгам литератора. Большинство из них изучают отдельные грани созданного австрийской писательницей.

В русскоязычном литературоведении в последнее время также отмечается определенный рост интереса к текстам Э. Елинек. Он ознаменован выходом в свет ряда основательных статей и других видов публикаций, посвященных ее творчеству. Наиболее известные имена – это А. Белобратов, А. Воротникова, А. Плахина, Н. Швейбельман.

Театральные тексты Э. Елинек воспринимаются, в первую очередь, в контексте поиска новой эстетики для театра. Обусловленная новым женским взглядом на западную историю, на определение роли мужчины и женщины, на язык и театр, эстетика взбудоражила умы, вызвала полемику.

Зрелые пьесы Э. Елинек, реализующие положения новой эстетики, отличаются от ранних пьес и от пьес драматургов-мужчин (например, П. Хандке) тематическими акцентами. Все они подвергают суровой оценке отношения полов, ориентируют на различные программы женского движения 1970-х – 1980-х гг. и критикуют их. Большинство этих драм было поставлено в ФРГ. У австрийских театральных и литературных критиков с молодым автором

сложилась «напряженные» отношения. Некоторые пьесы она сама отказывалась ставить в Австрии из-за предвзятости к ее экспериментальным поискам и открытого неприятия ее творческого метода.

Как и большинство текстов для театра, пьеса «Бургтеатр» («Burgtheater», 1982), опубликованная в журнале «Манускрипты», сначала была обойдена вниманием критиков. В этом случае причина кроется в том, что как сам язык – дополненный Елинек вариант венского диалекта, – так и многочисленные исторические ссылки предполагают доскональное знание венской культуры, не всегда характерное даже для австрийского зрителя/читателя, т.е. пьеса претендует на подготовленного реципиента.

Прозаик, драматург и эссеист – Елинек соединяет в своем писательском космосе черты и темы сугубо австрийские, даже провинциальные, локализованные временем и пространством ее среды обитания, с темами и проблемами самого глобального характера, затрагивающими жизнь и судьбу ее читателей во всем мире.

За критику австрийской реальности Э. Елинек не любят на родине, а за оригинальность и экстравагантность ее творчество приобрело множество восторженных откликов поклонников, сторонников и критиков во всем мире.

Е. П. Привалова (Москва, Россия)

ТЕХНИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В НЕМЕЦКИХ РОМАНАХ ДЛЯ ПОДРОСТКОВ РУБЕЖА XX – XXI ВВ.

Технический дискурс является одним из основных в полидискурсе произведений для подростков. В качестве ключевого концепта, на котором базируется технический дискурс, выступает макроконцепт «Technik» / «техника», включающий следующие концепты: «Rundfunk» / «радио», «Fernsehen» / «телевидение», «Computer» / «компьютер», «Internet» / «сеть интернет», «Telefon» / «Handy» / «(мобильный) телефон», «Verkehrsmittel» / «транспортные средства», «Haushaltsgeräte» / «бытовые приборы и прочие».

Технический дискурс в художественных произведениях для подростков отражает развитие техники в соответствующий период времени. Анализ языковой реализации технического дискурса позволяет описать роль современных технических средств, преимущественно средств массовой коммуникации, в структуре факторов и институтов социализации, влияющих на формирование личности героя-подростка.

Концепт «Fernsehen» реализуется в большинстве произведений, при этом важна его оценочная составляющая. В ряде случаев фиксируется отрицательная реакция подростков на это техническое средство: раздражение вызывают либо постоянно демонстрируемые по телевидению рекламные ролики, либо сам факт наличия телевизора, подменяющий общение с родителями. Например, героиня романа Д. Майснер-Йоханнхехт «Vollkornsteine bringen Glück» сожалеет о занятости матери по вечерам и не готова заменить общение с матерью на просмотр телевизора: *Ein Fernseher ist ein verdammt*

schlechter Ersatz [1, с. 28]. Отрицательная реакция на телевидение выражается посредством разговорной лексики со значением пренебрежения: *Der glotzt ja sowieso den ganzen Tag* [2, с. 9]

Технический дискурс, включенный в художественный, позволяет наблюдать изменения в содержании концепта «Technik». В то время, как герои произведений конца XX в. используют для связи из дома стационарный телефон [3] и вне дома – таксофон [4], в произведениях, созданных после 2000 г., описывающих современную действительность, неотъемлемой частью окружающего мира школьников становится мобильный телефон [5]. Обладание собственным мобильным телефоном является большой ценностью для подростка, например, самым значимым подарком на Рождество:

Wie erhofft war das Funktelefon samt Bedienungsanleitung drin, sein großzügiges Weihnachtsgeschenk [4, с. 201].

В приведенном контексте происходит пересечение двух дискурсов – технического и дискурса культуры, при этом значимость элемента технического дискурса подчеркивается путем сравнения с элементом дискурса культуры.

В художественном дискурсе языковые средства, реализующие технический дискурс, могут выступать в роли темпоральных маркеров. Предшествующие периоды, в которых мобильный телефон не имел повсеместного применения, становятся в глазах подростков историей, прошлым – например, так же, как и эпоха немецкой марки, в отличие от эпохи евро:

... Allerdings gab es damals noch kaum Handys, und die, die es gab, waren unglaublich teuer. Sie kosteten über tausend Mark. Damals gab's auch noch die Mark, ist alles ewig lange her [4, с. 30].

В романах для подростков находят отражение различные технические новинки соответствующей эпохи:

– *die Sofortbildkamera (Jonas hatte seine Sofortbildkamera im Rucksack* [6, с. 142]);

– *der Videorecorder (Logisch, hat den Video mitgebracht, ja toll, aber darf er sowieso nur allein benutzen... [2, с. 10]);*

– *die Kopfhörer (Hab ich mir grade Kais Kopfhörer auf die Birne, Tür auf, meine Alte rein, Scheiße, Kais Kopfhörer, hä, also die kannst du nur, wenn Kai nicht da ist, wird der sonst voll stinkig, blöder Typ... [2, с. 12]);*

– *das Handy (Als Erstes fiel mir sein Handy auf, das neben ihm auf dem Tisch lag. [7, с. 26]);*

– *das (schnurlose) Telefon (Bevor ich auch nur ein Wort sagte, ging ich mit dem Hörer in der Hand in mein Zimmer und schloss mich ein. Zum Glück haben meine Eltern ein schnurloses Telefon [7, с. 58]);*

– *das Diktiergerät („Das ist ein Diktiergerät“, sagte Kalle ganz ruhig [7, с. 139]).*

В анализируемых произведениях, созданных в 80 и 90-е гг., практически не реализуется концепт «Computer» (кроме романа „Geboren 1999“, события которого происходят в 2016 г.). Герои произведений 2000-х гг. уже имеют дома персональный компьютер: старшие подростки используют его

для игры: *René ist schon dreimal von Mama aufgefordert worden, jetzt endlich seinen Computer auszustellen und sich umzuziehen, aber es kommen unverändert Knall-, Schuss- und Peng-Geräusche aus seinem Zimmer* [5, с. 161].

В фантастическом романе «Geboren 1999» встречается описание применяемых новейших компьютерных технологий, например, идентификация личности с помощью отпечатков пальцев, автоматическая система контроля в целях защиты персональных данных, лазерная техника и т.п.:

„Das sollte alles klargen. Bitte, kommen Sie zu diesem Gerät. Legen Sie die Fingerspitzen Ihrer rechten Hand in diese fünf Mulden. Nur die Identifikation Ihrer Fingerabdrücke ermöglicht den Zugang zu Ihren Personaldaten. Aus Gründen des Datenschutzes.“ Die Beamtin nahm auf ihrem Arbeitsschemel Platz und drückte die Starttaste [7, с. 15–16].

В ряде произведений, созданных после 2000 года, описывается применение новейших технологий в домашних условиях: мама героини романа «Kurz vor morgen» пользуется компьютером, вводя данные посредством не клавиатуры, а посредством микрофона и устройства распознавания речи: *„Geh schlafen“, befahl sie ihrem Programm. Sie arbeitete seit neustem nicht mehr mit der Tastatur, sondern mittels Spracheingabe, und vergaß regelmäßig den Text zu stoppen, wenn ich zur Tür hereinkam und sie mir spontan was zurief* [8, с. 74].

Необходимо выделить роман «4 ½ Freunde und das Krokodil im Internet» среди исследуемых произведений в связи с тем, что концепт «Computer» / «компьютер» является его узловым текстообразующим концептом. Доминантой концептуальной структуры романа обусловлено использование многочисленных лексических средств, реализующих указанный концепт, а также применение особых стилистических средств оформления художественного текста (названия глав в форме имен доменов (*www.kalle_und_co.de*; *www.internet_café.de*)).

Технический дискурс имеет огромный потенциал для раскрытия ключевого макроконцепта «Identität» / «личность». Так, в романе К. Бойе «Ich ganz cool» концепт «Maschine» / «мотоцикл» имеет символическое значение и является средством создания параллельного дискурса в романе: каждая глава, написанная на небрежном молодежном сленге, заканчивается отрезком текста в нейтральном стиле, в котором описываются мечты героя о лучших временах, когда она будет обладателем собственного мотоцикла. Концепт «Technik» / «техника» символизирует новую жизнь, перемены, поиск себя. Личность подростка раскрывается именно в техническом дискурсе.

В концептуальной структуре романа для подростков находит отражение многообразие технических средств, свойственное современной реальности. Технический дискурс имеет различные формы реализации в рамках художественного дискурса, обогащает его, делая художественный дискурс более актуальным, точным и привлекательным для читателей, а также участвует в создании хронотопа произведения. Кроме того, анализ технического дискурса позволяет сделать вывод о существенном влиянии технических средств на формирование личности героя-подростка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Meißner-Johannknecht, D.* Vollkornsteine bringen Glück / D. Meißner-Johannknecht. – Weihheim: Anrich Verl. GmbH, 1997. – 159 S.
2. *Boie, K.* Ich ganz cool / K. Boie. – Hamburg: Verl. Friedrich Oetinger, 1992. – 99 S.
3. *Boie, K.* Mit Jakob wurde alles anders / K. Boie. – Hamburg: Verl. Friedrich Oetinger, 1986. – 127 S.
4. *Krauß, I.* Kurz vor morgen / I. Krauß. – Aarau; Frankfurt am Main; Salzburg: Aare Verl., 2000. – 236 S.
5. *Zillgens, G.* Sommernachtsträume / G. Zillgens. – Reinbek bei Hamburg : Rowohlt Verl. GmbH, 2005. – 185 S.
6. *Carl, H.* Die Wölfe kehren zurück / H. Carl. – München: Erika Klopp Verl. GmbH, 1994. – 185 S.
7. *Friedrich, J.* 4 ½ Freunde und das Krokodil im Internet / J. Friedrich. – Stuttgart; Wien: K. Thienemanns Verl., 2000. – 142 S.
8. *Kerner, Ch.* Geboren 1999 / Ch. Kerner. – Weinheim; Basel: Beltz Verl., 1989, 1995. – 167 S.

Е. П. Синяк (Минск, Беларусь)

ТРАГЕДИЯ «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА» В ПОВЕСТИ ГЕНРИХА БЁЛЛЯ «ПОЕЗД ПРИБЫВАЕТ ПО РАСПИСАНИЮ»

Немецкий народ, потерпев поражение во Второй мировой войне, должен был преодолевать состояние морально-нравственного увечья и растерянности, причиненное политикой фашистского режима. В 1947 г. в Западной Германии на почве нравственного осмысления «немецкой вины» возникла «Группа 47». Это было объединение писателей, не желавших возрождения милитаризма и национализма в стране. Наиболее значимым его представителем стал Генрих Бёлль, лауреат Нобелевской премии по литературе за 1972 год.

Выдающийся писатель воспринимался и в самой Германии, и в мире как совесть немецкого народа, как человек, остро чувствовавший свою сопричастность времени и современникам, глубоко воспринимавший чужую боль, несправедливость и все то, что унижает и разрушает человеческую личность.

В своих произведениях немецкий художник слова сумел выразить жизнеощущение нескольких поколений немцев, их осиротевших детей, искалеченных фашизмом, «опаленных и раненых войной». Главными мотивами ранних произведений Г. Бёлля были война и смерть. Война в изображении писателя представляет собой мировую катастрофу, болезнь человечества, унижающую и разрушающую личность. Для «маленького человека», который был центральным героем раннего творчества Г. Бёлля, война означала

несправедливость, страх, муки, нужду и смерть. Идеология фашизма, по мнению писателя, спровоцировала как трагедию мира в целом, так и трагедию отдельной личности.

Г. Бёлль стремится показать войну изнутри, глазами рядового солдата, «маленького человека». Таковым является главный герой повести «Поезд прибывает по расписанию» рядовой Андреас. Молодой солдат немецкой армии после отпуска следует к месту службы в отступающие гитлеровские войска. На перроне вокзала он вдруг осознает, что скоро должен умереть. Склонившись над картой, герой мысленно «намечает» тот отрезок пути, который должен оказаться для него последним, и предчувствует день и час своей гибели: «Скоро я умру, думал он, скоро, скоро, и это “скоро” уже не такое расплывчатое, к этому “скоро” я понемногу подбираюсь, уже незаметно ощупал его, обнюхал со всех сторон... Уже знаю, что умру в ночь с субботы на воскресенье между Львовом и Черновицами... В Галиции... в Восточной Галиции – в самом низу карты» [1, с. 29].

Однако герой вовсе не хочет умирать, он жаждет жить. Андреас вновь и вновь размышляет о том, что предчувствия возможно его обманывают, война скоро закончится, наступит мир и он будет жить: «А вдруг война кончится совсем внезапно? А вдруг до моего “скоро” еще наступит мир? Или произойдет что-нибудь совершенно непредвиденное? Может быть, идол помрет? Или его, наконец, укокошат? А может быть, русские уже пошли в генеральное наступление и смели весь наш фронт между Львовом и Черновицами? И капитуляция...» [1, с. 13]. Но каждый раз солдат приходит к неутешительному выводу, что от судьбы не уйдешь.

Таким образом, Г. Бёлль утверждает, что герой пытается внутренне сопротивляться давящим на него обстоятельствам, старается вырваться из цепких лап фашизма, но страх парализует его волю и заставляет подчиняться. Солдат едет в поезде, который символизирует непрерывное движение истории, войны, едет навстречу своей судьбе, и сойти с этого поезда у героя нет возможности. «Напряжение повести в драме “маленького человека”, который беспомощен перед фашистской государственной машиной, который желал бы отстоять самого себя, свое “я”, но вновь и вновь оказывается подавленным чудовищной властью. У него только один выбор: смерть» [2, с. 18–19], – отмечает С. В. Рожновский.

Образ солдата Андреаса является центральным в произведении, история его судьбы типична. Чтобы показать это, Г. Бёлль вводит в повесть образы немецких солдат Вилли (Небритого) и ефрейтора Зибенталь (Рыжего), случайных попутчиков Андреаса, и польки-подпольщицы Олины, с которой главный герой встречается в публичном доме во Львове.

Эти люди тоже надломлены, душевно изувечены, фактически уничтожены войной. По мнению С. В. Рожновского, данные образы формируют один полюс повествования, другим полюсом является власть, довлеющая над ними. «Сначала она подавляет их личность, их свободу, делает безымянными, а потом использует их по своему усмотрению. Судьбы и смерть центральных персонажей перерастают в повесть в обвинение против социального устройства, породившего все это зло. Чудовищной силой, ломающей люд-

ские жизни, калечащей людей, выступает фашизм, который идентифицируется в повести с войной. Гитлер, фашизм, милитаризм, война – все это для Г. Бёлля синонимы одного и того же» [2, с. 19], – утверждает литературовед С. В. Рожновский.

На протяжении всего повествования встречается целая галерея образов солдат, которых автор делит на две группы: на тех, кто слепо и свято верит идеологии фашизма, неукоснительно соблюдая все приказы и требования, кто самоутверждается через подлость и преступления, кто освобожден от обязанности мыслить и поступать по совести, и на тех, кто посмел усомниться в формулах лжи фашистской диктатуры.

С. В. Рожновский пишет: «... Генрих Бёлль верит в силу человеческого духа, в то, что человек, несмотря на заражающее и принижающее действие отвратительной среды, может сохранить свое достоинство, свои высокие моральные принципы, свой настоящий облик» [2, с. 20]. Именно такими людьми, на наш взгляд, являются главный герой повести Андреас и старый солдат, сослуживец Рыжего. Чувствуя сопричастность к происходящим событиям и свою вину, Андреас хотя и пассивно, но все же мысленно противится любому насилию над личностью, внутренне протестует против «безумной системы, цепко держащей его в своих лапах» [2, с. 22].

Старый солдат – весьма значительный персонаж в образной системе повести. Он стал образом-символом борьбы за свои нравственные и моральные принципы, своего рода, примером для таких, как Андреас и для тех, кому не хватало мужества и силы активно выражать свою позицию и открыто сопротивляться.

Главный герой, прибыв во Львов, встречается в публичном доме с участницей Сопротивления полькой Олиной. Между молодыми людьми вспыхивает мгновенная любовь. Однако, будучи активной участницей за освобождение своей страны, Олина тоже жертва, не способная противостоять силе обстоятельств и отстаивать свое право на личную жизнь. Она тоже «маленький человек» в этой игре. Девушка хочет спасти Андреаса и бежать вместе с ним, но ее планам не суждено реализоваться: молодые люди гибнут в автомобильной катастрофе. И хотя их смерть лишена героизма, для немецкого писателя важно подчеркнуть, что любая смерть на войне – это убийство, за которое кто-то должен отвечать.

Таким образом, в повести Г. Бёлля «Поезд прибывает по расписанию» представлена трагедия «маленького человека», рядового солдата, человека без будущего, чья жизнь окончательно загублена войной. Отчаяние, безнадежность, безысходность – это все, что чувствует герой. Тем не менее в нем теплится искра надежды на лучшее будущее, на то, что фашизм будет побежден.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бёлль, Г. Долина грохочущих копыт : пер. с нем. / Г. Бёлль. – М. : Молодая гвардия, 1971. – 224 с.
2. Рожновский, С. В. Генрих Бёлль / С. В. Рожновский. – М. : Высш. шк., 1965. – 102 с.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ДЛЯ КУЛЬТУРЫ И ЛИТЕРАТУРЫ АНГЛИИ

Несмотря на весь трагизм Первой мировой войны, она стала событием огромного значения. Великая война вызвала бурю сложных эмоций среди британских писателей и художников, в результате чего произошло их размежевание в зависимости от эстетических позиций и политической ориентации. Одни полагали, что война спасет современное искусство от вырождения, и приветствовали ее с нескрываемым энтузиазмом. Их надежды сводились к тому, что война приведет к освобождению искусства от культурного разложения и приверженности материальным ценностям.

Среди тех, кто в своих ранних произведениях прославлял войну, был молодой поэт Р. Брук. В одном из сонетов 1914 г. он писал: *Now, God be thanked Who has watched us with His hour, // And caught our youth, and wakened us from sleeping, // With hand made sure, clear eye, and sharpened power, To turn, as swimmers into cleanness leaping...* Выдающийся критик и писатель Э. Госс также приветствовал очистительный огонь войны. Вскоре после начала военных действий в своем эссе «Война и литература», опубликованном в журнале «Эдинбург Ревью», он сравнивал войну со стервятником, очищающим литературную мысль. Госс считал, что алый поток крови, подобно дезинфицирующему средству Конди, очистит интеллект от застоя и от образовавшихся в нем сгустков. Не только писатели, но и британские милитаристы рассматривали войну как средство оздоровления и облагораживания общества, вырождающегося под влиянием меркантильности и демагогии. Так развивалась джингоистская точка зрения о войне как о благородном и мужественном деле.

В свою очередь, пацифистские настроения получили также широкое распространение как среди простого населения, так и в кругу аристократов и членов правительства. Изначально пацифисты опирались на христианскую мораль и на либеральное учение о прогрессе. Английский публицист и наиболее известный пацифист Н. Энджелл в «Великой иллюзии» (1910) продемонстрировал, что экономическое процветание в результате войны – не что иное, как мираж. Война, по мнению его, влечет за собой разрушение международной торговли и кредита и тем самым не может быть выгодной ни агрессору, ни побежденным. Неоднократно озвучиваемая в лекциях Энджеллом идея создания постоянного сообщества наций для защиты международного мира и безопасности оказала воздействие на президента В. Вильсона и его проект Лиги наций.

А. С. Ходнев высказывает мысль, что Первая мировая война смогла оказать определенное влияние на пацифистское движение, развивавшееся в Англии в более благоприятных условиях, чем в других странах Европы в связи с сохранением большего числа гражданских свобод. Довоенный

религиозный пацифизм, далекий от политики, сформировался в новый пацифизм – пацифицизм. Термин *пацифицизм* был предложен английским историком М. Киделом, который трактовал его как морально-этическую оппозицию войне и насилию и оправдывал применение вооруженной силы только в случае угрозы миру.

Пацифистские идеи высказывали такие великие мыслители и философы, как В. Гюго, Э. Золя, Л. Толстой, Г. Л. Дикинсон. Последний сыграл ведущую роль в формировании группы международных пацифистов, впоследствии ставшей ядром «Союза Лиги Наций». Г. Л. Дикинсон был также идейным вдохновителем элитарной группы английских интеллектуалов, писателей и художников, выпускников Кембриджа. В число блумсберийцев входили писатели-модернисты В. Вулф, Л. Стрейчи, Э. М. Форстер, Д. Гарнетт, художники Д. Каррингтон и Д. Грант, историки искусства К. Белл и Р. Фрай, философ и математик Б. Рассел и многие др. Леди Оттолайн Моррелл, одна из центральных фигур в группе Блумсбери, была обеспокоена джингоистскими настроениями даже среди кембриджских интеллектуалов, бурно обсуждавших войну в ее имении в конце июля 1914 г. В письме к Б. Расселу она называла войну и те страдания и разрушения, которые она влекла за собой, сумасшествием. И только с течением времени блумсберийцы, как и большая часть населения Англии, изменила свое отношение к крестоносной оборонительной войне, призванной положить конец всем войнам.

Яркий образец трансформации патриотического сознания в пацифистское являет собой английский поэт, участник Первой мировой войны З. Сассун. Он добровольцем вступил в британскую армию и за время службы на Западном фронте зарекомендовал себя как исключительно смелый человек. Награжденный Военным крестом за отвагу, после очередного ранения он отказывается вернуться на фронт и пишет петицию «С войной покончено: Декларация солдата». Появившись в прессе и будучи зачитанной в парламенте, Декларация наделала много шума и рассматривалась британским правительством как акт измены.

Немного в более выгодном положении находились женщины. Несмотря на тот факт, что всеобщая воинская повинность была введена в Британии в 1916 г., женщины не подлежали призыву на действительную военную службу и не могли быть обвинены в пораженческих настроениях, поэтому у них была возможность более свободно протестовать против войны. На Международном конгрессе женщин в Гааге в апреле 1915г. лидеры суфражистского движения договорились о создании постоянной организации «Международная лига женщин». Однако многие из суфражисток в борьбе за право женского голоса на выборах примкнули к патриотически настроенному населению.

В августе 1914 г. адмирал Ч. Фицджеральд основал «Орден белого пера» при поддержке известной британской новеллистки М. Уорд. Не зная рамок, девушки «белого пера» настолько переусердствовали со своими обязанностями, разгуливая по улицам и предлагая белые перья всем мужчинам

в штатском без разбора, что вскоре правительство было вынуждено принять меры, чтобы остановить выдачу белого пера каждому неугоднему. Многие историки склонны полагать, что кампания «белого пера», в первую очередь, была одним из инструментов британской милитаристской пропаганды.

Другой культурный аспект пропаганды заключался в отправке классических произведений британской литературы, в том числе и научных трудов, в библиотеки государств, соблюдавших нейтралитет. По-видимому, британское правительство полагало, что работы Диккенса и Ньютона смогут убедить невоюющие страны в превосходстве британской культуры. Уже в сентябре 1914 г. для того, чтобы поддерживать в обществе высокий боевой дух и противостоять немецкой пропаганде, было создано бюро военной пропаганды под руководством Ч. Мастермана. Под эгидой бюро работали такие выдающиеся писатели, как Г. Уэллс, А. К. Дойл, Р. Киплинг, а также многочисленные редакторы газет. Боевой дух в обществе поддерживался на довольно высоком уровне, во многом благодаря средствам массовой информации; газеты в военное время процветали. Газета «Таймс», например, выпустила серию патриотических листовок, на которых размещались выдержки из произведений Шекспира, Вордсворта, Киплинга и Маколея. 2 сентября 1914 г. ведущие писатели в количестве двадцати четырех человек были приглашены Мастерманом в Веллингтон-Хауз для подписания документа о том, что они будут защищать идеалы Западной Европы от железного принципа политики Бисмарка «огнем и мечом». Всего лишь в течение нескольких дней список расширился до 52 участников.

Тем не менее среди литературных деятелей были и те, кто с самого начала не испытывал никаких иллюзий относительно войны. Дж. Б. Шоу и Т. Гарди оставались практически в меньшинстве. В ноябрьском номере журнала «Нью стейтсмен» за 1914 год Б. Шоу опубликовал большой очерк «Война с точки зрения здравого смысла», в котором критиковал и Англию, и Германию, призывал всех к мирным переговорам и осмеивал патриотизм, в результате чего растерял тех немногих друзей, какие у него были, и был исключен из Клуба драматургов. Т. Гарди поначалу сочинил несколько стихов патриотического характера, затем его поэзия приобрела оттенок уныния и пессимизма. Среди молодых талантов также нашлись те, кому литературный ура-патриотизм внушал отвращение. Своеобразным ответом на эссе Госса «Война и литература» послужила работа Ф. Мейнелла «Война – это преступление», опубликованная в радикальной газете «Дэйли Геральд» 19 декабря 1914 г.: *The lands are rotted with blood and the seas are swallowing their dead, and the clean, sweet rivers are full of mangled corpses – amen, amen, it is all a tonic for Mr Gosse...*

Таким образом, Первая мировая война, вызвав глубокие потрясения в жизни британской нации, значительно изменила облик ее культуры и разрушила миф о прогрессе европейской цивилизации, разделив общество на два лагеря: джингоистский и пацифистский.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии.....	3
-------------------------------	---

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Богданова Л. И.</i> Внутренняя форма слова в аспекте универсального и специфического.....	4
<i>Задворная Е. Г.</i> Универсальные и национально-специфичные модели речевого поведения.....	7
<i>Миронова Н. Н.</i> От оригинала к переводу: лингвокультурологические трансформации иноязычных фрагментов.....	9
<i>Vogel R.</i> Component analysis.....	11

ЯЗЫКОВАЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ КАРТИНЫ МИРА

<i>Бабенко Е. В., Голубчик А. А.</i> Особенности многоуровневой структуры языковой картины мира.....	18
<i>Бектурова Ж. Б.</i> Языковое мышление этноса: детерминация окружающего пространства.....	20
<i>Борзенец С. Е.</i> Стилистические варианты астионимов США как фрагмент языковой картины мира.....	23
<i>Борисовская И. В.</i> Роль предложений изменения в немецкой языковой картине мира.....	26
<i>Внук Т. В.</i> Пища во фразеологической картине мира (на материале немецкого языка).....	29
<i>Воробьева О. С.</i> Системность английских фразовых глаголов.....	31
<i>Вэньцзюань В.</i> Формы обращения к незнакомым мужчинам в современном китайском языке.....	34
<i>Гаврилова О. Ю.</i> Репрезентация категории «экспрессивность» в названиях видов вооружения.....	37
<i>Гапанович Е. А.</i> Универсальное и специфическое в проявлении целостности языка, человека, мира.....	38
<i>Дмитриева И. В.</i> Концептуализация угрозы в национально-языковой картине мира.....	42
<i>Добровольская О. Я.</i> Соотношение исконной и заимствованной лексики в тематической группе наименований ремесленников как проявление специфики истории английского языка.....	44
<i>Железовская Н. Л.</i> Этноязыковая специфика положительно и отрицательно оценочных ассоциаций на стимулы, обозначающие физические параметры.....	47
<i>Запелова Л. А.</i> Концептуализация категории на основе системы категориально-семантических смыслов.....	50
<i>Земичева С. С.</i> Номинации запаха в диалектном идиолексиконе.....	53
<i>Кремзикова С. Е.</i> Ситуативные модели коммуникативной интеракции в дискурсах старофранцузского периода.....	56
<i>Кузин А. Н.</i> Проблема Парменида: язык и логика против действительности, воспринимаемой органами чувств.....	58
<i>Lescheva L.</i> Universal ways of naming and correlative names in genetically related languages.....	61
<i>Маюк Е. П.</i> Функциональный потенциал нумеративов в паремиях тематической группы «природа».....	62
<i>Морозенко Е. А.</i> Особенности вербализации концепта <i>character</i> в англоязычной картине мира.....	64

<i>Мухамадьярова А. Ф.</i> Цветовая метафора в языковой картине мира.....	67
<i>Немцева К. И.</i> Лексические особенности языка как отражение национальной языковой картины мира (на материале испанского и французского языков)	69
<i>Петракова Ю. И.</i> Взаимодействие способов номинации в рамках общего ономаσιологического задания	72
<i>Рахимова А. Р.</i> Пространственный коррелят «поверхность-глубина» в представлении знания о психической сфере человека.....	74
<i>Романкевич М. Н.</i> Стереотипные предикативные зоонимические ассоциации во французской лингвокультуре	78
<i>Романовская А.А.</i> Вербальная репрезентация концептуальных универсалий олимпийской классической мифологии	80
<i>Руда Н. В.</i> Универсальное и национальное в языковой репрезентации категории диминутивности.....	83
<i>Рудкивский А. П.</i> Теоретические предпосылки изучения типичного и национально-специфичного в системе фонем германских и славянских языков.....	86
<i>Рычкова Л. В.</i> Социально значимая специальная лексика в формировании аксиологической составляющей концептуальной картины мира.....	89
<i>Сахарова Р. Ф.</i> Фреймовый анализ глагола <i>радоваться</i> в немецком и белорусском языках	92
<i>Сдобнова Ю. Н.</i> К вопросу универсального и национального в языковой картине мира институциональной военной коммуникации: (на примере дискурса вооруженных сил Франции)	95
<i>Семьянкевіч А. В.</i> Кантрастыўна-супастаўляльны аналіз сінтаксічных адзінак беларускамоўных і нямецкамоўных блогаў	97
<i>Синяк В. Д.</i> Тактика компаративности в организационной коммуникации.....	100
<i>Сытько А. В.</i> Контрастивный анализ просодии сегментированного вопроса (на материале немецкого и белорусского языков)	101
<i>Тарасевич Л. А.</i> Пространства языка (на материале немецких и русских локативных предложных конструкций)	105
<i>Тихонова А. В.</i> Телескопичное словообразование в современном французском языке.....	107
<i>Фомина З. Е.</i> Универсальное и культурно-специфическое в немецких и русских белларических номинациях	109
<i>Фурашова Н. В.</i> Картина мира в неологизмах современного немецкого языка	112
<i>Хизбуллина Д. И.</i> О понятиях <i>добро</i> и <i>благо</i> в языковых картинах мира	115
<i>Чеботарская И. В.</i> Некоторые аспекты стратегий воздействия на общественное мнение в немецкой публицистике (на материале текстов журнала «Der Spiegel»).....	118
<i>Шеверинова О. В.</i> Личные имена как конструкты социальной действительности в творчестве В.П. Астафьева и Г. Бёлля	120

ТЕОРИЯ КОНСТРУКТИВИЗМА В ПРЕПОДАВАНИИ ЯЗЫКОВ

<i>Андрошук А. Г.</i> Теоретические основы психолингвистического измерения современного образования	123
<i>Бубнович И. И., Сипливея Ж. С.</i> Региональный краеведческий компонент как неотъемлемая составляющая учебного материала в преподавании РКИ.....	125
<i>Зозуля О. Л.</i> Фреймовый подход к семантизации сложных слов в обучении немецкому языку в неязыковых вузах	128

<i>Кадеева М. И., Бектурова Ж. Б.</i> Методические средства и приемы профилизации высшего образования в инновационном формате (на примере дисциплины «Юрислингвистика»).....	131
<i>Кныш Л. С.</i> Аўдзіраванне: перадтэкставыя і паслятэкставыя заданні і практыкаванні (пры выкладанні беларускай мовы як замежнай).....	134
<i>Коньшева А. В.</i> Проблема обучения межкультурной коммуникации студентов вуза	135
<i>Лаптева Н. Е.</i> Использование субъективных семантических пространств в процессе обучения немецкому языку.....	138
<i>Леванюк А. Я.</i> Адлюстраванне нацыянальнай самабытнасці беларусаў у афарыстычных выслоўях: лінгвакультуралагічны аспект	141
<i>Левонюк Л. Е.</i> Межкультурный подход в обучении иностранным языкам на неязыковых специальностях.....	143
<i>Назаренко Е. Н.</i> К вопросу о формировании коммуникативной компетенции при обучении немецкому языку (второй иностранный) на неспециальных факультетах в системе высшего образования	147
<i>Суворина Е. В.</i> Инновационные методы когнитивного анализа семантики слова	149
<i>Шилобрит Д. И.</i> Ролевая игра как средство осуществления коммуникации и преодоления языкового барьера.....	151

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

<i>Боровиков П. В.</i> «Звездные войны» как фактор межкультурной коммуникации	155
<i>Sommerfeld A.</i> Zur Bedeutung der Hermeneutik im interkulturellen Kontext	157
<i>Левковская Н. А.</i> Базовые информационные структуры в политическом дискурсе.....	159
<i>Петрищева Е. И.</i> Семантическая характеристика терминов родства (на материале разговорной и сленговой лексики немецкого и английского языков) ...	162
<i>Пивоварчик Т. А.</i> Синтагматические особенности русских и белорусских формул речевого этикета	165
<i>Плисов Е. В.</i> Проблемы конфессионализации языка религиозной сферы (на материале немецкого языка).....	168
<i>Повторуха Н. В.</i> Метрологическая лексика как фрагмент языковой картины мира в сопоставительном аспекте (на материале немецкого и украинского языков).....	170
<i>Романовская Е. И.</i> Белорусы сквозь призму восточной лингвокультуры.....	172
<i>Рымкевич О. Е.</i> Модально-смысловая структура политического комментария (на материале немецкого языка).....	176
<i>Соловьёва Р. В.</i> Тема-рематические основания модификации фразеологических единиц в газетном заголовке	178
<i>Цулая К. Д.</i> Полисемия колоризма <i>красный</i> в сопоставительном аспекте (на материале английского, немецкого, русского и украинского языков).....	180
<i>Шевцова В. А.</i> Национальное и универсальное в немецкой и русской фразеологии с цветообозначениями.....	182

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

<i>Бурдыка М. Я.</i> Параметры переклада слоў з нацыянальна-культурным кампанентам	186
<i>Галай О. М.</i> Специфика перевода фразеологических единиц библейского происхождения	189
<i>Зуевская Е. В.</i> Междометия современного немецкого языка и специфика их перевода на русский язык	191
<i>Иванова Т. Ф.</i> Использование переводческих трансформаций при передаче concessивных и каузальных отношений в деловой корреспонденции	194
<i>Курбаленко Н. В.</i> Трудности перевода немецких каузативных конструкций с глаголом <i>lassen</i> на белорусский язык	197
<i>Матвиенко О. В.</i> Украинский акцент в переводе П. А. Грабовского стихотворения К. Дж. Россетти «When i am dead, my dearest»	200
<i>Новоселова О. В.</i> Инструментальная функция конструкта при переводе менасивных конструкций	203
<i>Скакун Г. А.</i> Модальность побуждения как сфера проявления межъязыковой асимметрии (на материале немецкого и русского языков)	206
<i>Таболіч А. У.</i> Праблемы правапісу пазычаных слоў з англійскай мовы	209

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

<i>Белоконь С. А.</i> Автор и герой: возможность диалога	213
<i>Боровиков П. В.</i> Современное британское общество в романе З. Смит «Белые зубы»	215
<i>Викаjew А.</i> Das Gedicht „Der Freiwillige“ von Erich Fried (komplexe Analyse)	217
<i>Гронская В. Ч.</i> Пошукі сябе і духоўнага прытулку ў прозе Томаса Бернхарда	219
<i>Данилевич Д. И.</i> Отражение национальных особенностей в идейно-художественной структуре произведений А. Козлова и Дж. К. Оутс	222
<i>Колядко Н. В.</i> Индейское мировидение сквозь призму архетипической образности в романе Линды Хоган «Власть»	224
<i>Коноплева Н. Н.</i> Кельтский след в трагедии У. Шекспира «Макбет»	227
<i>Медведев В. Б.</i> «Der Rabbi von Bacherach» Г. Гейне: путь к культурно-языковой самоидентификации	229
<i>Мерчи А. П.</i> Художественное представление межличностного общения в авторском сопровождении прямой речи героев в рассказах А. И. Куприна и Дж. Лондона	232
<i>Половцев Д. О.</i> Особенности английского национального характера в творчестве Э. М. Форстера	235
<i>Попова-Бондаренко И. А.</i> Художественное своеобразие субкодов памяти в лирике Н. Закс и Х. Домин	238
<i>Поражинская И. Л.</i> Рецепция творчества Эльфриды Елинек в Австрии и во всем мире	241
<i>Привалова Е. П.</i> Технический дискурс в немецких романах для подростков рубежа XX – XXI вв.	243
<i>Сняк Е. П.</i> Трагедия «маленького человека» в повести Генриха Бёлля «Поезд прибывает по расписанию»	246
<i>Швайликова О. Е.</i> Историческое значение Первой мировой войны для культуры и литературы Англии	249

Научное издание

**УНИВЕРСАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ
В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА**

Материалы
Международной научной конференции

Минск, 2–3 октября 2015 г.

Ответственный за выпуск *Н. В. Фурашова*

Редакторы: *Е. М. Бобровская, О. С. Забродская, Е. И. Ковалёва*
Ст. корректор *С. О. Иванова*

Компьютерная верстка *П. Г. Терех*

Подписано в печать 13.10.2016. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 14,88. Уч.-изд. л. 17,31. Тираж 125 экз. Заказ 55.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2014 г. № 1/337. ЛП № 02330/458 от 23.01.2014 г.

Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.